

mystery

ПОТРАСАЮЩЕ!

Так же приковывает
внимание, как
«МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ».

*San Francisco
Examiner*

ДЖОН КОННОЛЛИ

**СОЗДАНИЯ СМЕРТИ,
СОЗДАНИЯ ТЬМЫ**

ЭКСМО

Пока не раскрыто зверское убийство жены и дочери Чарли Паркера, в его душе не найдется места другим чувствам, кроме горя и жажды возмездия.

В прошлом нью-йоркский детектив, он по просьбе бывшего напарника отправляется на поиски исчезнувшей девушки. И ждет его на этом пути чернокожая женщина, способная внимать голосам мертвых. И опасный, как гремучая змея, главарь мафии. И серийный убийца с уникальным «почерком» — он мнит себя художником, и человеческое тело служит ему холстом. А больше об этом человеке не известно ничего, за исключением прозвища — Странник...

Джон Коннолли

Создания смерти, создания тьмы

Пролог

В машине холод, как в склепе, но мне именно это и нужно. Я предпочитаю включать кондиционер на полную мощность, чтобы не давать себе расслабляться. Тихо работает радио, но сквозь шум мотора упрямо пробивается мелодия, это ранний REM¹¹, и можно разобрать слова: что-то о плечах и дожде. В восьми милях отсюда остался Корнуэльский мост. Скоро я доберусь до Южного Ханаана, затем пересеку его, ну а дальше — граница штата, и за ней — Массачусетс. Далеко впереди постепенно тускнеет солнце, и день, истекая кровью заката, медленно бледнеет, неотвратно вползая в ночь.

* * *

В ночь их смерти первой прибыла патрульная машина, рассекая ночную тьму светом фар. Двое патрульных держались с тактичной сдержанностью, сознавая, что приехали по вызову своего коллеги-полицейского, оказавшегося в роли жертвы.

Я сидел в прихожей нашего дома в Бруклине, обхватив руками голову. Патрульные вошли в кухню, где и увидели останки моих жены и ребенка. Я отрешенно наблюдал, как один из полицейских поднялся наверх. А второй проверил гостиную и столовую. Но все это время кухня неудержимо влекла их к себе, призывая в свидетели.

Я слышал, как они сообщили в отдел по расследованию убийств о вероятном двойном убийстве. В их голосах отчетливо слышалось потрясение, но, надо отдать им должное, они постарались насколько можно бесстрастно описать увиденное, как и следует знающим свое дело полицейским. Не исключено, что даже тогда у них имелись подозрения на мой счет. Эти ребята служили в полиции, и кому, как не им, было известно, на что оказываются способны люди, не исключая тех, кто входил в их ряды.

Храня молчание, патрульные разделились: один занял место у машины, а другой остался со мной в прихожей. Молча мы дождались приезда детективов, вслед за которыми подъехала машина скорой помощи. Детективы прошли в дом под недоуменными взглядами соседей, наблюдавших за происходящим из окон своих домов. Некоторые подходили ближе, желая узнать, что могло произойти с живущей по соседству молодой парой, у которой такая славная белокурая малышка-дочка.

— Берд, — разрушил оцепенение знакомый голос. Я провел рукой по лицу, и только теперь тело мое сотряслось от рыданий. Рядом со мной стоял Уолтер Коул, за ним, немного поодаль, — Макги. В свете мигалок лицо Уолтера сохраняло бледность — отпечаток увиденного в кухне кошмара. Снаружи донесся звук вновь прибывших машин. Остановившаяся у крыльца санитарная карета привлекла внимание Коула.

— Медэксперт здесь, — объявил один из патрульных, рядом с которым стоял худощавый молодой человек без кровинки в лице. Коул кивнул, жестом указывая в сторону кухни.

— Бердман, так ты расскажешь мне, что здесь произошло? — голос Коула звучал настойчиво и жестко.

* * *

Я въезжаю на стоянку перед цветочным магазином. Легкий ветер играет полами моего пальто, и они, словно детские руки, касаются моих ног. В магазине прохладно, пожалуй даже холодно. В воздухе разлит пьянящий аромат роз. Розы — цветы на все случаи жизни, и спрос на них есть всегда.

Пожилой мужчина, склонясь над маленькими зеленым растеньицем, придирчиво рассматривает его мясистые, словно покрытые воском листья. При виде меня он с трудом разгибается:

— Добрый вечер, сэр. Чем могу служить?

— Мне нужны розы. Выберите дюжину, нет, лучше две дюжины.

— Две дюжины роз, хорошо, сэр, — повторяет старик. Преодолевая боль и едва сгибая колени, отправляется выполнять заказ. На вид ему чуть больше шестидесяти. Он крепко сложен и совершенно лыс. Суставы его пальцев вздулись от артрита.

— Кондиционер барахлит, — поясняет он, и, проходя мимо допотопного щита управления, поворачивает регулятор, но без какого-либо эффекта.

Магазинчик расположен в здании старой постройки. Сквозь дальнюю стену видна примыкающая к нему теплица. Открыв дверь, старик осторожно выбирает розы из бадьи с водой. Отсчитав двадцать четыре штуки, он укладывает цветы на расстеленную пленку.

— Может быть, подарочную упаковку?

— Нет, пленки достаточно.

Старик взглядывается в меня, и я ясно вижу, что он силится меня вспомнить.

— Мне кажется, я вас знаю. Где-то я вас видел.

В суете больших городов людские воспоминания улечиваются быстро. А чем дальше в глубинку, тем крепче у людей память.

* * *

Дополнительный отчет об уголовном преступлении

Регистрация: номер дела 96–12 — 1806

Разряд: убийство

Жертва: Сьюзен Паркер, без лица

Дженнифер Паркер, без лица

Место преступления: Хобарт-стрит, 1219, кухня

Дата: 12 декабря 1996 года.

Время: предположительно 21:30

Способ убийства: колотые раны

Орудие: предмет с заостренным лезвием, возможно, нож (не обнаружено)

Отчет составил: Уолтер Коул, детектив, сержант.

13 декабря 1996 года я прибыл на Хобарт-стрит, 1219 по вызову патрульного офицера Джеральда Керша в связи с заявлением о совершенном убийстве.

По словам заявителя, детектива второго разряда Чарльза Берда Паркера, он покинул дом в 19:00 после ссоры с женой Сьюзен. Он направился в бар «Дуб Тома», где и пробыл до 1 часа 30 минут пополуночи 13 декабря. Вернувшись домой через парадную дверь, Паркер

обнаружил в прихожей разбросанную мебель. Жену и дочь он нашел в кухне. Как следует из его рассказа, жена была привязана к стулу, а тело дочери, по всей видимости, перенесли со стоящего рядом стула, где оно раньше находилось, и уложили на тело матери. Полиция была вызвана им в 1 час 55 минут, и он оставался в доме до ее приезда.

Жертвы, опознанные детективом Паркером, — его жена Сьюзен Паркер 33 лет и дочь Дженнифер Паркер 3 лет — находились на кухне. Тело первой было привязано к стулу. Рядом стоял еще один стул, на стойках спинки которого остались веревки. Ребенок лежал лицом вверх поперек тела матери.

На Сьюзен Паркер были надеты голубые джинсы и белая блузка, разорванная и опущенная до талии; грудь обнажена, брюки и белье спущены до икр. На Дженнифер Паркер — белая ночная рубашка в голубой цветочек. Обе жертвы босые.

Я дал указание сотруднику лаборатории Энни Минела провести подробное обследование. После того как медэксперт Кларенс Холл констатировал факт смерти, тела жертв в моем сопровождении были увезены в морг. Спустя некоторое время доктор Лоуб предоставил в мое распоряжение следующие вещественные доказательства и образцы:

- 96-12 — 1806 М 1: белая блузка с тела Сьюзен Паркер, жертвы № 1
- 96-12 — 1806 М 2: голубые хлопчатобумажные джинсы с тела жертвы № 1
- 96-12 — 1806 М 3: голубое нижнее белье с тела жертвы № 1
- 96-12 — 1806 М 4: образцы лобковых волос жертвы № 1
- 96-12 — 1806 М 5: вагинальная проба жертвы № 1
- 96-12 — 1806 М 6: соскобы из-под ногтей с правой руки жертвы № 1
- 96-12 — 1806 М 7: соскобы из-под ногтей с левой руки жертвы № 1
- 96-12 — 1806 М 8: образцы волос с головы жертвы № 1, правая сторона, перед
- 96-12 — 1806 М 9: образцы волос с головы жертвы № 1, левая сторона, перед
- 96-12 — 1806 М 10: образцы волос с головы жертвы № 1, правая сторона, затылок
- 96-12 — 1806 МП: образцы волос с головы жертвы № 1, левая сторона, затылок
- 96-12 — 1806 М 12: бело-голубая ночная рубашка с тела Дженнифер Паркер (жертва № 2)
- 96-12 — 1806 М 13: вагинальная проба жертвы № 2
- 96-12 — 1806 М 14: соскобы из-под ногтей правой руки жертвы № 2
- 96-12 — 1806 М 15: соскобы из-под ногтей левой руки жертвы № 2
- 96-12 — 1806 М 16: образцы волос с головы жертвы № 2, правая сторона, перед
- 96-12 — 1806 М 17: образцы волос с головы жертвы № 2, левая сторона, перед
- 96-12 — 1806 М 18: образцы волос с головы жертвы № 2, правая сторона, затылок
- 96-12 — 1806 М 19: образцы волос с головы жертвы № 2, левая сторона, затылок

* * *

Это была еще одна крупная и ожесточенная ссора, разгоревшаяся сразу после того, как мы занимались любовью, что еще прибавило ей остроты. Тлеющие угли прошлых обид и упреков вспыхнули вмиг яростным, обжигающим пламенем: мне напомнили и о частых выпивках, и о недостатке внимания к Дженнифер, и о приступах желчности и жалости к себе. Я выбежал из дома вне себя от злости, а вслед мне летели в ночь гневные упреки Сьюзен.

Бар был в двадцати минутах ходьбы от дома. Первая рюмка обожгла все внутри, постепенно унося напряжение. А дальше по мере того, как я напивался, знакомые чувства с привычной закономерностью накатывали на меня, сменяя друг друга, как волны прибоя: сначала гнев, затем тупое оцепенение, а вслед за ними — грусть, угрызения совести, внутреннее сопротивление и обида. К тому времени, как я покинул бар, в нем оставался костяк самых стойких пьянчуг и забулдыг, упорно старавшихся перекричать музыкальный автомат. Запнувшись за порог, я скатился со ступенек, больно ободрав колени о гравий у подножия лестницы.

Потом я потащился домой, чувствуя себя скверно, как никогда. Когда меня заносило с тротуара на дорогу, водители с испуганными и злыми лицами бросали машины в сторону, чтобы избежать столкновения.

Мне не сразу удалось выудить из кармана связку ключей. Стараясь попасть в скважину, я поцарапал ключом краску под ней. И... надо признать, что отметин таких там было уже полным-полно.

Я почувствовал неладное, как только оказался в прихожей. Когда я уходил, дом дышал теплом. Отопление работало на полную мощность, потому что Дженнифер постоянно мерзла. Она была прелестным ребенком, но болезненным и хрупким, как фарфоровая ваза. Теперь же дом встретил меня могильным холодом. На полу валялась опрокинутая подставка для цветов из красного дерева. Половинки расколотого горшка лежали на груде земли, откуда уродливо раскорячившись, торчали обнажившиеся корни пуансетии.

Я позвал Сьюзен, потом еще раз и еще; с каждым разом все громче и громче. Хмель улетучивался с необыкновенной быстротой. Я собирался подняться наверх в спальню и поставил уже ногу на ступеньку, как вдруг дверь черного хода с пушечным грохотом ударилась о шкафчик с раковиной. Моя рука инстинктивно потянулась к кольцу, но оружие осталось лежать в спальне на тумбочке, куда я бросил его перед тем, как обратиться к Сьюзен и начать новую главу в повести о нашем умирающем браке...

Прижимаясь к стене, я осторожно продвигался к кухне, ощущая пальцами холод стен. Дверь кухни была закрыта, но неплотно, я медленно приоткрыл ее.

— Сьюзи, — позвал, переступая порог, и сразу поскользнулся, попав ногой во что-то мокрое и липкое. Я поднял глаза, и земля разверзлась передо мной, открывая путь в ад...

* * *

Хозяин цветочного магазина озадаченно прищуривается.

— Я уверен, что встречал вас раньше, — добродушно тыча в меня пальцем, объявляет он.

— Нет, не думаю.

— Вы сами из этих краев? Может быть, живете в Ханаане, Монтерее или Отисе?

— Нет, я не из этих мест, — возражаю я, и мой взгляд говорит старику, что лучше не углубляться в эту тему. Тот правильно понимает намек и отступает. Я собираюсь расплатиться по кредитной карточке, но меняю решение и достаю кошелек. Отсчитав причитающуюся сумму, я оставляю деньги на прилавке.

— Не из этих мест, — повторяет старик и кивает головой, словно в словах этих распознает особый глубокий смысл. — Да, должно быть, вы из большого города. Мне

доводилось встречать парней из таких мест.

Но я уже направляюсь к двери. Отъезжая, я бросаю взгляд на окно и замечаю в нем старика, который пристально смотрит мне вслед. Лежащие на заднем сиденье розы роняют на пол тяжелые капли воды...

* * *

Из отчета об уголовном преступлении

Дело № 96–12 — 1806

Сьюзен Паркер сидела на стуле лицом к двери кухни. Голова находилась на расстоянии 10 футов 7 дюймов от северной стены и 6 футов 3 дюйма от восточной. Сведенные сзади руки были...

* * *

...прикручены тонким шнуром к задним стойкам стула, а ноги притянуты к ножкам. Волосы скрывали лицо, и мне показалось, оно сплошь залито кровью, так что не оставалось видно кожи. Ее голова была запрокинута, и рассеченное горло зияло как второй окровавленный рот, застывший в безмолвном крике. На коленях Сьюзен лежала наша дочь, и ее рука безжизненно свисала между ног матери.

Все вокруг было залито кровью, будто комната оказалась сценой кровавой мести в кем-то поставленной чудовищной трагедии. Даже потолок был забрызган кровью. Казалось, сам дом получил смертельные раны. Густым плотным слоем кровь растеклась по полу, и мое отражение тонуло в этой алой вязкой гуще.

* * *

У Сьюзен Паркер сломан нос. Возможно, причиной стал удар об стену или пол. Кровавый след на стене рядом с дверью в прихожую содержал костные частицы, волоски из полости носа и слизь...

* * *

Сьюзен попыталась бежать, чтобы позвать на помощь и спасти себя и нашу дочь. Но дальше двери ей добраться не удалось. Там он настиг ее, схватил за волосы и ударил о стену, а затем поволок к стулу, где она встретила свою смерть.

* * *

Тело Дженнифер Паркер было распростерто лицом вверх на бедрах матери. Рядом

находился еще один стул. Привязанный к его спинке шнур совпадал со ссадинами, оставшимися на запястьях и щиколотках Дженнифер Паркер.

* * *

Вокруг Дженни крови было немного, но поток крови из глубокой раны на горле оставил след на ее рубашке. Ее обращенное к двери лицо скрывали волосы; несколько прядей прилипло к крови на груди. Пальцы босых ног почти касались плиток пола. Я взглянул на нее всего лишь мельком, потом взгляд мой устремился к Сьюзен. И мертвая она притягивала меня, как привлекала при жизни, даже среди мешанины обломков, в которые превратилась наша семейная жизнь.

Стоило мне посмотреть на нее, как ноги мои подкосились. Я сполз на пол, и из груди моей вырвался вопль, похожий одновременно на звериный вой и детский плач. Я смотрел в оцепенении на красивую женщину, что была моей женой, и ее окровавленные пустые глазницы затягивали меня в свою мертвую темноту.

* * *

У обеих жертв выколоты глаза, возможно, в качестве орудия использовался острый инструмент типа скальпеля. С груди Сьюзен Паркер частично снята кожа. Пласт кожи от ключицы до пупка частично снят, поднят вверх над правой грудью и отвернут на правую руку.

* * *

Через окно за их спинами в кухню вливался лунный свет, и, залитая им, холодом поблескивала кафельная плитка на стенах, гладкие поверхности кухонной мебели, водопроводные краны. Свет луны коснулся волос Сьюзен, посеребрил ее обнаженные плечи и местами просветил тонкую ткань снятой кожи, брошенной на руку, словно накидка, но накидка слишком ненадежная, чтобы уберечь от холода.

* * *

У обеих жертв отмечены значительные повреждения в области половых органов и...

* * *

...а ПОТОМ ОН ЛИШИЛ ИХ ЛИЦ.

Быстро гаснут сумерки, и в наступающей темноте свет фар выхватывает голые ветви деревьев, края аккуратных газонов, чистенькие беленькие почтовые ящики, перед одним из гаражей лежит детский велосипед. Ветер крепчает, и там, где нет защиты деревьев, его порывы чувствуются даже в машине. Теперь я направляюсь в сторону Беккета, Вашингтона, к Беркширским холмам. Приблизительно в те края.

Следов взлома не обнаружено. Проведены подробные замеры и составлено детальное описание комнаты. После этого тела были убраны.

Поиск отпечатков дал следующие результаты:

Кухня (прихожая) гостиная — выявленные качественные отпечатки при сличении совпали с отпечатками Сьюзен Паркер (96–12 — 1806 — 7), Дженнифер Паркер (96–12 — 1806 — 8) и Чарльза Паркера (96–12 — 1806 — 9).

Дверь черного хода — пригодных для исследования отпечатков не обнаружено; следы воды на поверхности указывают на то, что дверь была протерта. Свидетельства грабежа отсутствуют.

При обследовании на телах жертв отпечатков не выявлено.

Чарльз Паркер был доставлен в отдел по расследованию убийств, где дал показания (прилагаются).

Я хорошо сознавал, что происходит вокруг меня, когда находился в комнате для допросов: сколько раз я сам проделывал эту процедуру. Они снимали с меня показания, как я в свое время опрашивал других, и использовали такие же стандартные обороты речи, которыми пользовался и я: «А каким было ваше следующее действие?», «Можете ли вы восстановить в памяти, где находились в баре другие посетители?», «Вы обратили внимание на состояние замка на двери черного хода?». Это хитрый специальный жаргон, предшествующий той юридической абракадабре, что окутывает любое уголовное расследование, как сигаретный дым в баре.

Когда я закончил давать показания, Коул связался с баром, и ему подтвердили мои слова. Я находился именно там, где сказал, и поэтому, не мог стать убийцей своей жены и дочери.

Но и после выяснения этих обстоятельств шепоток за моей спиной не стихал. Меня снова и снова допрашивали расспросами о нашем со Сьюзен браке, о моих отношениях с ней и о том, чем я занимался на протяжении нескольких недель предшествовавших убийству.

По страховке Сьюзен ко мне переходила значительная сумма, и этот факт также не остался без снятия тех, кто изводил меня вопросами.

Из заключения медэксперта следовало, что к моменту моего возвращения Сьюзен и

Дженнифер были мертвы не менее четырех часов. На это указывала степень окоченения мышц шеи и нижней челюсти. В таком случае убийство произошло около 21 часа 30 минут или немного раньше.

Смерть Сьюзен наступила в результате рассечения сонной артерии, но Дженни... Как было сказано в медицинском заключении, она умерла вследствие резкого насыщения организма адреналином, вызвавшего мерцание (фибрилляцию) желудочков сердца, что и послужило причиной смерти. Другими словами, жизнь нежной, легко ранимой и такой восприимчивой Дженни оборвалась от испуга прежде, чем убийца перерезал ей горло. Когда ее лишили лица, она была мертва. Такое заключение сделал медэксперт. Но в отношении Сьюзен этого сказать он не мог. Он также не нашел объяснения тому, почему тело Дженнифер переместили после ее смерти.

* * *

*В процессе расследования будут предоставляться соответствующие отчеты.
Детектив, сержант Уолтер Коул*

* * *

Мое алиби — это алиби жалкого пьянчуги: в то время, как некто отбирал жизнь у моей жены и ребенка, я глушил в баре бурбон. Но они продолжают навещать меня в снах, иногда я вижу их улыбающимися и прекрасными, как в жизни, а иногда они предстают передо мной безликие и окровавленные, какими их застала смерть, и они манят меня, чтобы завлечь в бездонную пропасть тьмы, где нет места любви, где нашло себе пристанище и затаилось зло в окружении тысяч незрячих глаз и мертвых, отделенных от тел лиц.

Когда я добираюсь до места, уже успевают стемнеть, и на воротах висит замок. Но перебраться через низкую стену не составляет труда. Я продвигаюсь осторожно, чтобы не наступить на надгробия и не затоптать цветы. И вот я стою перед ними. Даже в темноте мне легко найти к ним путь, и они тоже знают дорогу ко мне.

Они навещают меня, когда я нахожусь в полусне, в призрачной полосе на грани сна и бодрствования. Обычно это происходит в предрассветной тишине, когда бледный свет утра робко просачивается сквозь неплотно задернутые шторы. В это время они и появляются, моя жена и дочь. В полумраке я различаю их очертания. Они молча взирают на меня обгаренные кровью, принявшие мученическую смерть. Они приходят, и их дыхание, соединяясь с легким утренним ветерком, касается моих щек, а ветви деревьев, словно пальцы, стучатся в мое окно. И когда они приходят, я не чувствую себя одиноким.

Часть 1

*Я — все, что мертво... Я — пустоты и тьмы, и смерти
порожденье... всего того, чему ничто название.*

Джон Донн, «Ноктюрн ко дню святой Люси»

Официантка лет пятидесяти была одета в черную, плотно облегающую фигуру юбку, белую блузку и черные туфли на высоком каблуке. Пышные формы сопротивлялись тугой одежде и активно просились на свободу, выпирая, где им удавалось. Создавалось впечатление, что по дороге на работу тело женщины самым загадочным образом вдруг разбухло, как на дрожжах. Каждый раз, наливая мне кофе, она называла меня «милым». Особенно радовало, что больше она не говорила ничего.

Уже битых полтора часа я сидел у окна, пялясь на особняк напротив. Должно быть, официантка прикидывала про себя, долго ли еще я намерен здесь торчать и собираюсь ли расплачиваться. Улицы наводнили покупательницы, совершавшие рейд по магазинам, в поисках выгодных покупок. Поджидая, пока толстяк Олли Уоттс соизволит выбраться из своей норы, я успел прочитать от корки до корки «Нью-Йорк таймс» и даже ни разу не клянул носом. Но мое терпение было на исходе.

В минуты слабости я иногда подумывал о том, чтобы отказаться по будням от «Нью-Йорк таймс» и покупать только воскресный выпуск, тогда оправдать покупку можно было бы толщиной издания. Был еще один вариант: перейти на чтение «Пост», но в этом случае, пожалуй, пришлось бы заняться вырезанием купонов, а потом спешить с ними в магазин за причитающейся скидкой.

Мне вспомнилась одна история о том, как медиа-магнат Руперт Мердок^[2], купив в 80-х годах «Пост», предложил руководству фирменного универмага «Блумингдейл» размещать рекламу в его газете, на что глава торгового дома удивленно поднял брови: «Проблема в том, мистер Мердок, — ответил он, — что ваши читатели воруют у нас товар». Нельзя сказать, что я очень жалею эту фирму, но на «Пост» мне подписываться расхотелось.

В это утро чтение «Таймс» не вызвало у меня ничего, кроме раздражения. В газете я вычитал, что Хансел Макги, судья Верховного суда штата (кое-кто причислял его к самым худшим судьям Нью-Йорка) собрался в декабре на пенсию и, возможно, он будет избран в совет корпорации по делам здравоохранения.

Меня чуть не вывернуло от одного вида его имени. В 80-е в суде под его председательством рассматривалось дело по заявлению женщины, изнасилованной, когда ей было девять лет, служителем парка «Пелем Бей», пятидесятичетырехлетним Джеймсом Джонсоном, уже имевшим судимости за грабеж, нападение и изнасилование.

Суд присяжных предложил назначить женщине выплату в размере трех с половиной миллионов долларов, но Макги отклонил эту резолюцию.

— Да, невинное дитя подверглось гнусному насилию, — заявил он, — но жизнь в современном обществе сопряжена с риском, и это один из таких примеров.

В то время такой вердикт представлялся мне бессердечным и абсурдным основанием для отклонения постановления. Но после трагедии, произошедшей с моей семьей, его взгляды казались мне еще более гнусными: я усматривал в них симптом крушения добра перед лицом торжествующего зла.

Вычеркнув из памяти Макги, я набрал на мобильном телефоне нужную комбинацию и принялся ждать, глядя на окно верхнего этажа несколько запущенного дома напротив. Трубку сняли только после третьего звонка, и женский голос откликнулся настороженным шепотом. Мне был слышен приглушенный шум голосов и скрип двери бара, цепляющей пол.

— Можешь передать своему толстозадому дружку, что я собираюсь его арестовать и для него лучше не заставляя меня за ним гоняться. Я здорово устал и по такой жаре бегать, высунув язык, не намерен, — больше распространяться я не стал: не в моих это правилах. Дал отбой и вышел из кафе, оставив на столе пять долларов. Теперь надо было подождать, пока у толстяка Олли Уоттса сдадут нервы.

Город изнывал от влажной духоты, конец мученьям должны были положить грозовые дожди, которые синоптики обещали на следующий день. В такую жару самая подходящая одежда — футболка и легкие брюки, да и темные очки не помешают. Ну а тем, кому по штату положено ходить в костюме, вынуждены как следует попариться, когда приходится оставлять блаженную прохладу контор. Не было ни малейшего ветерка, чтобы хоть немного сбить жару.

* * *

За два дня до этого я сидел в крохотной конторе Бенни Лоу в престижном жилом районе Бруклин-Хайтс. Одиноким настольный вентилятор добросовестно, но без заметного эффекта, месил тягучую духоту. Через открытое окно с Атлантик-авеню доносилась арабская речь, и тянуло кухонными ароматами из «Звезды Марокко», находившейся за полквартиры от конторы Бенни. Бенни Лоу был мелким поручителем, благодаря которому толстяк Олли получил свободу до суда. Тот факт, что он недооценил веру Уоттса в систему правосудия, были одной из причин, по которой Бенни продолжал оставаться мелким поручителем.

Сумма, предложенная за Олли была вполне приемлемой, а в таких заведениях встречалось кое-что похитрее и пошустрее большинства бегунов. Залог в пятьдесят тысяч долларов стал промежуточным этапом в конфликте между Олли и силами правопорядка по вопросу о владении «шевроле-береттой» 1993 года выпуска, 300-м «мерседесом» выпуска 1990 года и несколькими крутыми спортивными тачками, попавшими к Олли незаконным путем.

Удача отвернулась от толстяка, когда острый глаз патрульного, хорошо знавшего, что Уоттс далеко не мальчик из церковного хора, узрел под брезентом контуры «шевроле», номера которого бдительный страж не поленился проверить.

Понятно, они оказались фальшивыми. К Олли нагрянула полиция, его арестовали и учинили допрос. Он предпочитал помалкивать, а, едва его выпустили под залог, упаковал вещички и ударился в бега, чтобы его не донимали вопросами о том, кто оставил машины на его попечение. Имелись предположения, что здесь не обошлось без младшего Ферреры, или, как его называли, Санни — «Сынка», действительно приходившегося сыном главе одной из преступных группировок. Ходили слухи о сильных трениях, возникших в последние недели между отцом и сыном, но чем они вызваны, оставалось тайной.

* * *

— Это все гребаные «дружеские» междусобойчики, — так об этом высказался в тот день Бенни.

— Толстяк Олли имеет к этому отношение?

— А хрен его знает. Сходи к Феррере, да и спроси. Я об этом ничего не знаю.

Я посмотрел на Бенни. Насколько мне было известно, его голова навсегда распрощалась с шевелюрой, когда Бенни едва перевалило за двадцать. Гладкий, как колесо, череп поблескивал капельками пота. Красные обвисшие щеки напоминали оплывший воск. В его крохотной конторке держался стойкий тяжелый дух: смесь пота с плесенью. Я бы не мог точно сказать, почему согласился взяться за это дело. Материальная сторона меня не интересовала: я получил страховку, продал дом, деньги имелись и на некогда общем счете; в моем распоряжении также находилась сумма из пенсионного фонда. Деньги Бенни Лоу не делали погоды. Скорее всего, мне нужно было чем-то себя занять.

— Ты что так на меня уставился? — Бенни судорожно сглотнул.

— Бенни, ты же меня хорошо знаешь, верно?

— Ну и что с того? Тебе что, рекомендации понадобились? Или как? — он развел в стороны пухленькие ручки и рассмеялся, но как-то не очень уверенно.

— Ну, что смотришь? — повторил он. Голос его дрогнул и на лице отразился испуг.

Я знал, что все месяцы после трагедии мне постоянно перемывали кости: обсуждались мои поступки и строились всевозможные предположения. Взгляд Бенни дал мне понять, что с некоторыми из них он соглашался...

Была в поспешном бегстве Олли какая-то несуразность. Не первый раз Уоттс попадался в связи с краденными автомобилями, хотя на этот раз сумму залога увеличили из-за подозрения в причастности к делу семьи Феррера. У Олли надежный адвокат, способный свести состав преступления к изготовлению фальшивых номеров. Для бегства не было видимых оснований, как и не было причины, чтобы толстяк стал рисковать жизнью, признавая участие Санни в таком деле, как это.

— Ничего, Бенни, все в порядке. Я просто, безо всяких задних мыслей. Если что-либо узнаешь, дай мне знать.

— Конечно, будь уверен, — напряженное выражение исчезло с его лица. — Если что, ты первый обо всем узнаешь.

Выходя из комнаты, я услышал, как он что-то пробормотал себе под нос. Не могу передать точно, но было очень похоже, что Бенни Лоу сказал, что я убийца, как и мой отец.

Почти весь следующий день я угробил на то, чтобы выведать адрес нынешней подружки Олли, и меньше часа мне потребовалось, чтобы узнать, у нее ли он скрывается. А сделать это оказалось легче легкого: достаточно было получить сведения о том, что за еда доставлялась по известному мне адресу.

Олли до умопомрачения любил тайскую кухню и даже в бегах был не в силах от нее отказаться. Люди очень цепко держатся за свои привычки и этим часто выдают себя. Они продолжают выписывать те же газеты, едят там, где привыкли, вызывают тех же женщин, спят с теми же мужчинами. Стоило мне припугнуть санинспекцией хозяина одного из восточных заведений под названием «Бангкокский дом солнца», и я сразу же получил подтверждение, что заказы доставлялись на имя некой Моника Малрейн, проживающей в районе Астория. Ну а дальше было утро и обычная чашка кофе, чтение «Нью-Йорк таймс», а затем я позвонил Олли и поднял его с постели.

Через четыре минуты после моего звонка входная дверь дома № 2317 открылась, и показалась голова Уоттса, а потом и весь он вывалился наружу и со слоновьей грацией зашепшил вниз по ступенькам. Выглядел он нелепо до крайности: огромное, как дирижабль, брюхо опоясывал эластичный ремень, жидкие пряди волос обрамляли лысую макушку.

Вероятно, Моника Малрейн на самом деле любила его, если оставалась с ним, хотя знала, что денег у толстяка нет, а уж красавчиком его и слепой не назвал бы, это точно. Как ни странно, Олли и у меня вызывал симпатию.

Уоттс уже ступил на тротуар, когда из-за угла выбежал трусцой какой-то тип в тренировочном костюме с наброшенным капюшоном. Дальше все произошло очень быстро: «бегун» поравнялся с Олли и трижды пальнул в него из пистолета с глушителем. Рубашка Олли из чисто-белой вмиг стала в красный горох, и он грузно рухнул на землю. Стоя над Олли, «бегун» выстрелил ему в голову. Пистолет он держал в левой руке.

Кто-то громко вскрикнул. Я увидел на пороге дома, из которого выскочил Уоллес брюнетку. Как оказалось, это и была Моника Малрейн. Она замерла на мгновение, а затем бросилась к Олли, упала на колени, с криком прижимая к себе его окровавленную голову. «Бегун» отступил, и остался в стороне, пританцовывая. Он напоминал боксера, ждущего удара гонга. Затем он подскочил ближе, рассчитанным движением выстрелил женщине в макушку, и она упала на тело Олли, обнимая его голову. Прохожие, ставшие свидетелями этого убийства, в панике разбежались, ища укрытия за автомобилями и в магазинах. Проезжавшие машины резко тормозили.

«Бегун» бросился наутек. Я в это время находился на другой стороне улицы, сжимая в руках свой «смит-вессон». Он бежал опустив голову, по-прежнему держа оружие в левой руке. Несмотря на перчатки, пистолет он не бросил. Объяснений могло быть два: либо оружие имеет характерные особенности, или он просто дурак. Я склонялся ко второму.

Мне почти удалось его догнать, но в этот момент из-за угла улицы появился черный «шевроле» с тонированными стеклами и остановился, поджидая «бегуна». Я оказался перед дилеммой: не выстрелю — упущу его, а открою стрельбу — не поздоровится от полиции. Но выбор сделан. Парень был уже почти у «шевроле», когда я дважды нажал на курок. Первая пуля попала в дверцу машины, а вторая пробила ему правую руку ниже плеча. Он обернулся и два раза пальнул в меня. Увернувшись, я увидел его широко раскрытые, лихорадочно блестящие глаза — глаза сильно испуганного человека.

Парень вновь бросился было к «шевроле», но водителя вспугнули мои выстрелы, и он нажал на газ, оставляя убийцу толстяка Олли Уоттса на произвол судьбы. Прогремел еще один выстрел — окно в машине слева от меня брызнуло осколками. Послышались крики и нарастающий вой сирены.

«Бегун» кинулся к переулку, оглядываясь на топот моих ног. Я завернул за угол, и в ту же минуту просвистевшая над моей головой пуля ударилась в стену, обдав меня цементной пылью. Я осторожно выглянул из-за угла. Мой противник уже добрался до середины переулка. Ему оставалось совсем немного, чтобы выскочить на соседнюю улицу и смешаться с толпой.

В конце переулка на несколько мгновений наметился просвет в толпе, и я решил рискнуть. Солнце светило мне в спину. Я выпрямился и дважды быстро выстрелил. Боковым зрением я заметил, как люди, что были рядом с киллером, бросились врассыпную, как голуби от брошенного в них камня. Убегавший дернул плечом: мои пули попали в цель. Я крикнул, чтобы он бросил оружие, но он в ответ повернулся и вскинул левую руку с пистолетом. Вильнув в сторону, я выстрелил с двадцати футов дважды подряд. Пуля раздробила парню колено. Он привалился к стене, а пистолет его отлетел в сторону к мусорным бакам.

Подбегая, я видел его посеревшее лицо, и искривленный болью рот. Левая рука хватала

воздух возле изуродованного колена, не касаясь раны. Но в глазах киллера по-прежнему горел огонь, и мне показалось, что я слышу его насмешку. Рывком парень поднялся с земли и запрыгал на одной ноге к выходу из переулка. Нас разделяли каких-нибудь пятнадцать футов, но внезапно его смешок утонул в визге тормозов остановившейся за ним машины. Я увидел, как черный силуэт уже знакомого «шевроле» перекрыл переулок. Стекло со стороны пассажира опустилось, и темноту внутри разорвала одиночная вспышка.

Убийца дернулся и упал ничком. По телу его пробежала судорога, а на спине куртки расплзлось красное пятно. Последовал еще один выстрел, и из затылка лежавшего ударил кровавый фонтан. Он скользнул лицом по дорожной грязи и замер. Не теряя времени, я метнулся за мусорные баки, и как раз вовремя: над моей головой в стену вонзилась пуля, буквально пробуравив ее. Стекло «шевроле» плавно поднялось, и машина умчалась в восточном направлении.

Я подбежал к телу «бегуна». Струящаяся из ран кровь образовывала вокруг него темно-красный ореол. Сирены ревели уже совсем рядом, а я стоял над трупом, и видел, как народ тарасит на меня глаза.

Через несколько минут подоспела патрульная машина. Я ждал их с поднятыми руками. Пистолет лежал передо мной, а рядом — разрешение на его ношение. Тут же сочилось кровью тело убийцы толстяка Олли. Вокруг его головы успела собраться приличная лужица, сомкнувшаяся с красным ручьем, медленно застывавшим в сточной канаве.

Патрульный постарше держал меня под прицелом, а тот, что помоложе припечатал к стене, причем совсем необязательно было так усердствовать. Я дал ему на вид года 23–24, а наглости этому парню было не занимать.

— Вот черт! Сэм, слушай, — обратился он к напарнику, — да у нас здесь вылитый Эрп Уайэт, судебный исполнитель. Устроил пальбу, как будто тут ему «Хай Нун».

— Уайэт там никогда не был, — заметил я, в то время, как старший патрульный проверял мои документы. За это замечание молодой отвесил мне удар по почкам, от которого я упал на колени.

— А скажи-ка, крутой умник, — поинтересовался он, — за что ты его?

— Тебя рядом не было, — скрипнул зубами я, — попадись мне ты, пристрелил бы вместо него.

Молодой разозлился и собрался надеть на меня наручники, но напарник остановил его.

— Не надо, Харли.

Голос показался мне знакомым. Я бросил взгляд через плечо и узнал Сэма Риса (нам приходилось в свое время встречаться по службе). Он также вспомнил меня. Мне показалось, что вся ситуация ему сильно не по душе.

— Он раньше служил в полиции. Оставь его в покое.

После этого мы молча стали дожидаться остальных.

* * *

Подъехала еще пара бело-голубых полицейских машин. Потом прибыл еще один автомобиль, грязно-коричневого цвета «нова», и из него вышел мужчина в штатском. Я увидел, что ко мне направляется Уолтер Коул собственной персоной. Не виделись мы почти полгода, с тех пор, как его произвели в лейтенанты. В такую жару кожаный пиджак на нем

выглядел по меньшей мере странно.

— Это он — Олли Уоттса? — кивнул Коул на труп «бегуна».

Я кивнул.

Меня оставили в одиночестве, пока Уолтер разговаривал с полицейскими в форме и детективами из местного полицейского участка. Я заметил, что он сильно вспотел в своем пиджаке.

— Можешь ехать в моей машине, — сказал Коул, возвращаясь, и с плохо скрытой неприязнью покосился на патрульного Харли.

Он подозвал к себе нескольких детективов и спокойным, ровным голосом дал им последние указания. Затем махнул мне рукой, отправляя к машине.

— Классный пиджачок, — одобрил я, когда мы шли к «нове». — Много сердец покорило?

— Это подарок от Ли ко дню рождения. А иначе стал бы я париться в такое пекло. Ты стрелял?

— Пару раз.

— Но тебе же известно, что закон запрещает открывать стрельбу в людных местах.

— Я-то в курсе, а вот насчет того типа там, в переулке, поручиться не могу. И думаю, что парень в машине, который его уложил, тоже не слыхивал об этом законе, а может быть, плевать на него хотел. Так что самое время тебе заняться разъяснительной кампанией.

— Очень смешно. А теперь давай в машину. Мы уселись в автомобиль и отъехали, провожаемые недоуменными взглядами многочисленных зевак.

Прошло пять часов с момента убийства толстяка Олли Уоттса, его подружки Моники Малрейн и незадачливого киллера, чью личность установить не удалось. Меня допросили двое незнакомых детективов из отдела по расследованию убийств, после чего мне два раза приносили кофе, в остальном же я был предоставлен сам себе. Уолтер Коул участия в допросе не принимал. Во время разговора, когда один из детективов вышел, чтобы с кем-то проконсультироваться, я заметил за приоткрытой дверью высокого худощавого мужчину в темном льняном костюме. Уголки его рубашки в остроте могли соревноваться с бритвой, а на красном галстуке не было ни складочки. Он выглядел как федерал, самодовольный надутый федерал.

Стол в комнате для допросов хранил на своей поверхности, помимо множества щербин, еще и вьевшиеся следы от сотен, если не тысяч, стоявших на нем в разное время кофейных кружек. А с левой стороны, ближе к углу, кто-то нацарапал на нем разбитое сердце — возможно, в ход был пущен ноготь. Сердечко это я уже видел, оно запомнилось мне с прошлого раза, когда я сидел в этой комнате...

* * *

— Черт, Уолтер!..

— Коул, не дело, что он здесь. Это совсем ни к чему!

Коул обвел взглядом детективов, сидевших на стульях у стен и вокруг стола.

— А его здесь и нет, — ответил он. — И говорю для всех: вы его не видели.

Комната для допросов была заставлена стульями до отказа, втиснули туда и еще один стол. Я находился в отпуске по семейным обстоятельствам, и так случилось, что через две недели после этого я уволился из полиции. Моей семье не было в живых уже две недели, а расследование не продвинулось ни на шаг. По договоренности с лейтенантом Кафферти, считавшим дни до пенсии, Коул собрал всех детективов, участвовавших в следствии, и пригласил также парочку детективов со стороны, которые считались лучшими в городе специалистами по расследованию убийств. Предполагалось устроить обсуждение и одновременно прослушать лекцию психолога-криминалиста Рейчел Вулф.

За мисс Вулф закрепились репутация прекрасного специалиста, но в Управлении упорно этого не замечали и за консультациями к ней не обращались. У них там имелся свой аналитик, «гигант мысли» доктор Рассел Уиндгейт. Коул как-то заметил, что от Уиндгейта пользы не больше, чем от козла молока. Но у этого сукина сына было непомерное самомнение, а высокомерия еще больше, и в придачу он приходился братом начальнику Управления — и этим все сказано.

Уиндгейт отправился в Оклахому, где в городе Талса проводилась конференция приверженцев учения Фрейда. Ну, и Коул не преминул воспользоваться случаем, пригласив в качестве консультанта Вулф. Она сидела во главе стола. Строгость стиля не умаляла ее привлекательности. Рейчел было чуть больше тридцати. Длинные темно-каштановые с рыжим отливом волосы падали ей на плечи, хрупкие под деловым темно-синим костюмом. Она сидела, скрестив ноги, и с правой свисала синяя туфелька-лодочка.

— Всем известна причина, по которой Берд желает присутствовать здесь, — продолжал Коул. — На его месте и вы стремились бы к этому.

Я долго и упорно донимал его просьбами разрешить мне присутствовать на брифинге. Я требовал возврата сделанных ему одолжений, что не имел права делать. И в конце концов Уолтер сдался. Я не пожалел, что настоял на своем.

А вот другие на этот счет испытывали сомнения. Я видел, как они отводили взгляды, с каким видом поводили плечами и кривили задумчиво рты. Но меня это мало трогало. Я хотел узнать мнение Вулф. Мы с Коулом сели и приготовились слушать.

Рейчел надела очки. На крышке стола у ее левой руки четко выделялось недавно выцарапанное сердечко. Она пробежала глазами заметки, вытащила из стопки два листа и начала:

— Поскольку я не знаю, как хорошо вы знакомы со всем этим, я не стану спешить и разберу все подробно, — она сделала небольшую паузу. — Детектив Паркер, вам будет нелегко воспринимать некоторые моменты.

Она не извинялась, а просто констатировала факт. Я кивнул, подтверждая готовность выслушать все, и она заговорила снова.

— То, с чем мы имеем дело, очень похоже на убийство на сексуальной почве, точнее на садистское убийство с сексуальными мотивами.

Я обвел пальцем сердечко, и шершавые края царапин быстро вернули меня от воспоминаний к действительности. Дверь комнаты отворилась, и я заметил проходившего мимо федерала. Принесли кофе. Запах у него был еще тот: как будто он с утра варился. Сливки только слегка изменили цвет этого варева. Я пригубил и скривился.

* * *

— Преступление с сексуальным мотивом, как правило, включает какой-то элемент сексуальной активности в качестве основы для последующих шагов, ведущих к смерти жертвы, — потягивая кофе, объясняла Вулф. — Снятая одежда, искромсанные груди и половые органы указывают на присутствие в преступлении сексуального оттенка. Однако не отмечено проникновения в половые органы обеих жертв ни пенисом, ни пальцами, ни другими инородными предметами. У ребенка осталась нетронутой плева, и у взрослой жертвы отсутствует вагинальная травма.

Мы имеем также свидетельство садистского характера убийства. Взрослую жертву перед смертью подвергли истязаниям. Была частично снята кожа с передней части торса и лица. Наряду с сексуальными элементами характер повреждений указывает на сексуального садиста, получающего удовлетворение не только от физических, но и от душевных мук жертвы.

Полагаю, что он, а, по моему мнению, убийцей является мужчина, что я позднее обосную, так вот, он желал, чтобы мать наблюдала за страданиями и смертью своего ребенка перед тем, как самой испытать мучения и принять смерть. Сексуальный маньяк получает особое удовольствие, наблюдая за реакцией жертв на пытку. В этом случае в его власти оказались две жертвы: мать и ребенок. И он хотел наблюдать их взаимную реакцию. Сексуальные фантазии он реализует в проявлениях жестокости, мучениях жертв и их умерщвлении...

За дверью комнаты я вдруг услышал голоса. Говорили на повышенных тонах. Один из голосов принадлежал Уолтеру Коулу, другой был мне незнаком. Голоса стихли также внезапно, как и проявились, но я понял, что речь шла обо мне, и не сомневался, что долго пребывать в неизвестности мне не придется.

* * *

— Итак, пойдём дальше. Большею частью потенциальными жертвами сексуальных маньяков являются взрослые белые женщины, не знакомые с убийцами, однако объектами нападения могут становиться и мужчины. А в отдельных случаях и дети, как в этом деле. Иногда существует некое соответствие между жертвой и кем-то в жизни самого преступника.

Жертвы выбираются в процессе выслеживания и сбора информации. С большой степенью вероятности можно сказать, что убийца какое-то время пристально наблюдал за жизнью семьи. В нашем случае он хорошо изучил привычки мужа, поэтому не сомневался, что тот пробудет в баре достаточно долго и поэтому не помешает ему осуществить замысел целиком. В данном случае я считаю, что план его удался не во всем.

Надо отметить необычность выбора места преступления. Характер преступления предполагает, что убийце требуется убежище, где никто не мог бы ему помешать и где он имел бы в своем распоряжении неограниченное время. Для таких целей преступники нередко используют помещение в своих домах, либо приспособливают соответствующим образом машину или фургон. В нашем случае убийца отказался от такого пути. У меня складывается впечатление, что ему нравится элемент риска. А еще я считаю, что он хотел, если можно так выразиться, «произвести впечатление». Что-то наподобие появления на похоронах в ярком галстуке.

Преступление было тщательно поставлено, как своеобразная сцена в пьесе с целью нанести мужу как можно более глубокую душевную травму...

Возможно, Уолтер правильно делал, отговаривая меня от присутствия на брифинге. Будничным тоном мисс Вулф превращал трагедию моей жены и дочери в материал для статистики особо тяжких преступлений, но я не терял надежду, что психолог наведет меня на нужную мысль, и у меня появится ключ, с помощью которого расследование можно будет сдвинуть с мертвой точки. В деле с убийством две недели — срок очень большой. Если за это время расследование не продвинулось ни на шаг, то лишь исключительная удача способна вывести его из тупика.

— Такой замысел, — продолжала Вулф, — указывает на высокий уровень интеллекта преступника и свидетельствует о его склонности к ведению азартной игры. Поскольку в план преступника явно входило вызвать шок у мужа, можно предположить, что в действиях убийцы присутствовал личный мотив, однако это лишь предположение, и данный случай соответствует общей картине преступлений подобного рода.

В целом места преступления подразделяются на три группы: организованные (где присутствует четкий порядок), дезорганизованные (заметно нарушение плана) и смешанный тип (соединение двух названных). Организованный убийца тщательно планирует преступление и выбирает жертву. И место преступления отражает эту подготовленность и продуманность. Жертвы соответствуют принятым убийцей критериям, как-то: возраст, цвет

волос, род занятий, возможно, образ жизни. Характерно использование пут, что отмечалось и в данном случае. Это отражает элемент контроля и планирования, поскольку убийце обычно приходится доставлять жертвы на расправу силой. В преступлении с сексуальными мотивами процесс умерщвления жертвы обычно эротизирован. Выполняется некий ритуал, обычно это проделывается медленно, и убийца старается держать жертву в сознании до последнего момента. Другими словами, убийца не желает, чтобы жизнь жертвы оборвалась раньше определенного им момента.

В нашем случае у ребенка, Дженнифер Паркер, оказалось слабое сердце, и оно не выдержало скачка адреналина. План убийцы нарушился. Этому способствовала преждевременная смерть девочки, затем мать ребенка попыталась бежать. Убийца разбил ей лицо, ударив о стену, в результате чего она на время лишилась сознания. Преступник почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Сцена преступления из хорошо организованной стала неорганизованной; и вскоре он произвел отделение кожи и дал выход гневу и разочарованию, искромсав тела...

— Меня тянуло встать и уйти. Я совершил ошибку. Все напрасно. Ничего из этого не выйдет, хорошего — ничего.

— Как я уже говорила, для такого типа преступлений характерно уродование груди и половых органов, но некоторые черты данного дела не вписываются в общую схему. На мой взгляд, это было либо отражение ярости из-за потери контроля, либо попытка скрыть какой-то элемент ритуала уже выполненный, но от которого убийца хотел отвлечь внимание. Ключ, по всей видимости, в частичном снятии кожи. Это очень похоже на демонстрационный показ. Он неполный, но, тем не менее, этот факт присутствует.

— А почему вы так уверены, что преступник белый мужчина? — поинтересовался темнокожий детектив Джойнер из отдела по расследованию убийств. Мы работали с ним пару раз.

— Чаще всего сексуальные маньяки-садисты — это белые мужчины. Не женщины и не темнокожие, а именно белые мужчины.

— Ну, Джойнер, можешь спать спокойно, ты чист, — заметил кто-то. Последовавший взрыв смеха немного разрядил напряженность атмосферы.

Кое-кто покосился в мою сторону, но большая часть вела себя так, как будто меня в комнате нет. Это были профессионалы, сосредоточенно ищущие информацию, которая могла бы сделать четче образ убийцы.

Мисс Вулф подождала, пока смех стихнет.

— Исследования показывают, что среди лиц, совершающих преступления на сексуальной почве, сорок три процента состоят в браке. У пятидесяти процентов есть дети. Вы сделаете ошибку, если станете искать какого-то ненормального одиночку-нелюдима. Этот тип вполне может оказаться душой собраний местной Ассоциации родителей и учителей или тренером детской бейсбольной команды. Очень может быть, что профессия дает ему возможность контактов с разными людьми, а если он общительный человек, это облегчает ему поиск жертв. Есть вероятность, что в прошлом на его счету уже был какой-нибудь антиобщественный поступок, но не настолько серьезный, чтобы попасть в полицейский отчет.

Сексуальные маньяки-садисты часто встречаются среди любителей криминальной хроники и тех, кто помешан на оружии. Возможно, он старается следить за ходом расследования. Поэтому обращайтесь внимание на тех, кто старается получить информацию.

У него безупречно чистая машина, и поддерживается она в идеальном состоянии. За чистотой он следит, чтобы не привлекать внимание. А исправный автомобиль исключает возможность застрять на месте преступления или поблизости от него. В машине возможны переделки. Ее могли приспособить для перевозки жертв: сняты внутренние ручки, ручки сзади, и багажник сделан звуконепроницаемым. Если у вас есть подозреваемый, проверьте, не держит ли он в багажнике запас горючего, воды, нет ли там веревок, наручников, лигатуры.

При проведении обыска обращайтесь внимание на предметы, имеющие отношение к насилию и сексу: порножурналы, видеозаписи, вибраторы, зажимы, женская одежда, в особенности нижнее белье. Часть вещей может принадлежать жертвам. Он может брать и другие их личные вещи. Ищите дневники или иные записи: они могут содержать сведения о жертвах, описание сексуальных фантазий и даже самих преступлений. У этого человека может храниться оборудование, используемое в полиции, и он, вне всяких сомнений, знаком с процедурой ведения расследования, — Вулф глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Это не последнее его преступление? — спросил Коул, и сразу все затихли.

— Да, но вы исходите из неверной предпосылки.

Коул выглядел озадаченным.

— Вы полагаете, что это его первое преступление. Я надеюсь, этот случай включен в VICAP?

Вулф имела в виду запущенную ФБР в 1985 году программу учета преступлений против личности.

В ее рамках был составлен отчет, где нашли отражения данные о раскрытых и нераскрытых убийствах или попытках их совершения, основной акцент делался на случаи с похищением и те, что не имели четко выраженного мотива, либо имели сексуальную направленность; сюда же отнесли и факты исчезновения людей, где имелось подозрение на криминальный след; здесь же давалась информация о неопознанных трупах, когда насильственный характер смерти был установлен или подозревался. Сведения поступили в Национальный центр анализа преступлений против личности при Академии ФБР и Куантико. Целью исследований было выявление сходных моделей преступлений, включенных в программу VICAP.

— Да, данные отправили.

— Вы запросили характеристику?

— Пока закономерность не установлена. Классификацию затрудняет удаление лиц.

— А что скажете насчет лиц? — снова подал голос Джойнер.

— Я пытаюсь найти объяснение этому действию, — ответила Вулф. — Некоторые убийцы оставляют в качестве сувенира что-либо от своей жертвы. Возможно, здесь примешивается псевдорелигиозный фактор или элемент жертвоприношения. К сожалению, у меня пока нет четкого мнения на этот счет.

— Вы предполагаете, что на его счету и другие подобные преступления? — захотел уточнить Коул.

Вулф кивнула:

— Очень может быть. Если он убивал раньше, то тела жертв надежно им спрятаны, а данное преступление указывает на изменение в характере поведения. Возможно, раньше, он убивал в тиши уединения, а теперь ему захотелось известности. Возможно, у него возникло

желание привлечь внимание к своим деяниям. В разбираемом случае его планы осуществились не полностью. А посему он может вернуться к прежней схеме или же затаиться.

Но, если порассуждать, можно предположить, что наш маньяк вынашивает план нового преступления. В прошлый раз несколько ошибок помешали ему осуществить замысел, как он того хотел. В следующий раз ошибок не будет. И, если вам не удастся поймать его раньше, он постарается, чтобы картина оказалась еще более впечатляющей.

* * *

Дверь следственной комнаты открылась, и вошел Коул, а с ним еще двое.

— Это Росс, специальный агент ФБР, а детектив Барт из отдела расследования грабежей, — представил их Коул. — Барт работал по делу Уоттса. Агент Росс занимается организованной преступностью.

Вблизи было видно, что льняной костюм Росса из дорогого материала и отлично сшит. По сравнению с безупречно одетым федералом, Барт в своем добротном, хотя и недорогом пиджаке, выглядел простовато. Оба встали у противоположной стены и кивнули. Когда Коул сел, Барт последовал его примеру, а Росс остался стоять.

— У вас есть, что нам рассказать, Барт? — спросил Коул.

— Нет. Вы знаете столько же, сколько и я.

— А вот агент Росс считает, что за убийством Уоттса и его подружки стоит Санни Феррера, а ты кое о чем умалчиваешь.

Росс усмотрел нечто постороннее на рукаве своей рубашки и с брезгливым видом отряхнул его. Думаю, эта незадачливая мошка должна была олицетворять меня.

— Какой смысл Санни убивать Олли Уоттса? — возразил я. — Мы ведем речь об украденных машинах и фальшивых номерных знаках. Олли был слишком мелкой сошкой, чтобы серьезно обжулить Санни, да и о делах его он знал не так много, чтобы надолго занять внимание присяжных.

Росс встрепенулся и пересел на край стола.

— Странно, что вы снова здесь объявились. Столько времени прошло, месяцев шесть-семь. И вот пожалуйста — у нас гора трупов, — я обращался к Россу, но он, казалось, пропустил мимо ушей мои слова. Ему было лет сорок-сорок пять, но он старался держаться в форме. На его лице резко выделялись морщины, и не думаю, что они появились от веселой жизни. Мне кое-что рассказывал о нем Вулрич до своего перевода в отделение ФБР в Новом Орлеане на должность помощника начальника отдела.

Воцарилось молчание. Росс уставился на меня, но ничего не высмотрел и со скучающим видом отвернулся.

— Агент Росс полагает, что ты что-то не договариваешь, он не прочь устроить тебе допрос с пристрастием, — с каменным лицом сообщил Коул.

— Агент Росс — человек решительный и суровый. Если он постарается на меня надавить, еще неизвестно, что я наговорю.

— Так мы ни к чему не придем, — не выдержал Росс. — Мистер Паркер явно не желает с нами сотрудничать, и я...

Коул жестом прервал его тираду.

— Оставьте нас на время, пойдите выпейте кофе, — предложил он.

Барт сразу же поднялся, пожал плечами и вышел. Но Росс не спешил уходить. Он какое-то время сидел с таким видом, будто хотел что-то возразить, но потом все же встал и последовал за Бартом, резким движением закрыв дверь. Коул с облегчением вздохнул, ослабил галстук и расстегнул пуговицу на вороте рубашки.

— Не советую тебе цапаться с Россом. Он на тебя кучу дерьма вывалит, да и меня не забудет.

— Я уже все рассказал, что знал, — ответил я. — Может быть, больше известно Бенни Лоу, хотя я в этом сомневаюсь.

— Мы с ним уже разговаривали. Он смотрел на нас с таким видом, словно вчера родился, — Коул с досадой крутил в руке ручку. — По его выражению, Олли «вышел в тираж».

Да, Бенни не стеснялся в выражениях. Я усмехнулся, и обстановка слегка разрядилась.

— Ты давно здесь?

— Пару недель.

— Чем занимаешься?

Что я мог ему ответить? Что брожу по улицам, где гулял вместе с Дженнифер и Сьюзен? Что смотрю невидящим взглядом в окно, стараясь представить их убийцу. Да и работать на Бенни Лоу я согласился из боязни, что суну себе дуло в рот, если не найду хоть какую-нибудь отдушину.

— Да так, ничем особенным. Собираюсь пройтись по старым источникам, может быть, что-то выужу.

— Нет, здесь все глухо. Ты что-нибудь уже разузнал?

— Нет.

— Я не могу указывать тебе оставить это дело, но...

— Нет, ты уже договаривай, Уолтер.

— Для тебя здесь сейчас не самое лучшее место. А почему, ты сам знаешь.

— Уверен?

Коул в сердцах отшвырнул ручку. Она прокатилась по столу, повисла над краем и свалилась на пол. Мне даже показалось, что он вот-вот кинется на меня с кулаками, но сердитые искры в его глазах угасли.

— Мы об этом еще поговорим.

— Ладно. Может поделишься со мной чем-нибудь? — среди бумаг я заметил отчет о баллистической экспертизе. Прошло всего пять часов, а заключение уже готово. Агент Росс определенно не терял времени даром.

— Что сказали баллистики о пуле, убившей стрелка?

— Тебя это не касается.

— Уолтер, я видел, как подстрелили этого малого. В меня тоже пальнули, и пуля прошла стену. Кто-то знает толк в таких игрушках.

Коул промолчал.

— Такую пушку трудно скрыть. Не может быть, чтоб ее никто не видел, — тем временем продолжал я. — Дай мне какую-нибудь зацепку, и, может быть, мне удастся нарыть больше, чем тебе.

Коул прикинул в уме все за и против, затем быстро извлек из вороха бумаг заключение баллистиков.

— У нас автоматные пули диаметром пять и семь десятых миллиметра и весом в десятую часть унции.

Я даже присвистнул от удивления.

— Патрон для автомата, но выстрелили-то им из легкого оружия.

— Пуля пластиковая, но в металлическом корпусе и при контакте с целью не деформируется. Попав в тело того парня, она израсходовала большую часть силы, и на выходе почти полностью лишилась энергии.

— А как насчет пули, что пробил стену?

— По расчетам баллистиков, ее начальная скорость превышала две тысячи футов в секунду.

— ?!

Скорость пули просто ошеломляла. При стрельбе из браунинга его девятимиллиметровые пули в четверть унции развивают скорость 110 футов в секунду.

— Они считают, что такая пуля продырявит бронежилет, как бумагу. С расстояния шестисот футов она пробивает почти пятьдесят слоев.

Даже «магнум» сорок четвертого калибра мог поразить бронежилет только с очень близкого расстояния.

— Но если пуля встречает мягкую преграду...

— Преграда гасит скорость пули.

— Чье производство? Отечественные?

— Нет, эксперты определили, что из Бельгии. Это аналог оружия, которое используют спецподразделения, участвующие в антитеррористических операциях и освобождении заложников. Но это первый случай, когда оно было применено не специальными подразделениями.

— Вы связались с производителем?

— Постараемся, но шансов мало: слишком много посредников.

— Попробую поспрашивать кое-кого, — я поднялся.

Коул поднял ручку и махнул ею с видом учителя, пытающегося вразумить чересчур умничающего ученика: «Учти, Росс не отказался от мысли до тебя добраться».

Я достал ручку и записал на обратной стороне блокнота Коула номер своего мобильного.

— Я его никогда не отключаю. Теперь мне можно идти?

— При одном условии.

— Слушаю.

— Я хочу, чтобы ты приехал к нам сегодня вечером.

— Извини, Уолтер, но я перестал ездить с визитами.

— Не будь дураком, — обиделся Коул. — Это не светский визит. Будь там, иначе Росс тебя засадит за решетку до скончания века, можешь не сомневаться.

Я встал и направился к двери.

— Ты на самом деле все нам рассказал? — в спину мне бросил Коул.

— Я рассказал все, что мог, Уолт, — не оборачиваясь, ответил я.

И практически не покривил душой.

За двое суток до этого я наведалься к Эмо Эллисону. Эмо жил на восточной окраине Гарлема в гостинице, сильно смахивающей на притон, куда вход заказан для всех, кроме шлюх, копов и уголовников. Комната управляющего за перегородкой из зеленого плексигласа была пуста. Поднявшись по лестнице, я постучал в дверь номера, где жил Эмо. Открывать явно не спешили, но мне показалось, что по ту сторону двери щелкнул курок.

— Эмо, это Берд. Надо поговорить.

Я услышал за дверью приближающиеся шаги.

— Я ничего не знаю, — крикнул Эмо. — И сказать мне нечего.

— А я тебя ни о чем еще не спрашивал. Давай, Эмо, открывай. У толстяка Олли большие неприятности. Может быть, я смогу помочь. Впусти меня.

Последовало молчание, затем загремела цепочка. Дверь отворилась, и я вошел. Эмо отступил к окну, не выпуская из рук пистолет. Я закрыл дверь.

— Можешь убрать эту штуку.

Эмо взвесил на руке пистолет и положил на тумбочку у кровати. Без пистолета он чувствовал себя свободнее. Пистолеты были не в его стиле. Я обратил внимание на его забинтованную левую руку: сквозь повязку проступали рыжие пятна.

Средних лет, долговязый, с бледным лицом, Эмо подрабатывал время от времени в гараже у толстяка Олли на протяжении пяти лет. Механиком он был средненьким, но умел держать язык за зубами.

— Ты не знаешь, где он сейчас?

— Нет, со мной он не связывался.

Эмо тяжело опустился на край аккуратно застеленной кровати. В его чисто убранной комнате пахло освежителем воздуха. На стене висела пара эстампов, а на полках стеллажа с книгами, журналами и кое-какими личными вещами царил порядок.

— Я слышал, ты работаешь на Бенни Лоу. Зачем тебе это надо?

— Работа, — ответил я.

— Ты сдашь Олли, и ему крышка. Вот и вся твоя работа.

— Я могу и не сдавать Олли, — прислонившись к косяку, заметил я. — Бенни потерю переживет. Но мне нужна серьезная причина, чтобы так поступить.

На лице Эмо отразилась внутренняя борьба. Он то сжимал, то разжимал руки и пару раз нервно покосился на пистолет. Механик чего-то боялся, и боялся сильно.

— Эмо, почему он сбежал?

— Он не раз говорил, что ты парень честный и хозяин своему слову. Это так? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Не знаю. Но мне не хочется, чтобы Олли пострадал.

Эмо некоторое время пристально смотрел на меня, все еще раздумывая, и наконец решился.

— Все вышло из-за Пили. Пили Пилара. Знаешь такого?

— Знаю, — подтвердил я. Пили Пилар был правой рукой Санни Ферреры.

— Он появлялся обычно раз-другой в месяц — не чаще — и брал машину, а через несколько часов пригонял обратно. Олли заключил сделку, и ему не нужно было платить Санни. Он устанавливал на машину липовые номера и держал ее наготове к приезду Пили.

На прошлой неделе подкатывает Пили, забирает машину и отчаливает. Я в тот вечер приехал поздно, у меня язва разыгралась. Пили к тому времени уже уехал.

Так вот, сидим мы с Олли, разговариваем, ждем, когда Пили пригонит машину. Около

полуночи вдруг слышим снаружи сильный стук. Мы выходим во двор и видим, что Пили налетел на ворота и лежит головой на баранке. На бампере и капоте тоже вмятины. Мы подумали, что Пили попал в аварию и поторопился оттуда слинять.

Он здорово приложился к ветровому стеклу и раскроил башку — весь салон был в крови. Мы с Олли затолкали машину во двор, и Уоттс позвонил знакомому врачу, а тот велел привезти Пили.

Пилар был бледный и не шевелился, тогда Олли отвез его к врачу на своей машине, а тот стал настаивать, что с Пили дело худо и без больницы не обойтись. Олли, конечно, завелся с полоборота.

Эмо теперь говорил не умолкая. Слова текли рекой. Казалось, он хотел высказаться, чтобы облегчить бремя давящей на него тайны:

— В общем, они стали препираться, но врач убедил Олли, сказал, что у него на примете частная клиника, где не задают лишних вопросов, и Уоттс согласился. Доктор позвонил в клинику, а Олли вернулся в гараж заняться машиной.

Он звонил Санни, но тот не отвечал. Олли не хотелось держать у себя машину: вдруг с ней вышла какая-нибудь история, зачем ему лишние неприятности с полицией.

Тогда Олли позвонил старику Феррере и обо всем рассказал. Тот велел ему сидеть тихо и ждать, пока от него не приедет человек, который позаботится о машине.

Олли вышел отогнать машину подальше во двор, чтобы глаза не мозолила. Когда он вернулся, вид у него был почище, чем у Пили: посерел весь, и руки трясутся. Я спрашиваю: «Что случилось?», — а он ничего не объяснил, только велел побыстрее сваливать и помалкивать о том, что я здесь был. Больше он ничего не сказал, только твердил, чтобы я поторапливался. Позже я узнал, что к толстяку нагрянула полиция, потом Олли вышел под залог и сразу же пропал. Клянусь, это все, что я знаю.

— «Пушка» тогда зачем?

— Пару дней назад сюда заходил один из людей старика, — Эмо судорожно сглотнул, — Бобби Сциорра. Он спрашивал меня об Олли и был ли я там в ту ночь. Я ответил, что меня там не было. Но он не очень мне поверил.

Эмо Эллисон вдруг заплакал. Он поднял забинтованную руку и стал медленно раскручивать бинт на одном из пальцев.

— Он прихватил меня с собой прокатить, — Эмо снял повязку, и я увидел опоясывающее палец кольцо ожога и огромный волдырь. — Это след от зажигалки. Он прижигал мне пальцы автомобильной зажигалкой.

А спустя сутки толстяк Олли Уоттс расстался с жизнью.

Уолтер Коул жил на Ричмонд-Хилл в самой старой части района Куинс. Когда его родители переехали сюда из Джефферсон-сити, незадолго перед Второй мировой войной, это место напоминало кусочек консервативного Среднего Запада, обосновавшегося рядом с Манхэттеном. После того как мать с отцом переселились во Флориду, Уолтер сохранил дом на 113-й улице к северу от Миртл-авеню. По установившейся традиции они с Ли почти каждую пятницу ужинали в старом немецком ресторане на Ямайка-авеню, а летом гуляли среди густой зелени лесного массива Форест-парк.

К Уолтеру я приехал в начале десятого вечера. Он сам встретил меня и проводил в комнату, бывшую одновременно кабинетом и библиотекой. Действительно, здесь размещалась внушительная библиотека, собранная хозяином дома за четверть века. Биографии Китса и Сент-Экзюпери соседствовали с работами по судебной медицине и психиатрии, публикациями о преступлениях на сексуальной почве и книгами по криминалистической психологии. Рядом с Фенимором Купером стоял Борхес, а в окружении многочисленных томов Хемингуэя — Бартелм.

На обтянутом кожей столе, рядом с тремя картотечными шкафчиками, стоял справочник. Стены украшали картины местных художников, а в стеклянной витрине в углу хранились охотничьи трофеи. Отсутствие особого порядка в их расположении создавало впечатление, что Уолтер гордится своим охотничьим искусством и в то же время стесняется собственной гордости. Сквозь приоткрытое окно в комнату проникал запах свежескошенной травы, и звенели в теплом вечернем воздухе голоса детей, игравших в мяч.

Дверь кабинета отворилась, и появилась Ли. Двадцать четыре года прожили они вместе, и жизни их давно переплелись в одну. Оставалось только позавидовать: у нас со Сьюзен даже в лучшие времена не было и малой доли такого взаимопонимания и легкости в отношениях. Черные джинсы и белая блузка охватывали ее стройную фигуру, сохранившую четкость линий и после рождения двух детей, и несмотря на страстное увлечение Уолтера восточной кухней. Иссиня-черные волосы Ли, кое-где прошитые серебристыми паутинками, были собраны сзади в хвост. Она наклонилась, обняла меня за плечи и коснулась губами моей щеки. И, когда на меня повеяло ароматом лаванды, я уже в который раз осознал, что всегда был немного влюблен в Ли Коул.

— Рада тебя видеть, Берд, — рука ее скользнула по моей щеке. Тревожное волнение морщинкой прорезало ее лоб, бросило тень на приветливую улыбку. Они обменялись взглядами с Уолтером.

— Я потом принесу кофе, — пообещала Ли и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Как дети? — поинтересовался я, когда Уолтер налил себе ирландского виски.

— Хорошо, — откликнулся он. — Лорен по-прежнему терпеть не может школу, а Эллен осенью собирается изучать право в Джорджтауне. По крайней мере, хоть один член семьи будет понимать, как все эти законы действуют. — Коул глубоко вздохнул и пригубил виски. Я непроизвольно глотнул и почувствовал, как пересохло горло. Уолтер заметил мое состояние и покраснел.

— Черт, извини, не подумал, — смущенно буркнул он.

— Ничего, все нормально, — ответил я. — Это неплохой метод лечения. А ты продолжаешь ругаться.

Ли очень сердилась по этому поводу и не уставала твердить Уолтеру, что только недалекие болваны прибегают к сквернословию. В ответ Уолт приводил пример, как во время жаркой дискуссии знаменитый философ Витгенштейн однажды размахивал кочергой, и это в глазах Коула подтверждало тот факт, что и в споре и великие люди испытывают порой недостаток в образных средствах.

Коул занял кожаное кресло по одну сторону камина и указал мне на другое — напротив. Ли внесла на подносе серебряный кофейник, молочник, две чашки и, бросив тревожный взгляд на мужа, вышла. Без сомнения, перед моим приездом они говорили обо мне. У них не было друг от друга секретов, и теперь по тревоге, сквозившей в их взглядах, не стоило труда догадаться, что мои злоключения обсуждались далеко не поверхностно.

— Хочешь, чтобы я сидел на свету? — спросил я и заметил тень улыбки, пробежавшую по его лицу.

— В последние месяцы до меня доходили разные слухи, — Уолт задумчиво вглядывался в свой стакан, как гадалка в хрустальный шар. Я молчал, и он продолжил:

— Я знаю, что ты обращался к федералам, использовал знакомства, чтобы получить доступ к документам. Мне известно, что ты старался отыскать человека, убившего Сьюзен и Дженни, — только теперь он поднял на меня глаза.

Отвечать мне было нечего. Я налил ему и себе по чашке кофе и сделал глоток. Это был яванский кофе, крепкий и черный.

— А почему ты меня об этом спрашиваешь? — я не мог сдержать вздох.

— Потому что хочу знать, зачем ты сюда вернулся. Если часть слухов верна, мне хотелось бы выяснить, кем ты теперь стал, — Коул с трудом проглотил подступивший к горлу ком, и мне стало жаль его, потому что ему придется задавать вопросы, к которым у него не лежала душа. Даже имея я ответы на часть из них, я совсем не уверен, что мне захотелось бы их озвучить. Думаю, и Уолтеру не доставило бы радости их услышать. За окном стемнело. Детские голоса смолкли, и в наступившей тишине слова Уолта прозвучали вступлением, не сулившим ничего хорошего.

— Говорят, ты нашел того, кто это сделал, — теперь тон его обрел твердость: Коул собрался с духом, чтобы сказать все, что ему необходимо было сказать. — И еще ходит слух, что ты его убил. Это правда?

Прошлое прочно держало меня в своих силках. Иногда оно давало мне немножко свободы, распуская путы, но затем снова туго затягивало петлю. В городе на каждом шагу мне встречались напоминания о том, что я потерял. О прошлом говорили любимые рестораны, книжные магазины, тенистые парки; воспоминания будили даже сердечки, вырезанные на крышке стола. Прошлое крепко держало меня, не желая допустить даже мгновенного забвения, как будто считая его предательством памяти тех, кого уже не вернуть. Как с ледяной горы соскальзывал я из настоящего в прошлое, к тому, что обратилось в ничто безвозвратно.

Вот и снова вопрос Уолтера отбросил меня назад, в конец апреля, и я мысленно оказался в Новом Орлеане. К тому времени с момента смерти Сьюзен и Дженни прошло четыре месяца.

Вулрич сидел в открытом павильоне французского кафе у самой стены, рядом с автоматом, продающим жевательную резинку. Перед ним на столике дымилась чашка кофе с молоком, а рядом стояла тарелка с горячими пончиками, посыпанными сахарной пудрой. Мимо бело-зеленого павильона живой поток тек в сторону собора или в направлении площади Джексона.

Его дешевый рыжевато-коричневый костюм видал виды, шелковый галстук выцвел и вытянулся. Вулрич носил его приспущенным, не прикрывая верхнюю пуговицу сорочки. Пол вокруг него и видимая часть зеленого пластмассового стула, на котором он сидел, были засыпаны сахарной пудрой.

В местном отделении ФБР на Пойдрас-стрит, 1250 Вулрич занимал должности помощника начальника. Из десятков людей, с кем меня связывало полицейское прошлое, мало кто остался мне близок. К этому ограниченному кругу принадлежал и Вулрич. А среди тех считанных федералов, с кем мне приходилось иметь дело, он был единственным не вызывавшим у меня раздражения. А еще он был моим другом. Вулрич находился рядом в страшные дни после убийства, не задавая вопросов, ни на минуту не сомневаясь во мне. Помню его, промокшего до нитки, стоящим у могилы, и капли воды, стекающие с полей большой мягкой шляпы. В скором времени Вулрича перевели в Новый Орлеан на повышение, оценив работу в трех других отделениях и способность удержаться на плаву среди бурных водоворотов и подводных течений, отличающих жизнь отделения ФБР в Нижнем Манхэттене.

Он прошел через болезненный развод. Брак распался около двенадцати лет назад. Жена вернула себе девичью фамилию, вновь став Карен Скотт, и жила теперь в Майами с художником по интерьерам, за которого недавно вышла замуж. По словам Вулрича, его единственная дочь Лиза стала членом какой-то религиозной группы в Мексике. Она также носила фамилию Скотт — тут уж определенно мамочка постаралась. Лизе исполнилось восемнадцать. Ее жизнь мало заботила Карен, а тем более ее нового мужа. А вот Вулрич не был равнодушен к судьбе дочери, но у него как-то не получалось воплотить чувства в реальную поддержку. Я знал, что распад семьи задел его особенно сильно еще потому, что и брак его родителей некогда оказался неудачным. Стервозный характер матери отравлял атмосферу в семье, а у отца не хватало характера, чтобы обуздать фурию-жену. Мне думается, Вулрич всегда хотел сделать как лучше. Пожалуй, он больше других проникся моим чувством утраты, когда я лишился Сьюзен и Дженни.

Со времени нашей последней встречи он еще больше располнел, и сквозь мокрую от пота сорочку проступили волосы на груди. Из густой седеющей шевелюры ручейки пота сбегали вниз и терялись в складках мясистой шеи. Жаркое солнце Луизианы, наверно, было для такого тучного человека настоящей пыткой. Возможно, у него был несколько клоунский вид, да и вел он себя соответствующе, когда его это устраивало, но никто из знавших Вулрича в Новом Орлеане не рискнул бы его недооценить. А те, кто в прошлом допустили такую ошибку, гнили либо в тюрьме, либо в буквальном смысле, если верить слухам.

— Мне нравится твой галстук, — похвалил я красный галстук Вулрича, украшенный овечками и ангелочками.

— Я называю его метафизическим, — ответил он. — Галстук в стиле Джорджа Герберта.

Мы пожали друг другу руки. Вставая, Вулрич отряхнул с рубашки крошки пончиков.

— Черт бы их побрал, вечно от них житья нет, — пожаловался он. — После смерти их в

кишках у меня найдут.

— Буду иметь в виду.

К нашему столику подскочил официант азиатской наружности в белом бумажном колпаке, и я заказал кофе.

— Может, желаете пончиков? — поинтересовался официант.

Вулрич усмехнулся. Я ответил, что обойдусь без них.

— Как жизнь? — спросил Вулрич и отхлебнул не меньше полчашки горячего кофе. У кого другого уже бы горло облезло.

— Нормально. А у тебя как?

— Как обычно: в красивой обертке и с красной ленточкой, только подарок этот не мне достается.

— Ты по-прежнему с... как же ее зовут? Джуди? Да, Джуди, медсестрой.

Вулрич досадливо поморщился, как будто ему в пончике волос попался.

— А-а, ты имеешь в виду эту чокнутую... Мы разбежались. Уже год, а может быть и больше, как она уехала работать в Ла-Джоллу. Прикинь, что она учудила. Я решил устроить ей праздник и увезти на несколько дней в какое-нибудь романтическое местечко. Заказал я для нас номер в гостинице около Стоува по двести долларов за ночь. Думал, мы отлично отдохнем, подышим на природе чистым воздухом, будем спать с открытым окном. Приехали мы туда. Гостиница оказалась старинной постройки, мебель — сплошной антиквариат, а на кровати можно в футбол играть. И что ты думаешь! Джуди поворачивается ко мне, бледная, как полотно, и пятится от меня, как от зачумленного. И знаешь, что она мне заявляет? Я молча ждал продолжения.

— Что в этой самой комнате я якобы убил ее в прошлой жизни. А сама все к двери пятится. Добралась до двери. Ручку на шаривает и смотрит на меня, как будто я вот-вот в чудовище превращусь. Битых два часа я ее успокаивал, но все без толку. Она все равно отказалась спать со мной в одной постели. Ну, и мне пришлось коротать ночь на кушетке в углу. Должен тебе сказать, что эти старинные кушетки, может быть, и стоят миллионы, но спать на них ничуть не приятнее, чем на бетонной плите.

Он прикончил последний пончик и аккуратно вытер рот салфеткой.

— Среди ночи я встал, чтобы пойти побрызгать, а она сидит в кровати с дикими глазами и лампу настольную в руках сжимает. Приготовилась, значит, огреть меня по голове, если к ней подойду. Этим и кончилась вся романтика, ни о каких пяти днях речь уже не шла. Наутро мы, конечно, съехали, ну и плакала моя тысяча.

А знаешь, что в этой истории самое смешное? Ее психолог посоветовал ей привлечь меня к суду за нанесенный в прошлой жизни ущерб ее здоровью. Вот-вот на меня накинута все эти ненормальные, что верят в разную чушь. Насмотрятся ерунды по телевизору и мнят себя Клеопатрами и Вильгельмами Завоевателями.

— От Лизы есть известия?

По лицу его пробежала тень:

— Она по-прежнему с этими липовыми «слугами Христа». В прошлый раз она звонила и сказала, что с ногой все хорошо, просила еще денег.

За год до этого Лиза сломала ногу, катаясь на роликовых коньках, а спустя какое-то время «обратилась к Богу». Вулрич считал, что на нее так повлияло сотрясение мозга.

— Что, неважные у тебя дела? — прищурился Вулрич.

— Я жив-здоров. Вот приехал сюда. А теперь расскажи, что у тебя есть для меня.

Он надул щеки и медленно, с шумом выдохнул, собираясь с мыслями.

— Недалеко от Сент-Мартина живет старая креолка. Как говорят местные, у нее есть дар. Она прогоняет злых духов, лечит больных детей, воссоединяет расставшиеся любовные пары. И у нее бывают видения, — он округлил рот и скосил на меня глаза.

— Она ясновидящая?

— Если верить местным, она колдунья.

— А твое мнение?

— Местные полицейские говорили, что она несколько раз... помогала им... раньше.

— А теперь?

Мне принесли кофе, и Вулрич попросил налить ему тоже. Разговор продолжился после того, как официант ушел, а Вулрич одним глотком опорожнил полчашки, не обращая внимания, что кофе только с плиты.

— У нее с десятков детей, а внуков и правнуков вовсе не сосчитать. Часть живет с ней или поблизости, так что одна она не остается. У нее семейка побольше, чем у библейского Авраама, — он улыбнулся, но на этом шутки закончились, дальше в его рассказе веселью места не осталось.

— Она говорит, что некоторое время назад среди болот в протоке убили девушку, там в свое время промышляли какие-то уголовники. Она рассказала об этом шерифу, но ее словам особого значения не придали. Точное место она указать не могла, просто твердила, что в протоке убили девушку. По ее словам, та являлась ей во сне.

Нельзя сказать, что шериф совсем пропустил это заявление мимо ушей. Он дал указание своим ребятам приглядывать за болотами, а потом об этой истории забыл.

— А почему сейчас об этом вспомнили?

— Старуха говорит, что слышит по ночам плач.

Не знаю, смутили ли Вулрича собственные слова или ему стало не по себе от того, что скрывалось за ними, только он отвернулся к окну и вытер лицо носовым платком, огромным и не первой свежести.

— И это еще не все, — он сложил платок и затолкал в карман брюк. — Она также говорит, что у девушки... срезали лицо, — он с силой втянул в себя воздух. — А еще перед смертью ее ослепили...

* * *

Сначала мы направились на север, миновали торговый центр и устремились дальше к западной части Батон-Руж, с ее дешевыми закусочными для дальнбойщиков, игорными притонами и забегаловками, забитыми рабочими, дружно тянувшими ядовитое пойло: либо виски, либо пиво. Горячий, резко пахнущий гнилым болотом ветер, с яростью трепал ветви деревьев у обочин. После перекрестка мы поехали по дороге на опорах, которая и привела нас в болото. Атчафалайя — край кейджанов, чьи белые предки-французы некогда были насильственно переселены в эти места из Канады.

До этого я только раз бывал здесь. Мы приезжали сюда со Сьюзен, молодые и тогда еще счастливые. В кафе у пристани мы остановились перекусить. Я съел безвкусную курятину, а Сьюзен пыталась справиться с поджаренными во фритюре кусочками аллигатора, но мясо было настолько жестким, что оказалось бы не по зубам и его собратям. Затем рыбацк-

кейджан повез нас прокатиться по болотам среди полузатопленного кипарисового леса. Кроваво-красное солнце низко висело над водой, и темные силуэты древесных стволов торчали из воды, как пальцы мертвецов, воздетые к небесам в обвиняющем жесте. Нас окружал совершенно другой мир. Отсюда городская суэта казалась такой же далекой, как луна на небе. Эта новизна и необычность создавали какую-то особую чувственную атмосферу. От влажной духоты одежда липла к телу, и пот капал со лба. Нас тянуло друг к другу словно магнитом. Вернувшись в свой номер в Лафайете, мы любили друг друга, как одержимые, побуждаемые внезапно обуйавшей нас страстью, и в затопившей комнату жары наши взмокшие тела двигались, словно в воде.

Но путь наш лежал не в Лафайет, с его мотелями, бензоколонками и возможностью вкусно поесть, где в ресторанах под музыку ансамблей кейджанов местные жители и туристы угощались пивом и зубаткой. Вулрич свернул с основной автострады на дорогу с двумя полосами, петлявшую по изрезанной протоками местности. А затем мы поехали не по дороге, а по колее, как оспинами, усеянной выбоинами с затхлой болотной водой и с тучами роящейся над ними мошкар. По краям этого подобия дороги росли кипарисы и ивы, а в просветах между ними в воде виднелись пни — следы очень давних вырубок. К берегу жались группами кувшинки. Когда машина сбавила ход и солнце осветило воду под нужным углом, я смог разглядеть в их тени неспешно плавающих окуней, нарушавших то там то здесь спокойствие воды.

Я слышал, что эти места в свое время давали приют лихим соратникам известного пирата Жана Лафита. Теперь на их место пришли другие: убийцы и контрабандисты. Протоки и острова служили для них удобным местом, где можно без риска припрятать героин и марихуану, а недра болот становились надежными могилами, когда требовалось буквально спрятать концы в воду. Среди буйной растительности в стойком смраде болот отыскать разлагающиеся тела было невозможно.

Мы еще раз свернули, в этом месте кипарисы нависали над дорогой. Под колесами машины загромыхали доски моста; во многих местах краска облупилась, обнажая дерево. На дальнем конце мостков я заметил чей-то огромный силуэт. За нами наблюдали: в тени деревьев четко обозначились белки глаз.

— Видел его? — спросил Вулрич.

— А кто это?

— Младший сын старухи. Она зовет его Ти Джин — Малыш Джин. Он не очень шустрый, но за ней присматривает. Они все за ней смотрят.

— А сколько их?

— В доме живет шесть человек: старуха, ее сын, трое детей от брака одного из старших сыновей, который три года назад погиб в автомобильной аварии вместе с женой, и дочь старухи. Еще пятеро ее сыновей и три дочери живут не дальше пяти миль отсюда. Ну и остальные местные жители также ее не оставляют без внимания и заботы. Она в этих краях своего рода владыка, матриарх что ли, — сила колдовства.

Я посмотрел на него, силясь понять, не шутит ли он, но на лице Вулрича не было и намека на улыбку.

Мы выехали на свободный от деревьев участок и подкатили к одноэтажному длинному дому, возвышавшемуся над землей на высоту ошкуренных пней, служивших ему опорами. Дом был старым, но его внешний вид говорил о том, что у него есть заботливый хозяин. Вход закрывала только проволочная сетка. Вдоль фасада тянулась веранда, скрывавшаяся за

углом. На ней стояли несколько стульев, а на полу лежало множество разных детских игрушек. Из-за дома доносились голоса детей и плеск воды.

Сетчатая дверь открылась, и на пороге появилась невысокого роста худенькая женщина лет тридцати с тонкими чертами лица. Пышные темные волосы, собранные сзади в хвост, оттеняли кремового цвета кожу. Мы вышли из машины и приблизились к крыльцу, и тут я заметил, что все лицо ее было усеяно рубцами мелких шрамов, скорее всего оставшихся с юности от угрей. По всей видимости, она узнала Вулрича, потому что сразу же распахнула перед нами дверь, не успели мы и рта раскрыть. Я двинулся ко входу, а Вулрич остался.

— А ты не пойдешь со мной? — обернувшись, удивился я.

— Если тебя кто-нибудь спросит, не говори, что я тебя сюда возил. И мне не хочется с ней встречаться, — с этими словами Вулрич устроился на веранде, и устремил взгляд на солнечные блики на воде.

Дом встретил меня прохладой. Дерево стен потемнело от времени. Из прихожей двери вели в спальню и гостиную, имевшую несколько строгий вид и обставленную мебелью ручной работы, но потрудились над ней рука искусного мастера. Старинной модели радиоприемник светился шкалой с названиями далеких городов. Звуки ноктюрна Шопена плыли по всему дому. Достигали они и самой дальней комнаты, где меня ждала старая женщина.

Она оказалась слепой. На огромном круглом, как луна, лице я увидел незрячие глаза с белыми зрачками. Шея тонула в складках жира, спускавшихся на грудь. Кисейные рукава ее пестрого платья позволяли рассмотреть толстые руки, а распухшие ноги напоминали стволы деревьев, но заканчивались они неожиданно миниатюрными ступнями. Она сидела, окруженная горой подушек на кровати, которая была под стать ее гигантскому телу. Комнату с занавешенными окнами освещал только фонарь-«молния».

— Садись, дитя, — она взяла мою руку в свои, и легким движением погладила пальцы. Взгляд ее невидящих глаз был устремлен вперед мимо меня.

— Я знаю, почему ты здесь, — сказала старая креолка, скользя пальцами по линиям моей ладони. На удивление высокий голос! Она показалась мне огромной куклой, в которую по ошибке вставили пленку с голосом, предназначенным для маленькой модели.

— Внутри у тебя все болит и жжет. Маленькая девочка и твоя жена — их больше нет.

В скудном свете фонаря мне почудилось, что я слышу потрескивание искр энергии, скрытой в этой женщине.

— Тетушка, расскажите мне о девушке на болоте — той, что без глаз.

— Бедняжка, — проговорила старая женщина, и на ее лбу залегла горестная складка. — Она здесь очутилась впервые. Убегала от чего-то, но заблудилась. Он ее подвез, и она не вернулась назад. Как же он ее искалечил, но только ножом, а больше никак не тронул.

Ее взгляд обратился на меня, и мне стало понятно, что она не слепая, а наделена зрением особого свойства. Ее пальцы ощупывали линии моей ладони, и от этих прикосновений глаза мои вдруг сами собой закрылись, и пришло чувство, что она была рядом с этой неизвестной девушкой и, может быть, даже старалась поддержать ее в страшные минуты, когда нож убийцы терзал ее тело.

— Держись, детка. Тетушка теперь с тобой. Вот моя рука, ухватись за нее. Он так мучает тебя сейчас.

И в эти мгновения я слышал и чувствовал, как где-то глубоко внутри меня лезвие ножа резало, кромсало, отделяло мышцы от суставов, плоть от костей, душу от тела. Художник

трудился над своим полотном. Я ощущал в себе мечущуюся боль, вспышками молнии сопровождающую затухающую жизнь. Эта боль, переполняя безымянную девушку, изливалась из нее какой-то чудовищной адской мелодией. И в ее агонии я почувствовал муки своей жены и дочери, и у меня не осталось сомнений, что это дело рук одного и того же человека. Но, прежде чем боль оборвалась вместе с жизнью, девушку окружил мрак, и я понял, что, перед тем как убить, он ослепил ее.

— Но кто же он такой? — спросил я.

Она заговорила, но не одним, а слившимися вместе четырьмя голосами: моей жены, дочери, тучной женщины в подушках на постели в затемненной шторами комнате и голосом той неизвестной девушки, принявшей жестокую смерть среди воды и грязи болота.

— Он — Странник...

* * *

Уолтер задвигался в своем кресле и стал размешивать кофе. От прикосновения ложки фарфор тонко зазвенел, и этот звук прозвучал для меня колокольным перезвоном.

— Нет, — ответил, наконец, я на его вопрос. — Того человека я не нашел.

Уолтер некоторое время сидел молча. Его стакан почти опустел.

— Я прошу тебя об одолжении. Не для себя — это нужно кое-кому другому.

Я промолчал.

— Дело связано с трастовым фондом Бартона.

Фонд был образован согласно завещанию Джека Бартона. Этот промышленник сколотил огромное состояние после войны, поставляя запчасти авиационным предприятиям. Средства фонда использовались для исследования проблем, касающихся детей, из этого же источника шли деньги в пользу педиатрических клиник, и в целом траст обеспечивал материальную поддержку детям в тех случаях, когда государство оказывалось в стороне. Формально трастовый фонд возглавляла вдова Бартона Изабелла, однако повседневная работа находилась в ведении адвоката Эндрю Брюса и председателя фонда Филипа Купера.

Все эти подробности были мне известны, поскольку Уолтер иногда занимался проведением акций в пользу фонда Бартона — таких как лотереи, соревнования по боулингу и тому подобное. Кроме того, за несколько недель до этого фонд упоминался в новостях по поводу события более чем неприятного. В парке особняка Бартонов на Стэйтен-Айленде во время благотворительного детского праздника пропал маленький мальчик — Эван Бейнс. Ребенок исчез, как сквозь землю провалился, и в полиции не надеялись его отыскать. Появилось предположение, что он вышел из парка и его похитили. На какое-то время этот случай привлек внимание газетчиков, а затем интерес к нему остыл. На том все и кончилось.

— Случай с Эваном Бейнсом?

— Нет, по крайней мере, как мне кажется, речь не о нем, но дело, тем не менее, связано с исчезновением человека. Суть в том, что пропала одна молодая женщина, знакомая Изабеллы Бартон. О ней несколько дней нет известий, и миссис Бартон встревожилась. Зовут женщину Кэтрин Демер. К исчезновению Бейнса она отношения не имеет, поскольку познакомилась с Бартонами позднее.

— Что еще известно об этой семье?

— Кэтрин, по всей видимости, встречалась со Стивеном Бартоном. Ты имеешь о нем представление?

— Дерьмо порядочное, а кроме того, этот тип приторговывает наркотиками для Санни Ферреры. Они выросли вместе, жили рядом в районе Стэйтен-Айленд, ну, Бартон подростком и снюхался с Санни. Стивен интересуется стероидами и кокаином, но это все мелочи.

— И давно ты об этом узнал? — насупился Уолтер.

— Не помню, — ответил я. — В спортзале болтали.

— Господи, почему нам ничего стоящего не говорят?! Я вот только во вторник об этом узнал.

— Вы же из полиции. Никто вам ничего не рассказывает, потому что предполагается, что вы должны быть в курсе.

— Ты сам недавно служил в полиции, — буркнул Уолтер. — А уже успел дурных привычек набраться.

— Брось, Уолт. Откуда мне знать, чем ты интересуешься? Прикажешь каждую неделю бегать к тебе отчитываться? — я налил себе кофе. — Но, как бы то ни было, ты

предполагаешь связь между этим исчезновением и Санни Феррерой?

— Вполне возможно, — согласился Уолтер. — Около года назад федералы приглядывали за Стивеном Бартоном. Правда, это было задолго до его знакомства с Кэтрин Деметр. Но им так и не удалось зацепить этого прохвоста, и они от него отстали. В картотеке по наркотикам мисс Деметр не числится, но много ли они знают в этой службе. Некоторые до сих пор уверены, что «косячок» имеет отношение к дверям. Возможно, она увидела то, что ей не следовало видеть.

На лице Уолтера ясно читалось сомнение насчет собственной теории, но он хотел, чтобы опроверг ее я.

— Уолтер, что значит стероиды и немного кокаина? Конечно, это приносит определенные барыши, но по сравнению с остальными доходами семьи Феррера все это мелочи, ты же знаешь. И если Санни кого-то пришел из-за такой ерунды, тогда он еще глупее, чем мы думаем. Хотя куда глупее — даже его старик считает, что он ошибка природы.

Феррера-старший, несмотря на старческую немочь, оставался влиятельной фигурой, и, как известно, нередко называл своего единственного сына, когда о том заходила речь, не иначе как «маленький мерзавец».

— И это все, что тебе известно?

— Мы же полиция, сам сказал, и нам никто не сообщает ничего, стоящего внимания, — сухо заметил Коул.

— Кстати, а тебе известно, что Санни импотент? — решил я просветить Коула.

— Нет, я об этом понятия не имел, — Уолтер встал и, покачивая пустым стаканом, улыбнулся, впервые за этот вечер. — И не очень расстроился бы, если бы не узнал. А ты что, его врач? — Коул взглянул на меня и снова взялся за графинчик. Я равнодушно махнул рукой.

— А Пили Пилар все еще крутится вокруг него? — осторожно закинул удочку я.

— Насколько мне известно, да. Я слышал, что пару недель назад он выкинул из окна Никки Очкарика, потому что тот пропустил срок выплат.

— Круто с Никки обошлись, нечего сказать. Не прошло бы и ста лет, как он смог бы полностью рассчитаться. Пили нужно попридержаться свой нрав, иначе ему скоро некого будет из окон вышвыривать.

Уолтер даже не улыбнулся.

— Ты поговоришь с ней? — спросил он, возвращаясь в кресло.

— Ох, уж эти мне пропавшие без вести... — вздохнул я. — Каждый год в Нью-Йорке исчезает четырнадцать тысяч человек. Что касается этого случая, то здесь нет полной ясности, пропала женщина или нет. Возможно, она сама не хочет, чтобы ее нашли, или кто-то другой не желает этого. Есть также вероятность, что она втихую собралась и уехала в другой город, ничего не сообщив своей доброй знакомой Изабелле Бартон и милейшему другу Стивену.

Такие возможности следователь обязательно должен учитывать, занимаясь случаями исчезновения людей. Для него поиск пропавших — лакомый кусок, но я не следователь. Я занялся делом толстяка Олли, только соблазнившись легкостью задачи, как мне сначала представлялось. Совсем не хотелось связываться со службой выдачи лицензий, и не было никакого желания впутываться в розыски. Возможно, я опасался, что такая работа слишком сильно меня отвлечет. А может быть, тогда я не придавал этому случаю достаточного

значения.

— В полицию она обращаться не станет, — продолжал Уолтер. — Об исчезновении этой женщины пока никто не заявлял, и нет полного основания считать ее пропавшей.

— Тогда откуда у тебя эти сведения?

— Ты знаешь Тони Лу-Лу?

Я согласно кивнул. Тони Лумакс мне был известен. Среди следователей он считался мелкой сошкой и никогда не поднимался выше ведения дел о побегах должников и скандальных разводах.

— Странно, что Изабелла Бартон обратилась к Лумаксу: не тот уровень.

— Пару лет назад он помог кому-то из прислуги Бартонов. Лумакс нашел мужа этой женщины, сбежавшего с их общими сбережениями. Миссис Бартон сказала, что ей нужна услуга подобного свойства, но огласка крайне нежелательна.

— Но ты-то как оказался в этом деле?

— У меня есть кое-какой материал на Тони. Он слегка вышел за рамки закона, и ему ни к чему, чтобы об этом стало известно. Вот он мне и сообщил, что Изабелла Бартон ищет неофициальные каналы получения информации. Я поговорил с Купером. Он считает, что фонду Бартона совершенно не нужно снова привлекать к себе нездоровый интерес. И я решил, что мог бы оказать ему услугу.

— Но если дело предложено Тони, почему ты обращаешься ко мне?

— Мы посоветовали Тони от дела устраниваться. Он сказал миссис Бартон, что сам этим делом заняться не может, но знает заслуживающего доверия человека, на которого она вполне может положиться. Сам Тони сослался на необходимость уехать, чтобы присутствовать на похоронах матери.

— У Тони Лу-Лу матери нет, его воспитали в сиротском приюте.

— Это неважно, суть в том, что чья-то мать умерла, и он может поехать на эти похороны, — с нотками раздражения пробурчал Уолтер.

Я заметил промелькнувшую в его глазах искру сомнения.

— Поэтому я обратился к тебе. Если бы я сам попытался провести это дело, даже с максимальной скрытностью, все равно о нем стало бы известно. В управлении чихнуть нельзя, чтоб об этом не узнали все.

— А как насчет семьи девушки? Уолтер пожал плечами.

— Подробностей не знаю, но, кажется, у нее никого нет. Послушай, Берд, я обратился к тебе, потому что ценю тебя как специалиста. Ты был способным полицейским, и если бы не уволился, то далеко бы пошел. Мы бы тебе башмаки чистили. У тебя было отличное чутье, думаю, оно при тебе и осталось. К тому же ты мой должник: тем, кто устраивает пальбу в общественном месте, редко удается легко отделаться.

Я задумался. В кухне работал телевизор, и на его фоне было слышно, как гремит посудой Ли. Возможно, эта история — отголосок предшествовавших событий: бессмысленного убийства Олли Уоттса и его подружки, смерти киллера, — но создавалось впечатление, что мир распатался и сместился, а потому исчезли логические связи, и все идет наперекос. Я думал, что Уолтер старается с моей помощью восстановить истинную картину.

У входа позвонили, и вслед за этим из передней донесся приглушенный разговор. Один голос принадлежал Ли, второй, низкий, — мужчине. Несколькими секундами позже в дверь кабинета постучали, и Ли впустила к нам высокого седого мужчину лет пятидесяти в темно-

синем двубортном костюме с красным галстуком от Кристиана Диора, а в его башмаки можно было смотреться, как в зеркало.

Если судить по внешности, Купер крайне мало подходил для своей роли председателя и представителя детской благотворительной организации. Худой, неестественно бледный, с тонкими надменно поджатыми губами и смахивающими на клешни длинными, сужающимися к концам пальцами, Купер совсем не располагал к себе и вообще выглядел так, словно его откопали из могилы специально для того, чтобы сделать людям гадость. Появись он на одном из детских праздников, устроенных фондом, все бы дети дружно разревелись от испуга.

— Это он? — Купер сразу перешел к делу, отклонив предложение выпить. При этом он дернул в мою сторону головой на манер жабы, сглатывающей муху. Я вертел в руках сахарницу, стараясь выглядеть обиженным.

— Это Паркер, — кивнул на меня Уолтер.

Я ждал, подаст ли мне Купер руку. Не дождался. Он стоял, сцепив руки с миной человека, часто присутствующего на похоронах, а на этот раз оказавшегося на них постольку поскольку.

— Вы уже объяснили ему сложившуюся ситуацию?

Уолтер кивнул, но вид у него был явно смущенный: Купер вел себя хуже невоспитанного ребенка. Я молчал, и не думая вставать. Купер презрительно фыркнул и свысока уставился на меня. Было похоже, что так смотреть на людей вошло у него в привычку.

— Положение щекотливое, мистер Паркер. Я уверен, что вы с этим согласитесь. Прежде чем передавать любую информацию миссис Бартон, вы будете сообщать ее мне. Это ясно?

Я прикидывал про себя, стоит ли утруждаться, чтобы поставить его на место. Но, увидев огорченное лицо Уолтера, решил, что надо с этим повременить. Мне вдруг стало заочно жаль Изабеллу Бартон.

— У меня сложилось впечатление, что меня нанимает она, — как бы между прочим заметил я.

— Верно, но отчитываться вы будете передо мной.

— Не уверен. Здесь присутствует элемент конфиденциальности. Делом я займусь, но только если оно не имеет отношения к случаю с малышом Бейнсов и к нему не причастно семейство Феррера. В любом случае я сохраняю за собой право предоставить собранные сведения только миссис Изабелле Бартон.

— Мистер Паркер, такой подход не вполне правильный, — щеки Купера от возмущения слабо вспыхнули, но румянец тут же исчез, и бледность вновь разлилась по его лицу. — Возможно, я выразился недостаточно ясно, но, повторяю, в этом деле вы сначала даете отчет мне. У меня, мистер Паркер, есть весьма влиятельные друзья. Если вы откажетесь сотрудничать, вам это может стоить потери лицензии.

— О да, друзья ваши должны быть о-о-очень влиятельными, чтобы отобрать лицензию, которой у меня нет.

С этими словами я поднялся и заметил, как у Купера слегка сжались кулаки.

— Советую заняться йогой, — я все же не упустил случая зацепить Купера, — напряжение как рукой снимает.

Поблагодарив Уолтера за кофе, я направился к двери.

— Подожди, — остановил он меня. Я обернулся: Уолтер сверлил взглядом Купера.

Через несколько мгновений Купер еле заметно пожал плечами и отошел к окну. На меня он больше не взглянул. Отношение Купера и выражение лица Уолта окончательно определили мою позицию, и я твердо решил вопреки всему поговорить с Изабеллой Бартон.

— Полагаю, она в курсе насчет меня? — уточнил я у Уолта.

— Я велел Тони сказать ей, что ты знаешь свое дело и отыщешь девушку, если она жива. Снова последовала короткая пауза.

— А если ее нет в живых?

— Мистер Купер тоже задал мне этот вопрос, — ответил Уолт.

— И что же ты ему сказал?

Уолт залпом допил виски: кубики льда с костяным стуком брякнули о стекло. За его спиной мрачным вестником беды темнел на фоне окна силуэт Купера.

— Я сказал, что в этом случае ты найдешь тело.

* * *

Всегда все сводится к одному и тому же: к трупам, которые найдены или которые предстоит найти. И мне вспомнился тот апрельский день, когда мы с Вулричем стояли у дома старой женщины и смотрели на протоку. Я слышал плеск воды о берег, видел поодаль покачивающуюся на волнах лодку с двумя рыбаками. Но взгляды наши стремились в глубину, словно, напрягая зрение, мы могли проникнуть в толщу воды, что скрывала тело безымянной девушки.

— Ты ей веришь? — наконец, спросил я.

— Не знаю. Точнее не скажу.

— С тем, что у нас есть, найти тело, если оно на самом деле там, практически невозможно. Стоит только начать тралить, и костей отыщется целая гора. В этих болотах не одну сотню лет избавлялись от трупов. Если ничего не попадет, это будет просто чудо.

Я отошел в сторону и задумался. Конечно, Вулрич прав. Если предположить, что тело действительно где-то в болоте, для его поиска необходимы дополнительные сведения. Старая женщина сказала слишком мало. Мне казалось, что я пытаюсь ухватить бесплотный призрак, дым, но все же слова женщины имели непосредственное отношение к человеку, убитому Дженни и Сьюзен.

Я спрашивал себя, не сумасшествие ли это — доверять словам слепой, слышащей во сне голоса. Возможно, я на самом деле рехнулся.

— А вы знаете, как он выглядит, тетушка? — спросил я у нее, и она покачала головой:

— Его видит тот, за кем он приходит, тогда его и можно узнать.

У машины я обернулся и увидел на веранде Вулрича и девушку с лицом в шрамах. Она поднялась на цыпочки и прильнула к нему. Вулрич нежно погладил ее по щеке и тихо назвал по имени: Флоренс. Затем он в легком поцелуе коснулся ее губ, и, не оборачиваясь, пошел к машине. На обратном пути в Новый Орлеан мы ни словом не обмолвились об этом.

Шедшему всю ночь дождю удалось пробить плотный кокон жары и освободить изнывавший от духоты город. На следующее утро улицы Манхэттена смогли вздохнуть с облегчением. Когда я вышел на пробежку, было, можно сказать, прохладно. Бегать по асфальту — дополнительно нагружать колени, но эта часть города лужайками не богата. На обратном пути я купил газету и прочитал ее за завтраком после душа. В начале двенадцатого вызвал такси и отправился к Бартонам.

Изабелла Бартон обитала в уединенном особняке, выстроенном в семидесятых годах ее ныне покойным мужем около Тодт-Хилл. Это сооружение представляло собой впечатляющую, хотя и не вполне удачную попытку воссоздать в интерьере восточного побережья и в меньшем масштабе милые сердцу Бартона строения середины XIX века характерные для его родной Джорджии. Очевидно, старина Бартон, милейший, по общему мнению, человек, недостаток вкуса компенсировал обилием потраченных на строительство денег и упорством в достижении цели.

Когда мы подъехали, ворота стояли открытыми и в воздухе висел запах автомобильного выхлопа. Автоматические ворота уже закрывались, но мое такси успело проскочить, и мы проследовали за белым «БМВ» с тонированными стеклами до самого дома. Такси определенно не вписывалось в окружающий ансамбль, хотя неизвестно, как бы здесь посмотрели на мой выдавший виды «мустанг», который я отдал подлатать.

Когда мы подъехали, из «БМВ» вышла женщина в костюме консервативного серого цвета и с удивлением и некоторым недоумением наблюдала, как я расплачивался с таксистом. Уложенные в пышный пучок седые волосы не прибавляли мягкости строгим чертам ее лица. Такси отъехало, я направился к дому, и тут у дверей возник крупный темнокожий мужчина в форме шофера и с самым решительным видом направился ко мне.

— Я Паркер. Полагаю, меня ждут.

Шофер одарил меня многозначительным взглядом, ясно говорившим, что мне придется сильно пожалеть, если я солгал. Он предложил мне подождать, и отошел к женщине в сером.

Она бросила на меня цепкий злой взгляд и обменялась несколькими словами с шофером, после чего он удалился в конец дома, а она направилась ко мне.

— Мистер Паркер, меня зовут миссис Кристи, я личный секретарь миссис Бартон. Вам следовало подождать у ворот, пока мы убедимся, кто вы.

Я заметил, как в окне над дверью кто-то слегка отодвинул занавеску и тут же вернул ее на место.

— Если у вас есть отдельный вход для обслуживающего персонала, я в дальнейшем буду пользоваться им.

На лице секретарши отразилась надежда, что в этом не будет необходимости. Некоторое время она всматривалась в меня с холодным вниманием, затем направилась к двери.

— Прошу вас пройти со мной, — не оборачиваясь, пригласила миссис Кристи.

Следуя за ней, я отметил про себя, что края ее английского костюма по краям истрепались, и мне пришло в голову, что у меня с миссис Бартон могут возникнуть трения по поводу гонорара.

Но если Изабелла Бартон испытывала недостаток средств, она легко могла бы

поправить дело, стоило ей только продать кое-что из раритетов, которыми был полон дом, поскольку его интерьер без натяжки заслуживал определения «мечта антиквара». В холл выходили две просторные комнаты. Мебель в них если и бывала в ходу, то только по случаям, отмеченным исключительной важностью. Широкая лестница поворачивала вправо. Прямо виднелась закрытая дверь, под лестницей оказалась вторая. В нее прошла миссис Кристи, а вслед за ней и я. Мы оказались в небольшом, но на удивление светлом и современном по стилю кабинете с компьютером в углу и встроенной в книжные полки видеосистемой. У меня возникла мысль, что миссис Бартон все же не будет иметь ничего против моего счета.

Усевшись за сосновый письменный стол, миссис Кристи достала из кейса бумаги и с нескрываемым раздражением принялась их перебирать, пока не отыскала то, что хотела. Она подтолкнула ко мне документ.

— Это стандартная форма конфиденциального соглашения, составленная адвокатами фонда. В документе отражено ваше обязательство, что все касающиеся данного дела сведения будут известны только миссис Бартон, мне и вам, — она ткнула ручкой в соответствующие пункты договора. Это выглядело так, будто ушлый страховой агент старается подсунуть простофиле никудышный контракт. — Прежде чем мы продолжим беседу, мне бы хотелось, чтобы вы поставили здесь свою подпись, — заключила она.

Как видно, все, кто имел отношение к фонду Бартона, избытком доверчивости не страдали.

— У меня иное мнение, — ответил я. — Если вас так беспокоит риск нарушения конфиденциальности, вам следует нанять священника. Либо вам придется довольствоваться моим обещанием, что информация дальше нас не пойдет.

Возможно, я должен был почувствовать угрызения совести за то, что солгал. Но ничего подобного я не ощутил. Лгать у меня получалось совсем неплохо. Это один из талантов, которыми Господь наделяет алкоголиков.

— Такой вариант неприемлем. Я даже начинаю сомневаться в необходимости ваших услуг, и, тем более, этот вопрос не может быть решен без...

Ее тираду прервал звук открывавшейся двери. Я обернулся и увидел высокую привлекательную женщину, чей возраст точно не давали определить естественная грация и волшебство косметики. На глаз я дал бы ей лет сорок пять или немногим больше, но если передо мной стояла Изабелла Бартон, то ей, по моим сведениям, должно было быть около пятидесяти пяти, а возможно, и больше. Изысканная простота ее светло-голубого платья не оставляла сомнений, что оно очень дорогое, а фигура, которую оно облегало, либо прекрасно сохранилась, либо была плодом усилий пластического хирурга.

Когда она подошла ближе, стали видны мелкие морщинки, и я решил, что вернее первое предположение: миссис Бартон мало походила на тех женщин, что прибегают к пластическим операциям. Ее шею украшало ожерелье из оправленных в золото бриллиантов, а в ушах поблескивали серьги, выполненные в том же стиле. Длинные седые волосы свободно падали на плечи. С годами она не утратила привлекательности и хорошо сознавала это, что сразу чувствовалось в ее осанке.

После исчезновения сына Бейнсов основным объектом внимания газетчиков стал Филип Купер, но они донимали его не слишком долго. Пропавший ребенок принадлежал к семье, для которой беспросветность — лучшая характеристика, и, если бы не связь с фондом Бартона, этот случай едва ли попал бы в газеты. Но, тем не менее, адвокаты и покровители

приложили усилия, чтобы максимально ограничить рассуждения и домыслы на этот счет.

Незадолго до исчезновения малыша его мать рассталась с мужем, и отношения их оставляли желать лучшего.

В связи с этим в полиции не оставляли попыток разыскать отца мальчика, не исключая возможности похищения, однако все указывало на то, что папаша, мелкий жулик, своего сына терпеть не мог. Бывали, правда, случаи, когда отцы выкрадывали и убивали своих детей, чтобы досадить бывшей жене. Помнится, когда я только пришел в полицию и служил патрульным, мы приехали по вызову и обнаружили, что папаша утопил в ванной украденную маленькую дочь, а все из-за того, что бывшая жена после того, как они расстались, не отдавала ему телевизор.

У меня в памяти застряла только одна деталь из публикаций об исчезновении Бейнса. Это было фото миссис Бартон, посетившей мать Эвана Бейнса в рамках программы помощи детям из неблагополучных семей: на фотографии она получилась с опущенной головой. Визит этот был частным, и фотограф, случайно оказавшийся поблизости, сделал не вполне удачный снимок. Его опубликовали несколько газет, но мелко.

— Благодарю, Каролина, я побеседую пока с мистером Паркером сама, — несмотря на улыбку, тон ее не допускал возражений. Секретарь с деланным равнодушием отнеслась к тому, что ее выпроваживали, но глаза ее полыхнули огнем. Когда мы оказались одни, миссис Бартон села на стул с высокой спинкой и с улыбкой указала мне на черную кожаную кушетку.

— Прошу извинить за возникшие неувязки. Никаких распоряжений насчет подобных соглашений я не давала. Это инициатива Каролины. Ее стремление обезопасить меня иногда выходит за рамки разумного. Могу я предложить вам кофе или предпочитаете что-либо выпить?

— Благодарю, ничего не нужно. И, прежде всего, миссис Бартон, хочу заметить, что я, как правило, не занимаюсь поиском пропавших, — я счел необходимым предупредить ее. — На мой взгляд, розыски должны вести специальные агентства, располагающие достаточным персоналом, чтобы пройти по каждому следу и изучить все возможности. Но некоторые сыщики-одиночки, берущиеся за такую работу, не имеют необходимого оснащения, а встречаются и такие, кто самым бессовестным образом пользуются случаем и стараются заполучить как можно больше денег, не утруждая себя и не заботясь о результатах.

— Мистер Лумакс предупредил, что вы можете это сказать, но лишь из скромности. Он просил передать, что будет считать ваше согласие любезностью, оказанной ему лично.

Я не смог сдержать улыбки. Единственная любезность, на которую может рассчитывать Тони Лу-Лу, так это то, что я не стану мочиться на его могилу, когда он там окажется.

По словам миссис Бартон, с Кэтрин Деметр она познакомилась через своего сына, который увидел девушку в универсальном магазине «Деврис», где она работала продавщицей, и уговорил пойти с ним на свидание. В отношениях миссис Бартон с сыном о теплоте и доверительности и речи не шло. По сути дела, он приходился ей пасынком. Джек Бартон до нее был женат на южанке, которая развелась с ним после восьми лет совместной жизни и уехала с каким-то певцом на Гавайи, оставив мальчика отцу. Миссис Бартон знала о «сомнительных», как она выразилась, занятиях пасынка и пыталась убедить его от них отказаться «ради его же собственной пользы и в интересах фонда». Я сочувственно кивнул: всем, кому приходилось сталкиваться со Стивеном Бартоном, оставалось только посочувствовать.

Услышав о новой подруге сына, она попросила их познакомиться. В назначенный день сын не появился, но Кэтрин пришла. Женщины удивительно быстро нашли общий язык, и их отношения отличались большей теплотой, чем те, что существовали между каждой из них и Стивеном Бартоном. Время от времени они встречались в кафе или вместе обедали. Несмотря на приглашения, девушка вежливо, но настойчиво отказывалась от предложений миссис Бартон приехать к ним домой, а Стивен никогда ее с собой не привозил.

А затем Кэтрин пропала. В субботу она рано ушла с работы, а на воскресенье они с миссис Бартон договаривались пообедать вместе, но девушка так и не пришла. Больше ее никто не видел. Прошло уже два дня, но мисс Деметр так и не объявилась.

— Недавнее исчезновение того бедного ребенка привлекло нежелательное внимание к фонду, и мне не хотелось бы новой шумихи вокруг него, — объяснила она. — Я позвонила мистеру Лумаксу, и он высказал предположение, что Кэтрин, возможно, просто решила отсюда уехать. Мне кажется, такие случаи нередки.

— А как на ваш взгляд, имелись ли у нее особые мотивы?

— Не знаю точно, но работа ей нравилась, и у них складывались неплохие отношения со Стивеном...

Последовала пауза. Миссис Бартон споткнулась на имени сына и, казалось, раздумывала, стоит ли затрагивать эту тему.

— Видите ли, Стивен ведет довольно бурную жизнь, — продолжала она. — Все началось еще при жизни его отца. Вы знаете семейство Феррера, мистер Паркер?

— Да, мне случалось о нем слышать.

— Несмотря на все наши усилия, Стивен сошелся с их младшим сыном. Я знаю, пасынок связан с дурной компанией и имеет отношение к наркотикам. Боюсь, как бы он не втянул во что-нибудь нехорошее и Кэтрин. А мне... мне она нравилась, — слегка запнувшись, продолжала миссис Бартон, — мне она нравилась. В ней чувствовалась располагающая нежность, а временами она выглядела такой печальной. Кэтрин говорила, что после многих лет скитаний очень хочется здесь обосноваться.

— А она рассказывала, где ей приходилось бывать?

— Во многих местах. Из ее слов я заключила, что работала она в разных штатах.

— А что-либо о своем прошлом она рассказывала? Не встречалось ли в ее рассказах намек на то, что ее тревожит?

— У меня сложилось впечатление, что в юности она пережила семейную трагедию. Кэтрин упоминала как-то о сестре, которая умерла, но больше ничего не прибавила: ей было тяжело об этом говорить, и я, конечно, не настаивала.

— Возможно, мистер Лумакс прав, и она просто в очередной раз переехала?

— Нет, — упрямо покачала головой миссис Бартон, — Я уверена, что она бы меня предупредила. Но ни я, ни Стивен никаких известий от нее не получали. Я беспокоюсь и хочу знать, где она и что с ней. Мне достаточно убедиться, что она жива и здорова. Ей даже совсем не обязательно знать, что я наняла вас. Так вы согласны взяться за это дело?

Мне очень не хотелось брать на себя грязную работу Уолтера Коула и обманывать Изабеллу Бартон, но с работой на этот момент у меня было не густо. Чтобы занять себя, я перед этим выполнял задание страховой фирмы, а на следующий день мне предстояло выступить в суде, защищая ее интересы. Вот, собственно, и все.

Если существует связь между исчезновением Кэтрин Деметр и Санни Феррерой, девушке обеспечены неприятности, и она в беде. А если Санни замешан в убийстве толстяка

Олли Уоттса, тогда ясно, как день, что он пошел вразнос.

— Я уделю этому делу несколько дней в виде любезности, — пообещал я. — Теперь о моем гонораре.

Она уже выписывала чек, но не на счет фонда, а на свой личный.

— Вот вам три тысячи аванса, а это моя визитная карточка. Номер личного телефона с обратной стороны. Что еще вас интересует? — спросила миссис Бартон, подвигая стул вперед.

Вечером я ужинал в «Ривер» на Амстердам-авеню, недалеко от 70-й улицы. Это был лучший вьетнамский ресторан в городе, где отлично готовили говядину, а персонал двигался совершенно бесшумно, отчего казалось, что вам прислуживают бесплотные тени или легкий ветерок. Мое внимание привлекла пара за соседним столиком. Их пальцы сплетались и расплетались, нежно выписывали круги друг у друга на ладонях. А затем они соединили руки и стали с силой соприкасаться основаниями ладоней, имитируя любовный ритуал. Мимо скользнула тенью официантка и понимающе улыбнулась мне, заметив мой взгляд, устремленный на молодых.

На следующий день после встречи с Изабеллой Бартон я ненадолго заглянул в суд в связи с делом о страховке. Один из электриков телефонной компании предъявлял ей иск в связи с тем, что потерял трудоспособность, провалившись в дыру на дороге, когда проверял состояние подземных кабелей.

Работать он, возможно, не мог, но оказался в состоянии участвовать в соревновании по поднятию тяжестей и выиграл пятьсот долларов в одном из гимнастических залов Бостона. С помощью миниатюрной видеокамеры я запечатлел его триумф. Страховая компания представила видеоматериал в суд, и решение по делу отложили на неделю. Мне даже не пришлось давать показания. Затем я выпил кофе и просмотрел газету, после чего отправился в давно известный мне спортзал Пита Хейза.

Я знал, что сюда заходил Стивен Бартон. Если его подружка исчезла, существовала реальная возможность, что он знал, куда она делась и, самое главное, в чем причина ее исчезновения. Я помнил этого парня довольно смутно: скандинавского типа, рослый, с мышцами, до безобразия раздутыми стероидами. Хотя ему еще не исполнилось и тридцати, тренировки и солнечные ванны набрасывали ему еще десяток.

Этот район привлек внимание художников и юристов с Уолл-Стрит, и спортзал Пита с запыленным, посыпанным опилками полом неузнаваемо преобразился. В нем появились зеркала на стенах, пальмы в кадках и бар с соками. И теперь в этом зале рядом с тупоголовыми тяжеловесами и серьезными силачами сгоняли жирок бухгалтеры и деловые дамы с мобильными телефонами. Плакат на дверях рекламировал некое новшество под названием «спиннинг», которое предполагало сидение на велосипеде в течение часа и вращение педалей до позеленения. Десять лет назад навсегда эта зала не оставили бы от него и камня на камне за одно только предположение, что он может быть использован для подобных целей.

Цветущая блондинка в красном гимнастическом трико проводила меня в кабинет Пита — последний бастион бурного прошлого этого зала. Рекламные плакаты соревнований по поднятию тяжестей и шоу «Мистер Вселенная» соседствовали на стенах с фотографиями самого Пита, а также Стива Ривза, Джо Уэйдера и, как ни странно, борца Халка Хогана. Е стекляннoй витрине красовались трофеи соревнований по бодибилдингу, а за сосновым столом, выдавшим лучшие времена, восседал Пит собственной персоной. С возрастом мышцы его немного утратили былую упругость, но все же фигура его по-прежнему впечатляла; стригся он коротко, на военный манер. В этом зале я занимался шесть лет, а потом меня произвели в детективы, и я начал губить здоровье.

Пит поднялся и приветливо кивнул, не вынимая рук из карманов. Свободно сидящая футболка, тем не менее, не могла скрыть внушительные размеры его плеч и рук.

— Сколько лет, сколько зим, — проговорил он. — Мне жаль, что все так случилось с... — он умолк, махнув головой, адресуя свой жест прошлому и тому, что оно хранило.

Я в свою очередь кивнул и прислонился к картотечному шкафчику, украшенному наклейками с рекламой журналов о здоровье.

— Что, Пит, перешел на спиннинг?

Он поморщился.

— Да, пришлось, но с этого я имею две сотни в час. У меня наверху в зале сорок

велотренажеров. Даже будь у меня печатный станок, мне бы больше не заработать.

— Стивен Бартон здесь?

Пит пнул невидимую преграду на зашарканном полу.

— С неделю уже не показывается. У него неприятности?

— Не знаю, — ответил я. — А что, похоже на то?

Пит, морщась, медленно сел, выставив вперед ноги. Годы нагрузок не прошли даром, наградив его слабостью в коленях и артритом.

— Да ты не первый о нем спрашиваешь. Им уже интересовались на этой неделе. Вчера парочка ребят в дешевеньких костюмчиках заглядывала ко мне: им он тоже зачем-то понадобился. Одного я узнал. Это Сол Инцерилло, хорош был в среднем весе, пока не стал дурь пробовать.

— Помню его, — откликнулся я и добавил помолчав:

— А сейчас, я слышал, он в подручных у старика Ферреры.

— Может быть, может быть, — закивал Пит. — Поговаривали, что он и на ринге на него работал. Тут наркота замешана?

— Не знаю, — ответил я. Пит стрельнул в меня глазами: хотел понять, лгу я или нет. Решив, что я не соврал, он снова уставился на носки своих кроссовок. — Ты не слышал о каких-нибудь стычках между Санни и его стариком, к чему мог иметь отношение Стивен Бартон?

— Что между ними ни тишь да гладь, это точно. Не зря же Инцерилло сюда притащился и своими резиновыми подошвами мне пол изгадил. Но я не подумал, что и Бартон с этим связан.

Я перешел к Кэтрин Деметр:

— Ты не помнишь девушку, что последнее время была с Бартоном? Может быть, она иногда здесь появлялась. Темноволосая, с короткой стрижкой, прикус чуть неправильный, ей около тридцати или немного больше.

— У Бартона девиц хоть пруд пруди. Но эту я что-то не припомню. Обычно я не обращаю на них внимания, разве что какая окажется посмышленее Бартона, что меня удивляет.

— Это понятно, — согласился я. — Но эта, скорее всего, была умнее. А из Бартона боксер хороший?

— Что дурной, это уж точно. Таблетки проели у него мозги, сделали из него бешеного, а умения не прибавили. Он дерется, как ненормальный, а толку мало. Моя старуха могла бы его одолеть. — Пит внимательно посмотрел на меня. — Я знал, чем он промышляет, но здесь он ничего не продавал. А если бы попробовал, он бы у меня этим дерьмом подавился.

Я не стал разубеждать Пита. Стероиды теперь используются сплошь и рядом, и не в его силах что-либо изменить, остается лишь сыпать пустыми угрозами.

Пит облизнул губы и медленно подобрал ноги.

— Он многим женщинам нравился. Такой бугай, и язык хорошо подвешен. Одним женщинам нужна опора. Некоторым просто нравится трахаться с таким здоровяком, а есть и такие, что надеются на защиту. Им кажется, что этот парень станет о них заботиться, если они ему уступят.

— Жаль, что она выбрала Стивена Бартона, — искренне пожалел я.

— Да-а, — согласился Пит. — Может, она не была такой уж умной.

Я прихватил с собой спортивную форму и полтора часа поработал в зале. Мне

давненько не приходилось тренироваться по всем правилам. Чтобы не сесть в лужу, я не стал заниматься на скамье, а решил дать нагрузку мышцам плеч, спины и рук. Упражнения приносили приятное ощущение от движения налитых силой бицепсов.

Пожалуй, я все еще неплохо выглядел: при росте в шесть футов сохранял комплекцию тяжелоатлета — широкие плечи, четко обозначенные мышцы плеча и совсем не птичью грудь. Кроме того, не успел накопиться жир, что я сбросил за год. Шевелюра пока не начала редеть, но седина предательски прокрадывалась от висков к затылку и кое-где успела добраться и до челки. Серо-голубые глаза сохранили ясность, однако пережитое оставило свои глубокие следы у глаз и рта на слегка вытянутом лице. Чисто выбритый, с аккуратной стрижкой, да в хорошем костюме при выгодном освещении я выглядел еще вполне прилично: не старше своих тридцати четырех, и то хорошо, учитывая, что за полгода, прошедшие со смерти жены и дочери, я не помню, чтобы спал спокойно или радовался чему-либо.

Закончив занятия, я сложил вещи и, отказавшись от предложенного Питом протеинового коктейля, от которого разило гнилыми бананами, предпочел выпить кофе. Впервые за много недель мне удалось расслабиться. Я чувствовал пульсирующие в теле эндорфины^[3] и ощущал растущую приятную тяжесть в плечах и спине.

Моей следующей целью стал универмаг «Деврис». Управляющий персоналом отрекомендовался руководителем людскими ресурсами. Как и все его коллеги повсеместно, он меньше всего располагал к себе. Рядом с таким типом невольно возникало чувство, что тому, кто с легкостью необыкновенной ставит знак равенства между людьми и ресурсами, для кого они находятся в одном ряду с нефтью, кирпичом и вагонетками в шахтах, тому следует доверять разве что должность тюремщика. Другими словами, Тимоти Кэри был первостатейным самодовольным мерзавцем от коротко остриженных крашенных волос до носков лакированных башмаков.

Утром я позвонил его секретарше, чтобы договориться о встрече с ним, и сказал, что исполняю обязанности поверенного в деле о наследстве, которое предстоит получить мисс Деметр. Кэри и его секретарша оказались два сапога пара. С цепным псом было бы несравненно приятнее иметь дело, и проще проскользнуть мимо него, чем мимо нее.

— Мой клиент заинтересован в том, чтобы как можно скорее установить контакт с мисс Деметр, — сообщил я Кэри, когда мы сидели в его небольшом вылизанном кабинете. — Завещание крайне детализировано, и оформление требует заполнения многих бумаг.

— А как имя вашего клиента?

— Боюсь, что не могу вам ответить. Уверен, что вы меня поймете.

Кэри сделал вид, что понял, но было видно, что удовольствия это ему не доставило. Он откинулся в кресло и легонько погладил свой дорогой шелковый галстук, пропустив его между пальцами. Галстук Кэри не мог быть дешевым. Такого нельзя было даже предположить. Четкие линии на его рубашке создавали впечатление, что ее только что достали из пакета, если допустить, что Тимоти Кэри мог иметь отношение к такой плебейской вещи, как пластиковая упаковка. Если он и посещал магазин, то это выглядело как сошествие с небес ангела, но ангела, имевшего вид, словно он перед этим подхватил неприятный душок.

— Мисс Деметр должна была выйти на работу вчера, — сообщил Кэри, справившись в лежавшем на столе досье. — После понедельника, ее выходного дня, она не появлялась.

— А выходной в понедельник — это явление обычное? — вопрос мало занимал меня,

но таким образом я стремился отвлечь внимание Кэри от досье. Изабелла Бартон не знала адрес Кэтрин Деметр. Обычно Кэтрин звонила ей или секретарь миссис Бартон оставляла в универмаге записку для Кэтрин. Кэри просветлел, когда появилась возможность поговорить на милую его сердцу тему, и он охотно принялся разглагольствовать о вариантах рабочих графиков. Я же тем временем запомнил адрес Кэтрин и ее регистрационный номер в службе социального страхования. Более того, мне удалось перебить его речь вопросом о том, не была ли Кэтрин Деметр в последний день работы больна или чем-либо встревожена.

— Подобными сведениями я не располагаю. Отсутствие мисс Деметр ставит под вопрос ее дальнейшую работу у нас, — самодовольно заключил он. — Буду рад, если ее наследство окажется значительным.

В его чувствах по этому поводу я очень сомневался.

Не сразу и без всякого удовольствия, но Кэри все же позволил мне поговорить с женщиной, работавшей вместе с Кэтрин в ее последнюю смену. Мы встретились в кабинете администратора. Женщину звали Марта Фридман. На вид я дал ей шестьдесят с небольшим. У нее были рыжие крашенные волосы, полная фигура, а лицо покрывал такой толстенный слой косметики, что по сравнению с ним многоярусные джунгли Амазонки выглядели бы кисеей. Но она очень старалась мне помочь. В субботу она работала вместе с Кэтрин Деметр в отделе посуды. Они оказались вместе в первый раз. Помощница миссис Фридман заболела, и кто-то должен был ее заменить на час, остававшийся до закрытия магазина.

— Вы не заметили в ее поведении чего-либо необычного? — спросил я, в то время как миссис Фридман, пользуясь возможностью, украдкой косила глазом в бумаги на столе хозяина кабинета.

— Может быть, она была чем-то взволнована или расстроена?

Миссис Фридман наморщила лоб, припоминая.

— Она разбила фарфоровую вазу. Она как раз показывала ее покупателю и уронила. А когда я оглянулась, она бежала через зал к эскалаторам. Даже если ей стало нехорошо, так вести себя неприлично.

— А ей действительно стало плохо?

— Она так сказала, но зачем бежать к эскалаторам, если у нас на каждом этаже есть туалетные комнаты для персонала.

Мне показалось, миссис Фридман о чем-то не договаривает. Ей нравилось внимание и хотелось подольше им насладиться. Я доверительно наклонился к ней.

— А что вы об этом думаете, миссис Фридман?

Она кокетливо поправила волосы и в свою очередь наклонилась ко мне, даже слегка коснувшись моей руки — для большего эффекта.

— Она кого-то увидела и пыталась догнать, пока этот человек не вышел из магазина. Наш охранник Том — он дежурит у восточного входа — рассказал мне, что она пронеслась мимо него на улицу, и там стала смотреть во все стороны. Нам не разрешается в рабочее время покидать магазин. Тому следовало бы сообщить об этом начальству, но он сказал только мне. Том — черный, но парень свой.

— А кто, по-вашему, это мог быть?

— Не знаю. Она отказалась об этом говорить. У нее нет друзей среди персонала, насколько мне известно. И теперь я понимаю почему.

Я поговорил с охранником и администратором, но они мало что смогли добавить к рассказу миссис Фридман. Я заехал в закусочную, выпил кофе, затем отправился к себе на

квартиру. Прихватив маленький черный мешочек, подарок Эйнджела, я взял такси и поехал по адресу, где жила Кэтрин Демер.

Интересующая меня квартира находилась в одном из четырехэтажных реконструированных кирпичных домов в Гринпойнте, части Бруклина, населенной преимущественно итальянцами, ирландцами и поляками, среди которых немало бывших активистов «Солидарности». Именно со стапелей металлургического завода Гринпойнта, бывшего тогда промышленным центром Бруклина, сошел броненосец северян «Монитор», который противостоял броненосцу южан «Мерримак» во время Гражданской войны.

Здесь нет больше производителей чугуна, гончаров и печатников, но осталось много потомков первых ремесленников. Маленькие магазинчики модной одежды и польские кондитерские соседствуют с гастрономами с устоявшимся ассортиментом и магазинами, торгующими подержанными электротоварами.

Квартал, где жила Кэтрин Деметр, не выглядел презентабельным. Ступени большинства домов облюбовали подростки в кроссовках и мешковатых джинсах. Они курили и между затяжками свистели и отпускали шуточки в адрес проходивших мимо женщин. Ее квартира под номером четырнадцать, вероятно, находилась где-то наверху. Как и следовало ожидать, мой звонок остался без ответа. Я позвонил в двадцатую квартиру и объяснил, судя по голосу, пожилой женщине, что меня прислали из газовой компании по заявлению об утечке газа, но войти я не могу, поскольку в квартире управляющего никого нет. После недолгого раздумья женщина открыла дверь парадного.

Я понимал, что времени в моем распоряжении мало, поскольку женщина, скорее всего, позвонит управляющему. Но если в квартире не удастся найти ничего, что объясняло бы, куда могла подеваться Кэтрин Деметр, тогда мне придется все же встретиться с управляющим или расспросить соседей либо обратиться к почтальону. Уже в вестибюле я открыл почтовый ящик с номером 14 и посветил внутрь фонариком, но не обнаружил ничего, кроме свежего номера журнала и нескольких никчемных, рассылаемых по почте реклам. Закрыв ящик, я поднялся по лестнице на третий этаж.

Меня встретила тишина и шесть закрытых недавно покрытых лаком дверей, по три с каждой стороны коридора. Я остановился у двери с номером четырнадцать и извлек из-под пиджака черный мешочек. На всякий случай постучал, прежде чем достать механическую отмычку. Среди известных мне взломщиков я ставлю на первое место Эйнджела, и даже во времена службы в полиции у меня были основания пользоваться его услугами. За это я не досаждал ему, а он старался, чтобы наши с ним, так сказать, профессиональные интересы не сталкивались. Но когда он все-таки попался, я приложил максимум усилий, чтобы облегчить его положение в тюрьме. Отмычка была своеобразным выражением благодарности. Правда, я предпочитал не задаваться вопросом, как расценивать такой подарок с точки зрения закона.

Устройство напоминало электродрель, только меньшего размера, и с зубцом на конце, выполнявшим роль инструмента захватывающего и растягивающего. Я вставил зубец в замок и нажал на спуск. Последовало несколько громких щелчков, после чего замок открылся. Я проскользнул в квартиру и бесшумно прикрыл за собой дверь. Мне повезло, потому что несколькими секундами позже открылась дверь другой квартиры, дальше по коридору. Я замер на месте, дожидаясь, пока она закроется, затем убрал отмычку в мешочек, приоткрыл дверь и достал из кармана зубочистку. Разломав ее на четыре части, я затолкал их в замок.

Если бы кто-то теперь попытался войти в квартиру, мне хватило бы времени, чтобы добраться до пожарной лестницы. Подстраховав себя таким образом, я закрыл дверь и включил свет.

Короткий коридорчик с вытертым ковриком на полу вел в чисто прибранную, но не ахти как обставленную гостиную. Кроме старого телевизора там стояли разномастные диван и стулья. С одной стороны был вход в кухню, с другой — в спальню.

Поиски я начал со спальни. На маленькой полке рядом с кроватью стояло несколько романов в мягкой обложке. Дополняли обстановку гардероб и туалетный столик, оба собранные из секций. Под кроватью стоял пустой чемодан. Туалетный столик пустовал. А это значило, что хозяйка квартиры захватила косметику с собой вместе с необходимыми для короткой поездки вещами. Задерживаться она не собиралась и, тем более, не планировала уехать навсегда.

В гардеробе была только одежда и несколько пар туфель. В первых двух ящиках туалетного столика также находилась одежда, а в последнем хранились бумаги. Это были разного рода документы, бланки налоговых платежей, свидетельства с мест работы — все это говорило о кочевой жизни и частой смене занятий.

Продолжительное время Кэтрин Деметр служила официанткой на обслуживании светских сезонов и разъезжала от Нью-Хэмпшира до Флориды и обратно по мере их открытия. Судя по имевшимся в ящике налоговым документам и расчетным карточкам, ей случалось жить в Чикаго, Лас-Вегасе и Фениксе. Нашлись в ящике и банковские ведомости. В городском банке на срочном счете у нее лежало тридцать девять тысяч долларов. Нашел я и акции, заботливо перевязанные плотной голубой ленточкой. И, кроме всего прочего, в ящике покоился недавно полученный паспорт со вложенными в него тремя дополнительными фотографиями Кэтрин.

Изабелла Бартон описала мисс Деметр как привлекательную женщину невысокого роста, на вид лет тридцати пяти, темноволосую, с короткой стрижкой. Цвет лица у нее был светлый, а глаза светло-голубые. Дополнительные фотографии я отправил в свой бумажник, и мне осталось просмотреть единственный в ящике предмет личного характера.

Это был фотоальбом, толстый и с потертыми углами. Он вместил всю историю семейства Деметр. Со старых пожелтевших фотографий смотрели дедушки с бабушками, далее шли свадебные фото, как я понял, родителей Кэтрин, а потом появились снимки запечатлевшие, как росли две девочки. Они были сняты с родителями, в окружении друзей, иногда вдвоем и по-одиночке. Фотографии делались на пляже, на семейных праздниках, днях рождениях, во время празднования Рождества и Дня Благодарения. Эти снимки отмечали памятные события для двух девочек в начале их жизненного пути. Между сестрами существовало несомненное сходство. У младшей, Кэтрин, уже тогда стал заметен неправильный прикус. Вторая девочка, с рыжеватыми волосами, по моим предположениям, ее сестра, была старше на два-три года и уже в свои одиннадцать-двенадцать лет выглядела красавицей.

Фотографий ее в более старшем возрасте не встречалось. На остальных снимках я видел Кэтрин одну или с родителями. Но теперь ее взросление фиксировалось реже, и со снимков исчезла атмосфера радости и праздничное настроение. Потом следовал большой временной промежуток. Последнее фото Кэтрин было сделано в день окончания средней школы. С фотографии печально смотрела молодая женщина с темными кругами под глазами, из которых, казалось, вот-вот брызнут слезы. К свидетельству прилагалось рекомендательное

письмо от директора средней школы города Хейвен, штат Виргиния.

Последние страницы альбома пустовали, но прежде они были чем-то заняты. У основания альбомных страниц остались маленькие кусочки бумаги, похожей на газетную. Среди мелких и тонких, как папиросная бумага, фрагментов виделся один размером покрупнее. На одной стороне пожелтевшего от времени обрывка я увидел сводку погоды, а на другой — часть фотографии, и в уголке на ней можно было различить чьи-то рыжеватые волосы. На последнем листе были закреплены два свидетельства о рождении. Одно принадлежало Кэтрин Луизе Деметр, родившейся 5 марта 1962 года, а второе — Эми Эллен Деметр, рожденной 3 декабря 1959 года.

Я вернул альбом в ящик и перешел в ванную. Как и везде в квартире, здесь царили чистота и порядок. Белую кафельную полку делили гели, мыло, пена для ванны; на маленькой полке под раковиной виднелась аккуратная стопка полотенец. В стенном шкафчике я нашел зубную пасту, нити для чистки зубов и жидкость для полоскания рта, а также кое-какие продающиеся без рецепта болеутоляющие препараты и средства гигиены. Противозачаточных таблеток или других контрацептивов в шкафчике не оказалось. Возможно, об этом заботился Стивен Бартон, хотя верилось с трудом.

В другом отделении аптечки размещалась целая коллекция разных стимуляторов и антидепрессантов, и в таком количестве, что жизнь Кэтрин Деметр, скорее всего, напоминала аттракцион «русские горки», с их бесконечными виражами. Были здесь средства для снятия тревожного возбуждения, для борьбы с фобиями и колебаниями настроения. Некоторые коробочки уже опустели, в других еще оставались таблетки. В последнее время большая часть лекарств покупалась по рецептам, выписанным психиатром доктором Фрэнком Форбсом. Я знал этого прохвоста. «Шалун Фрэнки» пытался поиметь столько своих пациенток, что его давно уже пора было привлечь к суду. Не раз ему грозила потеря лицензии, однако жалобы либо забирались и в суд не попадали, или ему удавалось замять дело разными правдами и неправдами. Но в последнее время он вел себя на редкость тихо. Такая перемена имела причину: одна из пациенток Форбса после встречи с ним подхватила триппер и быстренько предъявила ему иск. И на этот раз у «шалуна Фрэнки», по всей видимости, дела шли неважно, и легко отвертеться не получалось.

Не приходилось сомневаться, что Кэтрин Деметр была глубоко несчастна, и едва ли ее жизнь стала светлее и радостнее от посещения Фрэнка Форбса. Я не горел особым желанием с ним встречаться. Однажды он позволил себе поползновения в отношении Элизабет Гордон, дочери одной из подруг Сьюзен, разведенной с мужем. Я зашел к нему, напомнил о врачебных обязанностях, а заодно пообещал выкинуть его из окна, если подобное повторится. После этого я старался проявлять к деятельности Фрэнка Форбса полупрофессиональный интерес.

Больше ничего, заслуживающего внимания в доме Кэтрин не нашлось. Перед уходом я снял трубку ее телефона и нажал кнопку повторного набора. Послышались гудки, и вслед за этим раздался голос:

— Канцелярия шерифа округа Хейвен. Здравствуйте.

Я повесил трубку, затем набрал номер знакомого парня из телефонной компании. Через пять минут он выдал мне список местных звонков, прошедших с пятницы по субботу. Их было всего три, и к этому делу они не относились: заказ на доставку из китайского ресторана, звонок в прачечную и по поводу информации об идущих в кинотеатрах фильмах.

Местная компания не могла дать мне сведения о междугородных разговорах, тогда я

позвонил по другому номеру и связался с одним из агентств, предлагающих услуги следователей и тем, кто испытывает тягу сунуть нос в чужие дела, предоставляющих возможность приобрести нелегально конфиденциальную информацию. Не прошло и двадцати минут, как мне сообщили, что в субботу вечером в Хейвен, штат Виргиния, звонили пятнадцать раз: семь звонков поступило в приемную шерифа, а восемь — в один из частных домов в городе. Я записал оба номера, набрал второй и получил краткий ответ с автоответчика: «Это Эрл Ли Грейнджер. Меня нет дома. Оставьте сообщение после сигнала. По служебным делам обратитесь в приемную шерифа на...»

Я набрал номер приемной и попросил соединить меня с шерифом.

Мне сообщили, что шерифа Грейнджера нет на месте. Тогда я поинтересовался, кто его замещает. Как выяснилось, помощник шерифа Элвин Мартин также отсутствовал: он уехал на происшествие. Дежурный не знал, когда вернется шеф. По его тону я сделал вывод, что шериф не за сигаретами отлучился. В ответ на просьбу назвать себя, я поблагодарил и повесил трубку.

Что-то серьезное заставило Кэтрин Деметр искать встречи именно с шерифом ее родного города вместо того, чтобы обратиться в полицию Нью-Йорка. Если нет других зацепок, мне придется ехать в Хейвен. Но прежде я решил нанести визит «шалуну Фрэнки» — доктору Форбсу.

Я вышел из такси на Третьей авеню и купил в гастрономе немного дорогой клубники с ананасами, затем отправился к зданию банка «Ситикорп», чтобы перекусить в людном месте. Мне нравились линии этого сооружения и его необычная крыша, наклоненная под углом. Этот комплекс принадлежал к немногим современным постройкам, где творческая мысль коснулась и внутреннего оформления: на пространстве семиэтажного крытого портика зеленели деревья и кустарники: заполнены народом были магазины и рестораны, а горстка верующих молча застыла среди тишины скромной церкви.

В двух кварталах от этого места в здании с дымчатыми стеклянными панелями постройки 70-х годов располагался — по крайней мере, пока — шикарный офис «шалуна Фрэнки». Лифт доставил меня на нужный этаж, и я вошел в приемную, где молоденькая хорошенькая брюнетка что-то печатала на компьютере. Она оторвалась от работы и одарила меня лучезарной улыбкой. Я улыбнулся в ответ, но усердствовать особенно не стал.

— Доктор Форбс свободен? — поинтересовался я.

— Вы записаны к нему?

— Я не пациент. Мы с Фрэнком давно знаем друг друга. Скажите, что его пришел повидать Чарли Паркер.

Ее улыбка слегка потускнела, но она позвонила в кабинет Фрэнка и передала ему послание. Я заметил, что ответ заставил ее немного побледнеть, но в остальном она держалась молодцом.

— Боюсь, что доктор Форбс не сможет с вами увидеться, — ее улыбка исчезла с молниеносной быстротой.

— Он вам так и сказал?

— Не совсем, — вспыхнула она.

— Вы работаете здесь недавно?

— Да, первую неделю.

— Фрэнк сам вас выбрал?

— Д-да, — удивилась она.

— Ищите другую работу. Он извращенец, и скоро его карьере конец.

Я прошел в кабинет мимо ошеломленной девушки, оставив ее переваривать мои слова. Никого из пациентов в кабинете не оказалось, только милейший доктор листал за столом какие-то бумаги. Мое появление, судя по его виду, не очень обрадовало Форбса: тонкие усики закрутились от неприязни, как черные червяки, а от ушей красная волна поднялась к высокому выпуклому лбу и затерялась среди черных и жестких, как проволока, волос. Он был высокого роста и в хорошей форме. Пожалуй, выглядел он очень неплохо, но внешность бывает обманчива. Искать в «шалуне Фрэнки» хорошее — что воду решетом носить. Если он вам протягивает доллар, то, прежде чем деньги окажутся у вас в бумажнике, с них краска облезет.

— Убирайся к черту, Паркер! Если ты забыл, я тебе напомню, что тебе теперь не все позволено. Ты больше не полицейский, и от этого полиция только выиграла, — он потянулся к кнопке внутренней связи, но секретарь уже появилась в дверях.

— Вызови полицию, Марси, а еще лучше позвони моему адвокату. Передай ему, что я собираюсь подать заявление о нарушении спокойствия.

— Говорят, Фрэнк, ты ему задал много работы, — как бы между прочим, заметил я, усаживаясь в кожаное кресло напротив его стола. — А еще я слышал, что Мейбаум и Лок занимаются иском некой дамы, которой очень не повезло, и она заполучила интересную болезнь. Я в прошлом с ними пересекался, и могу сказать, что ребята они шустрые. Сижу вот и думаю, стоит ли шепнуть им об Элизабет Гордон? Ты помнишь Лиззи Гордон, Фрэнк?

Фрэнк инстинктивно оглянулся на окно и отодвинулся от него.

— Все в порядке, Марси, никуда звонить не нужно, — он кивнул секретарше, и было видно, что ему не по себе. Дверь за моей спиной тихо закрылась. — Что тебе нужно?

— У тебя есть пациентка Кэтрин Деметр?

— Брось, Паркер, ты же знаешь, что обсуждать своих пациентов я не могу. И даже если бы мог, тебе бы я ни черта не рассказал.

— Фрэнк, из всех, известных мне психиатров, хуже тебя нет. Я бы тебе и собаку лечить не доверил: вдруг бы тебе захотелось ее трахнуть. Так что свои разговоры об этике побереги для судьбы. Эта девушка, скорее всего, попала в беду, и мне нужно обязательно ее найти. Если ты откажешься мне помочь, пеняй на себя. Я мигом свяжусь с Мейбаумом и Локом.

Фрэнк вовсю старался изобразить борьбу с совестью, но у него это неважно получалось. Чтобы добраться до его совести, потребовалась бы крепкая лопата и разрешение на эксгумацию.

— Она вчера не пришла на прием. И потом не позвонила.

— С чем она к тебе обратилась?

— В основном инволюционная депрессия. Это отклонение характерно для людей среднего и более старшего возраста. По крайней мере, таким случай представлялся... сначала.

— А потом?

— Паркер, это же конфиденциальная информация. Даже у меня есть принципы.

— Ты шутишь, наверное. Давай, выкладывай.

Фрэнк со вздохом повертел ручку на блокноте, затем подошел к шкафу и достал нужную папку. Вернувшись в кресло, он перелистал страницы, и заговорил.

— Когда Кэтрин было восемь лет, умерла ее сестра, точнее, ее убили. Она и несколько других детей были убиты в конце шестидесятых — начале семидесятых в городе Хейвен, в штате Виргиния. Детей — среди них были мальчики и девочки — похищали, мучили до смерти, а останки прятали в подвале пустующего дома на окраине, — Фрэнк сосредоточился и увлекся, он пересказывал историю своей пациентки, такую же далекую для него, как сказка.

— Ее сестру похитили четвертой, но из пропавших она была первым белым ребенком. С ее исчезновением полиция серьезнее заинтересовалась этим делом. Под подозрение попала одна из местных жительниц, состоятельная женщина. После того как пропал один из детей, ее машину видели неподалеку от дома, в котором жил ребенок. А затем она попыталась, но безуспешно, силой увезти ребенка из города в двадцати милях от Хейвена. Мальчик, которому удалось вырваться, исцарапал ей лицо ногтями и дал описание похитительницы полиции.

Они поехали за ней, но местные жители обо всем узнали и раньше добрались до ее дома. Там оказался брат той женщины. По словам местных жителей, он был гомосексуалистом. Между прочим, в полиции считали, что преступнице помогал мужчина-

сообщник. Он сидел за рулем, в то время как она охотилась за детьми. Местным жителям парень показался подозрительным. Полиция нашла его повешенным в подвале.

— А что с женщиной?

— Она сгорела в одном из старых домов. На этом все и закончилось.

— Но только не для Кэтрин?

— Да, только не для нее. После окончания школы она уехала из города, а родители остались. Мать умерла лет десять назад, вскоре после нее и отец. А Кэтрин Демерт жила, кочуя с места на место, и нигде не находила покоя.

— Она когда-либо возвращалась в Хейвен?

— После смерти родителей — нет. По ее словам, все для нее там умерло... Вот такая история, и все связано с Хейвеном.

— А были у нее друзья-мужчины, с кем она встречалась?

— Мне она ни о ком не рассказывала. И время вопросов истекло. Теперь убирайся отсюда. Если ты когда-либо вытацишь все это на публику или придешь ко мне снова, я привлеку тебя к ответственности за оскорбление и угрозы и за все, что сможет придумать мой адвокат.

Я поднялся.

— Еще один вопрос, чтобы мне лучше молчал ось об Элизабет Гордон.

— Ну?

— Как звали сгоревшую женщину?

— Мисс Модин. Аделейд Модин. А ее брата — Уильям. И убирайся из моей жизни ко всем чертям!

Мало сказать, что снаружи автомастерская Бру выглядела зачуханной и старой, — вид у нее был просто сомнительный. Внутри тоже немного могло порадовать глаз. Но поляк Вилли чью труднопроизносимую фамилию поколения клиентов урезали до Бру, этот самый Вилли среди всех знакомых мне механиков был едва ли не лучшим в своем деле.

У меня никогда не вызывала особой симпатии эта часть Куинса, находящаяся немного севернее шумной скоростной магистрали Лонг-Айленда. С детства этот район ассоциировался у меня со стоянками подержанных машин, старыми складами и кладбищами. Гараж Вилли находился рядом с Киссена-парк и на протяжении многих лет служил ценным источником информации, поскольку там время от времени собирались дружки Вилли, чтобы за бутылочкой пивка обсудить, чем заняты другие. Эти места и сегодня вызывают у меня чувство беспокойства. Даже взрослым я ненавижу ездить по дороге от аэропорта имени Джона Кеннеди до Манхэттена, потому что она проходит по здешним окрестностям: у меня вызывал отвращение вид обветшалых домов и винных магазинов.

После смерти отца мать увезла меня в штат Мэн, в свой родной город Скарборо, где леса заменяли небоскребы и куда запах больших городов привозили с собой только энтузиасты гонок, съезжавшиеся из Бостона и Нью-Йорка на соревнования в Скарборо-Дауне. Возможно, поэтому, глядя на Манхэттен, я чувствовал себя здесь гостем и всегда видел город словно новыми глазами.

В округе, где располагалась мастерская Вилли, шла отчаянная борьба против расширения частных владений. Квартал Вилли купил владелец японского ресторана, находившегося по-соседству, и у него имелись планы распространиться дальше на юг. И Вилли пришлось ввязаться в полулегальную битву за выживание. Японцы донимали Вилли тем, что направляли через вентиляционные трубы в его гараж рыбные запахи. Вилли иногда отыгрывался тем, что поил своего старшего механика Арно пивом и кормил китайской едой, после чего тот выходил из мастерской, засовывал в рот пальцы и расставался со съеденным и выпитым у порога японского ресторана. «Когда все это китайское, вьетнамское или японское дерьмо выходит наружу, — говаривал Вилли, — разницы между ними нет никакой».

Внутри мастерской маленький темноволосый и смуглый Арно возился с двигателем раздолбанного «доджа». Сильно пахло рыбой и лапшой. На помосте стоял мой «мустанг-69», а пол вокруг был усыпан его железными внутренностями. Состояние машины заставляло усомниться в том, что в обозримом будущем на ней можно будет прокатиться. Я позвонил Вилли и предупредил, что заеду к нему. И, когда я появился, единственное, что он успел, это прикинуться, будто занимается моей машиной.

Сверху посыпались градом ругательства. Там находилась комната, служившая Вилли кабинетом. В следующую минуту дверь с треском распахнулась, и Вилли загромыхал вниз по деревянным ступеням: лысая голова в смазке, синий комбинезон нараспашку, а под ним грязная, когда-то белая футболка, обтянувшая его объемистый живот. У стены под вентиляцией были сложены лестницей ящики. Вилли с трудом взобрался по ним на самый верх и заорал, почти касаясь губами решетки:

— Эй, вы, сучьи дети косоглазые, если не перестанете поганить своей рыбьей вонью

мой гараж, я вам устрою Хиросиму. На другом конце вентиляционной трубы что-то прокричали в ответ по-японски, после чего послышался дружеский смех с характерными восточными переливами. Вилли с досадой хватил рукой по решетке и спустился вниз. Он прищурился, глядя в полутьму, и, наконец, узнал меня.

— Берд, здравствуй. Кофе будешь?

— Мне нужна машина. Моя машина. Та, что у вас тут уже неделю.

Вилли напустил на себя удрученный вид.

— Ты сердисься на меня, знаю, — примирительно-насмешливым тоном начал оправдываться он. — Я понимаю твой гнев. Сердиться, конечно, хорошо. А вот машина твоя плохая. Двигатель совсем ни к черту. Ты на чем его гонял? На орехах и гвоздях ржавых?

— Вилли, *мне нужна моя машина*. Таксисты уже меня своим считают. Некоторые даже не стараются обобрать. Вот до чего дошло. Между прочим, подумываю взять машину напрокат, чтобы не чувствовать себя дураком. Я пригнал к тебе машину, потому что ты обещал отремонтировать ее за пару дней.

Вилли повернулся к машине и пнул лежавшую на полу какую-то цилиндрическую штуковину.

— Арно, что там у нас с «мустангом» Берда?

— Дело дрянь, — откликнулся Арно. — Передай, что дадим ему пять сотен, чтобы пустить эту развалюху на слом.

— Арно говорит, что надо дать тебе пять сотен, чтобы пустить ее на слом.

— Я слышал. А ты ему передай, что я ему дом спалю, если он мне ее не наладит.

— Послезавтра забереешь, — буркнули из-под капота. — Извини за волюнку.

Вилли хлопнул меня по плечу измазанной смазкой рукой.

— Пойдем ко мне, выпьешь кофейку, послушаешь, о чем толкуют в округе, — и, понизив голос, добавил. — Эйнджел хочет с тобой поговорить. Я сказал, что ты зайдешь.

Я молча кивнул и поднялся за ним наверх. В его кабинете, на удивление чистом, четверо мужчин сидели вокруг стола и пили кофе и виски из жестяных кружек. Я кивком поздоровался с Томми Кью, которого как-то раз прихватил за торговлю пиратскими видеокассетами, и еще с одним парнем — усачом по прозвищу Дядя Сом. Рядом с ним сидел еще один помощник Вилли — Джей. Он был десятью годами старше Вилли, но в свои шестьдесят пять выглядел на семьдесят пять. Четвертым был Эд Харрис по прозвищу Гроб.

— Эд Гроб тебе знаком? — спросил Вилли.

Я кивнул.

— Что, Эд, по-прежнему покойничками промышляешь?

— Не-е, с этим все, и давно, — ответил Эд. — Спина стала ни к черту.

Эд Гроб переплюнул всех похитителей. Он прикинул, что с живыми задолжниками слишком много возни, да еще неизвестно, кто будет их искать, а с покойниками никакой мороки. Вот Эд и повадился морги грабить.

Он просматривал газетную хронику, выбирал усопшего из достаточно состоятельного семейства и выкрадывал тело из морга или похоронного зала. До того как Эд изобрел свой промысел, похоронные залы толком не охранялись. В подвале у него была припасена холодильная камера. Туда он помещал тело и сообщал родственникам, что требует выкуп, обычно просил он немного. Большинство родных охотно соглашались выкупить своих горячо любимых, пока они не испортились.

Все шло неплохо, и Эд жил не тужил, пока один поляк из старой знати, оскорбившись

предложением выкупить останки супруги, не нанял целую армию, чтобы отыскать Эда. И нашел, хотя тот и успел удрать через лазейку в подвале, что вела в соседний двор. Но за неудачу Гроб отыгрался на шляхтиче по полной: за три дня до этого электрическая компания отключила у него свет за неуплату, так что от покойной пани, когда ее нашли, запашок был почище, чем отдохлого опоссума. Однако с тех пор дела Эда пошли под гору, и теперь он уютился в углу гаража Вилли, напоминая своим видом старый стоптанный башмак.

В комнате стало тихо и как-то неуютно. Неловкое молчание нарушил Вилли.

— Ты помнишь Безносого Винни? — Вилли протянул мне дымящийся черный кофе в красной от жара жестяной кружке с неистребимым запахом бензина. — Послушай, что рассказывает Томми Кью. Ты ничего не пропустил.

Взломщик из Нью-Арка Винни Безносый как-то осенью очень неплохо поживился и решил начать новую жизнь, насколько это возможно для человека, который сорок лет только тем и занимался, что обчищал чужие квартиры. Прозвище он свое получил после долгих и неудачных боксерских опытов. Маленький Винни был потенциальной жертвой для любой швали в Нью-Джерси. И, как большинство не вышедших ростом парней из беспокойных районов, Винни надеялся кулаками обеспечить себе спасение. К несчастью, в защите он оказался хуже некуда, и его нос с течением времени уменьшился до размеров лепешки с полузакрытыми дырочками ноздрей, напоминавшими изюмины в тесте.

Томми Кью продолжил свою историю о Винни, компании по отделке интерьеров и умершем клиенте ее. Расскажи Томми эту историю в каком-либо приличном заведении, он мог бы под суд попасть.

— Этот фрукт-гомик, так в ванной и помер с этим стулом на заднице. А Винни упекли в тюрьму за торговлю картинками и кражу видика у того парня, что помер, — Томми закончил свой рассказ, качая головой и удивляясь причудам мужчин нетрадиционной ориентации.

Он хохотал-заливался, но вдруг улыбку с его лица словно стерло, и смех застрял в горле. Оглянувшись, я заметил в тени поодаль Эйнджела: вьющиеся черные волосы выбивались из-под голубой бейсболки, а жиденькая растительность на подбородке насмешила бы подростка. Под длинной темно-синей блузой портового рабочего виднелась темная футболка, а из-под голубых джинсов выглядывали грязные, сильно поношенные башмаки.

Для человека со стороны могло показаться странным, как мог невысокий, с виду неприметный Эйнджел нагнать такого страха на Томми Кью. На это имелось два объяснения. Во-первых, Эйнджел был боксер — не чета Безносому Винни, и, если бы захотел, мог бы в два счета сделать из Томми Кью котлету. Такой исход был более чем вероятен, поскольку гей Эйнджел едва ли нашел историю Томми такой уж занятной.

Но вторая причина, заставившая Томми испугаться, по серьезности значительно превосходила первую. Дело было в друге Эйнджела, которого все знали как Луиса. Оба они видимых средств к существованию не имели, хотя для многих не было секретом, что Эйнджел, в свои сорок лет почти отошедший от дел, считался вором высшей квалификации и за хорошие деньги мог бы с легкостью и президента обокрасть.

Высокий темнокожий Луис, в отличие от Эйнджела, одевался с иголки. Значительно меньший круг людей знал, что Луис — профессиональный киллер, равного которому найти далеко не просто. Отношения с Эйнджелом в определенной степени перевоспитали его, и теперь в выборе своих редких целей он руководствовался, если так можно выразиться, общественными интересами.

Поговаривали, что убийство в минувшем году в Чикаго эксперта по компьютерам немца Гюнтера Блоха — дело рук Луиса. Этот тип был серийным насильником и садистом, который охотился за молодыми, иногда совсем молоденькими женщинами в Юго-Восточной Азии, где часто бывал по делам. Деньги обычно прикрывают все грехи, деньгами закрывают рот сутенерам, родителям, полиции, политикам.

К несчастью для Блоха, в одной из стран, где он в тот момент находился, кого-то из высокопоставленных чиновников в правительстве купить не удалось, особенно после того, как Блох задушил одиннадцатилетнюю девочку и запихнул ее тело в мусорный бак. Блох поспешно покинул страну, но деньги уже были переведены на «спецпроект», и Луис утопил Гюнтера Блоха в ванной гостиничного номера в Чикаго, где проживание стоило тысячу долларов в сутки.

По крайней мере, ходили такие слухи. Но как там ни было, Луиса считали чрезвычайно опасным, а Томми Кью очень хотелось принимать ванну пусть редко, но без опаски.

— Занятная история, Томми, — бросил Эйнджел.

— Это только история, Эйнджел, больше ничего. Я ничего не имел в виду, никого не собирался задеть.

— А никто и не обиделся, я, по крайней мере.

За его спиной послышалось движение, и из темноты вырос Луис. В тусклом свете его бритая голова слегка поблескивала, мускулистая шея виднелась над воротником черной шелковой сорочки под идеально сшитым серым костюмом. Луис был на голову выше Эйнджела и возвышался над ним, как колонна. Он несколько минут буравил взглядом Томми.

— Фрукт, это... какое-то чудное слово, мистер Кью, — ровным голосом заговорил Луис. — Что оно точно означает?

Томми Кью побледнел как полотно, и горло у него так пересохло, что он долго не мог сглотнуть. А когда ему это удалось, казалось, он глотает не слюну, а шар для гольфа. Он судорожно открыл и закрыл рот, но остался нем, как рыба, и обреченно уставился в пол, как будто надеялся, что он разверзнется у него под ногами и откроется спасительный выход.

— Неплохая история, мистер Кью, — голос Луиса был подобен шелку его сорочки. — Только будьте осмотрительнее, когда ее рассказываете, — он подарил Томми ослепительную улыбку. Так мог улыбнуться кот мыши на прощание, чтобы она унесла эту улыбку с собой в могилу. Капля пота сбежала по носу Томми и на мгновение задержалась на кончике, перед тем как шлепнуться на пол. К этому моменту Луиса в комнате уже не было.

— Не забудь о моей машине, Вилли, — напомнил я и вышел из гаража вслед за Эйнджелом.

Мы прошли пару кварталов до известной Эйнджелу закусочной с ночным баром. Луис прогулочным шагом двигался на несколько шагов впереди, и встречная публика расступалась перед ним, как воды Красного моря перед Моисеем. Кое-кто из женщин с интересом поглядывали на него, а мужчины большей частью опускали глаза или утыкались взглядом в витрины, как будто увидели там нечто исключительно любопытное.

Из бара доносился голос какого-то самодеятельного певца, пытавшегося исполнить под гитару «Только любовь может разбить твое сердце», подражая Нейлу Янгу. Получалось у него как-то не очень убедительно.

— У него такой вид, как будто он Нейла Янга ненавидит, — высказал свое мнение Эйнджел, когда мы вошли внутрь.

— Нейл Янг сам бы себя возненавидел, если бы услышал эти рыдания, — повел плечами шедший впереди Луис.

Мы заняли один из столиков между перегородками. Принять заказ пришел, тяжело ступая, сам хозяин по имени Эрнест, тучный и, судя по виду, страдающий несварением желудка. В баре «У Эрнеста» с заказами, как правило, работали официантки, но и здесь Эйнджел с Луисом находились на особом положении.

— Привет, Эрнест! — поздоровался Эйнджел. — Как идут дела?

— Будь я гробовщиком, народ перестал бы умирать, — ответил Эрнест. — И можешь не спрашивать, моя старуха так и не стала красавицей.

Это был давно установившийся и ставший ритуалом набор реплик.

— Ты уже сорок пять лет как женат, — продолжал Эйнджел. — Ей уже точно не похорошеть.

Эйнджел с Луисом заказали клубные бутерброды, и Эрнест пошаркал выполнять заказ.

— Будь я молодым и таким как он «красавчиком», я бы отрезал себе член и стал бы петь фальцетом да денежки заколачивать, потому что с такой рожей от члена пользы мало.

— Хотя, ты не красавец, но тебе это не мешает, — многозначительно изрек Луис.

— Как знать, — усмехнулся Эйнджел. — Будь я посмазливее, мог бы и белого подцепить.

Они перестали цеплять друг друга, и мы молча ждали, пока горе-певец добьет Нейла Янга. Теперь, когда я больше не служил в полиции, наша встреча выглядела как-то странно. Прежде, когда у Эйнджела было что мне сообщить, или он просто хотел увидеться и поговорить о Сьюзен и Дженнифер и мы встречались с ним в гараже Вилли, в кафе или в Центральном парке, между нами неизменно присутствовала некоторая неловкость и даже напряжение, особенно если рядом находился Луис. Я знал, чем они занимались раньше и чем, как мне думается, продолжал заниматься Луис. Это было скрытое партнерство в ресторанном бизнесе, дилерских конторах; не исключено, что и к гаражу Бру он имел отношение.

Но в этот раз напряженность пропала. Напротив я впервые ощутил силу дружеских уз, связывавших меня с Эйнджелом. Более того, я чувствовал со стороны обоих сочувствие, сожаление, человеческое внимание и доверие. Если бы они думали и чувствовали иначе, мы бы не сидели теперь вместе — в этом можно было не сомневаться.

А возможно, за этим стояло нечто большее, что только начинало доходить до моего

сознания. Я стал сбывшимся худшим кошмаром из всех, которые могут привидеться полицейскому. Полицейские и их семьи, их жены и дети, неприкосновенны. Надо быть сумасшедшим, чтобы поднять руку на полицейского и совершенным безумцем, чтобы посягнуть на жизнь его семьи. Это основы нашей жизни, искренняя вера в то, что после дня, заполненного осмотром трупов, допросами воров, насильников, торговцев наркотиками и сутенеров, мы можем вернуться в собственную жизнь, зная, что наши семьи находятся как бы в стороне от всего этого, и благодаря им мы также можем держаться в стороне.

Но смерть Сьюзен и Дженнифер поколебала эту веру. Кто-то не пожелал считаться с правилами. В отсутствие ответа и возможности понять и объяснить произошедшее потребовалось другое решение, и каким-то образом центр тяжести случившегося переместился на меня и тех, кто были ближе всего ко мне. Я был хорошим полицейским, но быстро спивался. У меня уходила почва из-под ног, и я слабел, и кто-то воспользовался этой слабостью. Другие полицейские видели во мне источник заразы, а не нуждающегося в помощи коллегу. О моем уходе не пожалел никто, возможно, даже Уолтер.

В то же время все произошедшее сблизило меня с Эйнджелом и Луисом. Они не питали иллюзий насчет окружающей их жизни и не создавали для себя никаких философских конструкций, которые позволили бы им и быть ее частью, и держаться в стороне. Луис был киллером и не мог позволить себе подобных заблуждений. А крепость связи, существовавшей между ним и Эйнджелом, и его лишила иллюзий. С моих глаз теперь тоже словно спала пелена, и мне предстояло перестроиться и найти в жизни свое новое место.

Эйнджел взял с соседнего столика оставленную кем-то газету. Его внимание привлек заголовок.

— Ты его видел?

Я бросил взгляд на газетную страницу и кивнул. Во время недавнего нападения на банк один молодой человек попытался проявить геройство и получил полный заряд из двух стволов обреза. Об этом трубили во всех газетах.

— Вот история, — заговорил Эйнджел. — Выходят парни на дело. Никого трогать не собираются. Просто хотят войти в банк и взять денежки. А деньги-то, между прочим, застрахованы, так что банку ни холодно ни жарко. Ну, а потом они хотят уйти, и все. У них с собой оружие, потому что без него их всерьез не примут. Кто на них посмотрит, если они только ругаться будут? Но всегда найдется засранец, считающий себя бессмертным, и все потому, что он живой. Парень молодой, поддерживает себя в форме и уверен, что все киски будут его, если он не даст ограбить банк. Ну посмотрите-ка на него: вылитый агент по продаже недвижимости, двадцать девять лет, холостой, огребал приличные бабки, и вот в нем дыра, что твой туннель Холланда под Гудзоном. Ланс Перерсен, — Эйнджел изумленно покачал головой. — В жизни не встречал парня с таким именем: Ланселот.

— А не встречал, потому что они давно покойники, рыцари эти Ланселоты, — окидывая взглядом зал, пояснил Луис. — Наверное, околачивались в банках и лезли под пули. Может быть, этот парень последний Ланс.

Принесли бутерброды, и Эйнджел сразу ими занялся, в отличие от нас с Луисом.

— Как у тебя дела?

— Нормально, — ответил я. — По какому поводу сбор?

— Ты не пишешь, не звонишь, — чуть заметная улыбка тронула губы Луиса. Он взглянул на меня с теплым вниманием, и снова его изучающий взгляд заскользил по залу, останавливаясь поочередно на входной двери, столиках, дверях туалетных комнат.

— Я слышал, ты что-то делал для Бенни Лоу. Зачем тебе понадобилось связываться с этим дерьмом? — Эйнджел был неплохо осведомлен.

— Чтобы время убить.

— Если хочешь время убить, булавки в глаза втыкай. Бенни живет — только небо коптит.

— Давай, Эйнджел, ближе к делу. Ты пока только языком болтаешь, а Луис сидит с таким видом, будто ждет, что сюда сейчас нагрянет лихая банда и начнет поливать из своих пушек.

Эйнджел отложил недоеденный бутерброд и ловко вытер губы салфеткой.

— Я слышал, ты интересовался одной из подружек Стивена Бартона. Кое-кому любопытно узнать, откуда такой интерес.

— Кто же это у нас такой любопытный?

— Бобби Сциорра, как я слышал.

Не знаю, все ли было в порядке с головой у Бобби Сциорры, но убийство доставляло ему удовольствие, и в лице старика Ферреры он нашел хозяина, оценившего по достоинству эту страсть. Эмо Эллисон на себе почувствовал интерес Сциорры к чужим делам. У меня было сильное подозрение, что и Олли Уоттсу этот интерес укоротил жизнь.

— Бенни Лоу говорил о каких-то раздорах между стариком и Санни, — ответил я. — Он назвал это долбаным междусобойчиком.

— Бенни всегда был дипломатом, — вставил Эйнджел. — Удивляюсь, как это он еще не в ООН. Там что-то странное творится. Санни лег на дно и Пили с собой прихватил. О них ни слуху ни духу. Никто не знает, куда они подевались, но Бобби Сциорра прямо землю роет, чтобы их найти, — Эйнджел вспомнил об оставленном бутерброде и переполовинил его. — А как насчет Бартона?

— Мне кажется, он тоже залег, но точно не знаю. Он мелкая сошка, и у него едва ли есть серьезные дела с Санни или стариком — так, какие-нибудь мелочи, хотя когда-то он, возможно, и был близок Санни. Может быть, ничего за этим нет, и Бартон не при чем.

— Может он и не при чем, но у тебя у самого проблемы поважнее, чем розыск Бартона или его подружки.

Я молча ждал продолжения.

— За тобой охотятся.

— Кто?

— Это не местные. Кто-то не из города, но Луис не знает, кто точно это затеял.

— Это из-за дела с толстяком Олли?

— Не знаю. Даже такой придурок, как Санни, не станет устраивать охоту из-за какого-то стрелка-пешки, которого пристрелили, потому что ты появился. Толстяк Олли никому ничего плохого не делал, и вот его нет. Могу сказать тебе одно: ты здорово раздражаешь оба поколения семейства Феррера, и хорошего тут мало.

Услуга Коулу обрастала осложнениями. Дело не вписывалось в рамки обычных случаев исчезновения людей. Возможно, оно не было таким уж простым и с самого начала.

— У меня к тебе вопрос, — сказал я. — Ты знаешь кого-либо, у кого есть «пушка», что может продырявить кирпичную стену пулей калибра пять и семь десятых миллиметра весом в десятую часть унции? Патроны автоматические.

— Ну ты и шутник! Такую игрушку я видел только на башне танка.

— А вот из нее-то стрелка и пришили. Я видел, как его разнесло, и надо мной в стене

тоже была дыра. Оружие бельгийского производства, предназначалось для спецподразделений полиции по борьбе с террористами. Кто-то обзавелся такой штуковиной и пустил в ход. Она должна проявиться.

— Я поспрашиваю, — пообещал Эйнджел. — Догадки есть?

— Предполагаю, что это Бобби Сциорра.

— И я так думаю. А почему он подчищает за Санни?

— Старик велел.

Эйнджел согласно кивнул.

— Будь начеку, Берд.

Он доел свой бутерброд и поднялся.

— Пойдем, мы подвезем тебя.

— Нет, я хочу немного пройтись.

— Ствол при себе?

Я кивнул. Он сказал, что позвонит мне. У дверей мы расстались. Я шел по улице, чувствуя тяжесть пистолета под мышкой и отмечая в памяти каждое лицо в толпе, а под ногами неясно бился пульс большого города.

Бобби Сциорра, этот злой гений и воплощение жестокости и садизма, появился перед Стефано Феррерой, когда тот находился на грани безумия и смерти.

Казалось, его вызвали из дальнего, самого мрачного угла ада слившиеся воедино гнев и горе старика, и он стал физическим проявлением всех мыслимых и немыслимых мук и несчастий, которые Стефано желал бы обрушить на весь мир. В лице Бобби Сциорры он нашел идеальное орудие, чтобы нести боль и ужасную смерть.

В юности Стефано наблюдал, как отец создавал маленькую империю на основе их скромного дома в Бенсонхерсте. В те дни Бенсонхерст, граничащий с заливом Трейв-Сенд-Бей и Атлантическим океаном, сохранял еще дух маленького городка. Ароматы гастрономов смешивались с запахом дровяных печей местных пиццерий. Люди жили в домах на две семьи за коваными железными воротами. В солнечные дни они выходили на веранды и сидели там, наблюдая за детворой, игравшей в крошечных садиках.

Амбиции Стефано требовали простора и увлекли далеко от семейных традиций. Когда пришло его время занять место у руля, он выстроил большой дом на Стэйтен-Айленде. Из окон с внутренней стороны дома ему был виден край особняка Паоло Кастеллано на Тодт-Хилл, этакого Белого дома стоимостью в три с половиной миллиона, а в окно на самом верху, возможно, удавалось увидеть и усадьбу Бартонов. Если Стэйтен-Айленд устраивал главу семьи Гамбино и благожелательного миллионера, тогда и для Стефано он вполне подходил.

Когда Кастеллано пришел конец, после шести выстрелов в ресторане «Спаркс» в Манхэттене, самой крупной фигурой на Стэйтен-Айленде стал Стефано.

Женился он на некой Луизе, девушке из Бенсонхерста. К браку с Феррерой ее привела не возвышенная любовь, которую описывают в романах, — она любила его за могущество, неистовость, но большей частью ценила деньги. А тем, кого в брак привели меркантильные интересы, чаще всего приходится дорого расплачиваться за корыстолюбие. С Луизой именно так и случилось. Вскоре после рождения третьего сына она подверглась сильному психическому расстройству и вскоре умерла. Больше Стефано не женился. Горевать он также не горевал; брать на себя заботу о другой жене считал лишним, тем более, что первая обеспечила его наследниками.

Старший сын Винченцо выделялся умом и представлял главную надежду семьи. Когда он умер в двадцать три года в бассейне об обильного кровоизлияния в мозг, отец неделю молчал. Застрелив принадлежавшую Винченцо пару лабрадоров, он удалился в свою спальню. К этому времени Луиза была уже семнадцать лет в могиле.

Никколо, или Никки, был моложе Винченцо на два года и занял его место, став правой рукой отца. Я тогда только начал работать в полиции, и мне часто приходилось наблюдать, как Никки колесил по городу в бронированном «кадиллаке» в окружении охраны, создавая себе репутацию такого же головореза, как и отец. К началу восьмидесятых семья справилась с первоначальным отвращением к торговле наркотиками и принялась наводнять город дурманом всех мастей, который только могла заполучить. Большинство прежних торговцев благоразумно сошли с дистанции, а потенциальных соперников-конкурентов либо вытесняли угрозами, либо без особых церемоний пускали на корм рыбам.

Иное дело семья Ярдиз. Ямайские банды безо всякого почтения относились к

установленным правилам и не признавали авторитетов. Они смотрели на итальянцев и видели поживу. Ими была перехвачена партия кокаина на два миллиона долларов и убиты двое боевиков Ферреры. Никки приказал в ответ устроить отстрел Ярдиз: были разгромлены их клубы и дома, не пощадили даже женщин. За три дня погибло двенадцать человек, включая большинство тех, на ком лежала ответственность за кражу кокаина.

Вероятно, Никки вообразил, что на этом все закончится и вернется прежний порядок. Он продолжал разъезжать по улицам на своей машине, ел в тех же ресторанах, где и прежде, и вел себя так, словно после такой демонстрации силы угроза со стороны ямайцев улетучилась, как дым.

Никки был помешан на «Да Винченто» — шикарном частном ресторане в окрестностях Бенсонхерста, где свои итальянские корни не забывали. Возможно, Никки притягивало созвучие названия с именем брата, но его мания привела к тому, что он приказал заменить обычное стекло в окнах и дверях ресторана на особо прочное, типа того, что устанавливается для защиты президента. И стал спокойно наслаждаться итальянской кухней, не опасаясь нападения убийц.

Но как-то ноябрьским вечером в один из вторников, только Никки успел сделать заказ, черный фургон припарковался в переулке напротив, задними дверцами к окну. Возможно, Никки видел, как он остановился, заметил, что стекло с окон было снято и заменено черной проволочной решеткой, может быть, он даже нахмурился, когда дверцы резко распахнулись, внутри фургона сверкнула короткая вспышка и под действием отдачи затряслась решетка.

А еще у него, вероятно, хватило времени заметить, как снаряд РПГ-7 мчит к окну со скоростью шестьсот футов в секунду, оставляя позади дымный хвост. Вой снаряда проник сквозь толстые стеклянные панели, прежде чем они лопнули от взрыва. Стекло и фрагменты горячего металла разнесли Никки Ферреру на столько кусков, что в гроб, который три дня спустя пронесли по церкви, было попросту нечего положить.

Троица из ямайской семьи как в воду канула, и старик Феррера вымещал свою ярость на врагах и друзьях. Бизнес его начал хиреть, и соперники сомкнули ряды, усматривая в слепой ярости безумца удобный случай поквитаться с Феррерой и избавиться от него раз и навсегда.

И когда его мир, казалось, готов был рухнуть, у ворот особняка появился человек и заявил, что хочет поговорить со стариком. Он также просил передать, что у него есть кое-какие новости о семье Ярдиз. Охранник доложил наверх, и Бобби Сциорре позволили войти предварительно обыскав. Однако досмотр получился неполный: Сциорра отказался показать, что у него в черном пластиковом мешке. Держа под прицелом, его проводили к дому и приказали остановиться на лужайке в пятидесяти футах от крыльца, где его поджидал хозяин.

— Если ты попусту потратишь мое время, ты покойник, — пообещал старик Феррера.

В ответ Сциорра с мрачной усмешкой вытряхнул содержимое мешка на залитую светом лужайку. По земле покатались, сталкиваясь, три человеческие головы, и локоны волос напоминали мертвых змей, а Бобби Сциорра, чудовищное подобие Персея, стоял над ними с жестокой ухмылкой. Не успевшая застыть свежая кровь густыми каплями набухла по краям мешка и медленно падала в траву...

В ту ночь Бобби Сциорра попал в яблочко. Через год он уже занимал высокое положение в иерархии семьи. Поражала не только головокружительная скорость, с какой проходил его взлет, но и почти полное отсутствие сведений о прошлом Сциорры. В картотеке федералов он не значился, да и Феррера мало что сумел выяснить. До меня

доходили слухи, что однажды Сциорра пересекся с кланом Коломбо и что какое-то время он действовал во Флориде сам по себе, как «свободный художник». Этим информация о нем и ограничивалась. Убийство важных фигур в ямайской группировке оказалось достаточным, чтобы заслужить доверие Стефано Ферреры и быть принятым в семью после соответствующей церемонии в подвале дома на Стэйтен-Айленде, при которой капля крови из указательного пальца Бобби Сциорры связала его с Феррерой и его приспешниками.

С этого дня трон Ферреры охраняла грозная и влиятельная сила в лице Бобби Сциорры. Он ловко вел старика и семью через всевозможные перипетии, возникшие после принятия особых статусов, направленных на борьбу с рэкетом и позволяющих федералам привлекать к судебной ответственности не только отдельных лиц, совершивших уголовное преступление, но также организации и группы, получающие доходы от таких преступлений. Основные гангстерские семьи Нью-Йорка (Гамбино, Лучезе, Коломбо, Геновезе и Боннано — четыре тысячи членов разного ранга) понесли ощутимые потери, лишившись глав семейств, угодивших за решетку, а то и вовсе на тот свет. Но семья Феррера этой участи избежала, и все благодаря стараниям проницательного и дальновидного Бобби Сциорры, который дал возможность клану выжить, умело жертвуя малозначительными фигурами.

С годами старик, возможно, предпочел бы играть в семье более скромную роль, отойдя на второй план, если бы не Санни. Тупоголовый, насквозь порочный Санни не мог похвастаться и малой толикой того ума, что имели братья, но склонностью к насилию он превзошел обоих. За какое бы дело он не брался, оно неизменно заканчивалось кровопролитием, но самого Санни такое положение трогало очень мало. Чересчур полный и обрюзгший для своих лет — ему было за двадцать, но не больше тридцати — он обожал убивать и калечить. Причем особое, почти сексуальное возбуждение приносила ему смерть невинных.

Постепенно отец отстранил его от дел и предоставил вариться в собственном соку: накачиваться стероидами, проворачивать мелкие сделки с наркотиками, окунаться в проституцию и время от времени давать выход страсти к насилию. Бобби Сциорра пытался удержать его пусть даже под минимальным контролем, но Санни не признавал ни контроля над собой, ни здравого смысла. Он был носителем такого пышного букета пороков и отличался настолько гнусным и злобным нравом, что, стоило бы только отцу умереть, сразу же выстроилась бы предлинная очередь желающих поторопить сынка последовать за папашей.

Я никогда не предполагал, что поселюсь в районе Виллидж. С Сьюзен и Дженнифер мы жили в Бруклине на Парк-Слоуп. По воскресеньям мы отправлялись в Проспект-Парк и наблюдали, как дети играют в мяч и Дженни пинает траву маленькими розовыми кроссовками. А потом мы заходили в бар выпить содовой, и сквозь окна с витражами доносились звуки музыки — это в парке играл в своей «раковине» джаз.

В такие дни жизнь казалась такой же длинной и манящей, как зеленеющие просторы Лонг-Медоу. Мы шли по парку: я, Сьюзен и между нами Дженни. Мы с Сьюзен переглядывались, слушая бесконечные «почему» дочери, ее наблюдения и понятные только детям шутки. Я держал ее за руку, и она как мостик, соединяла нас с Сьюзен, и мне хотелось верить, что в нашей жизни все еще может наладиться, и быстро расплывающаяся трещина в наших отношениях затянется сама собой. Если Дженни убежала вперед, я прикасался к Сьюзи, брал ее за руку, а, когда я говорил, что люблю ее, она улыбалась в ответ. Но потом она отводила взгляд, или смотрела под ноги, или звала Дженни, потому что мы оба знали, что моих слов о любви недостаточно.

В начале лета, после тщетных попыток найти хоть какой-нибудь след Странника, я решил вернуться в Нью-Йорк и тогда же связался со своим адвокатом, попросив порекомендовать мне агента по недвижимости. В Нью-Йорке колоссальные площади отданы под офисы, а для тех, кто в них работает, места не хватает. Почему не знаю, но мне захотелось жить в Манхэттене. Возможно, потому что это не Бруклин, где мы жили все вместе до трагедии.

Но вместо агента адвокат предложил мне целый ворох друзей и деловых знакомых. В результате я снял квартиру в районе Виллидж в одном из кирпичных домов с белыми ставнями и крыльцом, ведущим к парадной двери с окошком в виде веера над ней. Правда, я предпочел бы поселиться немного дальше от Сент-Марк-плейс: с тех пор, как здесь жили У. Х. Оден и Лев Троцкий, это место изменилось, здесь появилось много баров, кафе и дорогих бутиков. Но, тем не менее, выбор меня устраивал.

Я получил пустую квартиру и не стал загромождать ее мебелью, ограничившись кроватью, столом, несколькими стульями и маленьким телевизором. Разложил книги, пленки, компакт-диски и несколько личных вещей и зажил в доме, значившем для меня не более, чем обычный гостиничный номер.

За окном стемнело. Я выложил на стол пистолеты и тщательно вычистил каждый. Если семейка Феррера мной заинтересовалась, не мешает как следует подготовиться к встрече.

За все время службы в полиции мне лишь несколько раз пришлось воспользоваться оружием для самозащиты. В служебное время я никого не убил и единственный раз стрелял в человека. Это был сутенер, который кинулся на меня с ножом, и мне пришлось выстрелить ему в живот.

Став детективом, я большей частью занимался расследованием грабежей и убийств. Патрульная служба включает в себе реальный риск для жизни полицейского, который часто оказывается в опасных для жизни ситуациях. А расследование убийств предполагает другой вид работы. Как говаривал мой первый напарник Томми Моррисон, ко времени приезда копов все уже кончено, и труп налицо.

После смерти Сьюзен и Дженнифер я отказался от кольца «дельта». Теперь у меня

имелось три пистолета. Кольт 38-го калибра особой модели для сыскной полиции принадлежал еще моему отцу, и это была единственная из его вещей, которую я оставил у себя. Клеймо на нем поистерлось, на корпусе виднелись царапины и щербины, но он оставался отличным оружием. Весил он мало, чуть больше фунта, и удобно располагался в кобуре на лодыжке или поясе. Этот простой и мощный револьвер хранился у меня в выемке под рамой кровати.

Из пистолета марки «Хеклер и Кох VP70 M» я стрелял только в тире. Прежний хозяин этого полуавтоматического пистолета, приторговывавший наркотиками, пристрастился к своему товару и умер. Я нашел его уже мертвым, когда приехал по вызову соседа, пожаловавшегося на вонь. Восемнадцатилетний «хеклер» военного образца так и лежал, неиспользованный, в своем футляре. Но я на всякий случай спилил серийный номер.

Как и у кольта, у него не было предохранителя. Но ценность его состояла в дополнительном ложе, также имевшемся у покойного торговца наркотиками. Присоединение этой детали преобразовывало пусковой механизм пистолета и превращало его в полностью автоматическое оружие, способное делать две тысячи двести выстрелов в минуту. Если бы на меня решились напасть, я бы со всем своим арсеналом секунд десять смог бы продержаться, а уж после пришлось бы отбиваться стульями. Обычно «хеклер» хранился у меня в специальном отсеке в багажнике «мустанга», откуда я его забрал, чтобы в мастерской при ремонте на него не наткнулись.

С собой я носил только «смит-вессон» третьего поколения — автоматическую модель калибра 10 миллиметров, специально разработанную для ФБР, получить которую мне удалось благодаря Вулричу. Я почистил пистолет, не торопясь зарядил и отправил в наплечную кобуру. Покончив с этим делом, взглянул в окно: многочисленная публика направлялась в бары и рестораны Виллиджа. Мое желание последовать их примеру прервал звонок мобильного телефона, и спустя полчаса я уже находился поблизости от места, где нашли тело Стивена Бартона.

* * *

Мигавшие красные огни осеняли теплым светом закона и порядка стоянку и все, что на ней находилось. Темным пятном выделялся массив парка Маккарена, на юго-западе потоки машин спешили по Уильямсбургскому мосту к скоростной магистрали Бруклин — Куинс. Патрульные следили, чтобы любопытные прохожие и жадные до кровавых зрелищ зеваки не заходили за ограждение. Один из полицейских преградил мне дорогу рукой:

— Сюда нельзя, — предупредил он.

Мы тут же узнали друг друга, и Векси убрал руку. Он знал еще моего отца, но все также ходил в сержантах.

— Все официально, Джимми. Я с Коулом.

Он вопросительно оглянулся на Уолтера, разговаривавшего с патрульными, и тот кивнул. Рука поднялась, как шлагбаум, открывая мне путь.

Смрадный дух канализации бил в нос уже за несколько шагов до люка. Пространство вокруг него было огорожено, и из смотрового колодца поднимался лаборант-криминалист в резиновых сапогах.

— Мне можно спуститься?

Коул ответил едва заметным кивком. К Коулу присоединились двое мужчин в хорошо сшитых костюмах и дождевиках. Буквы «ФБР» на спинах их плащей отсутствовали, из чего я заключил, что они свое присутствие афишировать не собирались.

— С ума сойти, они, оказывается, бывают и на обычных людей похожи, — сказал я Коулу, проходя мимо.

Он скривился в ответ. Подошли федералы.

Надев перчатки, я начал спускаться с колодез. Протекающая под городскими улицами зловонная река одурманила меня своим мерзким запахом, вызывая горечь в горле.

— Глубоко не дышите, тогда будет легче, — посоветовал стоявший у подножия лестницы рабочий канализации. Пустые слова.

Я даже не стал спускаться с лестницы, а направил свой фонарик на группу техников и полицейских, стоявших в полукруге света. Лучше поскорее прогнать мысль о том, в чем они топчутся. Полицейские бросили на меня тоскливые взгляды и снова стали наблюдать за работой медкоманды. Стивен Бартон лежал среди нечистот поодаль от лестницы, и вонючий поток беспорядочно трепал белокурые волосы. Его, очевидно, сбросили в люк, и тело немного прокатилось по дну.

Медэксперт выпрямился и стянул резиновые перчатки. Незнакомый мне детектив из убойного отдела вопросительно посмотрел на него. Медэксперт ответил взглядом полным досады и раздражения.

— Его надо отвезти в лабораторию и там как следует осмотреть. Я не могу ничего толком разобрать среди этого дерьма.

— Ладно, скажите хоть в общем, — сдавленно взмолился детектив.

— Задушен, — процедил раздраженно сквозь зубы медэксперт, проталкиваясь к лестнице. — Сначала его оглушили ударом по затылку, а затем задушили. О точном времени смерти можете не спрашивать. Он мог пролежать здесь день, возможно, и дольше. Тело сильно размякло, — прибавил он и полез по лестнице наверх. Его шаги гулко отдавались под стенами коридора.

— Прах к праху, дерьмо к дерьму, — повел плечами детектив, и снова повернулся к телу.

Я стал подниматься, а за мной медэксперт. Рассматривать тело Бартона не было необходимости. Для подобного случая удар по голове не типичен, но и ничего необычного в этом не было. Чтобы задушить жертву, хватит и нескольких минут, если только ей не удастся вырваться. Я слышал о случаях, когда жертвы, вырываясь, выдирали у душителей пучки волос, клочки кожи, а однажды убийца даже лишился уха. Оглушая жертву, преступник облегчил себе задачу. Но при достаточно сильном ударе удавка могла и не понадобиться.

Пока Уолтер разговаривал с федералами, я постарался отойти от люка как можно дальше, оставаясь в пределах ограждения, и никак не мог надышаться ночным воздухом. Запах нечистот намертво пристал к моей одежде. Наконец федералы вернулись к своей машине, а Уолтер медленно двинулся в мою сторону, держа руки в карманах.

— Они собираются задержать Санни Ферреру, — объявил он.

— За что же? — фыркнул я. — Да его адвокат вытащит Санни в два счета. Но это в том случае, если он в этом замешан. А для начала пусть попробуют его разыскать. Эта компания и под носом у себя ничего не найдет.

— Много ты знаешь, — Уолтер был явно не настроен шутить. — Парень сбывал для Ферреры наркоту, кинул его и был задушен. Вот и все.

— Действительно, в последние годы мафия все чаще предпочитала для расправы удавку: никакого шума и крови — такого мнения придерживаются федералы, — продолжал Уолтер, — и если они сочтут нужным, то арестуют Санни даже по подозрению, что он закурил в неподобающем месте.

— Брось, Уолт, Феррера к этому не причастен. Они не стали бы спускать парня в канализацию и...

Но Уолтер уходил, не дослушав, жестом прекращая разговор.

— А как насчет девушки, Уолтер? — я двинулся вслед. — Может быть, она в этом как-то замешана?

Коул обернулся и положил руку мне на плечо.

— Слушай, когда я звонил тебе, я не думал, что ты сразу примчишься и станешь мозолить глаза, — он оглянулся на федералов. — Какой-нибудь след есть?

— Думаю, она скрылась из города. Вот все, что пока могу сказать.

— Медэксперт полагает, что Бартона убили во вторник, ближе к утру. Если девушка уехала позднее, она может быть замешана.

— Ты расскажешь о ней федералам?

Уолтер покачал головой:

— Пусть гоняются за малышом Санни. А ты продолжай поиски.

— Есть продолжать поиски, сэр, — откликнулся я.

Я остановил такси и уехал, не переставая ощущать на себе пристальные взгляды федералов.

Мало для кого оставалось тайной, с каким трудом удается старику Феррере держать под контролем своего последнего оставшегося в живых сына. Стефано был свидетелем того, как мафия в Италии с нарастающей жестокостью запугивала и расправлялась со следователями. Но подобные методы лишь укрепляли решимость более сильных духом продолжать борьбу, и многие семьи оказались в положении своих жертв, связанных способом инкаплеттаменто — «козлиная удавка». Подобно тому как жертва с веревками на шее, ногах и руках пыталась освободиться, только сильнее затягивая веревку, так и мафиозные кланы, чем отчаяннее боролись, тем больше себе вредили. Старик Феррера был твердо настроен не допустить, чтобы то же самое произошло и с его организацией. В то же время для Санни жестокость сицилийцев соответствовала его представлениям о силе и власти, к которой он стремился.

В этом, возможно, и заключалось различие между отцом и сыном. Когда возникала необходимость избавиться от кого-либо, старик Феррера максимально заботился о том, чтобы жертва исчезла и при этом не осталось бы никакого свидетельства произошедшего, даже капли крови. Удушение Бартона было в духе мафии, но его тело сбросили в канализационный колодец, а это уже не соответствовало принципам семьи. Если бы к смерти Бартона был причастен старик Феррера, вполне возможно, местом его последнего успокоения стала бы канализация, но тело предварительно растворили бы в кислоте, а уж затем слили в канализационную трубу.

Поэтому я не верил в то, что пасынка Изабеллы Бартон убили по приказу старика. Подозрительная близость по времени его смерти и исчезновения Кэтрин Деметр заставляла усомниться в простом совпадении. Конечно, существовала вероятность, что по какой-то причине Санни распорядился убить обоих. Если исходить из того, что у него не в порядке с головой, то ему безразлично — одним трупом больше, одним меньше. С другой стороны, нельзя исключать, что и Кэтрин Деметр могла расправиться со своим дружкой и поторопилась сбежать из города. Может быть, ей слишком часто доставалось от него. В таком случае, выходило, что миссис Бартон платила мне за розыск не только знакомой, но и потенциальной убийцы ее сына.

* * *

Дом Ферреры окружал густой парк. Вход закрывали одностворчатые ворота, приводившиеся в движение электроникой. Переговорное устройство, вмонтированное в опору ворот, находилось слева. Я позвонил, назвал свое имя и сообщил ответившему голосу, что хочу поговорить со стариком. Укрепленная на столбе камера нацелилась на такси, и, хотя парк казался безлюдным, я был уверен, что в непосредственной близости от меня было от трех до пяти человек охраны.

Ярдах в ста от ворот припарковался темный «додж»-седан с двумя мужчинами на передних сиденьях, так что по возвращении в квартиру, а может быть, и раньше, меня ждала встреча с федералами.

— Войди и жди у ворот, — отдал распоряжение голос из переговорного устройства. — Тебя проводят к дому.

Я выполнил что от меня требовалось, и такси уехало. Из-за деревьев вышел седой мужчина в темной одежде и стандартного образца темных очках, держа наготове «хеклер». За ним появился так же одетый мужчина помоложе. Справа я увидел еще двух охранников, тоже вооруженных.

— Прислонись к стене, — скомандовал седой. Он натренированными движениями обыскал меня, в то время как остальные наблюдали, и вынул обойму из моего «смит-вессона», а также запасную у меня из-за пояса. Достав патрон из патронника, охранник вернул пистолет мне. Затем сделал знак двигаться к дому. Он держался справа и немного сзади, чтобы видеть мои руки. За нами теньями следовали еще двое. Да, неудивительно, что старику Феррере удалось прожить так долго.

Снаружи дом выглядел на удивление скромно: длинное двухэтажное строение с узкими окнами по фасаду и галереей вдоль нижнего этажа. Охранники расхаживали по идеально ухоженному саду и посыпанной гравием подъездной аллее. Справа от дома стоял черный «мерседес», рядом с которым ждал распоряжений шофер. Когда мы подошли, дверь уже была открыта и в прихожей стоял Бобби Сциорра, сжимая правой рукой запястье левой, на манер священника в ожидании подношений.

Сциорра был высок ростом и худощав. Под серым однобортным костюмом его длинные тонкие конечности походили на стилеты, а бледность длинной, как у женщины, шеи подчеркивала снежная белизна доверху застегнутой рубашки без воротника. Темный ежик волос окружал лысую резко сужающуюся кверху макушку. Сциорра был облеченным плотью ножом, живым орудием, причиняющим боль, он объединял в себе и хирурга и скальпель. В ФБР считали, что на его совести более тридцати убийств, но большинство знавших его были уверены, что ФБР Сциорру недооценивало.

При моем приближении он улыбнулся. За тонкими полосками губ блеснули безукоризненно белые зубы. Но улыбка так и не затронула холодных голубых глаз, потерявшись среди неровностей шрама, который начинался от левого уха, проходил через переносицу и заканчивался у мочки правого уха. Шрам этот поглотил улыбку, как жадный рот.

— А у тебя хватило пороху прийти сюда, — продолжал улыбаться Сциорра, покачивая головой.

— Это что, Бобби, признание вины? — спросил я.

— Зачем тебе нужен босс? — пропустив мое замечание мимо ушей, все с той же улыбкой поинтересовался он. — У него нет времени для такого дерьма, как ты, — улыбка Сциорры стала еще шире. — Между прочим, как твои жена и дочка? Малышке должно быть сейчас... года четыре.

Я почувствовал, как в висках неистово заколотилась кровь и ярость стремится затуманить сознание. Но я не позволил себе взорваться и только сильнее прижал руки к бокам. Не требовалось большого ума, чтобы сообразить: я был бы покойником, прежде чем успел коснуться белой шеи Сциорры.

— Сегодня вечером Стивена Бартона нашли в канализации. Федералы разыскивают Санни и, возможно, тебя заодно. Меня заботит ваше благополучие. Мне бы не хотелось, чтобы с кем-либо из вас стряслось что-либо плохое... к чему я не был бы причастен.

Улыбка Сциорры держалась, как приклеенная. Он собирался что-то ответить, но его перебил донесшийся из динамика тихий, но властный голос. Возраст придал ему скрипучесть, с оттенком предсмертного хрипа, неярко выраженного, но, тем не менее,

ощутимого, как сицилийские корни дона Ферреры.

— Пропусти его, Бобби, — проскрипел голос. Сциорра отступил в глубь прихожей и распахнул исключаяющие сквозняк двойные двери. Я пошел за головорезом в сопровождении седого охранника, который ждал, пока Бобби закроет двойные двери и откроет следующую дверь в конце коридора.

Дон Феррера сидел в старомодном кожаном кресле за большим письменным столом, напомиавшим стол в кабинете Коула, но позолоченная отделка не ставила его ни в какое сравнение со спартанской собственностью Уолтера. Окна закрывали шторы, и рассеянный свет настенных светильников и настольных ламп освещал многочисленные картины и книжные полки. По возрасту и состоянию книг я предположил, что стоят они, возможно, баснословных денег и никем, скорее всего, никогда не читались. Вдоль стены выстроились красные кожаные кресла, такие же, как и то, в котором сидел сам хозяин, а в дальнем конце комнаты длинный низкий стол окружали диваны, тоже обтянутые красной кожей.

Старик производил впечатление даже сидя и с грузом лет на плечах. Отливающие серебром волосы были гладко зачесаны у висков. Но смуглый цвет лица не мог скрыть нездоровую бледность, и было похоже, что у него слезятся глаза. Сциорра закрыл дверь и снова застыл в позе священника, а охранник остался в коридоре.

— Прошу садиться, — старик указал на кресло.

От открыл серебряную шкатулку с турецкими сигаретами, каждую опоясывал золотой ободок. Я поблагодарил и отказался. Феррера огорченно вздохнул:

— Жаль. Я люблю их аромат, но мне запрещено курить. Никаких сигарет, никаких женщин, никакого спиртного, — он закрыл крышку и с жадной тоской смотрел на нее некоторое время, потом сцепил руки на столе. — У вас нет теперь звания, — сказал он.

Среди «людей чести» считалось прямым оскорблением обращение «мистер» при наличии звания или титула. Сыщики-федералы, чтобы принизить подозреваемых мафиози, иногда использовали это, обходясь без более официальных «дон» или «тио».

— Я понял, дон Феррера, что оскорбление исключено, — кивнул я и умолк.

Во времена моей службы детективом мне приходилось иметь дело с «людьми чести», и я всегда держался с ними без самомнения и высокомерия. Уважение должно встречать уважение, а паузы наполняться смыслом. В их среде все имело значение, и в способах общения, как и в методах насилия, у них преобладала экономичность и эффективность.

«Люди чести» говорили только о том, что касалось непосредственно их самих, и предпочитали промолчать, нежели солгать. Долг «человека чести» — говорить правду, и нарушить установленные правила его может вынудить только вышедшее за рамки поведение других. И здесь предполагалось допустить, что сутенеры, киллеры и торговцы наркотиками в первую очередь отмечены благородством и что кодекс чести не обветшалый символ прошлого века, а поставлен на службу для придания аристократического блеска бандитам и убийцам.

Я терпеливо ждал, пока старик не начнет разговор.

Он поднялся и медленно, не без труда обогнул стол, остановившись возле маленького столика у стены, на котором тускло поблескивала золотая тарелка.

— А знаете, Аль Капоне имел обыкновение есть на золотых тарелках. Вы об этом слышали?

Я ответил. Что не слышал.

— Его люди приносили тарелки в ресторан в футляре для скрипки и расставляли на

столике для Капоне и его гостей, и они на них ели. Как, по-вашему, почему у человека возникает желание есть на золоте? — он ждал ответа, пытаясь поймать мое отражение в тарелке.

— Когда есть большие деньги, появляются особые, эксцентричные вкусы, — предположил я. — Со временем даже вкус пищи кажется не тем, если она подана не на коллекционном фарфоре или золоте. Тот, кто очень богат и обладает большой властью, не считает возможным есть из обычной посуды, как и простые смертные.

— Я думаю, так можно зайти слишком далеко, — ответил он, но, казалось, говорил уже не со мной, а с самим собой, ловя в тарелке собственное отражение. — Здесь что-то не так. Нельзя потакать некоторым вкусам, потому что они чересчур грубые. Даже отвратительные. Они оскорбляют человеческую природу.

— Полагаю, эта тарелка не из коллекции Капоне.

— Нет, мне подарил ее сын на прошлый день рождения. Я рассказал ему эту историю, и он заказал тарелку для меня.

— Возможно, он не уловил смысла этой истории, — заметил я и обратил внимание на утомленный вид старика. В последнее время сын определенно лишил его отдыха.

— Вы считаете, что к убийству этого парня имеет отношение мой сын? Вы думаете, это сделано по его указанию? — он вернулся непосредственно в поле моего зрения, но взгляд его был устремлен не на меня, а куда-то дальше. Я не стал выяснять, куда он смотрит.

— Ничего об этом не знаю. ФБР такого мнения.

Он улыбнулся с холодной жестокостью. И улыбкой напомнил мне Бобби Сциорру.

— А вас интересует девушка, да?

Я удивился про себя, хотя удивляться было особенно нечему. Сциорра знал всю подноготную Бартона, а после того, как тело было найдено, о его прошлом стало известно многим. Я подумал, что свою роль сыграл и мой визит к Питу Хейзу. Мне хотелось знать, насколько полны его сведения. И следующий вопрос показал, что известно ему не так уж много.

— На кого вы работаете?

— Не могу этого сказать.

— Мы можем узнать. Мы узнали достаточно от старика — хозяина спортзала.

Вот откуда ветер дует. Я слегка пожал плечами. Он снова помолчал.

— Вы думаете, что мой сын и девушку распорядился убить?

— А это правда? — я отвечал вопросом на вопрос, и дон Феррера повернулся ко мне, щуря слезящиеся глаза.

— Есть одна история о муже, который подозревает, что жена наставляет ему рога. Тогда он приходит к старому верному другу и говорит: «По-моему, жена мне изменяет, но не знаю с кем. Я пытался следить за ней, однако так и не узнал, кто ее любовник. Что мне делать?» Но друг и есть тот самый тайный любовник. И, чтобы отвести от себя подозрение, он сообщает мужу, что видел жену в обществе мужчины, известного своими любовными похождениями с чужими женами. Обманутый муж сосредоточивает внимание на другом человеке, а жена по-прежнему изменяет ему с лучшим другом, — он замолчал и со значением посмотрел на меня.

Во всем скрыт особый подтекст, и намек нужно понять. Жить среди символов — значит сознавать необходимость понимания смысла, спрятанного в кажущейся на первый взгляд бесполезной информации. Большую часть жизни старик провел, отыскивая во всем скрытый

смысл, и от других ждал такой же пронизательности. Своей анекдотичной, с налетом цинизма историей старик, видимо, хотел сказать, что не верит в причастность сына к смерти Бартона, и намекал, что истинному виновнику выгодно, дабы полиция и ФБР подозревали его сына.

Я покосился на Бобби Сциорру, и мне стало интересно, много ли удавалось прочитать дону Феррере в непроницаемых глазах своего подручного. Ради собственной выгоды Бобби Сциорра с легкостью мог бы перешагнуть и через босса.

— Я слышал, Санни будто вдруг стал интересоваться моим житьем-бытьем.

— И что же это за интерес, мистер Паркер? — усмехнулся Феррера.

— А такой, что из-за него мое здоровье может вдруг существенно ухудшиться.

— Ничего об этом не знаю. Санни сам по себе.

— Хорошо, но, если на меня кто-либо наедет, я Санни в аду достану.

— Бобби с этим разберется, — пообещал Феррера.

Меня такая перспектива мало успокоила. Я поднялся.

— Умный человек стал бы искать девушку, — старик тоже встал и направился к двери в углу комнаты позади стола. — Жива она или нет — ключ в ней.

Возможно, он и прав, но у старика, по всей видимости, имелись свои причины указать мне на нее. А, когда Бобби Сциорра провожал меня до парадной двери, мне подумалось, что найти Кэтрин Демерт хочу не я один.

* * *

У ворот дома Ферреры меня ждало такси, чтобы отвести в Виллидж. Как оказалось, мне хватило времени, чтобы принять душ и сварить кофе, а тут и ФБР пожаловало. Я переоделся в тренировочный костюм и рядом со специальными агентами Россом и Эрнандесом чувствовал себя немного простовато. Тихо звучала запись «Голубого Нила». Эрнандес недовольно покрутил носом. Я не счел нужным отреагировать.

Говорил в основном Росс, а его напарник тем временем с нарочитым вниманием изучал содержимое книжных полок, оглядывая корешки и читая названия на пыльных обложках. Разрешения на это он не спросил, и меня это сильно заело.

— На нижней полке есть с картинками, — заметил я.

Эрнандес посмотрел на меня зверем. Ему было около тридцати, и он продолжал верить всему, что ему втолковывали в академии ФБР в Куантико. Мне он напоминал гидов, что водят туристов по зданию Эдгара Гувера^[4] в Вашингтоне, — тех, что мечтают сразить наркоторговцев или международных террористов, сопровождая толпу домохозяек из Миннесоты.

Другое дело Росс, чье имя связывалось с расследованием крупных дел, касающихся организованной преступности. Я считал, что агент он хороший, а как человек — не ахти, и потому решил, что рассказывать я ему ничего не стану.

— Что ты делал сегодня вечером в доме Ферреры? — начал он, отказавшись от кофе с таким видом, с каким мартышка отказалась бы от ореха.

— Разносил газеты, по пути и к нему заглянул.

Но Росс не принял шутки и даже не улыбнулся.

Эрнандес еще сильнее насупился. На моем месте любой более нервный уже

разволновался бы.

— Не строй из себя дурака, — начал злиться Росс. — Я мог бы тебя арестовать по подозрению в связи с организованной преступностью и посадить под замок на некоторое время, но что нам обоим это даст? Поэтому спрашиваю еще раз: что ты делал сегодня вечером в доме у Ферреры?

— Я провожу расследование. Феррера, возможно, имеет отношение к этому делу.

— Что это за расследование?

— Тайна следствия.

— Кто тебя нанял?

— Это также конфиденциальная информация, — я хотел еще пошутить, но решил, что Росс не в том настроении, чтобы оценить шутку. Может быть, я и дурак, но за последние сутки мне не удалось ни на шаг продвинуться в поисках Кэтрин Демер, а убийство ее друга выявило много возможностей, ни одна из которых особенно не привлекала. Если Росс задался целью зацепить Санни Ферреру или его отца, флаг ему в руки, а у меня своих проблем хоть отбавляй.

— Что ты рассказал Феррере о смерти Бартона?

— Ничего сверх того, что он уже знал, ведь Хансен прискакал на место преступления раньше вас, — съязвил я. Хансен работал репортером в «Пост», и хорошо работал. Чутью парня на трупы, должно быть, завидовала даже часть мушиного племени. Если кто-то успел пару слов шепнуть Хансену, то Феррера был в курсе дела еще раньше. Уолтер оказался прав: в управлении чихнуть нельзя без того, чтобы об этом не узнали и внутри и снаружи. Контора течет, как худой башмак.

— Послушайте, — я начал терять терпение. — Мне известно столько же, сколько и вам. Я считаю, что здесь не замешаны ни Санни, ни старик. А что касается того, кто...

Росс от досады подкатил глаза. Помолчав, он поинтересовался, видел ли я Бобби Сциорру. Я ответил, что имел такое счастье. Росс встал и снял микроскопическую соринку с галстука.

— Сциорра, я слышал, твердит всем и каждому, что тебя стоит проучить. Он считает, что ты суешься куда не следует и сам лезешь на рожон. Возможно, он и прав.

— Я надеюсь, что вы все сделаете, чтобы меня защитить.

Губы Росса дрогнули в мимолетной ухмылке, открывая остренькие маленькие зубки. Он напоминал ощерившуюся крысу, в которую ткнули палкой.

— Будь спокоен, мы сделаем все возможное, чтобы отыскать негодяя, когда с тобой что-либо случится, — в свою очередь улыбнулся Эрнандес, направляясь вместе с Россом к выходу. Два сапога пара.

— Я вас не провожаю, — тоже улыбнулся я. — И вот что, Эрнандес...

Он остановился и обернулся.

— На всякий случай я пересчитаю книги.

Росс прав, сосредотачивая внимание на Санни. Конечно во многих делах он оставался мелкой сошкой. Что такое Санни? Несколько интим-салонов, клуб в центре китайского квартала на Мотт-стрит с написанным от руки объявлением над телефоном, заботливо предупреждающим публику о встроенном «жучке», кое-какие мелкие сделки с наркотиками; ну, еще он ссужает деньги под грабительские проценты и опекает шлюх. Но все это никак не делает его врагом номер один. В то же время Санни — слабое звено в клане Феррера. Если удастся его подцепить, может открыться путь к Сциорре и самому старику.

Я наблюдал в окно, как фэбээровцы усаживались в машину. Росс задержался, прежде чем сесть на место пассажира, и некоторое время пристально смотрел на мое окно. Стекло, однако, не треснуло от напряжения, да и я остался цел. Но у меня возникло чувство, что агент Росс еще не в полной мере проявил себя.

На следующее утро в начале одиннадцатого я подъехал к дому Бартонов. Мне открыло дверь какое-то безликое создание и проводило в тот же кабинет, где два дня до этого я разговаривал с Изабеллой Бартон. За столом сидела миссис Кристи в том же мышиногo цвета костюме, и выражение ее лица приветливее не стало.

Присесть она мне не предложила, и я остался стоять, но сунул руки в карманы: в атмосфере такого «теплого» приема недолго и руки отморозить. Она продолжала копаться в бумагах, не спеша поднять на меня глаза. Я занял себя тем, что стал разглядывать красивую фарфоровую собачку, стоявшую в дальнем конце полки над камином, возле которого стоял я. Наверное раньше их была пара, потому что на противоположной стороне место пустовало. Без подруги песик выглядел одиноким.

— Мне казалось, такие фигурки обычно парные, да?

Миссис Кристи оторвалась от бумаг, сморщившись, как старая газета.

— Я говорю о собачке, — повторил я. — Мне представлялось, что эти фарфоровые статуэтки парные, — мне было мало дела до этой скучающей в одиночестве собачки, но подчеркнутое непонимание миссис Кристи уже успело изрядно наскучить, и я теперь не без злорадства наблюдал ее досаду.

— Раньше они стояли парой, — наконец, она удостоила меня ответом. — Но другая, она... разбилась некоторое время назад.

— Жаль, красивая вещица, — я попытался изобразить огорчение, но у меня это получилось неважно.

— Да, жаль, это была память.

— Для вас или миссис Бартон?

— Для нас обеих.

Миссис Кристи поняла, что все ее усилия игнорировать мое присутствие оказались тщетными. Она аккуратно закрыла ручку колпачком и напустила на себя деловой вид.

— Как миссис Бартон? — поинтересовался я. По лицу миссис Кристи промелькнуло нечто, похожее на тень участия, но тут же исчезло, как скрывшаяся за утесом чайка.

— С прошлой ночи она на успокоительных лекарствах. Как вы понимаете, на нее очень сильно подействовало случившееся.

— А я не думал, что между ней и ее пасынком такие уж теплые отношения.

Миссис Кристи облила меня презрением. Возможно, частично заслуженным.

— Миссис Бартон любила Стивена как родного. Не забывайте, мистер Паркер, что вы всего лишь нанятое лицо и не имеете права оспаривать репутацию ни живых, ни мертвых, — она энергично тряхнула головой. — Зачем вы пришли? Сейчас здесь столько дел перед...

На мгновение она потерянно умолкла. Я ждал, когда она закончит фразу.

— ...перед похоронами Стивена, — договорила она, и мне стало ясно, что ее поведение объяснялось не только сочувствием к хозяйке. Оказывается, она испытывала теплые чувства к этому парню с моральными принципами акулы-молота.

— Мне нужно съездить в Виргинию. Возможно, выданного аванса окажется недостаточно. Я хотел сообщить об этом миссис Бартон перед отъездом.

— Это имеет какое-либо отношение к убийству?

— Не знаю, — ответил я. Фраза становилась дежурной. — Не исключена связь между

исчезновением Кэтрин Деметр и смертью мистера Бартона, но ясность появится, если полиции удастся за что-либо зацепиться или найдется девушка.

— Сейчас я не могу отдать распоряжение на подобные расходы, — начала миссис Кристи. — Вам придется подождать, пока...

Я не выдержал и перебил ее. Откровенно говоря, миссис Кристи меня уже изрядно утомила. Конечно, я привык, что не все жалуют меня симпатией. Но большинство делали свои выводы после знакомства, пусть и короткого.

— Я не жду от вас распоряжений на этот счет. Кроме того, после встречи с миссис Бартон у меня есть серьезные основания усомниться в том, что вас это как-то касается. Но я считал своим долгом выразить соболезнования и сообщить, насколько мне удалось продвинуться.

— И как же далеко вы продвинулись, мистер Паркер? — прошипела миссис Кристи. Она встала, и на фоне темного стола отчетливо выделялись побелевшие костяшки пальцев. В ее глазах проявилось и подняло голову нечто ужасающе злобное и сверкнуло ядовитыми зубами.

— По моему мнению, девушка покинула город. Думаю, она отправилась домой, или в те края, где когда-то был ее дом, но причина мне неясна. Если она там, я найду ее, и, убедившись, что она жива и невредима, дам знать миссис Бартон.

— А что, если нет?

Вопрос повис в воздухе. Ответа на него не было. Если Кэтрин Деметр нет в Хейвене она где-то затаилась, и придется ждать, пока она так или иначе обнаружит себя: либо воспользовавшись кредитной карточкой, либо позвонив кому-либо из встревоженных знакомых.

Меня охватила усталость вперемешку с чувством неудовлетворенности. Дело рассыпалось на осколки, разлетаясь в разные стороны, поблескивая вдалеке на прощание. Для построения картины оказалось чересчур много фрагментов. Да и опыт удерживал меня от попытки такого построения, поскольку результат его мог противоречить истине: насильственно насажденный порядок среди хаоса убийства. И все же меня не покидала уверенность, что Кэтрин Деметр является частью этой мозаики, поэтому следовало отыскать ее, чтобы установить, какое место занимает она в веренице событий.

— Я уезжаю сегодня. Если выясню что-либо, позвоню.

Глаза миссис Кристи потухли, и жившее в ней злобное нечто вновь свернулось в неприметный клубочек, погрузившись до поры до времени в сон. Я сомневался, дошли ли до нее мои слова. Я ушел, а она так и осталась стоять с отсутствующим взглядом, упираясь костяшками в стол. Казалось, она всматривалась в себя, и выражение ее бледного лица подсказывало, что секретарь миссис Бартон немало встревожена увиденным.

* * *

Уехать сразу не удалось, поскольку дополнительно возникшие проблемы с машиной заставили меня задержаться, и только в четыре часа дня я приехал, наконец, домой на своем «мустанге», чтобы собрать вещи в дорогу.

Я поднимался по ступенькам, нащупывая в кармане ключи. Легкий ветерок кружил по улице конфетные обертки и, как колокольчиками, позвякивал пустыми жестяными банками.

На тротуаре сухо шелестела страницами брошенная газета.

Одолев четыре лестничных марша, я вошел в квартиру и зажег настольную лампу. Пока варился кофе, занялся сборами. Через полчаса дорожная сумка уже стояла у моих ног, а я допивал кофе, и тут зазвонил телефон.

— Здравствуйте, мистер Паркер, — произнес мужской голос. Он был невыразительный, блеклый, и какой-то неестественно ровный. Между словами слышалось пощелкивание, словно их выдергивали из другого разговора.

— Кто это?

— О, мы никогда не встречались, но у нас есть общие знакомые. Твоя жена и дочь. Можно сказать, что я находился с ними рядом в последние минуты, — в потоке слов голос менялся: сначала высокий, затем низкий, вначале мужской, затем женский. В какой-то момент одновременно звучали три голоса, потом они снова уступили место мужскому голосу.

Комнату вокруг заполнил холод, затем все куда-то провалилось, и осталась только телефонная трубка: крошечные дырочки микрофона и молчание на другом конце провода.

— Мне не привыкать разговаривать с чокнутыми, — храбро ответил я, но особой уверенности в себе не ощутил. — Ты один из одиноких людей, кому нравится изводить других.

— Я срезал у них лица. Я сломал нос твоей жене: ударил ее о стену рядом с дверью в кухню. Можешь не сомневаться, я тот, кого ты ищешь, — последние слова произнес жизнерадостный детский голос.

Боль копьем вонзилась в голову, а кровь загрохотала в ушах, как волны, разбивающиеся о пустынный унылый мыс. Во рту вмиг пересохло до горечи. Когда мне удалось глотнуть, казалось, по горлу потекла какая-то грязь. Я боролся с мучительным ощущением, стараясь вернуть голос.

— Как вы там, мистер Паркер? — слова звучали спокойно, почти участливо, но произнесли их четыре разных голоса.

— Я найду тебя.

Он рассмеялся. Теперь стало заметнее, что голос синтезирован. Он как бы членился на сегменты, то же происходит с изображением на экране телевизора: если приблизиться к нему вплотную, картинка превращается в скопление точек.

— Нет, это я нашел тебя, — возразил голос. — Ты хотел, чтобы я тебя нашел, а также нашел их и сделал то, что я сделал. Ты сам вызвал меня, ты зажег во мне новую искру.

Как долго я ждал твоего призыва. Ты хотел, чтобы они умерли. Вспомни ненависть к жене за несколько часов до того, как я забрал ее у тебя. И разве не приходится тебе среди ночи бороться с чувством вины за ощущение свободы, оттого, что ее нет. Я принес тебе освобождение. И ты по меньшей мере должен выразить мне свою благодарность.

— Ты болен, ты не в своем уме, — но это тебя не спасет, — я нажал определитель номера. Появившиеся цифры составили знакомую комбинацию. Это был номер телефона в будке на углу. Я поспешил к двери, чтобы спуститься вниз.

— Нет, не спеши. В последние свои мгновения твоя жена об этом узнала, да узнала, твоя Сьюзен, когда я унес ее жизнь вместе с поцелуем уста в уста. В те незабываемые минуты я страстно желал ее, но это всегда было слабостью рода нашего. Грех наш не в гордыне, а в страсти к человеческому племени. И я выбрал ее, мистер Паркер, и по-своему любил ее, — рокотал мне в ухо низкий мужской голос. — И я не ведал, глас ли это Бога или со мной

говорит дьявол.

— Будь ты проклят, — проговорил я. К горлу подступала горечь, а усеявшие лоб капли пота собирались в ручейки и сбегали по лицу. Этот пот, напитанный болезненным страхом, отнял у моего голоса ярость. Я оставил позади три лестничных марша. Оставался четвертый.

— Еще не время уходить, — теперь он говорил детским голосом, таким, как у моей Дженнифер. И в этот момент у меня появилось слабое подозрение о природе этого Странника. — Мы скоро снова поговорим. Возможно, к тому времени моя цель станет для тебя яснее. Возьми мой дар. Надеюсь, он облегчит твои страдания. Он на пути к тебе. Ты... получишь его... как раз сейчас.

Я услышал, как в моей квартире наверху зажужжал сигнал домофона. Остаток пути я мчался, перепрыгивая через две ступени, от подскочившего адреналина все сильнее пульсировала кровь. У своей квартиры, ближайшей к выходу, стояла, сжимая у ворота халат, моя соседка миссис Де Амато, вышедшая на шум. Я пронесся мимо нее метеором, рывком открыл входную дверь, щелкая предохранителем.

На пороге стоял темнокожий мальчик лет десяти. В его широко раскрытых глазах застыл ужас. В руках он держал высокую коробку в форме цилиндра в подарочной упаковке. Я сгреб парнишку за шиворот и втащил в дом. Чтобы отвлечь их от коробки, я крикнул миссис Де Амато, чтобы она подержала мальчика, а сам выскочил за дверь на улицу.

Она оказалась пустынной, только ветер шуршал бумажками, да гонял пустые банки. Эта пустота поразила меня, показалась какой-то неестественной, казалось, жители Виллиджа вступили в сговор со Странником. Телефонная будка стояла на углу под фонарем. Как и улица, она пустовала, и телефонная трубка лежала на месте. Я побежал к телефону, держась подальше от стены на случай, если кто-либо поджидал меня за углом. Но за углом улица жила обычной жизнью, заполненная спешившими по своим делам прохожими; прогуливались, держась за руки веселые пары. Туристы и влюбленные. В отдалении мигали огоньки машин. Здесь меня окружали звуки более привычного, земного мира, который, казалось, оставил меня за своими пределами.

Я круто повернулся на звук шагов за спиной. К будке шла молодая женщина, отыскивая в кошельке мелочь. Она подняла глаза и отшатнулась при виде пистолета в моей руке.

— Найдите другой автомат, — посоветовал я. Окинув взглядом улицу, я поставил пистолет на предохранитель и отправил за пояс. Упираясь ногой в столб опоры, вырвал кабель, удивляясь необычной силе в руках. Затем я отправился домой, и на конце провода у меня в руках болталась, как пойманная рыба, телефонная трубка.

В своей квартире миссис Де Амато держала за руки вырывающегося и рыдающего мальчика. Я взял его за плечи и присел, чтобы лучше видеть его лицо.

— Ну, все в порядке. Успокойся. Тебе нечего бояться, я только спрошу тебя кое о чем. Как тебя зовут?

Мальчик немного успокоился, но плечи его все еще подрагивали. Он пугливо покосился на миссис Де Амато и рванул к двери. Ему почти удалось освободиться. Он вывернулся из курточки, но не устоял на ногах и упал. Он снова оказался у меня в руках. Я доволок его до стула и насильно усадил, и дал миссис Де Амато номер телефона Уолтера Коула. Я просил передать, что дело срочное и пусть быстрее приезжает.

— Как тебя зовут, малыш?

— Джейк.

— Хорошо, Джейк. Кто дал тебе это? — я кивнул на стоявшую на столе посылку. На

оберточной бумаге были изображены игрушечные мишки и леденцы. Венчал сооружение ярко-голубой бант.

Джейк так отчаянно тряхнул головой, что слезинки полетели в разные стороны.

— Джейк, не бойся, все нормально. Скажи, это был мужчина? Джейк, Джейк, — я повторял его имя, стараясь успокоить и помочь сосредоточиться.

Ко мне повернулось заплаканное лицо с огромными испуганными глазами. Он кивнул.

— Ты разглядел его, Джейк?

Подбородок его жалко сморщился и он зарыдал с таким отчаянием, что миссис Де Амато появилась у двери кухни.

— Он сказал, что мне будет плохо, — ответил Джейк. — Он обещал отрезать мне лицо.

К нам подошла миссис Де Амато, и мальчик зарылся лицом в складки ее халата, маленькие руки обхватили женщину за полную талию.

— Джейк, ты его видел? Как он выглядит?

Он поднял голову.

— У него был ножик, такой как у докторов в кино, — мальчик широко раскрыл рот, вспоминая пережитый ужас. — Он показал мне нож и коснулся им вот здесь, — мальчик ткнул себя в левую щеку.

— Джейк, а лицо его ты видел?

— Он был весь черный, — в голосе Джейка зазвенели истеричные нотки. — Там ничего не было! У него не было лица! — срывающимся голосом выкрикнул мальчик.

Я попросил миссис Де Амато до приезда Уолтера Коула посидеть с мальчиком в кухне, а сам сел перед посылкой Странника. На ощупь внутри находился стеклянный предмет высотой около десяти дюймов и диаметром около восьми. Я достал перочинный нож и осторожно отвернул край упаковки, чтобы посмотреть, нет ли под ней проводов или кнопок. Ничего подозрительного там не оказалось. Тогда я разрезал две полоски липкой ленты, скрепляющие листы и опустил бумагу с улыбающимися мишками.

Поверхность сосуда была чистой, и специфический запах дезинфицирующего средства не оставлял сомнений, что он позаботился стереть свои отпечатки. На фоне заполнявшей сосуд желтоватой жидкости я увидел свое двойное отражение: одно на поверхности стеклянного контейнера, а второе внутри — на лице моей когда-то прекрасной дочери. Оно слегка касалось стенки сосуда, но теперь, раздутое и бесцветное, стало таким, как у утопленной жертвы. По краям задранная кожа завивалась локонами, веки прикрывали глаза, как в мирном сне. Душевная боль, страх, ненависть и угрызения совести, — все смешалось воедино и мучительным стоном вырвалось наружу. Из кухни донеслись рыдания мальчика по имени Джейк, и вдруг я услышал, что к его отчаянным вскрикам присоединились мои собственные рыдания.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем приехал Коул. С посеревшим лицом он смотрел на содержимое стеклянного сосуда, затем позвонил криминалистам.

— Ты прикасался к этому?

— Нет. Есть еще телефонная трубка. Но отпечатков наверняка нет. Я даже не уверен, звонил ли он из этой будки. Голос был неестественный, синтезированный. Думаю, он использовал какую-то сложную аппаратуру, чтобы менять голос и тембр, и потом подключился к той телефонной линии. Не знаю. Это мои предположения, вот и все, — я говорил торопливо и сбивчиво, боясь, что не сумею сдержаться, если замолчу.

— Что он сказал?

— Мне кажется, он снова готов взяться за свое.

Коул тяжело опустился на стул и с силой провел рукой по лицу и волосам. Другой рукой в перчатке он взял оберточную бумагу за край и, как вуалью, прикрыл сосуд спереди.

— Ты знаешь, что мы должны сделать, — сказал он. — Нам нужно знать все, о чем он говорил, все, что может помочь выйти на его след. Мальчика мы тоже расспросим.

Я смотрел на Коула, на пол, куда угодно, но старательно обходил взглядом стол и останки всего того, что я потерял.

— Уолтер, он считает себя демоном.

Коул бросил взгляд на стол.

— Очень может быть.

Когда мы уезжали в полицейский участок, прибывшие полицейские суетились перед домом, готовясь начать опрос соседей и прохожих: возможно, кто-то видел Странника за его занятием. С собой мы взяли и Джейка. Вскоре в участок приехали его родители. На лицах обоих застыло выражение растерянности и страха, типичное для бедных порядочных людей, получивших известие, что их ребенок в полиции.

Должно быть, Странник следил за мной целый день, выжидая подходящего момента, чтобы привести в действие свой план. Я стал вспоминать, перебирая в памяти встреченные лица, в надежде отыскать кого-либо, чей взгляд был пристальнее, чем у других. Но все мои усилия оказались напрасными.

В участке мы с Коулом снова и снова возвращались к словам Странника, отмечая любую мелочь, которая могла бы оказаться полезной и помогла бы нащупать какую-нибудь черту, отличающую этого убийцу.

— Ты говоришь, что голоса менялись? — спросил Коул.

— И не один раз. В какой-то момент мне представилось, что я слышу Дженнифер.

— Может быть, в этом что-то есть. Для такого синтеза голосов нужен компьютер. И вполне возможно, что он, как ты предположил, воспользовался линией телефона, что в той будке. Парнишка рассказал, что ему дали посылку в четыре часа и приказали вручить ровно в четыре часа тридцать пять минут. Он ждал в переулке и считал секунды по часам. Так что тот тип оставил себе достаточно времени, чтобы добраться домой и включить систему. Я плохо разбираюсь в таких вещах. Возможно, ему требовался доступ к коммутатору, чтобы все проделать. Я попрошу знающих людей это проверить.

Технология синтеза голосов — это одно, но зачем оно могло понадобиться — дело другое. Вероятнее всего, Странник стремился оставить как можно меньше следов, а голос мог быть записан и в будущем послужил бы уликой против него.

— А что ты думаешь насчет слов мальчика, что у того типа не было лица? — спросил Коул.

— Это могла быть какая-либо маска, чтобы скрыть лицо. Возможно также, что у него есть легко узнаваемые приметы. А третий вариант — он то, чем кажется.

— Дьявол?

Я промолчал. Я не знал, кто это может быть, как не дьявол, если бесчеловечность заставляет его перейти границу и человечности, или какие-то мотивы затмили в его душе традиционные общечеловеческие принципы.

Когда я в тот вечер вернулся домой, миссис Де Амато принесла мне тарелку нарезанного ломтиками холодного мяса и итальянского хлеба. После всего, что произошло, ей не хотелось меня оставлять, и она посидела со мной немного.

Когда она ушла, я пошел в ванную и долго стоял под душем, таким горячим, какой мог вытерпеть. И я снова и снова мыл руки. Сон долго не приходил, я лежал и смотрел на телефон, а гнев и страх постепенно высасывали из меня силы. Мне даже казалось, что я слышу, как звенят натянутые до предела нервы.

- Папа, почитай мне сказку.
- Какую сказку ты хочешь?
- Смешную, про трех Медведей. Медвежонок в ней такой смешной.
- Хорошо, почитаю, а ты должна спать.
- Ладно.
- Читаю одну сказку.
- Одну, и я буду спать.

* * *

При вскрытии тело сначала фотографируется, в одежде и без. Могут производиться рентгеновские снимки отдельных участков тела, чтобы установить, есть ли в мягких тканях раздробленные кости или инородные предметы. Фиксируются все внешние характеристики: цвет волос, цвет глаз, рост, вес, состояние, в котором находится тело.

* * *

- Медвежонок широко раскрыл от удивления глаза и сказал: «Кто-то ел мою кашу и доел ее всю!»
- Всю-всю!
- Всю-всю!

* * *

Внутреннее обследование производится сверху до низу. Но в первую очередь исследуется голова. Проверяется целостность ребер. Рассечение в виде буквы У выполняется от плеча до плеча, разрез проходит над каждой грудью, затем идет от верха грудины до лобковой области. Вскрывается сердечная сумка и в результате анализа взятой из нее крови устанавливается группа крови жертвы. Из тела извлекаются сердце, пищевод и трахея. Каждый орган взвешивается, осматривается и членится на образцы. Для проведения анализа берется жидкость из плевральной полости грудной клетки. Образцы тканей подготавливаются для исследования под микроскопом.

* * *

- А потом Златовласка убежала, и медведи ее больше никогда не видели.
- Прочитай еще раз.
- Нет, мы же договорились. Я читаю только одну сказку. На другую у нас нет времени.

— У нас есть еще время.

— Не сегодня. В другой раз.

— Нет, сегодня.

— Нет, отложим чтение на следующий раз. Это не последний вечер, и сказка не последняя.

* * *

Обследуется брюшная полость, чтобы определить, есть ли повреждения. Затем извлекаются органы. Проводится анализ жидкостей из брюшной полости, и каждый орган взвешивается, осматривается, и из него делаются срезы. Анализируется содержимое желудка. Берутся образцы для токсикологического анализа. Как правило, соблюдается следующий порядок извлечения органов: сначала печень, затем селезенка, надпочечники, с почками, желудок, поджелудочная железа и кишечник.

* * *

— Какую сказку ты читал?

— «Златовласка и три Медведя».

— Снова?

— Снова.

— Не хочешь рассказать что-нибудь и мне?

— А что бы ты хотела услышать?

— Что-нибудь развратное.

— Таких историй у меня в голове полно.

— Я знаю.

* * *

Исследование гениталий проводится для выявления возможных повреждений или инородного материала. Берутся вагинальные и анальные пробы, и любой инородный материал собирается и отправляется в лабораторию для исследования на ДНК. Удаляется мочевого пузырь, и образец мочи отправляется на токсикологическую экспертизу.

* * *

— Поцелуй меня.

— Куда.

— Целуй все — губы, глаза, шею, нос, уши, щеки. Целуй меня везде. Мне нравится, когда ты меня целуешь.

— Предположим, я начну с глаз и стану продвигаться вниз.

— Хорошо, так и быть, согласна.

* * *

Череп проверяется на наличие возможных повреждений. Производится рассечение черепа от одного уха через всю голову до другого уха. Удаляется кожа и обнажается череп. Для вскрытия черепа используется пила. Мозг осматривается и вынимается.

* * *

- Почему так, как сейчас, у нас не может быть чаще?
- Не знаю. Я хочу, но не могу.
- Ты так мне нравишься. Пожалуйста, Сьюзи...
- Нет... Я чувствовала спиртное на твоих губах.
- Сьюзен, я не могу сейчас говорить об этом. Не сейчас.
- А когда? Когда мы сможем об этом поговорить?
- Как-нибудь в другой раз. Я уйду.
- Остайся, пожалуйста.
- Нет, я вернусь позднее.
- Пожалуйста...

* * *

На курорте Рехобот-Бич в Делавэре вдоль берега тянется длинная набережная. С одной ее стороны пляж, а с другой — галерея игровых автоматов стоимостью в 25 центов, хорошо известных с детства: игра на очки в шарик, которые нужно закатывать в лузы; скачки железных лошадок по наклонному треку — победителя ждет игрушечный мишка с глазами-пуговками; игра «Рыбак», где ловят «рыбу» удочкой с магнитом вместо крючка.

Арсенал игр, согласно духу времени, пополнился шумными компьютерными играми и устройствами, имитирующими космический полет. Но, несмотря на эти нововведения, Рехобот сохраняет больше очарования, чем расположенные дальше по побережью Дьюи-Бич и даже Бетани. От мыса Кейп-Мей в Нью-Джерси паромы ходят до Льюиса, а оттуда в пяти-шести милях к югу находится Рехобот. Но подъезжать в город с этой стороны на автомобиле не лучший вариант, потому что придется ехать мимо бесконечных торговых центров, магазинчиков всех мастей и закусочных, которыми усеяно шоссе номер один. Значительно приятнее ехать через Дьюи вдоль побережья, любуясь песчаными дюнами, протянувшимися на десятки миль.

С этой стороны путь в город лежит через живописное озеро, мимо церкви, на главную улицу Рехобота, где магазины, бары и рестораны размещаются в старинных деревянных домах, на верандах которых можно сидеть со стаканчиком в руках, наблюдая, как хозяева прогуливают вечерней порой своих собак.

Когда-то давно мы решили отпраздновать вчетвером повышение Томми Моррисона и

выбрали Рехобот, чтобы провести там выходные, хотя, если верить молве, там любили тусоваться геи. Мы остановились в гостинице «Лорд Балтимор», где царили комфорт и старина, переносившие постояльцев в другую эпоху. А неподалеку, через квартал, в «Голубой Луне» веселились в свое удовольствие толпы бронзовых от загара дорого одетых мужчин.

Незадолго до этой поездки я стал напарником Уолтера Коула. Я подозревал, что Уолт активно тому способствовал, но этой темы никогда не касались. С согласия Ли он отправился в Делавер вместе со мной, Томми Моррисоном и моим другом по академии Джозефом Бонфиглиоли (спустя год он погиб, преследуя грабителя, похитившего восемьдесят долларов из винного магазина). Каждый вечер ровно в девять Уолтер звонил Ли узнать, как дела у нее и детей.

К тому времени мы были знакомы с Коулом, наверно, года четыре. Встретились впервые в одном из кафе, облюбованном полицейскими. Я был тогда молод, только закончил учебу и подавал большие надежды. Уже тогда мне прочили, что о моих заслугах будут писать газеты. И написали... спустя много лет, но кто бы мог предположить тогда, в связи с какой трагедией мое имя станет известно...

Уолтер был коренаст, костюм на нем не выглядел будто с иголочки. А борода напоминала о себе проступающей на щеках и подбородке синевой уже спустя час после бритья. Он заслужил репутацию упорного, дотошного сыщика, чьи вспышки озарения давали толчок, казалось, зашедшему в тупик делу, когда лимит удачи, отпущенный почти каждому расследованию, был на исходе.

Уолтер был страстным любителем чтения и поглощал знания с такой же жадностью, с какой в некоторых племенах съедали сердца врагов в надежде стать храбрее. Наши литературные вкусы сходились. Нам обоим нравились гангстерские рассказы Раньона, произведения Вудхауса, Тобиаса Вулфа, Рэймонда Карвера, Дональда Бартелма, поэзия Э.Э. Каммингса и, как ни странно, творчество графа Рочестера, аристократа времен Реставрации, страдавшего от своих слабостей: пристрастия к спиртному, женщинам и неспособности быть достойным мужем.

Как сейчас вижу Уолтера, прогуливающегося вдоль пляжа по набережной Рехобота с фруктовым мороженым на палочке. На нем шорты цвета хаки и кричащей расцветки рубашка навыпуск; его сандалеты шлепают по припудренному песком деревянному настилу, и соломенная шляпа защищает от солнца голову с уже начавшей пробиваться лысиной. Уолт был воплощением довольства, но я знал, что ему постоянно не хватает Ли, чем бы он не занимался: шутил ли с нами, изучал ли меню, просаживал ли деньги на автоматах, таскал ли потихоньку чипсы из пакета Томми или плескался в прохладных волнах прибоя.

Я знал также, что в жизни Коула маленькие радости и красота знакомого и привычного приобретали новый, глубокий смысл, даря истинную радость. Такая жизнь не могла не вызывать зависть.

* * *

В первый раз я увидел Сьюзен Льюис в универсальном магазине старого образца «Лингос Маркет», где сельскохозяйственная продукция и полуфабрикаты продавались наряду с дорогими сырами и фирменными изделиями собственной пекарни. Это был

семейный магазин, где работали сестра, брат и их мать, маленькая седая женщина с кипучей натурой, как у пса терьера.

Наутро после нашего приезда на курорт я выполз в «Лингос» купить кофе и газету. Сухость во рту и дрожь в ногах напоминала о бурно проведенной ночи. Она стояла у прилавка и заказывала себе кофе, фасоль и орешки. На ней было желтое летнее платье. Я отметил собранные в хвост пышные волосы и глубину синих глаз. Она была невероятно, сказочно красива в то утро.

Мой же вид не выдерживал никакой критики. Тем не менее она мне улыбнулась. Я встал за ней к прилавку, и от меня, должно быть, несло перегаром.

В тот же день я снова увидел ее, на этот раз у бассейна. Она вышла из воды и отправилась переодеваться, а я в это время пыхтел в лодке-тренажере, стараясь выгнать остатки хмеля. В последующие день-два я замечал ее то там, то здесь: в книжном магазине, где она рассматривала обложки обманчиво увлекательных триллеров; или она проходила мимо прачечной самообслуживания с пакетом пончиков; я видел ее с подругой в окне бара «Ирландские глаза»... но как-то вечером наши пути пересеклись на берегу. Она стояла на моле спиной к набережной: позади Сьюзен шумела играми и голосами галерея автоматов, а перед ней разбивались волны прибой.

Она была одна и увлеченно наблюдала за белеющими среди тьмы пенными бурунами. Если не считать галереи и палаток с едой, где крутилась публика, пляж выглядел поразительно пустынно.

Я подошел и встал рядом. Она оглядела меня и улыбнулась:

— Теперь вам лучше?

— Слегка. Вы застали меня не в лучшее время.

— Да уж, я носом чуяла это «не лучшее время», — поморщилась она.

— Извините. Если бы я знал, что встречу вас, я бы приделся, — ответил я совершенно серьезно.

— У меня тоже случались плохие времена.

Вот так все и началось. Сьюзен жила в Нью-Джерси и каждый день приезжала в Манхэттен, где работала в издательстве, а каждую вторую неделю отправлялась на выходные в Массачусетс навестить родителей. Год спустя мы поженились. А еще через год у нас родилась Дженнифер. Три года мы прожили хорошо, а потом все пошло наперекосяк. Думаю, в этом есть моя вина. Когда мои родители поженились, они хорошо представляли себе, какую дань требует от брака жизнь полицейского. Отец сам жил такой жизнью и видел, какой отпечаток служба накладывает на жизнь тех, кто работал рядом. Мама тоже не заблуждалась на этот счет. Ее отец служил в штате Мэн помощником шерифа и вышел в отставку прежде, чем издержки его профессии стали непомерно велики.

Сьюзен такого опыта не имела. В семье, где росли еще трое детей, она была младшей. Ее и ныне здравствующие родители, а также остальные члены семьи в ней души не чаяли. Когда ее не стало, все они перестали со мной разговаривать. Даже во время похорон мы словом не перемолвились. После смерти Сьюзен и Дженнифер мне словно преградили доступ в поток жизни, обрекая болтаться в темной стоячей воде.

Смерть Сьюзен и Дженнифер привлекла к себе повышенное внимание, но волна интереса быстро улеглась. Несмотря на то, что в прессе не сообщалось о таких шокирующих подробностях, как снятая кожа, срезанные лица и ослепление, это не остановило любителей пощекотать себе нервы. В продолжение определенного времени эти чокнутые подъезжали к дому и фотографировались во дворе. Патруль даже задержал парочку, пытавшуюся через черный ход пробраться на кухню, чтобы сняться на тех стульях, на которых умерли Сьюзен и Дженнифер. После трагедии мне то и дело звонили: одни заявляли, что они в браке с убийцей, кто-то сообщал о встречах с ним в прошлой жизни, были и такие, кто злорадствовал по поводу гибели моей семьи. В конце концов я съехал оттуда и общался только по телефону с адвокатом, которому поручил продать дом.

Общину возле Портленда, в штате Мэн, я нашел, возвращаясь в Манхэттен из Чикаго после неудачной гонки за очередным призраком. Байрон Эйбл, подозреваемый в детоубийстве, был уже мертв, когда я приехал. Он сцепился с местными бандитами на стоянке у бара и поплатился за это. Возможно, мне хотелось найти покой для души в каком-то знакомом месте, но я не бывал дальше дома в Скарборо, завещанного мне дедом.

Я был совсем плох. Когда девушка из общины наткнулась на меня у заколоченных дверей магазина и предложила ночлег, я оказался в состоянии только кивнуть головой. Я плакал, и меня тошнило. Двое ее спутников, огромного роста, в грязных сапогах, пропахших потом и хвоей рубашках заволокли меня в машину и втолкнули на заднее сиденье. Тогда я подумал, что они собираются меня убить, и особых возражений у меня бы не возникло.

Им почти это удалось. Когда я покидал общину шесть недель спустя, я потерял в весе четырнадцать фунтов и мышцы у меня на животе выдавались вперед, как пластины на спине аллигатора. Я трудился на их маленькой ферме и посещал занятия, где такие же, как и я, пытались освободиться от своих «демонов». Меня по-прежнему тянуло к рюмке, но я подавлял это желание, как меня учили. По вечерам мы молились, а каждое воскресенье пастор читал проповедь о воздержанности, терпимости, необходимости для каждого человека обрести душевный покой. Существовала община за счет продажи продуктов сельского хозяйства и мебели собственного производства, а также за счет пожертвований тех, кому она помогла; некоторые стали теперь состоятельными людьми.

Все мои попытки обрести душевный покой ни к чему не привели, более того, меня пожирала жажда выместить на ком-либо свою злость. Я чувствовал себя в подвешенном состоянии: расследование зашло в тупик и могло возобновиться только после совершения сходного преступления, тогда появилась бы возможность найти закономерности и составить схему.

Кто-то отнял жизнь у моих жены и дочери и остался безнаказанным. Боль, гнев и чувство вины слились во мне и неуклонно поднимались, как приливная волна, которая рано или поздно, должна выплеснуться на берег. Это стремление грызло меня зверем, а от мыслей разрывалась голова. Оно и погнало меня в город, где в туалете на автобусной станции я забил до смерти сутенера Джонни Пятницу, подкарауливавшего там девчонок-беспризориц, которые стекались в Нью-Йорк в надежде на удачу.

Сейчас мне кажется, что я всегда хотел убить его, но старался спрятать это желание в отдаленном уголке сознания, пытался замаскировать свои намерения удобными для себя

оправданиями и предложениями. Наподобие тех, какими долго пользовался всякий раз, когда передо мной появлялась порция виски или я слышал щелчок открывающейся пивной банки. Собственное бессилие и неспособность других отыскать убийцу Сьюзен и Дженни ожесточили меня до крайности. Я увидел шанс нанести удар и не отвернулся от него. С того момента, как я с пистолетом и перчатками отправился на автобусную станцию, Джонни Пятницу можно считать покойником.

Темнокожий Пятница, высокий и худой, напоминал проповедника — в неизменном темном костюме и застегнутых наглухо рубашках без воротника. Завидев прибывших «новеньких», он раздавал им Библию и угощал супом из термоса. А когда подмешанный в бульон барбитурат начинал действовать, мерзавец уводил оболваненных девчонок со станции и усаживал в стоявший наготове фургон, после чего они исчезали, словно и не приезжали вовсе. Появлялись они через некоторое время на улицах уже безвольными наркоманками, продающими себя за дозу, которыми Пятница снабжал их по вздутым ценам, в то время как сам за их счет набивал себе карманы.

Он занимался «прокатом» детей, и на фоне других промыслов, далеких от гуманности, его мерзкий «бизнес» не давал шанса на искупление. Этот мерзавец снабжал педофилов детьми: доставлял к дверям надежных домов, где их подвергали насилию и всяческим унижениям, после чего возвращали «владельцу». Более состоятельным и извращенным клиентам Джонни предоставлял доступ в «подвал» на заброшенном складе в квартале Швейников. Здесь за десять тысяч долларов клиенты получали у Джонни на выбор мальчика или девочку, ребенка или подростка. Их разрешалось мучить, насиловать и даже при желании убить, а Джонни брал на себя заботу о трупах. В определенных кругах он был известен своей осторожностью и осмотрительностью.

Я узнал о Джонни Пятнице, разыскивая убийцу моих жены и дочери. Убивать его я не собирался или не хотел признаваться себе в таком желании. Бывший осведомитель сообщил мне, что Джонни иногда приторговывал фото— и видеозаписями со сценами сексуального насилия и пыток; мне также стало известно, что он главный поставщик подобной продукции, и тот, чьим вкусам она отвечала, обязательно вступал в контакт с Джонни Пятницей или одним из его агентов.

Я пять часов терпеливо наблюдал за сутенером на автобусной станции и последовал за ним, когда он направился в туалет. Там было два помещения: в первом находились умывальники с зеркалами над ними, а во втором вдоль одной стены размещались писсуары, а напротив проход разделял два ряда кабин. Рядом с раковинами в своем стеклянном отсеке сидел пожилой служитель в форменной одежде, но его так увлек журнал, что он даже не заметил, как я вошел вслед за Джонни. Двое мужчин мыли руки, еще двое стояли у писсуаров. Из кабин были заняты две в левом ряду и одна — справа. Из динамика доносилась мелодия, но какая точно, узнать было трудно.

Джонни Пятница вразвалочку направился к писсуару дальнему справа. Я остановился через два писсуара от него и подождал, пока управятся двое других мужчин. Стоило им выйти, и я оказался за спиной Джонни. Зажав ему рот, я приставил к его мягкой шее «смит-вессон» и затащил сутенера в последнюю кабину, самую дальнюю от занятой в этом ряду.

— Эй, отпусти меня, — прошептал он, испуганно выпучив глаза.

Я дал ему коленом в пах, и он упал на колени, а я запер дверь. Он попытался подняться, но сильный удар в лицо пресек эту попытку.

— Ни звука! — я ткнул пистолетом ему в голову. — Повернись ко мне спиной.

— Пожалуйста, не надо.

— Заткнись и поворачивайся.

Оставаясь на коленях, он медленно развернулся. Я спустил с него пиджак и надел наручники. В другом кармане у меня были припасены тряпка и липкая лента. Я засунул кляп Джонни в рот и примотал несколько раз лентой. Затем я рывком поднял его и толкнул на унитаз. Он с силой пнул меня ногой в голень и дернулся вверх, но потерял равновесие и тут я снова его ударил. После этого он остался сидеть, а я прислушался, не отводя от него пистолет, не привлекла ли внимание наша возня. Но все было тихо, только в бачке шумела вода.

Я сказал Джонни Пятнице, что мне нужно от него. Он прищурился, когда понял, кто перед ним. Пот бежал по его лицу, и попадал в глаза. Джонни старался его смигнуть. Из разбитого носа у него текла кровь, и тонкий красный ручеек, выбегая из-под ленты, струился по подбородку.

— Мне нужны имена, Джонни. Имена клиентов. И ты мне их назовешь.

От презрительного фырканья под носом у него запузырилась кровь. Взгляд его стал холодным. Зализанные назад черные волосы и глаза-щелочки делали его похожим на черную ядовитую гадину. Когда я сломал ему нос, глаза от боли стали круглыми.

Я ударил его еще несколько раз, не жалея силы, в живот и в голову. Потом я сорвал ленту и вытащил окровавленный кляп.

— Назови имена.

— Хрен тебе, — выплюнул зуб Джонни. — Пошел ты на хрен со своими мертвыми сучками.

Дальше все происходило как в тумане. Помню, что с остервенением молотил его, чувствуя, как хрустят кости и трещат ребра, как темнеют от его крови перчатки на моих руках. Черная туча заволокла сознание, и странные красные молнии пронзали ее одна за одной.

Когда я остановился, лицо Джонни превратилось в кровавое месиво. Я стиснул его челюсть, с губ его капала кровь.

— Говори, — прошипел я.

Взгляд его медленно вернулся ко мне, разбитые губы растянулись в усмешке, и приоткрывшийся рот представился входом в преисподнюю. Тело его выгнулось, и дернулось несколько раз. Черная кровь хлынула из носа, рта и ушей, и Джонни пришел конец.

Я отступил, тяжело дыша, затем постарался как можно тщательнее стереть с лица брызги крови и почистил перед куртки, хотя на черной коже и черных джинсах трудно было бы что-нибудь разглядеть. Я стащил с рук перчатки и затолкал их себе в карман. Прежде чем осторожно выглянуть наружу, спустил воду, а затем вышел и закрыл за собой дверь. Из кабины уже потянулся темный ручеек, собираясь в углублениях между плитками пола.

Я сознавал, что в туалетной комнате могли слышать хрипы Джонни, но мне все было безразлично. Когда я уходил, пожилой мужчина у писсуаров даже не посмотрел в мою сторону. Как добропорядочный гражданин, он хорошо знал, когда предпочесть чужим делам свои собственные. Не было пусто и у раковины, но я поймал в зеркале только беглые взгляды. Но место дежурного в стеклянной будке пустовало. Я вовремя нырнул в дверь, ведущую на подземную стоянку: с верхнего уровня уже спешили в туалетную двое полицейских. Я прошел между стоявшими рядами автобусами и оказался на улице.

Возможно, Джонни Пятница заслуживал смерти. Можно не сомневаться, что кончину

его никто не оплакивал, да и полиция занималась розыском его убийцы чисто формально. Но слухи, как видно, появились, и, по-моему, они дошли до Уолтера.

И я живу с сознанием, что убил Джонни Пятницу, как и с мыслями об убийстве Сьюзен и Дженнифер. Да, возможно, он заслуживал смерть и получил по заслугам, но не мне следовало вершить над ним суд и расправу. Видно, прав был кто-то мудрый, сказав: «Справедливость будет торжествовать в следующей жизни. А в этой торжествует закон». Последние минуты Джонни были определены не законом; восторжествовала справедливость, но какая-то изуверская, справедливость произвола одного человека над другим.

Я не верил, что мои жена и ребенок первыми пали от руки Странника, если это был он. Во мне крепла уверенность, что в болотах Луизианы скрыта еще одна жертва, и ее личность давала ключ к личности этого человека, возомнившего, что он стоит выше человека. Эта жертва была частью мрачной традиции человеческой истории, занимая одно из мест в длинной веренице жертв, корни которой в глубине веков, когда задолго до эры христианства люди приносили человеческие жертвы, чтобы умиловать своих свирепых богов, чьи не знающие пощады образы они сами создавали и сами повторяли их жестокие деяния.

Девушка в Луизиане стала одним из звеньев кровавой цепи, а ее древняя безымянная предшественница была найдена в пятидесятые годы в торфяном болоте в Дании. Приблизительно две тысячи лет назад ее ослепили и нагую утопили среди торфяников. От ее смерти можно было бы проследить путь к другой жертве, чью жизнь отнял человек, уверивший себя, что сможет умиротворить демонов в себе ценою ее жизни. Но, раз пролив кровь, он вошел во вкус: ему захотелось большего, и он отнял у меня жену и ребенка.

Дети своего времени, мы больше не верим в Зло как таковое, а только в злые деяния, которые поддаются объяснению с позиций разума. Верить в существование злых сил — значит сдать в плен суевериям и с опаской заглядывать вечером под кровать либо испытывать страх перед темнотой. Но поступки части людей объяснить значительно сложнее, потому что их совершают те, в чьей природе коренится зло, и сами они суть зло.

Такие, как Джонни Пятница и ему подобные рыщут в поисках жертв среди живущих на окраинах, на задворках общества, среди тех, кто заблудился на жизненном пути. Опасно бродить в темноте на окраине жизни: стоит лишь заблудиться и остаться в одиночестве, и тебя уже сторожат те, кто только того и ждет, чтобы использовать свой шанс. Наши предки в своих суевериях были недалеко от истины: в боязни Темноты есть свой резон.

Я пришел к заключению, что след зла тянется через всю жизнь человеческого рода, подобно тому как след из болота в Дании ведет к болоту в Луизиане. Зло существовало как традиция, как оборотная сторона, изнанка жизни, пролегающая под всем человеческим существованием, словно канализация под городом, и она сохраняется в мире даже после того, как была разрушена одна из ее составных частей, и все потому, что это всего лишь малая часть огромного темного целого.

Возможно, размышления о природе зла отчасти и определили мое желание выяснить правду о семье Кэтрин Демер. Оглядываясь назад, я осознал, что зло также проникло в ее жизнь и оставило в ней роковую отметину. Если бы я не смог бороться со злом, воплощенным в Страннике, я бы нашел его в других формах. Я верю в сказанное. Верю в то, что зло существует, потому что прикоснулся к нему, а оно коснулось меня.

На следующее утро я позвонил в частную контору Рейчел Вулф и узнал от секретаря, что она проводит семинар в Колумбийском университете. Я спустился в подземку и быстро добрался к главному входу на территорию университета. Немного побродил по книжной ярмарке, полистал книги среди снующей вокруг студенческой братии, а затем отправился к главному входу в колледж.

Мой путь лежал через большой квадрат двора. В одном его конце располагалась библиотека, в другом — здание администрации, а между ними посреди зеленого газона, высилась статуя Альма-матер, как посредник между учением и бюрократией. Подобно большинству горожан, я редко заходил на территорию университета, и меня всегда поражало, что всего в нескольких шагах от суеты городских улиц царит спокойная сосредоточенность учебного центра.

Ко времени моего приезда лекция Рейчел Вулф уже заканчивалась. Я ждал у входа в лекционный зал. Наконец она появилась в сопровождении молодого человека с волнистой шевелюрой и в круглых очках, судя по виду, очень прилежного. Он буквально смотрел ей в рот и ловил каждое слово с жадностью истово верующего. Она заметила меня и с улыбкой распрощалась с ним. Молодой человек явно огорчился, и было видно, что ему хотелось бы задержаться, но он все же повернулся и удалился, повесив голову.

— Чем могу служить, мистер Паркер, — спросила Рейчел. В глазах отразилось удивление от неожиданной встречи и в то же время интерес.

— Он вернулся.

* * *

Мы с ней дошли до Венгерской кондитерской на Амстердам-авеню, где за столиками юноши и девушки сосредоточенно штудировали учебники, прихлебывая кофе. Рейчел Вулф, одетая в джинсы и пушистый свитер с орнаментом в виде сердца спереди, сама могла бы сойти за студентку, забежавшую перекусить.

Несмотря на все передраги, она возбуждала меня. После смерти Сьюзен к женщинам меня не тянуло, и жена была последней женщиной, с кем я был близок. Рейчел же, с ее длинными рыжеватыми зачесанными за уши волосами, пробудила во мне томление, в котором отражалось нечто большее, чем обычное желание. Я остро, до боли внутри чувствовал свое глубокое одиночество.

— Извините, — сказал я, встретив в ее взгляде оттенок недоумения и любопытства. — Я задумался.

Она кивнула и взяла посыпанный маком рогалик. Оторвав внушительный кусок, отправила его в рот и удовлетворенно вздохнула. В ответ на мой слегка ошарашенный взгляд она прикрыла рот рукой и тихонько рассмеялась:

— Извините, но я обожаю сдобу и все такое. Как только вижу перед собой булочку, у меня сразу слюнки текут, и все манеры побоку.

— Мне это очень даже знакомо, — ответил я. — У меня был похожий случай, но потом я решил, что дело добром не кончится, и расстался с этим увлечением.

Она улыбнулась и пресекла попытку кусочка булочки вырваться на свободу, подтолкнув его обратно в рот. На некоторое время разговор прервался.

— Полагаю, ваши родители увлекались джазом, — предположила она.

Я озадаченно молчал, не сразу уловив суть вопроса, а она улыбалась моему недоумению. Меня не раз спрашивали об этом, но сейчас я был особенно рад отвлечься. И, думаю, она это понимала.

— Нет, мои отец с матерью имели о джазе самое отдаленное представление, — начал я. — Отцу просто понравилось имя Берд^[5]. Он впервые услышал о Берде Паркере у купели, когда меня крестили. Его просветил священник, оказавшийся, как мне потом рассказали, большим любителем джазовой музыки. Радость пастора не знала границ. Он не был бы более счастлив, если бы отец объявил, что собирается назвать всех своих детей в честь музыкантов джазового оркестра Уильяма Бэйси. А вот отец радовался куда меньше что его первенец станет тезкой чернокожего джазиста, но думать о другом имени было поздно.

— А какие имена он дал остальным детям?

— Случай не представился, — повел плечом я. — После меня мама не могла больше иметь детей.

— Может быть, она считала, что ей себя уже не превзойти, — улыбнулась Рейчел.

— Не думаю, — усомнился я. — Ребенком я доставлял ей одно беспокойство. Отца это просто бесило.

Я видел по ее глазам, что мисс Вулф хочется спросить меня об отце, но что-то в моем лице ее остановило. Довольно облизнувшись, она отодвинула от себя опустошенную тарелку и поудобнее уселась на стуле.

— Расскажите, что произошло.

Я подробно рассказал ей обо всех событиях предыдущего вечера. Слова Странника врезались мне в память, и что-либо упустить было просто невозможно.

— Почему вы так его называете?

— Один мой знакомый свел меня с женщиной, которая сказала мне, что получает... э-э-э... послания от неизвестной погибшей девушки. Эта девушка умерла такой же смертью, как Сьюзен и Дженнифер.

— Девушку обнаружили?

— Никто ее не искал. Экстрасенсорные контакты старой женщины не являются достаточным основанием для начала расследования.

— Но, если девушка действительно реальна, вы уверены, что это тот же человек?

— Я уверен, что так и есть.

Рейчел посмотрела на меня, словно хотела развить тему, но передумала.

— Расскажите, но теперь медленнее, все, что говорил этот «Странник».

Я говорил, пока она жестом меня не остановила.

— «Поцелуй уста в уста» — это цитата из Джойса. В ней дается описание «бледного вампира». Мы имеем дело с образованным, начитанным человеком. Место, где есть слова «наш род», имеет, как мне кажется, библейский оттенок, но полной уверенности у меня нет. Надо будет это выяснить. Повторите то место еще раз. — Она записала фразу под мою диктовку в свой пухлый блокнот. — У меня есть друг, который преподает теологию и разбирается в библейских текстах. Возможно, он сможет определить первоисточник. Кстати, а вам известно, что мое участие в этом деле не приветствуется? — спросила она, закрывая блокнот.

Я ответил, что не знал.

— О нашем обсуждении кто-то доложил начальнику департамента. Ну, и ему не понравилось, что его родственником пренебрегли.

— Мне нужна помощь. Мне необходимо выяснить все, что возможно, — неожиданно меня сильно замутило. Я с трудом подавил тошноту, и от усилия даже заболело горло.

— Думаю, что это не вполне разумно. Возможно, будет лучше предоставить полиции заниматься всем этим. Знаю, что вам хотелось бы не это услышать, но после случившегося вы рискуете себе навредить. Вам понятно, что я имею в виду?

Я медленно кивнул. В ее словах была изрядная доля правды. Часть моего существа хотела отступить и снова погрузиться в поток обычной жизни. Мне хотелось освободиться от бремени всех своих переживаний и вернуться к подобию нормального существования. Мне очень хотелось перестроить свою жизнь. Но после того, что произошло, я оказался в состоянии оцепенения и неопределенности. А теперь возвращение Странника отнимало у меня всякую возможность возврата к нормальной жизни, оставляя таким же беспомощным, как и прежде.

Думаю, Рейчел Вулф это понимала. Возможно, именно по этой причине я и обратился к ней, надеясь на понимание.

Как вы, вам нехорошо? — она коснулась моей руки, и я едва не вскрикнул. Вместо ответа я снова кивнул.

— Вы оказались в исключительно трудном положении. Его решение войти с вами в контакт означает, что ему нужно ваше участие, и есть вероятность, что может появиться нить, за которую можно будет ухватиться. Если исходить из интересов следствия, вам не следует менять свой уклад жизни, и, возможно, он вновь объявится, но с точки зрения вашего благополучия... — она не стала заканчивать фразу, а зашла с другой стороны. — Может быть, вам оказалась бы нелишней помощь специалиста. Извините за прямоту, но об этом не сказать нельзя.

— Знаю, и ценю совет.

После стольких месяцев горестного оцепенения у меня пробудился интерес к женщине, а она советует мне обратиться к психиатру. Вот она, странность жизни.

— Думаю, и ФБР хотят, чтобы я прекратил всяческое расследование.

— У меня ощущение, что вы настроены на другое.

— Я пытаюсь кое-кого найти. Это отдельное дело, но у меня серьезные опасения, что этот человек может оказаться в беде. Останься я здесь, помочь ей будет некому, если мои предположения верны.

— Возможно, уехать отсюда на некоторое время идея неплохая, но судя по вашим словам...

— Продолжайте.

— Создается впечатление, что вы пытаетесь спасти этого человека, однако сами не вполне уверены, нуждается ли он в спасении.

— Может быть, спасти ее нужно мне самому не меньше, чем ей.

— Может быть.

В этот же день немного позднее я сообщил Уолтеру Коулу, что продолжу поиски Кэтрин Деметр. Мы сидели в тиши «Чамлиз», старейшего из баров в районе Виллидж, где времена сухого закона торговали из-под полы спиртным. Уолт немало удивил меня, предложив встретиться именно здесь. Но уже сидя в баре за чашкой кофе, я понял, почему он выбрал это место.

Нельзя было не оценить его колорит, место в истории города. Биографию этого заведения можно проследить, как происхождение старого шрама или морщинки у глаз. «Чамлиз» благополучно пережил времена запрета на спиртное, когда посетители, чтобы не попасть в облаву, сбегали через черный ход, выходящий на Барроу-стрит. Он выстоял в военные годы, в периоды биржевых кризисов и гражданского неповиновения; даже ржавчина времени оказалась бессильна его подточить. И пусть на короткое время, но мне захотелось стать частью этой стабильности.

— Ты должен остаться, — ответил Уолтер. Он снова пришел в кожаном пиджаке. Когда Коул появился в нем на пороге, кто-то из публики даже присвистнул, и теперь злосчастный пиджак висел на спинке стула.

— Нет.

— Что значит «нет»? — Коул начал сердиться. — Он вышел на связь. Ты остаешься, мы ставим твой телефон на прослушивание и попытаемся в следующий раз его засечь.

— Думаю, он не станет больше звонить, по крайней мере, пока. И я очень сомневаюсь, что нам удастся его засечь. Уолтер, он не желает, чтобы его остановили.

— Тем более его надо остановить. Боже, подумать только, что он сделает, что собирается устроить снова. Да и ты из-за него...

— Что я такого сделал? — тихо и со значением спросил я. — Скажи мне, Уолтер, что я сделал, ну, скажи!

Он промолчал, и я видел, как он проглотил готовые сорваться слова. Мы оказались в опасной близости от края, но он сумел дать задний ход.

Странник желал, чтобы я остался. Ему хотелось, чтобы я торчал дома в ожидании звонка, которого может и не быть. Я не мог позволить ему распоряжаться мной. И в то же время мы с Коулом знали, что контакт, в который он вступил, стал первым звеном в цепи, что со временем способна была вывести нас на него.

Один из моих друзей по имени Росс Оука работал в полицейском отделении города Колумбия, штат Южная Каролина, как раз в то время, когда Ларри Джин Белл похитил и задушил двух девчонок. Одну из них, семнадцатилетнюю, он схватил неподалеку от почтового ящика, другую, девяти лет, увез с площадки для игр. К тому времени как тела обнаружили, из-за сильного разложения не представлялось возможным установить, подверглись ли жертвы сексуальному насилию, однако Белл позднее признал, что изнасиловал обеих.

На след Белла удалось выйти благодаря серии телефонных звонков в дом семнадцатилетней девушки. Разговаривал он главным образом со старшей сестрой своей жертвы. Он также прислал письмо от похищенной девушки. В телефонных разговорах убийца представлял дело так, будто девушка жива. Семья не знала правды, пока не было обнаружено тело. После похищения младшей девочки он позвонил сестре первой жертвы и описал похищение и само убийство, кроме того, он предупредил сестру убитой, что теперь на очереди она.

Белла обнаружили по слабому оттиску телефонного номера на письме убитой. С

помощью этого полустертого отпечатка удалось методом исключения установить адрес. Ларри Джин Белл, белый, тридцати шести лет, раньше был женат, но теперь жил с родителями. Следователям он сказал, что это совершил «плохой Ларри Джин Белл».

Я знал десятки случаев, когда контакт убийцы с семьей жертвы позволял его поймать, но мне также приходилось видеть последствия таких душевных пыток. Можно сказать, что семье первой жертвы Белла повезло: они всего лишь две недели терпели его бредовые рассказы. А вот семейство из Талсы, штат Оклахома, два года терзали телефонными звонками. Няня-мужчина изнасиловал их маленькую дочь и расчленил тело.

Накануне вечером, помимо охвативших меня гнева, боли и горя, я испытывал еще одно чувство. Из-за него я боялся, по меньшей мере пока, дальнейших контактов со Странником.

Я почувствовал облегчение.

Семь месяцев не принесли никаких известий. Полицейское расследование зашло в тупик. Мои усилия установить убийцу жены и дочери также оказались тщетными. Я боялся, что он куда-либо исчез.

И вот он вернулся. Связавшись со мной, он давал шанс себя обнаружить. Он пойдет на новое убийство, и определится схема, которая приблизит нас к нему. Все эти мысли не давали мне покоя всю ночь, и только под утро до меня дошел скрытый смысл моих чувств.

Странник увлекал меня в круг зависимости. Он подбрасывал мне подачку в виде звонка и останков дочери и заставлял меня, пусть даже на какой-то короткий момент, желать гибели других в надежде, что их смерти могут приблизить меня к нему. Когда мне стала ясна его задумка, я принял решение не идти на поводу у этого человека. Решение далось нелегко, но я знал, что он отыщет меня, если захочет связаться со мной. Я же тем временем уеду из Нью-Йорка и продолжу поиски Кэтрин Деметр.

И все же имелась другая, глубинная причина для продолжения поисков Кэтрин Деметр. Полуосознанную мной, эту причину уловила Рейчел Вулф.

Я не верил в раскаяние без заглаживания вины. Мне не удалось защитить жену с ребенком, и они расстались с жизнью. Возможно, это было заблуждение, во я верил, что моей второй неудачей станет смерть Кэтрин Деметр, если она погибнет из-за того, что я прекращу поиски. В ней, может быть ошибочно, я видел для себя шанс искупить вину.

Я пытался частично объяснить все это Уолтеру; что мне нужно избежать зависимости от этого человека, что я должен искать дальше Кэтрин Деметр и нужно это как ей, так и мне. Но большую часть своих размышлений я оставил при себе. Мы расстались сухо, недовольные друг другом.

* * *

Накопившаяся за утро усталость взяла свое, и я на час забылся беспокойным сном. Мне снились бесконечные разговоры с убийцей, не имевшим лица, и образы дочери перед смертью. Я проснулся в поту с ног до головы и на грани безумия.

Перед тем как я окончательно пришел в себя, мне привиделась Кэтрин Деметр. Ее окружала тьма, языки пламени и детские кости. И мне стало ясно, что на нее опустилась чудовищная черная пелена, и я должен попытаться спасти ее, спасти нас обоих от жадных объятий мрака.

Eadem mutata resurgo^[6]

*Эпитафия с надгробия на могиле швейцарского физика
Якоба Бернулли*

В тот же день я отправился в Виргинию. Путь предстоял неблизкий, но я сказал себе, что мне нужно время проверить машину в дороге. В пути я старался как-то упорядочить события последних двух дней, но мысли мои неизменно возвращались к лицу дочери в колбе с формальдегидом.

Спустя час я засек за собой хвост: красный «ниссан» с полным приводом, и в нем двое. Они держались за четыре машины от меня, но стоило мне набрать скорость, как прибавили газ и они. Когда я уступал дорогу, они держали меня в поле зрения сколько могли, а потом повторяли мой маневр. Номера машины были предусмотрительно забрызганы грязью. Машину вела женщина с белокурыми зачесанными за уши волосами, глаза скрывали темные очки. Рядом сидел темноволосый мужчина. Я дал им обоим за тридцать, мне они раньше не встречались.

Если меня вели федералы, что было маловероятно, то делали они это грубо. Возможно, это нанятые Санни убийцы, тогда прижимистость сынка налицо: он даже убийц постарался нанять по дешевке. Только идиот взял бы для слежки полноприводную машину. При высоко расположенном центре тяжести она катится так же легко, как пьяный с горки. Конечно, возможно, что у меня разыгралась фантазия, но, скорее всего, за мной действительно следили.

Напасть они не пытались, и я потерял их из виду на проселочных дорогах где-то между Уоррентоном и Калперером на пути к горам Блю-Ридж. Если бы они снова появились, не заметить их я бы не мог. Их джип маячил на дороге, как кровь на снегу.

День медленно угасал. Слабеющие солнечные лучи пронизывали листву, и в свете их поблескивали сетчатые коконы гусениц. Я знал, что под паутиной прядей извиваются личинки, методично превращая живой зеленый лист в коричневое безжизненное ничто. С погодой мне в основном повезло, а названия городов, расположенных по краю долины Шенандоа, были не лишены поэтического оттенка: Вулфтаун, Куинкве, Лидия, Роузленд, Лавингстон, Брайтвуд. Можно было бы дополнить список и Хейвен, но только в том случае, если вы не станете заезжать в него, чтобы не испортить общее приятное впечатление.

Хейвен встретил меня проливным дождем. Город находился в долине к юго-востоку от Блю-Ридж, занимая положение почти у вершины треугольника, в основании которого располагались Вашингтон и Ричмонд. При въезде в город на щите красовалась надпись: «Приветствие Долины». Но Хейвен, надо сказать, особой приветливостью не отличался. Он оказался невзрачным серым городком. Возле нескольких домов стояли ржавые экипажи. Не считая закуской и торгующего допоздна магазина, привлечь случайного путника мог только слабенький свет неоновых ламп на вывеске бара гостиницы «Радужная встреча» да огни местного ресторанчика напротив. В городках такого рода ветераны иностранных войн собираются раз в год вместе, нанимают автобус и отправляются куда-нибудь подальше от города почтить память своих павших друзей.

Я поселился на окраине в мотеле «Вид Хейвена». Кроме меня постояльцев не оказалось. Во всем здании сильно пахло свежей краской. Когда-то это, вероятно, был впечатляющего вида особняк, но теперь, после переделок, он превратился в безликую трехэтажную гостиницу.

— На втором этаже идет ремонт, — сообщил мне служащий, представившийся как Руди Фрай. — Мне придется разместить вас наверху. Вообще, нам не следовало бы пока принимать гостей, но... — он улыбнулся, давая понять, какое большое одолжение делает мне, разрешая остаться. На вид Руди перевалило за сорок. Он был мал ростом и слишком толст. На рубашке под мышками желтели давнишние следы пота. От него слегка пахло медицинским спиртом.

Я огляделся. У меня создалось впечатление, что гостинице даже в лучшие времена не грозил наплыв посетителей.

— Я знаю, о чем вы думаете, — улыбнулся клерк, блестя вставными зубами. — Вы удивляетесь, зачем кому-то понадобилось бросать деньги на ветер, занимаясь обновлением мотеля в такой дыре? — он подмигнул и доверительно наклонился ко мне. — Хочу сказать вам, сэр, что городу недолго оставаться дырой. Здесь собираются развернуться японцы. А с их приходом это место превратится в золотое дно. А где же еще им остановиться? — он весело рассмеялся. — Черт возьми, да мы с купюрами будем в сортир ходить. — Он вручил мне ключ с тяжелым деревянным брелком. — Ваша комната на верхнем этаже, номер двадцать три. Лифт не работает.

Комната оказалась довольно чистой. Запертая дверь вела в смежную комнату. Вскрыть замок перочинным ножом было секундным делом. Затем я принял душ, переоделся и вернулся в город.

Экономический спад семидесятых нанес тяжелый удар по Хейвену: он подкосил в нем и без того скудную промышленность. Возможно, городку удалось бы оправиться, найти новый путь к благосостоянию, но его мрачная история сыграла свою роковую роль, и город постепенно совсем захирел. А дождь с усердием поливал улицы и магазины, людей и дома, лился на ржавеющие кузова и машины — на все вокруг. Но его старания не хватило, чтобы освежить Хейвен, и, казалось, сам дождь только запачкался после своих трудов.

Я зашел в приемную шерифа, но не застал там ни его, ни Алвина Мартина. Один из заместителей шерифа, некто Уоллес, сидел за столом с хмурым видом и развлекал себя, поглощая печенье. Я решил подождать до утра, надеясь, что мне посчастливится встретить здесь более склонного к общению представителя закона.

Ресторан в это время уже закрывался, и мне осталось выбирать между баром и закусочной с бургерами. В баре было темновато, как будто большая часть энергии ушла на горевшую розовым цветом вывеску: «Радушный прием». Несмотря на яркий свет неоновых ламп, радушием в баре и не пахло. Из приемника доносились импровизации в стиле «кантри», а по телевизору над стойкой шел баскетбольный матч. Но звук был сильно убавлен. Игра, похоже, никого и не интересовала. Человек двадцать посетителей сидели за столами и у длинной потемневшей от времени деревянной стойки. Бросалась в глаза парочка верзил. При виде их напрашивалась мысль об оставленном дома с няней третьем медведе. При моем появлении негромкий рокот разговоров местами стих, но почти сразу возобновился в прежнем объеме.

Небольшая группа мужчин у обшарпанного бильярда наблюдала за игрой высокого крепкого бородача и его соперника постарше, ловко гонявшего шары. Игроки оглядели меня, не прерывая партию. Как видно, здесь к бильярду относились серьезно. А выпивка была не в особой чести: крепкие ребята, окружавшие бильярдный стол, держали в руках бутылки светлого пива.

Я уселся у стойки и попросил бармена, чья белая рубашка в этом заведении резала глаза

чистотой, налить мне кофе. Он и ухом не повел в мою сторону, с повышенным интересом наблюдая за баскетбольным матчем. Я повторил просьбу. Его ленивый взгляд оторвался от экрана и остановился на мне. Он смотрел на меня, как на шествующего по столу таракана, которых он только что перебил кучу и теперь прикидывает, а не прихлопнуть ли еще одного для ровного счета.

— Здесь кофе не подают, — объявил он.

Я прошелся взглядом вдоль стойки. Через два места от меня пожилой мужчина в клетчатой шерстяной куртке и потертой кепке попивал из кружки что-то очень похожее по аромату на крепкий черный кофе.

— А он что, с собой принес? — кивнул я в сторону мужчины с кофе.

— Точно, — не отрываясь от телевизора, подтвердил бармен.

— Тогда кола сойдет. Она на второй полке снизу у твоих колен. Нагибайся осторожней, не ушибись.

Не сразу, но он все же соизволил нагнуться, по-прежнему уставившись на экран, и так же, не глядя, нащупал открывалку. Передо мной оказалась открытая бутылка и стакан безо льда. В зеркале за стойкой я заметил несколько насмешливых улыбок и услышал низкий, многообещающий женский голос. Зеркало указало мне, что он принадлежал пышноволосой брюнетке с грубыми чертами лица. Она сидела в углу, и толстый спутник недовольно бурчал ей в ухо что-то похожее на воркование больного голубя.

Я налил себе колу и залпом осушил стакан. Теплый и липкий напиток пристал к небу, языку и зубам. Бармен некоторое время протирал стаканы полотенцем, не стираным с незапамятных времен. Когда ему наскучило разводить по стеклу грязь, он подошел ко мне и положил передо мной полотенце.

— Здесь проездом? — в вопросе не чувствовалось любопытства. Он прозвучал скорее как совет, чем вопрос.

— Нет, — не стал распространяться я.

Он подождал продолжения, но не дождался и первый прервал паузу:

— А зачем тогда приехали? — он посмотрел на игроков у бильярда за моей спиной. Стук шаров стих. Он выдавил из себя любезную улыбку. — Может быть, я смог бы... — улыбка разъехалась еще шире, — ...оказаться полезным, — тон его стал насмешливо-официальным.

— Ты знаешь кого-либо по фамилии Деметр?

Улыбочка застыла на его физиономии.

— Нет, — ответил он после минутного оцепенения.

— Тогда сомневаюсь, что ты можешь оказаться полезным, — в тон ему ответил я и положил на стойку два доллара. — Это за радушие, и смените вывеску. — Посоветовал я, собираясь уходить.

Когда я повернулся, передо мной оказался какой-то тип небольшого роста в поношенной голубой куртке, сильно смахивающий на крысу. На носу его чернели точки угрей, а выступающие вперед зубы с пятнами желтизны очень напоминали клыки моржа. Надпись на черной бейсболке окружали, в отличие от традиционного логотипа, головы в капюшонах ку-клукс-клана.

Под его курткой я увидел слово «Пуласк». В этом месте зародилось движение ку-клукс-клан. Думаю, Том Робб, важная птица в клане, просиял бы, увидев остренькую, но не лишнюю совсем печати интеллекта мордочку этого пасючонка, приехавшего, чтобы

проникнуться воздухом Пуласки. Робб старался привлечь в клан образованную элиту: юристов и учителей. Однако большинство адвокатов не очень бы обрадовались такому клиенту, как этот крысеныш, не говоря уж о том, чтобы иметь его своим соратником.

Но в новом клане Крысу нашлось бы место. Каждой организации нужна своя пехота, а у этого парня на физиономии ясно читалось: пушечное мясо. И, уж если бы новые клановцы вздумали двинуть на Капитолий, Крыс непременно оказался бы в первых рядах и лег бы костями за идею.

За его спиной нависал своей огромной массой бородач с маленькими свиными глазками без проблесков глубокого ума. Его ручки не имели четкой формы, а под рубашкой цвета хаки выпирал живот. По рубашке шла надпись: «Убивай всех подряд, а сортирует пусть Бог», но верзила не принадлежал к морской пехоте, а больше смахивал на дебила.

— Как жизнь? — поинтересовался Крыс. В баре смолкли разговоры. Группа у бильярда перестала слоняться, а застыла в ожидании дальнейших событий. Один из них, предвкушая потеху, с улыбкой подтолкнул другого локтем. Крыс и его дружок были как видно местными задирами.

— Пока отлично.

Крыс кивнул с таким видом, словно услышал нечто исполненное глубокого смысла, с чем он был целиком и полностью согласен.

— Знаешь, — заметил я, — однажды я помочился в саду Тома Робба.

Я сказал истинную правду.

— Я думаю, тебе лучше всего уехать отсюда, — изрек Крыс после паузы, в течение которой скрипел мозгами, стараясь уяснить, кто такой Том Робб. — Почему бы тебе не свалить, а?

— Спасибо за совет, — я собирался обойти Крыса, но его приятель толкнул меня назад к стойке пятерней размером с лопату.

— Это был не совет, — возразил Крыс и указал большим пальцем на дружка.

— Это Сикс — Шестерка. Тебе не придется сейчас уйти и пылить по дороге в своей поганой машине. Сиксу хочется вздуть тебя как следует.

Сикс неопределенно ухмыльнулся. На нем эволюция явно отдыхала.

— Ты знаешь, почему его так зовут?

— Попробую угадать, — начал я. — Наверное потому, что дома сидят еще пять таких же дуболомов, точно?

По всем статьям мне не светило узнать происхождение прозвища Сикс, потому что он убрал с лица дурацкую ухмылку и ринулся мимо Крыса ко мне с недвусмысленным намерением схватить за горло. Для своей комплекции он сделал быстрый выпад, но все же оказался недостаточно проворным. Я вскинул ногу и двинул Сикса каблуком в левое колено. Послышался характерный хруст. Громила словно споткнулся, скривившись от боли, а затем вильнул в сторону и осел.

Дружки стали подтягиваться ему на выручку, но в этот момент сзади наметилось какое-то движение, и к нам стал проталкиваться маленький толстенький полицейский лет тридцати. Он держал руку на рукоятке пистолета. Это был Уоллес, один из заместителей шерифа, собственной персоной, любитель печенья Уоллес. Он сильно нервничал и был не меньше того испуган. Людей такого сорта приводит в полицию желание возвыситься над теми, кто не давал им житья в школе: отбирал деньги, выданные родителями на завтраки, поколачивал, высмеивал. Но обычно их надежды не оправдываются: выросшие шутники и

задиры не собираются отказываться от насмешек, и далеко не всегда полицейская форма бывшего одноклассника помешает им пустить в ход кулаки. Но на этот раз в руках у Уоллеса было оружие, и горячие парни, возможно, смекнули, что он напуган так сильно, что может, чего доброго, и пальнуть.

— Что здесь такое, Клит?

— Веселье немного вышло из берегов, Уоллес. С законом все в порядке, — нарушил молчание Крыс.

— А я не к тебе обращался, Гейб.

Сиксу помогли подняться и усадили на стул.

— Что-то на веселье это не очень похоже. Думаю, парни, вам надо в участок пройтись, там и остынете немного.

— Оставь, Уоллес, тихий низкий голос принадлежал худому жилистому мужчине с холодным взглядом темных глаз и бородой с проседью. В его тоне и облике чувствовалась властность, и он определенно превосходил умом своих приятелей, способных только на нехитрые гадости. Седобородый внимательно разглядывал меня с видом гробовщика, оценивающего потенциального клиента.

— Ладно, Клит, но... — Уоллес умолк, не договорив. Должно быть, он сообразил, что для тех, кто стоял перед ним, любые его слова не будут значить ровным счетом ничего. Он кивнул, как будто решение не углубляться в дело исходило от него.

— Вам лучше уйти, мистер, — перевел на меня взгляд Уоллес.

Я встал и поспешно удалился среди общего молчания.

Вернувшись в мотель, я позвонил Коулу. Меня интересовало, не открылись ли новые факты по делу об убийстве Стивена Бартона. Но Уолтера на месте не оказалось, и дома работал автоответчик. Я оставил для него номер своего телефона и попытался заснуть.

На следующее утро небо нахмурилось, обещая пролиться дождем. Костюм в дороге сильно помялся, поэтому я облачился в легкие модные брюки, белую рубашку и черный пиджак, а для солидности, чтобы не выглядеть форменным пижонем, нацепил черный шелковый галстук. Я снова проехал через город, но ни красный джип, ни ехавшая в нем парочка на глаза мне не попались.

Я остановился у местного ресторана, купил «Вашингтон пост» на заправке через дорогу и зашел в ресторан позавтракать. Хотя был уже десятый час, народ толпился у прилавка и за столиками пустовало немного мест. Сетовали на погоду, и, полагаю, меня также не обошли вниманием. Я видел, как некоторые из присутствующих при моем появлении не замедлили доложить об этом своим соседям за столиками.

Я выбрал место в углу и пробежал глазами газету. Ко мне подошла с блокнотом женщина средних лет в голубой фирменной одежде, белом фартуке и с вышивкой «Дороти» на груди слева. Я заказал гренки, бекон и кофе. Она записала мой заказ и склонилась ко мне:

— Это вы тот парень, что вчера в баре наподдал этому Сиксу.

— Да, я.

Официантка кивнула с искренним удовлетворением.

— В таком случае, вы ничего не должны за завтрак, — она одобрительно улыбнулась. — Но не считайте мою щедрость приглашением остаться, — добавила она. — Вы для этого не такой уж красавчик, — она не спеша отправилась за прилавок и наколола мой заказ на штырек у кассы.

Главная улица Хейвена не поражала обилием транспорта. В большинстве своем легковые автомобили и грузовики спешили мимо в другие места. При свете дня город выглядел ничуть не лучше, чем вечером. Я заметил агентство по продаже подержанных машин, отметил поодаль крышу школы и дальше по улице несколько магазинов и бар. На улице было малоллюдно. Серый день заразил своим унынием все и вся.

Я покончил с едой и оставил на столе чаевые.

— Ну, до свидания, — попрощалась Дороти, опускаясь грудью на блестящий прилавок.

Остальные проводили меня беглыми взглядами и вернулись к завтраку.

Я отправился на другой конец города, где в новом одноэтажном здании размещалась городская библиотека. Из-за стойки выдачи книг на меня смотрели две женщины. Миловидной темнокожей было чуть больше тридцати. Во взгляде стоявшей рядом старшей по возрасту белой женщины сквозила откровенная неприязнь. Ее волосы напоминали металлическую мочалку для чистки кастрюль.

— Доброе утро, — поздоровался я.

Молодая в ответ улыбнулась. В ее улыбке чувствовалось легкое беспокойство. Вторая женщина сделала вид, что убирает на стойке, где и без того царил безупречный порядок.

— Какая здесь местная газета? — поинтересовался я.

— Раньше выходил «Лидер Хейвена», — ответила молодая женщина. — Но теперь не выходит, — помолчав, прибавила она.

— Меня интересуют старые номера.

Молодая женщина обратилась с молчаливым вопросом к коллеге, но та продолжала шелестеть бумагами.

— Они на микрофайлах, на карточках в картотеке за просмотрным аппаратом. Какой период вам нужен?

— Не очень давний, — уклонился от ответа я. Газетные материалы, расположенные в хронологическом порядке, хранились в маленьких квадратных коробках в десяти ящиках. Однако на месте не оказалось трех коробок с файлами за период, когда были совершены те нашумевшие убийства. Я просмотрел все еще раз, со слабой надеждой, что файлы перепутали. Однако во мне крепла уверенность, что их скрывали от любопытных глаз случайных посетителей.

Я вернулся к стойке. Пожилой библиотечарши видно не было.

— Там нет файлов тех лет, что мне нужны, — сказал я молодой женщине. Она изобразила замешательство, но я не очень ей поверил.

— А какой год вам нужен?

— Мне нужны материалы нескольких лет: 1969 года, 1970, возможно, еще и 1971.

— Мне очень жаль, но эти файлы... — она пыталась подобрать объяснение поубедительнее, — этих файлов нет в наличии. Их взяли для исследований.

— Ах вот оно что, — улыбнулся я с видом доверчивого простака. — Ну, не беда. Меня устроит и тот материал, что остался.

Мой ответ она встретила с явным облегчением. Я вернулся к аппарату, и некоторое время просматривал файлы, в поисках какой-либо полезной информации. Кроме скуки, это занятие мне ничего не принесло, однако скучал я не напрасно. Через полчаса мне представился удобный случай отыскать то, что нужно. Молоденькая белокурая учительница, сама недавняя школьница, привела в библиотеку группу своих подопечных. Отдел детской литературы отделяла перегородка наполовину из дерева, наполовину стеклянная. Молодая библиотечарша стояла ко мне спиной и разговаривала с детьми и их наставницей. Старшая библиотечарша не показывалась, но дверь в маленький кабинет за отделом литературы для взрослых оставалась полуоткрытой. Я проскользнул за стойку и как мог тихо принялся шарить по ящикам и шкафчикам. Один раз мне пришлось, пригнувшись, пройти мимо двери в детскую секцию, но библиотечарша продолжала заниматься маленькими читателями и меня не заметила.

Недостающие файлы обнаружили в нижнем ящике рядом с маленькой копилкой. Я успел сунуть находку в карман и выходил из-за стойки, когда стукнула входная дверь и послышались приглушенные шаги. Я метнулся за стеллаж, и в этот момент появилась старшая библиотечарша. Остановившись у входа за стойку, она недовольно покосилась на меня и книгу у меня в руках. Я с бодрым видом улыбнулся и возвратился к аппарату. Оставалось только гадать, когда мегера вздумает проверить ящики и вызовет подмогу.

Сначала я занялся файлами за 1969 год. Хотя газета выходила раз в неделю, просмотр занял достаточно времени. Об исчезновениях никаких публикаций мне не попало. Даже в 1969 году чернокожих не считали достойными большого внимания. В газете много писали о церковных собраниях, лекциях общества любителей истории, а также о местных бракосочетаниях. Криминальных сообщений было мало. Большею частью писали о транспортных происшествиях и о мелких правонарушениях, но не было ни малейшего намека на то, что в Хейвене пропадают дети.

Но вот в одном из ноябрьских номеров я наткнулся на заметку, где упоминалось имя Уолта Тайлера.

К тексту прилагалась фотография, где темнокожего Тайлера, приятной наружности

мужчину, вел в наручниках белый помощник шерифа. Заголовок над снимком гласил: «Задержан за нападение на шерифа». Судя по отрывочным сведениям, сообщавшимся в заметке, суть происшествия состояла в следующем: Тайлер явился в канцелярию шерифа и устроил там погром, а затем накинулся на самого шерифа. Единственное указание на причину этого поступка давалось в заключительном абзаце.

«Тайлер был в числе других чернокожих, допрошенных шерифом округа Хейвен в связи с исчезновением его дочери и двух других детей. Он был отпущен без предъявления обвинения».

Из файлов за 1970 год удалось почерпнуть гораздо больше сведений. Вечером 8 февраля 1970 года Эми Деметр отправилась к знакомым отнести на пробу варенье, приготовленное матерью, и по дороге пропала. До знакомых она так и не дошла, а разбитую банку нашли приблизительно в пятистах ярдах от ее дома. В газете имелась фотография девочки и сообщались краткие сведения о семье: отец — бухгалтер, мать — домохозяйка и член школьного совета, младшая сестра Кэтрин, всеми любимая и со склонностями к искусству. На протяжении нескольких недель в газете появлялись публикации в связи с этим происшествием: «Поиски девочки продолжаются», «Тайна исчезновения девочки Деметр: еще пять вопросов», и последняя заметка вышла под заголовком: «Надежды тают».

Следующие полчаса я просмотрел материалы вдоль и поперек, но больше никаких публикаций по поводу убийств или итогов расследования не нашлось. Единственное, что привлекло внимание, — это сообщение о смерти Аделейд Модин в огне пожара четыре месяца спустя, а также упоминание о смерти ее брата. Подробности обстоятельств смерти брата и сестры отсутствовали. И снова намек в последнем абзаце. «В канцелярии шерифа Аделейд Модин и ее брата собирались допросить по делу об исчезновении Эми Деметр и других детей».

Не требовалось большого ума, чтобы прочитать между строк и понять, что Аделейд Модин или ее брат либо же они вместе и были главными подозреваемыми. Провинциальные газетенки необязательно печатают все новости: часть сведений уже всем известна, и часто местная пресса дает ровно столько материала, чтобы сбить посторонних с толку. Пожилая библиотекаря уже смотрела на меня волком. Я закончил печатать копии соответствующих статей, собрал их и ушел.

Перед моей машиной стоял желто-коричневый патрульный автомобиль канцелярии шерифа. Прислонившись к дверце со стороны водителя, у моей машины меня поджидал один из заместителей шерифа в чистой рубашке и хорошо отглаженной форме. Подойдя поближе, я разглядел под рубашкой крепкие мышцы. На меня смотрели пустые глаза без какой-либо искорки ума. Он выглядел болван болваном.

— Это ваша машина? — с характерным для Виргинии выговором спросил он, держа пальцы за портупею. На нагрудном знаке, закрепленном исключительно ровно, значилось имя Бернс.

— Так и есть, — ответил я, подражая его акценту. Есть у меня такая дурная привычка. Его челюсть разом напряглась. Удивительно, правда, как ему такое удалось: у него и до этого зубы были стиснуты.

— Вы просматривали старые газеты.

— Да, я большой любитель кроссвордов. Старые куда лучше, с теперешними их не сравнить.

— Вы еще один писатель?

По его тону я заключил, что читал он мало, особенно если книга без картинок или в ней нет слова Божьего.

— Нет, — ответил я. — А что, их у вас здесь много?

Думаю, он мне не поверил. Может быть, он решил, что у меня ученый вид, или же всякий, кто не был ему лично знаком, попадал у него под подозрение в скрытых литературных познаниях. Меня выдала библиотекарьша, принявшая меня за очередного писака, который пытается пожить за счет теней прошлого.

— Я провожу вас до границы города, — сообщил он мне. — У меня ваши вещи. — Он подошел к патрульной машине и взял с переднего сиденья мою дорожную сумку. Помощник Бернс начинал действовать мне на нервы.

— Я не собираюсь никуда уезжать, — возразил я. — Поэтому попрошу вас вернуть вещи в мой номер. Кстати, когда будете их распаковывать, имейте в виду, что я предпочитаю держать носки в левом ящике комода.

Он выпустил из рук сумку, и она шлепнулась на дорогу, затем он направился ко мне.

— Послушайте, — начал я. — У меня есть документы, — с этими словами я полез во внутренний карман пиджака. — Я...

Да, глупо получилось, но мне было жарко, я устал, и этот Бернс надоел мне до чертиков, поэтому я и дал маху. Он успел заметить рукоятку моего пистолета и его собственный тотчас же оказался у него в руках. Бернс действовал очень проворно. Вероятно, перед зеркалом тренировался. В считанные секунды он прижал меня к своей машине, отобрал оружие и нацепил наручники.

Часика три-четыре мне пришлось прохладиться в камере. Точное время я сказать не могу, поскольку заботливый Бернс забрал у меня часы, а вместе с ними пистолет, бумажник с документами, бумаги и еще ремень со шнурками, чтобы я вдруг не вздумал удавиться в приступе раскаяния за то, что докучал библиотекарям.

Камера, надо отметить, оказалась самой чистой из тех, что мне приходилось повидать за всю жизнь. Даже нужник не внушал опасений, что после пользования им потребуется колоть пенициллин.

Не тратя времени зря, я размышлял над тем, что узнал из файлов, пытаюсь соединить кусочки мозаики в имеющее смысл целое. При этом я усилием воли заставлял себя не думать о Страннике и его возможном занятии в этот момент.

Наконец снаружи послышался шум, и дверь открылась. Я поднял глаза и встретился взглядом с высоким темнокожим мужчиной в форменной рубашке. На вид ему было под сорок, но походка и умудренные опытом глаза выдавали его истинный возраст. Я предположил, что в свое время этот человек занимался боксом, возможно, в среднем или полутяжелом весе, и двигался он легко. Безусловно, он был значительно умнее, чем Уоллес и Бернс вместе взятые, хотя за это качество наград не выдают. Должно быть, передо мной стоял Элвин Мартин. Я не стал суетиться и не встал сразу же, чтобы он не подумал, будто я не оценил чистоту его камеры.

— Вы хотите задержаться здесь еще на пару часиков или ждете, что вас кто-то на руках вынесет? — осведомился он. Я не услышал в его голосе тягучего южного выговора. Возможно, он был родом из Детройта или Чикаго.

Я поднялся, и он отступил в сторону, освобождая дорогу. В конце коридора нас поджидал Уоллес.

— Помощник, верните ему вещи.

— И пистолет тоже? — Уоллес не торопился выполнять указание. Глядя на него, становилось ясно, что этот малый не привык получать распоряжения от черного, и ему очень не нравится, когда приходится эти распоряжения выполнять. Меня вдруг осенило, что у Уоллеса гораздо больше общего с Крысом и его друзьями, чем может позволить себе добросовестный служитель закона.

— Да, и пистолет тоже, — подтвердил Мартин тихо, но с оттенком накопившейся усталости и с досадой в глазах. Уоллес отвалил от стены, как отправляющийся в плаванье исключительно безобразный корабль. Он заплыл за барьер и после нескольких маневров вернулся с заданием с коричневым пакетом и моим оружием. Я расписался в получении вещей, и Мартин кивнул на дверь.

— Прошу в машину, мистер Паркер.

Мы вышли на улицу. День клонился к вечеру, с гор задул прохладный ветер. По дороге протарахтел пикап.

— Мне сесть сзади? — поинтересовался я.

— Садитесь впереди, — ответил он. — Я вам доверяю.

Он завел машину, и мы двинулись в путь. Некоторое время ехали молча. Воздух из кондиционера освежал нам лица. Город остался позади, и дорога запетляла по лесу, повторяя рельеф местности. Наконец вдали блеснул свет, и скоро мы въехали на стоянку

перед закуской «Зеленая река» с вывеской, мигавшей зеленым светом неоновых ламп.

Мы выбрали кабинку в глубине зала, подальше от малочисленных посетителей. Они проводили нас любопытными взглядами и снова занялись едой. Мартин заказал для нас кофе, затем устроился поудобнее и посмотрел на меня.

— Для сыщика при пистолете, — начал он, — считается хорошим тоном заглянуть к местным представителям закона и сообщить цель приезда, по крайней мере, прежде чем он начнет колотить игроков в бильярд и отправится в библиотеку воровать файлы.

— Вас не оказалось на месте, когда я заходил, — возразил я. — Шериф также отсутствовал, а ваш товарищ Уоллес не догадался угостить меня печеньем и занять до вашего возвращения анекдотами.

Принесли кофе. Мартин добавил в него сливки и сахар, а я по привычке налил молока.

— Я навел о вас справки, — помешивая кофе, сообщил Мартин. — За вас поручился некто Коул. Поэтому я пока повременю выпроваживать вас из города. А еще меня удерживает от этого тот факт, что прошлой ночью вы не испугались прищемить хвост одному поганцу, это свидетельствует о ваших гражданских чувствах. А теперь, может быть, пришло время рассказать, что вас сюда привело.

— Я разыскиваю женщину по имени Кэтрин Деметр. У меня есть предположения, что на прошлой неделе она приехала в Хейвен.

Мартин нахмурился.

— Она случайно не родственница Эми Деметр?

— Это ее сестра.

— Я так и думал. А почему вы считаете, что она может быть здесь?

— Последний звонок из ее квартиры был в дом шерифа Эрла Ли Грейнджера. В тот же вечер она несколько раз звонила и в вашу канцелярию. С тех пор о ней нет никаких известий.

— Вас наняли для ее розыска?

— Я просто ее ищу, — мне не хотелось вдаваться в подробности.

Мартин вздохнул.

— Я приехал сюда полгода назад из Детройта, — помолчав, заговорил он. — Привез с собой жену и сына. Моя жена работает помощницей библиотекаря. Думаю, вы с ней уже встречались.

Я кивнул.

— Губернатор решил, что здесь в полиции недостаточно черных и отношения местного чернокожего меньшинства и полиции далеко не дружеские. В этом городе появилась вакансия, и я подал прошение о переводе. Больше всего хотелось увести своего парня из Детройта. Мой отец родом из Гретны, это не так далеко отсюда. До переезда я ничего не знал об этих убийствах. Теперь знаю больше.

Вместе с теми детьми умер и город. Охотников поселиться здесь нет, а тот, у кого есть хоть капля здравого смысла и честолубия, старается уехать отсюда. Здесь самое настоящее гнилое болото.

Правда, в последний месяц-полтора как будто наметился просвет. Одна японская фирма не прочь разместиться в полумиле от города. Как я слышал, они занимаются разработкой программного обеспечения, и их прельщает идея обосноваться в тихом уединенном местечке, где бы они чувствовали себя, как в Японии. Их приход обеспечит городу приток денег. Появится много рабочих мест, и, может быть, клеймо прошлого наконец исчезнет.

Откровенно говоря, местную публику не очень радует перспектива работать на японцев, но они отлично понимают, что в дерьме по самые уши и потому с готовностью станут работать на кого угодно, лишь бы это не был черный.

Меньше всего им хочется, чтобы кто-то копался в прошлом и вынюхивал давние тайны. Конечно, много здесь людей недалеких, есть расисты и подонки разных мастей, но им до зарезу нужен шанс, и они готовы размазать по стенке любого, кто встанет у них на пути. И, если они этого не сделают, им поможет Эрл Ли.

Мартин наставительно помахал перед моим носом пальцем.

— Вы понимаете, о чем я говорю? Никому не нужны расспросы о детях, убитых тридцать лет назад. Вернись сюда Кэтрин Деметр, ее бы тоже не ждал радушный прием. Хотя совершенно непонятно, зачем ей сюда приезжать, если родственников здесь у нее не осталось. Так или иначе, здесь ее нет. Если бы она вернулась, об этом говорил бы весь город.

— Черт, — скрипнул зубами Мартин, отхлебнув кофе, — остыл совсем, — он позвал официантку и попросил принести другую чашку.

Я не собираюсь задерживаться здесь дольше, чем необходимо, — искренне ответил я. — Но, думаю, Кэтрин Деметр могла сюда приехать или собиралась это сделать. Она стремилась поговорить с шерифом, и я хочу того же. Кстати, где он?

— Он взял отпуск на два дня и уехал из города — Мартин так заломил поля своей шляпы, что она подпрыгнула на стуле. — Ему пора вернуться. Он должен был приехать сегодня, но, возможно, появится завтра. У нас здесь ничего серьезного не происходит. В основном приходится заниматься пьяницами и любителями бить жен, ну и всякой другой ерундой, обычной для таких городишек, как этот. Но едва ли он очень обрадуется встрече с вами. Мне также не доставляет удовольствия вас видеть, только без обид.

— Само собой. Но я все-таки дождусь шерифа, — сказал я, а сам подумал, что постараюсь разузнать больше об убийствах совершенных, как предполагалось, братом и сестрой Модин, и Мартину придется с этим смириться. Если уж Кэтрин Деметр решила заглянуть в прошлое, мне необходимо последовать за ней, иначе женщина, которую я ищу, останется для меня загадкой.

— А еще мне нужно поговорить с кем-либо, кто знает об этих убийствах. Я должен знать больше.

Мартин закрыл глаза и устало провел рукой по лицу:

— Вы не слушаете, о чем я...

— Нет, это вы не хотите меня слушать. Я ищу женщину, которая, возможно, попала в беду и попросила помощи у кого-то из здесь живущих. И, прежде чем уехать, я буду землю рыть, но узнаю, так это или нет, пусть для этого мне придется спугнуть ваших спасителей — японцев. Но если вы мне поможете, тогда все можно будет сделать быстро и без лишнего шума, так что через пару дней я избавлю вас от своего присутствия.

Теперь мы оба были на взводе и через стол мерили друг друга сердитыми взглядами. На нас уже начали оглядываться другие посетители.

Мартин оглядел зал и снова повернулся ко мне.

— Хорошо, будь по-вашему. Слушайте. Большинство из тех, что жили здесь в то время, уехали, умерли или не согласятся вспоминать об этом ни за какие деньги. Хотя двое, возможно, и пойдут на такой разговор. Один из них сын доктора, практиковавшего здесь тогда. Зовут этого человека Конвелл Хайамз, у него в городе адвокатская контора. Вы с ним сами договаривайтесь. Есть еще Уолт Тайлер — его дочь погибла первой. Он живет на

окраине. Я поговорю с ним сначала, возможно, он согласится встретиться, — Мартин поднялся. — Когда закончите здесь с делами, поторопитесь уехать. И мне бы хотелось никогда больше не видеть вас, ясно?

Я молча двинулся за ним к выходу.

— Вот еще что, — он остановился, надевая шляпу, и повернулся ко мне. — Я поговорил с теми парнями из бара, но не забывайте, что у них нет причин вас любить. Поэтому я бы держал ухо востро, если бы собирался совать нос в городские дела.

— Я заметил на одном рубашку с символами ку-клукс-клана, его кажется, Гейбом зовут, — сказал я. — У вас здесь много таких?

Мартин надул щеки и резко выдохнул.

— В бедном городе небогатые умом обычно ищут кого-нибудь, чтобы обвинить в своей бедности.

— А еще я заметил одного, ваш помощник назвал его Клитом. Он совсем не кажется тупым.

— Нет, Клит очень даже не тупой, — Мартин смотрел на меня из-под шляпы. — Клит сидит в совете и говорит, что его оттуда только пушкой вышибут. А что касается ку-клукс-клана, так здесь не Джорджия, не Северная Каролина и даже не Делавэр. Не стоит придавать этому слишком большого значения. Можете расплатиться за кофе.

Я оставил у кассы пару баксов и вышел к машине, но Мартин уже отъезжал. Он снова сидел без шляпы: она ему явно мешала. Я вернулся в ресторан, вызвал по телефону такси и заказал себе еще чашку кофе.

В город я вернулся в начале седьмого. У меня имелся адрес конторы Хайамза и дома, где он жил. Но в окнах конторы, когда я проезжал мимо, свет не горел. Я позвонил в мотель и спросил, как добраться до Бейлз-Фарм-роуд. Как выяснилось, там жил не только Хайамз, но и шериф Эрл Ли Грейнджер.

Я ехал осторожно по извилистым дорогам, высматривая въезд, о котором мне говорил Руди Фрай, но при этом поглядывал в зеркало: не видать ли позади красного джипа. Но все было спокойно. И все-таки я проскочил поворот на Бейлз-Фарм-роуд, и мне пришлось вернуться. Листва подлеска наполовину скрывала знак, указывающий на сильно петляющую дорогу с полями, покрытыми вечнозеленой растительностью. Наконец дорога привела меня к короткому ряду заботливо ухоженных домов с просторными дворами. Сзади к домам примыкали обширные участки земли. Хайамз жил ближе к концу ряда в большом белом деревянном доме в два этажа. Рядом с входом ярко горел фонарь, освещающий сетчатый экран, а за ним дубовую дверь, над которой находилось окошко в виде веера с матовым стеклом. В прихожей горел свет.

Когда я подъехал к дому, открылась дубовая дверь, и на пороге появился седой мужчина в красном шерстяном кардигане, одетом поверх серых широких брюк и полосатой рубашки с широким открытым воротом. Он настороженно смотрел в мою сторону.

— Вы мистер Хайамз? — осведомился я, подходя к двери.

— Да.

— Я следователь. Моя фамилия Паркер. Я хотел поговорить с вами о Кэтрин Деметр. Мы довольно долго стояли после этого молча по разные стороны сетчатой двери.

— Вас интересует Кэтрин или ее сестра? — наконец, решил он нарушить затянувшееся молчание.

— Думаю, скорее всего, обе.

— Могу я узнать, почему?

— Я пытаюсь отыскать Кэтрин. По моим предположениям, она могла сюда вернуться, но мне неясна причина.

Хайамз открыл сетчатую дверь и впустил меня внутрь. Дом был обставлен мебелью из темной древесины, полы устланы коврами, и, судя по виду, дорогие. Мы прошли в кабинет хозяина. На заваленном бумагами столе стоял включенный компьютер.

— Хотите выпить? — предложил он.

— Нет, благодарю.

Он взял со стола стакан с бренди и, прежде чем сесть, указал мне на кресло по другую сторону стола. Теперь я мог разглядеть его получше. Он имел аристократическую внешность и выглядел серьезным и важным. Ногти на длинных пальцах узких кистей были тщательно обработаны. В теплой комнате чувствовался аромат его одеколona, и дорогого, если судить по запаху.

— Все это дела давно минувших дней, — начал он. — Большинство людей предпочло бы не ворошить прошлое.

— А вы относитесь к этому большинству?

Он с улыбкой пожал плечами.

— Я занимаю определенное место в этой общине, у меня в ней своя роль. Здесь прошла

почти вся моя жизнь, за исключением лет, проведенных в колледже и на практике в Ричмонде. Отец полвека, до самой смерти, практиковал в этих местах.

— Он был врачом, как я понимаю.

— Врачом и медэкспертом, консультантом, юрисконсультантом и даже заменял дантиста в его отсутствие. Он делал все. Убийства очень сильно на него подействовали. Он проводил вскрытие, и, как мне кажется, не мог потом забыть об этом даже во сне.

— А где находились в то время вы?

— Я работал тогда в Ричмонде и жил то там, то в Хейвене. Произошедшее мне известно, но я предпочел бы не касаться этой темы. Четверо детей погибли ужасной смертью. Пусть покоятся с миром, зачем ворошить прошлое.

— Вы помните Кэтрин Деметр?

— Я знал это семейство, но Кэтрин была значительно моложе меня. После окончания школы, насколько я помню, она покинула эти места и, как мне кажется, больше сюда не возвращалась, кроме как на похороны родителей. Она в последний раз побывала здесь тому назад лет десять, не меньше. После этого родительский дом был продан. Сделка совершалась под моим контролем. Почему вы считаете вероятным ее приезд сюда? Здесь нет ничего, что могло бы ее привлечь, во всяком случае, ничего хорошего.

— И, тем не менее, это вероятно. Она несколько раз звонила сюда в начале этой недели, и с тех пор ее больше не видели.

— Основание недостаточное для такого вывода.

— Да, — согласился я, — пожалуй, вы правы.

Он покачал в руках стакан и удовлетворенно наблюдал за движением янтарного напитка. Затем его взгляд сквозь стекло сосредоточился на мне.

— А что вы можете рассказать мне о Аделейд Модин и ее брате?

— Могу сказать, что, на мой взгляд, ничто не давало повод заподозрить их в детоубийстве. Их отец был несколько странным, филантропом в своем роде. Большая часть денег после его смерти оказалась вложенной в трастовый фонд.

— Он умер до убийств?

— Да, за пять или шесть лет до этого. Он распорядился, чтобы процент с его трастовых вложений бессрочно распределялся среди определенных благотворительных учреждений. С тех пор число таких учреждений, получающих пожертвования, значительно возросло. Я с небольшим комитетом курирую деятельность траста, поэтому знаю об этом.

— А его дочь и сын — он их обеспечил?

— Да, и очень неплохо, насколько мне известно.

— Что стало с их деньгами и собственностью после их смерти?

— Администрация штата собиралась перевести собственность и капитал в пользование штата, но мы выступили в интересах горожан, и в результате достигнутого соглашения земля была продана и все средства включены в трастовый фонд, причем часть капиталов фонда пошла на финансирование новых проектов в городе. Поэтому у нас теперь хорошая библиотека, современно оборудованная канцелярия шерифа, прекрасная школа и отлично оснащенный медицинский центр. Город имеет не так уж много, но это немногое — заслуга фонда.

— Значит все, что получил город, и хорошее и плохое, стало следствием четырех детских смертей, — заключил я. — Не могли бы вы рассказать мне что-либо еще о Аделейд Модин и ее брате Уильяме?

— Все давно в прошлом, я же сказал, — губы Хайамза слегка дрогнули... — И мне бы не хотелось в него углубляться. Я знаю Модин постольку поскольку. Это было состоятельное семейство, и брат с сестрой посещали частную школу. Мы очень мало общались.

— А ваш отец знал эту семью?

— Мой отец принимал и Уильяма и Аделейд. Помню один любопытный факт, но он едва ли окажется вам полезен. Аделейд — одна из близнецов. Ее брат-близнец умер в утробе матери, и вскоре после родов мать умерла от осложнений. Смерть этой женщины поразила внезапностью. Она была очень крепкой физически и властной. Мой отец полагал, что она всех нас переживет, — он пригубил стакан, и взгляд его стал острее. — Мистер Паркер, вы знаете что-либо о жизни гиен?

— Крайне мало, — признался я.

Так вот, у пятнистых гиен часто рождаются двойни. Щенки к моменту появления на свет очень хорошо развиты: у них имеется волосяной покров и острые резцы. И практически всегда один из щенков-близнецов нападает на другого, иногда это происходит еще в утробе. Чаще всего второй близнец в результате погибает. Обычно победителем выходит женская особь, и если она произошла от доминантной самки, то и сама начинает главенствовать в стае. Это матриархальная культура. У зародышей женских особей пятнистых гиен уровень тестостерона выше, чем у взрослых самцов, и еще в утробе самки имеют характеристики самцов. Даже во взрослом состоянии животных бывает сложно различить.

Он поставил стакан на стол.

— Мой отец был страстным натуралистом-любителем. Его всегда привлекала жизнь животного мира. И, как мне кажется, ему было интересно находить соответствия мира людей и животных.

— И у Аделейд Модин он замечал такое соответствие?

— Возможно, в какой-то степени. Он был не в восторге от нее.

— А в период смерти брата и сестры Модин вы были здесь?

— Я вернулся в Хейвен вечером накануне того дня, когда было найдено тело Аделейд Модин, и присутствовал при вскрытии. Называю это чудовищным любопытством. А сейчас прошу меня извинить, мистер Паркер, мне нечего больше вам рассказать, и меня ждет работа.

Он прошел со мной до выхода и открыл сетчатую дверь, выпуская меня.

— А вы, мистер Хайамз, не очень стремились помочь мне в поисках Кэтрин Демерт.

Он тяжело вздохнул.

— Кто направил вас ко мне, мистер Паркер?

— Ваше имя упомянул Элвин Мартин.

— Мистер Мартин достойно, ответственно служит городу, но он недавно в этих краях, — сказал Хайамз. — Я единственный юрист в городе, мистер Паркер. И в разное время порог моей конторы переступали все жители этого города, независимо от цвета кожи, финансового положения, религиозных и политических убеждений. Не стали исключением и родители погибших детей. О том, что здесь произошло, мистер Паркер, мне известно очень много, значительно больше, чем мне того хотелось бы и, конечно же, намного больше тех сведений, какими я вправе с вами поделиться. Извините, но на этом наша беседа заканчивается.

— Понятно, но скажите мне еще одну вещь, мистер Хайамз.

— Слушаю вас, — усталым голосом проговорил он.

— На этой улице живет и шериф Грейнджер?

— Да, шериф Грейнджер — мой сосед справа. Кстати, на мой дом ни разу не покушались грабители. Несомненно, сыграло роль наше с шерифом соседство. До свидания.

Стоя за сетчатой дверью, он наблюдал, как я сел в машину и уехал. В доме шерифа свет не горел, и двор был пуст, как я успел заметить, проезжая мимо. На обратном пути меня застал дождь. Сначала по ветровому стеклу застучали редкие капли, но при въезде в город он встретил меня сплошной стеной. Сквозь мутную пелену дождя тускло просвечивали огни мотеля. На пороге стоял Руди Фрай, вглядываясь в лес и густеющую за ним темноту.

К тому времени, когда я поставил на стоянку машину и вошел в дом, Фрай уже вернулся за свой стол.

— А как еще развлекается местная публика, помимо того, что старается выжить других из города? — поинтересовался я у него.

Фрай скривился, пробиваясь сквозь мой сарказм к смыслу вопроса.

— Не очень-то здесь много развлечений, кроме бара, — признал он.

— Я пробовал. Оно мне как-то не очень понравилось.

Он призадумался. Я ждал комментариев, но не дождался.

— Милях в двадцати отсюда в Дори есть ресторан. Называется «Милано». Он итальянский, — Руди так исковеркал название, что не оставалось сомнений в его более чем прохладном отношении к любой итальянской пище, кроме той, что в коробках с капающим из дырочек жиром. — Сам я там никогда не ем, — он с презрением фыркнул, подчеркивая свое недоверие ко всему, что связано с Европой.

Я поднялся к себе, принял душ и переоделся. Меня удручала неослабевающая враждебность Хейвена. Если Руди где-то не нравилось, не исключено, что в этом «где-то» мне как раз и захочется побывать.

* * *

Дори едва ли превышал размерами Хейвен, да и то совсем незначительно, но там имелись книжный магазин и пара ресторанов, так что этот городок можно было назвать своего рода оазисом культуры. В книжном магазине я приобрел дешевенькое издание «Виват» Э.Э. Каммингса, после чего отправился в «Милано» заправиться.

Столы в итальянском ресторане покрывали скатерти в красную клетку, а свечи вставлялись в миниатюрные копии Колизея. Здесь пустовали считанные места и блюда выглядели очень аппетитно.

Худощавый метрдотель в красном галстуке-бабочке поспешил проводить меня к столику в углу. В ожидании меню я раскрыл сборник Каммингса, и взгляд мой упал на стихотворение «Там, где я никогда не был», — оно завораживало мелодикой стиха и щекотало нервы легким оттенком эротики...

До нашего знакомства Сьюзен никогда не читала Каммингса, и, когда мы только начали с ней встречаться, я посылал ей копии его стихотворений. В моем уходе за Сьюзен стихи Каммингса играли не последнюю, если не главную, роль. Мне кажется, я даже вставил их в свое первое письмо к ней. Оглядываясь назад, могу сказать, что это любовное письмо имело сходство с молитвой, молитвой о том, что Время окажется к ней милостивым, потому что она такая красавица.

Ко мне неторопливо подплыл официант, и я сделал заказ, затем окинул взглядом зал и остался очень доволен осмотром: никто не отметил меня особым вниманием, чему я мог только порадоваться. Предостережение Эйнджела и Луиса отпечталось в памяти, да и парочку из красного джипа забывать не стоило.

Еда оказалась необыкновенно вкусной, и я поел с большим аппетитом. В то же время мысли мои вертелись вокруг фактов, которые удалось узнать от Хайамза и в библиотеке. Мне припомнилось лицо Уолта Тайлера, окруженного полицейскими.

А еще мне подумалось о Страннике, но я постарался вытеснить из головы эти мысли вместе с образами, всплывшими в памяти вместе с ним. Но Странник не давал так легко забыть о себе. Рассчитавшись, я вышел из ресторана, и в переулке меня вырвало, до боли в горле. Отдышавшись, я сел в машину и вернулся в Хейвен.

Как говаривал мой дед, нет ничего страшнее на свете, чем услышать, как в дробовик вставляют патрон, чтобы выстрелить им в тебя. Этот звук разбудил меня среди ночи в мотеле, когда они поднимались по лестнице. Мои часы показывали три тридцать. А еще через несколько секунд они вошли в дверь и методично стали всаживать пулю за пулей в мою постель. В ночной тишине от грохота выстрелов закладывало уши, а пух и ключья постельного белья поднялись в воздух, как облако белой мошкеры.

Но к этому времени я был уже на ногах и с пистолетом в руках. Закрытая дверь в соседнюю комнату приглушила звук их выстрелов, она же не дала им услышать, как открылась дверь в коридор. Уже отстрелявшись, слегка оглушенные собственной пальбой они ничего не слышали, а когда до них дошло, что в постели меня нет, у них глаза на лоб полезли. Мое предусмотрительное решение лечь спать в соседней комнате, чтобы не стать легкой мишенью, более чем оправдало себя.

Не теряя времени, я выскочил в коридор, развернулся и прицелился. Мужчина из красного джипа стоял в коридоре, держа близко к лицу ствол помповой «итаки» двенадцатого калибра. У его ног я не заметил гильз, значит, стреляла женщина.

Он резко повернулся в мою сторону, в то время как женщина в комнате зло выругалась. Ствол дробовика, когда мужчина крутнулся ко мне, на мгновение опустился. Я выстрелил всего раз. В тот же миг на его горле распустилась темная роза и просыпалась ему на белую рубашку дождем опадающих лепестков. Ружье полетело на ковер, он схватился за горло и сначала упал на колени, а затем рухнул на пол плашмя, дергаясь всем телом, как рыба, вытасченная на берег.

Из-за косяка показался ружейный ствол, и женщина начала стрелять в коридор наугад, откалывая от стен штукатурку. Мне показалось, что меня кто-то дернул за правое плечо, и вслед за этим боль как каленым железом обожгла руку. Я попытался удержать пистолет, но не смог, и он упал на пол. А женщина, не переставая стрелять, и смертельное жужжание пуль прерывалось цоканьем о стены вокруг.

Я бросился бежать по коридору и через дверь в конце его выскочил на пожарную лестницу. Когда я, спотыкаясь, и чуть не падая, торопливо спускался вниз, стрельба внезапно прекратилась. Я знал, что она пустится вдогонку за мной, как только убедится, что ее напарник мертв. Мне кажется, если бы у него был шанс выжить, она бы попыталась спасти его и себя заодно.

Я добрался до второго этажа, когда надо мной под ее шагами загромыхала лестница. Боль в руке становилась все настойчивее, и мне стало ясно, что она догонит меня раньше, чем я успею добежать до первого этажа. Я проскользнул с лестницы в коридор второго этажа. На полу лежали листы пластика, а у противоположных стен, как башни, возвышались две стремянки. Сильно пахло краской и растворителями.

В нескольких шагах от двери находилась маленькая ниша, заметная только когда с ней поравняешься. В нише хранился пожарный рукав и тяжелый допотопный огнетушитель. У двери моей комнаты наверху тоже имелась такая же. Я нырнул в нишу и затаился, стараясь выровнять дыхание. Я взял левой рукой огнетушитель и попытался поддержать его снизу раненой, правой рукой, но мои надежды сразу же угасли, потому что рука быстро слабела от сильной потери крови. Женщина замедлила шаги, и дверь с едва слышным вздохом

пропустила ее в коридор. От удара ноги с треском распахнулась дверь в одну комнату, затем в следующую. Она почти поравнялась с нишей, и хотя старалась двигаться тихо, ее выдавали листы пластика на полу. Я стал разматывать шланг, чувствуя, как по руке течет и капает с пальцев кровь.

Я хлестнул ее шлангом, как кнутом, когда она вплотную приблизилась к нише. Тяжелая насадка угодила ей в лицо, и было слышно, как хрустнула кость. Она отшатнулась и инстинктивно подняла к лицу левую руку, одновременно ружье выстрелило впустую. Я снова взмахнул шлангом. Он скользнул по ее вытянутой руке, а насадка ударила в голову. Она застонала, а я выскользнул из ниши так быстро, настолько позволили силы, и, держа здоровой рукой пожарный рукав за латунную насадку, несколько раз обвил им ее шею.

Придав приклад к бедру, она шарила рукой по ружью, пытаясь зарядить его. Кровь из разбитого лица текла у нее по пальцам. Ударом ноги я выбил у нее ружье. Упираясь спиной в стену, я крепко прижал ее к себе. Одна моя нога охватывала ее ногу, не давая ей вырваться, а другой ногой я держал шнур, чтобы витки не ослабели. Мы стояли прижатые друг к другу, как пара влюбленных. Насадка в моей руке стала теплой от крови, а шланг туго обвил талию. Она несколько раз рванулась, потом бессильно обмякла в моих руках.

Я опустил ее, и она мешком осела на пол. Я раскрутил шланг и за руку потащил ее по лестнице на первый этаж. По багрово-фиолетовому цвету лица нетрудно было понять, что дела ее неважные, и может быть ей долго не протянуть, но я хотел, чтобы она оставалась у меня на глазах.

Руди Фрай лежал на полу в своем офисе кабинете, и кровь быстро застывала на его посеревшем лице и вокруг раны в проломленном черепе. Я позвонил в канцелярию шерифа, и уже через несколько минут послышалось завывание сирен и красно-голубые отсветы заметались по полутемному вестибюлю гостиницы. Кровь и такое же мигание огней напомнили мне другую ночь и другие смерти. Когда появился Эл-вин Мартин с пистолетом в руках, меня сильно мутило, и я едва держался на ногах, а красный отсвет в моих глазах очень походил на огонь.

* * *

— А вы в рубашке родились, — улыбнулась пожилая женщина-врач, и в улыбке ее удивление смешалось с тревогой. — Еще какая-нибудь пара дюймов, и Элвину пришлось бы составлять надгробную речь.

— Да уж, речь получилась бы стоящая, могу ручаться, — откликнулся я.

Я сидел на столе в кабинете неотложной помощи маленького, но хорошо оснащенного медицинского центра Хейвена. Рана моя оказалась достаточно легкой, но крови я потерял порядочно. Теперь ее обработали и перевязали. В здоровой руке я держал пузырек с болеутоляющим. Было такое ощущение, будто по мне прошелся каток.

Со мной рядом стоял Элвин Мартин. Уоллес вместе с другим незнакомым мне сотрудником канцелярии шерифа охранял комнату, где лежала женщина, пытавшаяся меня убить. Как я понял из торопливого разговора доктора с Мартином, в сознание она не пришла, и у меня возникло предположение, что она впала в кому. Все еще был без сознания и Руди Фрай, но он имел все шансы выжить.

— Что-либо прояснилось насчет нападавших? — поинтересовался я у Мартина.

— Пока, нет. Мы отослали федералам снимки и отпечатки. Сегодня от них придет кто-то из Ричмонда.

Часы на стене показывали шесть сорок пять. Дождь все шел и не думал переставать.

— Элис, ты не оставишь нас на пару минут? — повернулся Мартин к врачу.

— Конечно, но ты не наваливайся на него, ему не стоит переутомляться.

Мартин в ответ улыбнулся, но, как только за врачом закрылась дверь, от улыбки не осталось и следа.

— Ты знал, что за тобой охотятся, и явился сюда?

— До меня дошел слух, вот и все.

— Черт бы побрал твои слухи и тебя вместе с ними. Руди Фрай чуть жив, а в морге у меня неопознанный труп с дырой в шее. Ты знаешь, кто заказчик?

— Я знаю, кто это сделал.

— Мне скажешь?

— Нет, пока нет. И федералам тоже ничего не скажу. Мне нужно, чтобы ты на некоторое время отвлек их от меня.

Мартин готов был расхохотаться:

— А зачем мне это надо?!

— Пойми, мне нужно довести дело до конца. Я должен найти Кэтрин Деметр.

— Эта стрельба как-то связана с ней?

— Не знаю, все возможно, хотя ее роль в этом представить не могу. Мне нужна твоя помощь.

Мартин прикусил губу.

— Городской совет рвет и мечет. Там боятся, что японцы откроют производство не здесь, а в Белых Песках, если учуют, что у нас тут творится. Все хотят чтобы ты быстрее уехал.

Вошла сестра, и Мартин умолк, продолжая кипеть праведным гневом.

— Мистер Паркер, — сказала сестра, — вам звонит из Нью-Йорка детектив Коул.

Я поднялся, морщась от боли в руке, чем вызвал ее сочувствие. В этот момент я был не в том состоянии, чтобы считать себя выше сочувствия.

— Оставайтесь здесь, — улыбнулась сестра. — Я принесу параллельный аппарат, и вы сможете поговорить отсюда.

Через несколько минут она вернулась с телефоном и воткнула штепсель в гнездо. Элвин Мартин потоптался возле меня в нерешительности, но потом все же сердито затопал из комнаты. Я остался один.

— Уолтер, ты?

— Мне позвонил помощник шерифа. Что у тебя стряслось?

— В мотеле двое пытались со мной разделаться. Мужчина и женщина.

— Ты тяжело ранен?

— Руку зацепило, но ничего особенно серьезного.

— Нападавшие сбежали?

— Нет. Парень готов, а женщина думаю, в коме. Сейчас там все фотографируют и снимают отпечатки. А у тебя как? Что нового насчет... Дженнифер? — я пытался запретить себе представлять этот образ, но он маячил на краю сознания, как фигура, мелькающая у самой границы поля зрения.

— На сосуде никаких следов. Это стандартная медицинская колба. Мы пытались

отыскать по серийному номеру производителей, но они свернули производство еще в 1992 году. Мы продолжаем поиск. Посмотрим, возможно, нам удастся получить учетную документацию, но шансов мало. Упаковочная бумага самая обычная, такая продается в любом магазине подарков. На ней также никаких отпечатков. В лаборатории проводят анализ кожи, может быть, здесь что-то удастся обнаружить. Техники говорят, что он мог подстроить звонок, и отследить его не удастся. Если появится что-либо новое, я сообщу.

— А что есть по Стивену Бартону?

— Также ничего. Я начинаю подумывать, что ни на что не гожусь. Как с самого начала сказал медэксперт, Бартона сначала ударили по голове и бесчувственного задушили. Возможно, потом его привезли на стоянку и сбросили в канализационный люк.

— Федералы продолжают поиски Санни?

— По крайней мере, не слышал, чтобы они их прекратили, но им тоже не светит удача.

— Да, удача что-то не торопится благословить нас.

— Успеет еще.

— А Купер знает, что здесь произошло?

На том конце провода мне послышался сдавленный смешок:

— Пока нет. Может, сегодня чуть позже я ему сообщу. Впрочем, если в деле не фигурирует фонд, нареканий с его стороны быть не должно, вот только не знаю, как он отнесется к тому, что нанятое лицо мочит людей в гостинице. Я что-то не припомню ничего подобного. А как дела у тебя?

— Нельзя сказать, что местная публика встречает меня с распростертыми объятиями и цветами. Пока нет никаких следов мисс Деметр, но что-то здесь не так. Не могу объяснить, но что-то не складывается.

Он вздохнул.

— Держи меня в курсе. Я могу как-то помочь?

— Возможности удержать Росса нет никакой, так?

— Решительно никакой. У него глаза горят и руки чешутся до тебя добраться. Росс закусил удила.

Уолтер повесил трубку. Несколько секунд спустя в трубке послышался щелчок. Я догадался, что помощник шерифа Мартин не любит сюрпризов и предпочитает подстраховаться. Вернулся он не сразу, а некоторое время выждал, чтобы не было заметно, что он подслушивал. Я сразу отметил перемену в его лице. Возможно, и к лучшему, что Мартин слышал наш разговор.

— Мне нужно найти Кэтрин Деметр, — сказал я. — Поэтому я здесь. Я сразу уеду, как только ее найду.

Мартин кивнул.

— Я поручил Бернсу обзвонить гостиницы в округе, — сообщил он. — Кэтрин Деметр среди постояльцев нет.

— Я навел справки еще до приезда сюда. Она могла зарегистрироваться под другим именем.

— Я тоже думал об этом. Опиши мне ее, и я отправлю Бернса расспросить администраторов.

— Спасибо.

— Учти, делаю я это не по доброте душевной. Мне хочется побыстрее отправить тебя отсюда.

— А как насчет Уолта Тайлера?

— Будет время сегодня, я съезжу с тобой к нему, — пообещал Мартин и ушел проверить охрану у палаты стрелявшей. Вернулась пожилая врач и проверила повязку у меня на руке.

— Может быть, вам лучше немного задержаться здесь? — спросила она.

Я поблагодарил за предложение и отказался.

— Я догадывалась, что вы настроены решительно. Но от него, — она кивнула на пузырек с болеутоляющим, — вас может клонить в сон.

Поблагодарив за предупреждение, я положил пузырек в карман пиджака, который она помогла мне надеть прямо на голое плечо. Принимать болеутоляющее я не собирался. По лицу врача я понял, что она это знает.

Мартин отвез меня в канцелярию шерифа. Мотель опечатали, и мои вещи были у него в кабинете. Я обернул раненую руку целлофаном и принял душ, а затем расположился в камере и спал там, пока не закончился дождь.

Вскоре после полудня приехали двое агентов ФБР и немного поспрашивали меня о случившемся. Сначала меня удивило, что допрос такой поверхностный, а потом до меня дошло, что это только увертюра, ведь ближе к вечеру следовало ждать прилета специального агента Росса, и уж он с меня не слезет.

К пяти часам вечера женщина в больнице все еще не пришла в сознание. Я сидел в ресторане Хейвена, когда туда пришел Мартин.

— Удалось Бернсу что-либо узнать о Кэтрин Деметр?

— Бернс полдня с федералами крутился. Он обещал сегодня же проехаться по нескольким гостиницам. Если обнаружится ее след, он сразу даст мне знать. Ты хочешь поговорить с Уолтом Тайлером? Если да, тогда едем сейчас.

Уолт Тайлер жил в обветшавшем, но чистеньком доме, обшитом вагонкой, выкрашенной в белый цвет. У одной из стен высилась шаткая пирамида автомобильных шин, выставленных «на продажу», как гласила вывеска у дороги. На дорожке и ухоженном газоне лежали и другие предлагавшиеся для продажи предметы разной степени изношенности, в их числе две полуразобранные газонокосилки, различные механизмы и их части, а также кое-какой тронутый ржавчиной спортивный инвентарь, включая полный набор гантелей и гирь.

Судя по газетному фото, Тайлер был красив в свое время. Даже сейчас высокий, немного сутуловатый, с шапкой седых волос, он старался держаться прямо, словно не желая признавать, что большую часть большей частью унесли заботы, тревоги и неизбывное горе родителя, потерявшего единственного ребенка.

Тайлер с достаточной теплотой поприветствовал Элвина, а мне пожал руку без особого радушия, да и приглашать нас в дом он не собирался, предложив расположиться на веранде, несмотря на хмурившееся небо. Хозяин устроился в уютном на вид кресле-качалке, а мы с Элвином сели на стулья с дорогой отделкой, оставшиеся от более многочисленного комплекта и также выставленные на продажу, о чем извещала табличка, висевшая на спинке за моей спиной.

Безо всякого распоряжения Тайлера женщина лет на десять моложе его вынесла нам кофе в фарфоровых чашках. Когда-то и она была красива, но красота юности с годами перешла в особую привлекательность зрелости, ту спокойную элегантность женщины, не боящейся старости, чью красоту морщины смогут изменить, но бессильны стереть. Она встретилась взглядом с Тайлером, и в первый раз я увидел, как его губы тронула улыбка. Женщина улыбнулась в ответ и ушла в дом. Больше мы ее не видели.

Помощник шерифа попытался заговорить, но Тайлер жестом остановил его:

— Я знаю, зачем вы здесь, помощник шерифа. Есть только одна причина, почему вы приехали в мой дом с этим незнакомцем, — он смотрел на меня пристально, и в его глазах с желтизной, обрамленных рыжеватыми кругами, я заметил интерес и отдаленный намек на смешинку.

— Это вы тот парень, что по гостиницам народ стреляет? — его губы чуть тронула улыбка. — Жизнь у вас — не соскучишься. Плечо болит?

— Немного.

— Меня ранили один раз в Корее, в бедро. Болело очень даже прилично. Просто жутко болело, — он поморщился при воспоминании о давнишней боли и снова умолк. Над нами зарокотал гром, и на веранде на некоторое время вдруг стало по-особенному темно, но я видел лишь устремленный на меня пристальный взгляд Уолта Тайлера, и теперь улыбка исчезла с его лица.

— Уолт, мистер Паркер — следователь, в прошлом полицейский детектив, — представил меня Элвин.

— Я занимаюсь розыском одного человека, мистер Тайлер, — начал я. — Это женщина по имени Кэтрин Деметр. Она младшая сестра Эми Деметр.

— Я знал, что вы не писатель. Элвин не привел бы ко мне одного из этих... — он попытался подыскать подходящее слово. — ...пиявок.

Тайлер взял чашку и начал пить кофе, не торопясь, маленькими глотками, словно этим

останавливал себя, не давая распространяться на эту тему, а еще, как мне кажется, эта пауза понадобилась ему, чтобы подумать над моими словами и собраться с мыслями. — Я помню ее, но она не приезжала сюда после смерти отца, а с тех пор лет десять прошло или больше. Зачем бы ей вдруг понадобилось вернуться?

Это высказывание я слышал уже столько раз, что оно уже сильно смахивало на эхо.

— И, тем не менее, я продолжаю в это верить. Но заставить ее вернуться могло только нечто, имеющее отношение к прошлому, к тому, что здесь когда-то произошло, — выразил я свою точку зрения. — Вы, мистер Тайлер, один из немногих оставшихся свидетелей тех событий. Вы, шериф да еще несколько человек непосредственно связаны с тем, что случилось тогда.

Как мне показалось, он очень давно не говорил об этом вслух, но я был уверен, что мыслями он часто возвращался к прошлому либо продолжал сознавать его смутно или явно. Так давняя боль никогда не проходит совсем, но иногда о ней забывают за другими делами, а потом она накатывает снова, мстя за забывчивость. Каждое такое возвращение отмечалось очередной горькой складкой на его лице. И внешность когда-то красивого мужчины ждала участь изъеденной временем мраморной статуи, от впечатляющего вида которой остались лишь воспоминания.

— Вы знаете, иногда я слышу ее. Мне чудится, что она ходит по веранде, слышится ее пение в саду. Раньше я каждый раз выбегал во двор и не знал, снится мне это или я слышу ее наяву. Но мне никогда не случалось ее увидеть. Шло время, и я перестал выбегать из дома, когда слышал ее, но до сих пор продолжаю от этого просыпаться. Сейчас она реже навещает меня.

Вероятно, даже в сгущающихся сумерках он смог что-то разглядеть в моем лице, и это помогло ему все понять. Точно не скажу, а он никак не подтвердил, понял ли, что между нами есть нечто большее, чем потребность узнать и желание рассказать. Но, тем не менее, он умолк, и эта пауза объединила нас, как двух путников, встретившихся на длинном и тяжелом пути и ставших друг другу утешением в дороге.

— Она была моим единственным ребенком, — продолжал он. — Осенним днем она исчезла по дороге из города домой, и живой я ее больше не видел. А потом это уже были только останки, и я не узнал ее. Моя жена, моя покойная жена, заявила, что она пропала, но несколько дней никто из них у нас не появлялся. И мы сами искали ее по окрестностям, по знакомым и незнакомым, — везде, где только могли. Мы ходили по домам и расспрашивали о ней всех, но никто ничего не мог нам рассказать: ни где она, ни что с ней. А через три дня после того, как она пропала, к нам пришли от шерифа и арестовали меня. Они обвинили меня в убийстве собственного ребенка! Два дня меня били, называли насильником, совратителем детей, но я не сказал им ничего, кроме правды, и через неделю меня отпустили. А моя девочка так и не вернулась.

— Как ее звали, мистер Тайлер?

— Этта Мей Тайлер, а было ей девять лет.

Я услышал как зашептались деревья на ветру, как заскрипел досками дом, а затем притих. Подхваченные ветром, закачались во дворе детские качели. Казалось, вокруг нас началось какое-то движение, словно наш разговор пробудил нечто, долго-долго пребывавшее во сне.

— Прошло три месяца, и еще двое темнокожих детей пропали один за другим с разрывом в неделю. Уже наступали холода. Народ подумал, что первый ребенок, Дора Ли

Паркер, возможно, провалилась под лед. Для нее не было лучшего места для игры, чем на льду. Обыскали все реки и пруды, но ничего не нашли. Полиция снова ко мне пожаловала с расспросами. Некоторое время кое-кто из соседей косился на меня. А потом у полиции разом иссяк интерес к поискам: пропавшие дети были черными, к тому же в полиции не видели причин связывать вместе два исчезновения.

Третий пропавший ребенок жил не в Хейвене, а в Уиллисвилле, почти в сорока милях отсюда. Он тоже был темнокожий, маленький мальчик, звали его... — Тайлер зажмурился и стал тереть лоб, напрягая память. — Бобби Джойнер, — вспомнил он и кивнул. — К этому времени страх охватил всех. Представители горожан ходили к шерифу и к мэру. Родители боялись выпускать детей на улицу, особенно как стемнеет. А полиция допросила всех черных мужчин в округе и несколько белых, большей частью тех несчастных, что были гомосексуалистами.

Мне кажется, потом наступил период выжидания. Те люди рассчитывали, что черные успокоятся, станут беспечнее, но этого не случилось. Все так и жили в напряжении. Месяц шел за месяцем, но ничего не происходило. Однако в начале семидесятых пропала маленькая дочка из семьи Деметр — белая девочка. И сразу все закрутилось: полиция принялась опрашивать народ на мили кругом, выступала с заявлениями, организовывала поиски. Но никто ничего не видел и не слышал. Девочка как в воду канула.

Для чернокожих наступили тяжелые времена. В полиции предположили, что между исчезновениями детей все же есть связь. К делу подключилось ФБР. После этого любого темнокожего могли арестовать или избить, или то и другое вместе, если ему случалось оказаться на улицах города после наступления темноты. Но те люди... — он произнес это с таким выражением, словно головой покачал, ужасаясь бесчеловечности людских поступков. — Те люди вошли во вкус и уже не могли остановиться. Женщина попыталась похитить в Бейтсвилле маленького мальчика, но она была одна и не смогла с ним справиться. Мальчик расцарапал ей лицо, вырвался и убежал. Она бросилась за ним и хотела догнать, но ей не удалось. Она знала, что за этим последует. Мальчик оказался смышленным. Он запомнил машину, рассказал, как выглядела женщина и даже назвал несколько цифр на номерном знаке. Но только на следующий день, когда о машине вспомнил еще кто-то, только тогда они отправились искать Аделейд Модин.

— Полиция?

— Нет, не полиция. Толпа мужчин. Там были люди из Хейвена, и из Бейтсвилла, и двое-трое из Янси-Милл. Шерифа в городе тогда не оказалось, и агенты ФБР уехали. Но Эрл Ли Грейнджер, в те времена помощник шерифа, отправился с ними к дому, где жила мисс Модин, но хозяйку они не застали. В доме находился только ее брат. Он заперся в подвале, но они взломали дверь.

В этом месте он умолк, и по его судорожному глотку я догадался, что среди тех мужчин находился и он.

— Парень сказал, что не знает, где сестра и о мертвых детях тоже ничего не знает. Они перекинули веревку через балку и повесили его, а дело представили так, будто он сам удавился. Доктора Хайамза заставили подтвердить самоубийство, хотя подвал слишком высокий и парень не смог бы без посторонней помощи добраться до потолка, если, конечно, не допустить, что он умел лазать по стенам. Потом в народе шутили, что парню должно быть очень сильно захотелось повеситься, если он сам умудрился так высоко залезть.

— Но вы сказали, что женщина одна пыталась похитить мальчика, — заметил я. —

Откуда же все решили, что к этому причастен ее брат?

— А об этом и не знали, по крайней мере, полной уверенности не было. Но ей требовался помощник в ее делах. С иным ребенком не так-то просто справиться. Дети начинают вырываться, брыкаться, зовут на помощь. Поэтому без помощника у нее в последний раз ничего и не вышло. По крайней мере, так они решили.

— А вы какого мнения?

На веранде снова стало тихо.

— Я знал того парня. Какой из него убийца. Он был слабый телом и... покорный. Гомосексуалист. В частной школе его застали с другим парнем и заставили из школы уйти. Моя сестра прибирала в домах у белых и слышала об этом. Историю замяли, но разговоры о нем все равно ходили. Я думаю, из-за этого некоторые парня и подозревали. Когда его сестра пыталась увезти мальчика, люди подумали, что он, должно быть, знал об этом. Скорее всего, он действительно все знал, или, по крайней мере, догадывался. Мне так кажется. Я, конечно, точно не знаю, но...

Он посмотрел на помощника шерифа Мартина и тот не отвел взгляда.

— Продолжай, Уолт. Мне тоже кое-что известно. Ты не скажешь ничего, о чем бы я не думал или не догадывался.

Похоже, Тайлер не чувствовал особенной уверенности, но, тем не менее, кивнул и продолжал:

— Помощник шерифа Эрл Ли знал, что парень ни при чем. Они были вместе в тот вечер, когда пропал Бобби Джойнер. И в другие ночи тоже.

Я взглянул на Элвина Мартина: уставившись в пол, он согласно кивал головой.

— Как вы узнали?

— Я их видел, — просто ответил Тейлор. — Их машины стояли за городом под деревьями в ту ночь, когда пропал Бобби Джойнер. Хотя в то время вечером прогуливаться было опасно, я иногда уходил побродить по полям. В тот раз я заметил машины, подкрался и увидел их. Этот Модин был... на... шерифе, а потом шериф принял его.

— А после вы видели их вместе?

— Несколько раз на том же самом месте.

— И шериф позволил им повесить парня?!

— Он ничего не собирался говорить, — в голосе Тайлера звучало презрение. — Ему не хотелось, чтобы о нем узнали. И он смотрел, как повесили парня.

— А что с сестрой? Что стало с Аделейд Модин? Ее тоже искали. Обшарили весь дом и все вокруг, но ее и след простыл. Потом кто-то заметил огонь в заброшенном старом доме на Ист-роуд, милях в десяти от города, и скоро уже весь дом пылал, как костер. Томас Паркер держал там подальше от ребят краску и другие горючие вещества. После пожара нашли сильно обгоревшее тело и объявили, что это Аделейд Модин.

— А как было установлено, что это она?

— Рядом с телом нашли портмоне, — стал объяснять Мартин. — В нем лежали обгоревшие остатки денег — крупная сумма, — а также документы, в основном банковские счета. На теле было найдено украшение, принадлежавшее Аделейд Модин: золотой браслет с бриллиантами. Она постоянно его носила. Говорили, что браслет достался ей от матери. Формула зубов совпала с записями дантиста. Ее карточку представил доктор Хайамз, они с дантистом пользовались одним кабинетом. В ту неделю дантиста не было в городе.

— Наверное, она затаила и поджидала брата или еще кого-либо и уснула с зажженной

сигаретой. Говорили, что она еще и пила, может быть, хотела согреться. Дом сгорел дотла. Неподалеку стояла ее машина, а в багажнике лежала сумка с вещами.

— Мистер Тайлер, не вспомните ли вы что-нибудь об Аделейд Модин, что могло бы объяснить...

— Что объяснить? — перебил он. — Почему она это делала? Почему кто-то ей помогал? Нет, даже для себя я не могу найти объяснения. В ней жила какая-то сила, но сила темная и злобная, и вот что я вам скажу, мистер Паркер, Аделейд Модин стояла ближе некуда ко злу в чистом виде, какое мне только приходилось встречать, а я видел, как людей вешали и сжигали. Но эта дама была хуже тех вешателей, потому что я так и не нашел, как ни старался, причину, по которой она все это творила. Это за пределами, доступными объяснению, если только не верить в дьявола и преисподнюю. У меня только одно объяснение: ее породил ад.

Некоторое время я молчал, стараясь осмыслить услышанное, а Тайлер смотрел на меня и, мне кажется, ему были понятны мои мысли. Я не мог вменить ему в вину, что он промолчал о шерифе и Уильяме Модине. За такое заявление можно было и жизнью поплатиться. Кроме того, этот факт не был бы прямым доказательством непричастности Уильяма к убийствам. Хотя, если Тайлер прав в своей оценке парня, Уильям Модин не подходил на роль детоубийцы. Но Тайлера все эти годы мучила мысль, что кто-то, причастный к смерти его ребенка, избежал возмездия.

Оставалось услышать последнюю, заключительную часть трагедии.

— Детей нашли на следующий день после начала поисков, — заключил Тайлер. — Один охотник укрылся от непогоды в заброшенном доме, что стоял на земле семейства Модин. Его собака начала скрести дверцу в полу — ход в подвал. Парень выстрелом сбил замок, и собака спустилась вниз, а за ней и он. Потом он примчался домой и вызвал полицию.

Там нашли четыре тела: мою девочку и еще троих детей. Они... — Уолт умолк, его лицо сморщилось, но он пока крепился.

— Вы можете не продолжать, — тихо предложил я.

— Нет, вам надо знать, — возразил он. Затем повторил фразу уже громче, и это было похоже на крик раненого животного. — Нет, вы должны знать, что они сотворили с теми детьми, с моим ребенком. Они изнасиловали их и замучили. У моей девочки все пальцы были сломаны, раздавлены и кости выдернуты из суставов, — вот теперь Тайлер заплакал. Ладони его больших рук были раскрыты и обращены к небу, будто он просил у Бога милости. — Как они могли сотворить такое с детьми? Как? — потом он взял себя в руки, пряча чувства. Мне показалось, что в окне я увидел женское лицо и гладившие раму пальцы.

Мы посидели еще немного, и уже перед уходом я спросил:

— Мистер Тайлер, еще один вопрос. Где дом, в котором нашли детей?

— Отсюда по дороге мили три-четыре. Там начинаются бывшие владения Модин. У поворота на проселок, что ведет туда, стоит каменный крест. От дома теперь мало что осталось. Несколько стен, да часть крыши. Администрация штата хотела его снести, но некоторые из нас выступили против. Мы хотели, чтобы он им напоминал о том, что здесь произошло, вот так дом и достоял до этих пор.

Мы уже покидали веранду, когда он меня окликнул.

— Мистер Паркер, — голос его снова обрел силу. Он больше не дрожал, но и в интонациях остались отголоски горьких воспоминаний. Я обернулся. — Мистер Паркер, это

мертвый город. Его не покидают призраки умерших детей. Когда найдете эту женщину, мисс Деметр, скажите, чтобы она уезжала отсюда. Для нее здесь нет ничего, кроме горя и страданий. Обязательно передайте ей эти слова. Слышите, когда найдете ее, так ей об этом и скажите.

У границ его захламленного участка в кронах деревьев нарастал смутный шепот, и за пределами видимого в успевшей сгуститься тьме чувствовалось какое-то движение. Чьи-то фигуры плавно сновали взад и вперед, не пересекая границы света и тьмы, и чудился приглушенный детский смех.

А потом наваждение исчезло. В темноте лишь раскачивались ветви деревьев, да среди загроможденного всякой всячиной двора уныло позвякивала на ветру какая-то цепь.

На принадлежащем Индонезии побережье Новой Гвинеи, в дельте реки Ириан, обитает племя аснат. Численностью около двадцати тысяч, оно держит в постоянно страхе всех соседей. На их языке слово «аснат» означает «люди», человеческие существа. А если они считают людьми только себя, следовательно, все остальные в их понимании к этой категории не относятся, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Всех остальных они называют мэноу, что в переводе означает «съедобные».

Хайамз не смог объяснить, почему Аделейд Модин поступала именно так, а не иначе, и Уолт Тайлер не знал ответа на этот вопрос. Может быть, существует нечто общее между ней и ей подобными и диким племенем аснат. Возможно, они также не видят в других людей, а потому их страдания ровным счетом ничего для них не значат и заслуживает внимания только удовольствие, которое доставляют чужие мучения.

Мне пришел на память разговор с Вулричем после встречи с тетушкой Мари. Вернувшись в Новый Орлеан, мы молча прошли по Ройял-стрит. Наш путь лежал мимо дома мадам Лалаурье, этого старинного особняка, где в свое время пытали закованных в цепи рабов. Но случилось так, что их нашли пожарные, и толпа выгнала мадам Лалаурье из города. Мы зашли в чайную «У Евы», где Вулрич заказал сладкий картофель и пиво. Он провел пальцем по запотевшей бутылке, оставляя дорожку, а затем обтер влажный палец о верхнюю губу.

— На прошлой неделе я читал отчет нашего Бюро, — заговорил он. — По-моему, он сродни президентскому обращению о положении в стране, только речь в нем идет о серийных убийцах, и анализируется сложившаяся ситуация, то есть что мы имеем и к чему идем.

— И куда же мы идем?

— А идем мы напрямиком в преисподнюю, вот куда. Для этих людей самое удачное сравнение — возбудитель заразы. Они плодятся и распространяются, как бактерии. Вся наша страна для них — большая пробирка с благоприятными условиями. В соответствии с проведенными Бюро расчетами, ежегодно жертвами серийных убийц может стать приблизительно пять тысяч человек, то есть четырнадцать человек в день. Но обыватели в большинстве своем, особенно публика недалекая, понятия не имеют, что творится вокруг. Узнают они о таких вещах из журналов, криминальных новостей или из теленовостей, и то лишь тогда, когда нам удастся поймать одного из них. Во всех остальных случаях большинство американцев остаются в полном неведении о происходящем.

Он сделал большой глоток из бутылки и продолжал:

— В настоящее время таких убийц действует по меньшей мере две сотни. Именно по меньшей мере, а скорее всего, и больше. Причем девять из десяти — мужчины, восемь из десяти — белые, и одного из пяти никогда не поймают. Никогда! — он акцентировал каждую цифру, постукивая об стол бутылкой. — А знаешь, что самое странное? У нас в стране их больше, чем где бы то ни было. Наши добрые старые штаты плодят этих негодяев, как блины пекут. Три четверти их живет и «трудится» в нашей стране. Мы — мировые поставщики серийных убийц. Это самый настоящий признак слабости. Мы больны и немощны, а эти убийцы живут в нас, как раковая опухоль, и чем быстрее мы растем численно, тем скорее они множатся.

И вот еще что. Чем нас больше, тем стремительней мы отдаляемся друг от друга. Мы практически живем друг у друга на голове, но как никогда прежде далеки в плане общения, духовном и нравственном отношении. И тут появляется эта публика со своими ножами и веревками. И их отчужденность еще больше, чем у большинства из нас. Часть из них обладает даже инстинктами сыщиков. У них чутье друг на друга. В феврале мы нашли парня в Анголе, так он использовал код на основе библейских понятий для общения с типом из Сиэтла, подозреваемым в детоубийстве. Не знаю, как эти два маньяка отыскали друг друга, но факт остается фактом.

Как ни странно, но их положение хуже, чем большинства человечества. Они неполноценны в том или ином плане: сексуальном, эмоциональном, психическом или каком-либо еще. По этой причине они стараются отыграться на других. Им недостает... — он сделал жест в воздухе, подбирая слово, — ...воображения, что ли. Они не умеют взглянуть шире на свои действия. У них нет цели. Их действия по сути — отражение того или иного рокового недостатка.

А люди, которые становятся жертвами маньяков, настолько глупы, что не могут понять сути происходящего. Эти убийцы должны бы были взбудоражить народ, пробудить от спячки, но никто ничего не желает слушать, и пропасть между людьми становится еще шире. А убийцы видят эту разобщенность и отчуждение. Они дотягиваются до нас через пропасть и выхватывают одного за другим. Нам остается надеяться, что при известной периодичности случаев удастся определить общую схему, и мы установим связь между нами и ими, некий мост через разделяющую нас пропасть, — Вулрич допил пиво и поднял бутылку, показывая, что хочет заказать еще.

— Все дело в дистанции, — мой друг смотрел на улицу, но взгляд его был устремлен куда-то очень далеко, словно оценивая расстояние между жизнью и смертью, раем и адом, нами и ими. Они должны преодолеть это расстояние и подобраться достаточно близко, чтобы захватить нас, но все дело в дистанции. Им очень нравится дистанция.

* * *

Я смотрел на текущие по стеклам потоки дождя, и мне подумалось, что всех их — и Аделейд Модин, и Странника, и тысячи им подобных маньяков, наводнивших страну, — их всех объединяет эта дистанция, отдаленность от основной массы человечества. Они напоминают маленьких детей, мучающих животных или любящих наблюдать за конвульсиями рыбки, которую достали из аквариума.

Но Аделейд Модин выделялась среди других, она была неизмеримо хуже других, потому что злодеяния, совершенные этой женщиной, не только бросали вызов закону, морали, и всем остальным принципам, связывающим нас и в то же время не дающим разорвать друг друга, но и вступили в противоречие с самой природой. Женщина, убивающая ребенка, вызывает в нас более глубокое чувство чем отвращение и ужас. Это чудовищное несоответствие порождает отчаяние, разрушает веру в основы, на которых строится человеческая жизнь. Леди Макбет просила изменить ей пол, чтобы она могла убить старого короля. А женщина, лишившая жизни ребенка и поправшая этим поступком самую женскую природу, — может ли она называться женщиной. Должно быть, Аделейд Модин, как и ведьму у Мильтона, «крови младенцев аромат манил».

Я не могу примириться со смертью детей. Погубить ребенка — все равно что убить надежду, растоптать будущее. Помню, как, бывало, я прислушивался к дыханию Дженнифер, следил, как мерно поднимается грудь моей маленькой дочери. И каждый ее вздох я воспринимал с благодарностью и облегчением. Когда она плакала, я качал ее на руках, пока рыдания не затихали, уступив место ровному, спокойному дыханию. Потом я медленно и осторожно наклонялся и укладывал уснувшую Дженни в кроватку, не чувствуя, как от напряжения болит спина... Когда ее отняли у меня, с ней как будто погиб целый мир, и бесчисленное число жизней лишились будущего.

Чем ближе мы с Мартином подъезжали к мотелю, тем сильнее давил на меня груз отчаяния. По словам Хайамза, он не видел в сестре и брате Модин ничего такого, что указывало бы на скрывающуюся в них бездну зла. Если же верить Уолту Тайлеру, такое зло существовало только в Аделейд Модин. Она жила среди этих людей, выросла вместе с ними, возможно даже, они играли в одни игры, она сидела рядом с ними в церкви, на ее глазах они вступали в брак, растили детей, ставших затем ее добычей. И ни у кого она не вызвала никаких подозрений.

Я пожалел, что не наделен способностью различать зло, умением увидеть в лицах окружающих признаков порочности и разложения. Эта мысль высекла искру воспоминания об одном убийстве, совершенном в Нью-Йорке несколько лет назад, когда тринадцатилетний мальчик забил в лесу камнями до смерти парнишку помладше. Мне врезались в память слова бабушки малолетнего убийцы: «Боже, должен же я был что-то заметить. Обязательно было что-то такое, что следовало разглядеть».

— А есть какие-либо фотографии Аделейд Модин? — спросил я Элвина.

— Возможно, в одной из папок с материалами расследования одна найдется, — наморщив лоб, ответил Мартин. — Может быть, и в библиотеке что-то сохранилось. Там в подвале находится своего рода городской архив: разные памятные альбомы-альманахи, газетные фотографии. Возможно, что-то отыщется. А зачем тебе?

— Из любопытства. Она сыграла роковую роль в истории города. Но я никак не могу ее себе представить. Мне хотелось бы посмотреть, что у нее были за глаза.

Мартин бросил на меня недоуменный взгляд.

— Я попрошу Лори порыться в библиотечных архивах, а еще могу дать задание Бернсу покопаться в бумагах нашей канцелярии, но быстрого результата не жди. Документы хранятся в коробках без четкой системы регистрации. Некоторые дела даже не в хронологическом порядке. Чтобы удовлетворить твое праздное любопытство, придется изрядно потрудиться.

— И, тем не менее, я был бы очень благодарен за такой труд.

Мартин неопределенно хмыкнул, и некоторое время мы ехали молча.

— А теперь о Эрле Ли, — проговорил он, когда справа показался мотель.

— Слушаю.

— Шериф неплохой человек. После тех давних убийств он держал город в руках, как мне рассказывали. Это его заслуга, да еще доктора Хайамза и нескольких человек. Он человек честный, и у меня нет претензий к нему.

— Если верить словам Тайлера, такие претензии могли бы быть.

— Может быть, — Мартин кивнул. — Если Тайлер сказал правду, шерифу пришлось жить с тем, что он сделал. Он не знает покоя, мистер Паркер, его мучает прошлое, собственная жизнь. Я могу только позавидовать его силе духа. У меня двойственное

чувство, — повел плечом Мартин. — С одной стороны, я за то, чтобы ты остался и поговорил с шерифом, когда он вернется. И в то же время что-то подсказывает мне, что для всех будет лучше, если ты побыстрее закончишь свои дела и уедешь.

— От него есть какие-нибудь известия?

— Нет. Он взял отпуск на несколько дней и, возможно, немного задержался, но я его не осуждаю. Шериф очень одинокий человек. Да и тому, кто предпочитает общество мужчин, здесь не найти утешения.

— Что верно, то верно, — согласился я, когда над нами замигали неоновые огни бара «Радужная встреча».

* * *

Не успел Мартин высадить меня у мотеля и отъехать, зазвонил телефон. Как оказалось, в медицинском центре была убита та безымянная женщина, которая накануне пыталась разделаться со мной.

Когда мы подъехали, въезд на стоянку перекрывали две полицейские машины, а на крыльце разговаривали два агента-федерала. Мартин сумел проехать, и мы вышли из машины. Двое агентов с пистолетами в руках дружно заторопились ко мне.

— Эй, спокойно! — крикнул Мартин. — Он ни на шаг от меня не отходил. Уберите оружие, парни!

— Мы задерживаем его до приезда агента Росса, — объявил один из торопливых федералов по имени Уиллокс.

— Вы никого не задержите и не арестуете, прежде чем мы разберемся, что здесь произошло.

— Помощник шерифа, я предупреждаю: вы превышаете свои полномочия.

В этот момент из медицинского центра вышли на шум Уоллес с Бернсом. И, надо отдать им должное, они встали рядом с Мартином, держа руки поближе к пистолетам.

— Повторяю, не вмешивайтесь пока, — Мартин даже голос не повысил.

Федералы явно колебались, но все же благоразумно убрали пистолеты в кобуру и отошли в сторону.

— Агенту Россу будет все доложено, — прошипел Уиллокс, однако Мартин прошел мимо него, как мимо пустого места.

Уоллес с Бернсом последовали за нами в комнату, где содержалась женщина.

— Так что же здесь произошло? — спросил Мартин.

— Черт побери, Элвин, — забубнил мгновенно ставший пунцовым Уоллес. — На улице поднялась тревога и...

— Из-за чего?

— Загорелся мотор в машине, принадлежащей одной из сестер. Я не представляю, в чем тут дело. В машине никого не оказалось, и хозяйка не подходила к ней, после того, как утром приехала в центр. Я отлучился всего на каких-нибудь пять минут, а когда вернулся, нашел женщину вот в таком виде...

Мы как раз поравнялись с комнатой. Сквозь открытую дверь я заметил восковую бледность лица погибшей и кровь на подушке у левого уха. В ухе поблескивал какой-то металлический предмет с деревянной рукояткой. Окно, через которое проник убийца, все

еще оставалось открытым. Чтобы отодвинуть шпингалет, он разбил стекло. На полу лежал маленький кусочек оберточной бумаги с приставшим к нему осколком. Убийца, кто бы это не был, поступил очень предусмотрительно, прилепив к стеклу бумагу, прежде чем его разбить: так он приглушил звон разбитого стекла и стук упавших на пол осколков.

— Кто здесь находился, кроме тебя?

— Доктор, сестра и два федерала, — перечислил Уоллес.

К нам с удрученным видом присоединилась пожилая медсестра.

— Чем ее убили? — спросил Мартин.

— Через ухо в мозг ей воткнули орудие с острым лезвием, предположительно нож для колки льда. Мы нашли ее уже мертвой.

— Он оставил в ней «перо», — задумчиво отметил Мартин.

— Да, исполнено чисто, быстро и без хлопот, — подтвердил я. — И, если убийцу удастся задержать, нет ничего, что помогло бы связать его с этим убийством.

Мартин отвернулся от меня и заговорил с другими помощниками шерифа. Я тем временем направился в туалет. Уоллес обернулся, и я сделал вид, что меня тошнит. Он отвел взгляд полный презрения. Задержавшись в туалете на несколько секунд, я потихоньку покинул центр через запасный выход.

Время работало против меня, и мне стоило поторапливаться. Я не сомневался, что Мартин насядет на меня, чтобы разузнать о заказчиках убийства. Да и агент Росс не заставит себя ждать. По меньшей мере он задержит меня, пока не получит интересующую его информацию, и мне останется распрощаться со всякой надеждой отыскать Кэтрин Деметр. Я вернулся в мотель, сел в свою машину и поспешил покинуть Хейвен.

Дорога к руинам дома утопала в грязи, так что машина едва ползла. Казалось, сама природа противилась моему вторжению и пыталась остановить. В дополнение ко всему снова хлынул дождь в сочетании с ветром, сводившие усилия дворников практически к нулю. Напрягая зрение, я выискивал ориентир, каменный крест, и, когда нашел, свернул напротив него. С первого раза дом я проехал и понял ошибку, когда дорога превратилась в непролазное месиво из грязи и гниющей древесины поверженных деревьев. Мне пришлось дать задний ход, и так моя машина медленно пятилась назад, пока я не заметил слева два полуразрушенных столба, а между ними на фоне темнеющего неба — очертания стен дома, почти полностью лишённого крыши. Я остановил машину перед пустыми глазницами окон и зияющим провалом двери. Валяющиеся на земле обломки оконных и дверных перемычек походили на выпавшие зубы. Я достал из-под сиденья лампу и выбрался из машины. Дождевые струи ощутимо колотили по голове, пока я добежал до укрытия, хотя и очень скромного, которое могли предоставить руины.

Уцелевшая половина крыши потемнела от времени и непогоды. Дом состоял из трех помещений: одно из них когда-то служило кухней и столовой, о чем можно было судить по остаткам допотопной плиты в углу; в другом помещении, бывшей спальне, на полу лежал в одиночестве весь в пятнах старый матрас, а на нем в беспорядке валялись презервативы, напоминающие сброшенную змеиную кожу; третья комната, размером поменьше, в прошлом детская, теперь представляла собой массу гниющего дерева и ржавеющих металлических прутьев. Повсюду пахло старой древесиной, давно угасшим огнем и человеческими экскрементами. Угол кухни отгораживал старый диван, который топорщился вылезшими сквозь истлевшую обивку пружинами. На стене в этом месте уцелели остатки обоев с сильно выцветшим цветочным рисунком. Опершись о край дивана, я посветил за спинку. Обивка была влажной, но не мокрой, потому что сохранившийся фрагмент крыши защищал эту часть дома.

В самом углу луч фонаря высветил в полу довольно большой квадратный люк. Дверца оказалась на замке, а щели по краям заросли грязью. Побуревшие от ржавчины петли припорошили щепки и труха. Большую часть люка покрывали отслоившиеся частицы металла.

Чтобы лучше рассмотреть дверцу подвала, я отодвинул диван и невольно вздрогнул, когда потревоженная крыса прошмыгнула мимо моих ног и, растворившись в дальнем углу кухни, притихла там. Я присел на корточки и занялся замком и задвижкой. Под слоем грязи блеснул металл, а, когда я прошелся лезвием ножа вдоль щеколды, сталь засветилась в темноте серебром. Результатом такого же эксперимента с дверью стали только лохмотья ржавчины.

Теперь я более тщательно обследовал задвижку. То, что на первый взгляд представлялось ржавчиной, при более пристальном рассмотрении выглядело как удачно нанесенная маскировка. «Состарить» задвижку труда не составляло. Достаточно было привязать ее к задней оси автомобиля, и поехать с ней по разбитым дорогам. Затея была выполнена неплохо, но обмануться могли разве что только подростки, ищущие в развалинах мертвого дома острых ощущений, или детвора, подбивающая друг друга встретиться с духами других детей, давным-давно ушедших в небытие.

В машине у меня лежала монтировка, но как-то не хотелось снова мокнуть под проливным дождем. Я пошарил лучом по комнате, и на глаза мне попался стальной прут фута два длиной. Взвесив находку в руке, я вставил прут в дужку замка и нажал. Сначала мне показалось, что мой рычаг не выдержит напряжения и погнется либо сломается, но потом послышался резкий треск, и замок поддался. Вынув его, я снял задвижку, и под протестующий скрип петель поднял люк.

Из глубины подвала вырвался такой тяжелый и застоявшийся запах разложения, что меня едва не вывернуло наизнанку. Я зажал рот рукой и отступил назад, но уже через секунду меня все же вырвало рядом с диваном, и в ноздрях у меня мой собственный запах мешался с удушающей вонью из подвала. Немного отдышавшись у входа, я бросился к машине и достал салфетку для протирания стекол. В бардачке у меня лежал баллончик с освежителем воздуха. Я сбрызнул салфетку и обвязал рот. У меня даже голова закружилась от запаха аэрозоля, но я на всякий случай положил баллончик в карман, после чего вернулся в дом.

Однако даже пропитанная аэрозолем салфетка не могла полностью защитить от гнилостного духа. Держась левой, здоровой рукой за поручень, я осторожно спускался вниз, освещая путь фонарем. Мне совсем не улыбалась перспектива оступиться на сгнившей ступеньке и скатиться в темноту.

У основания лестницы луч света уткнулся в ткань серо-голубого цвета. Недалеко от нижней ступени лежал на подогнутых в коленях ногах плотный мужчина лет шестидесяти, соединенные за спиной руки сковывали наручники. Лицо мужчины имело серовато-белый цвет, а рана на лбу напоминала неровными краями темную звезду. В первый момент мне показалось, что это выходное отверстие пули, но потом я осветил его затылок и увидел развороченный череп, а внутри разлагающееся содержимое и белеющий позвоночник.

Скорее всего, пистолет приставили непосредственно к голове. Вокруг раны на лбу имелись следы пороха, а лучистую форму ране придали прошедшие под кожу газы, здесь они расширились и взорвались, разрывая лоб. На выходе пуля снесла большую часть черепа. Рана на входе пули объясняла необычность позы тела: выстрел был произведен, когда мужчина стоял на коленях и смотрел на приближающийся ствол оружия. После выстрела он повалился на бок и назад. В кармане его пиджака лежал бумажник, а в нем вместе с водительскими правами находилось удостоверение на имя Эрла Ли Грейнджера.

У дальней стены подвала почти напротив лестницы, неловко приткнувшись, полулежала Кэтрин Деметр. Возможно, Грейнджер увидел ее, когда спустился в подвал или его туда столкнули. Кэтрин у стены напоминала брошенную куклу: ноги выставлены вперед, плечи опущены, руки лежат на полу вверх ладонями. Одна нога, неестественно согнутая, была сломана ниже колена. Я предположил, что женщину сбросили в подвал и оттащили к стене.

Она была застрелена с близкого расстояния одиночным выстрелом. На стене вокруг ее головы образовался ореол из засохшей крови, мозговых тканей и осколков костей. Оба тела быстро разлагались в закрытом подвале, тянувшемся, как мне представлялось, под всем домом.

Кожа Кэтрин Деметр вздулась волдырями, а из носа и глаз сочилась жидкость. На ее лице и в волосах суетились пауки и многоножки, охотясь на жуков и клещей, которые уже кормились ее телом. Надоедливо жужжали мухи. Я прикинул, что с момента ее смерти прошло два-три дня. Я бегло оглядел подвал. В нем не было ничего, кроме нескольких связок

полусгнивших газет, картонных коробок со старой одеждой и штабеля трухлявых бревен, — жалкие осколки жизни, оставшихся в далеком прошлом.

В этот момент я услышал наверху шорох осторожных шагов. Подрагивание досок выдало идущего, несмотря на все его старания остаться незамеченным. Я мгновенно метнулся к лестнице. Сверху меня слышали, потому что человек уже не крался, а шел быстрее, не боясь, что его услышат. В ответ на мой первый шаг по лестнице закрипели петли люка, и темный квадрат неба с россыпью звезд начал быстро уменьшаться. Прогрели два выстрела наугад, и пули ударились о стену за моей спиной.

Дверца уже почти дошла до пола, но я успел сунуть в щель фонарь. Сверху донеслось злобное ворчание, и по фонарю несколько раз ударили ногой, стараясь выбить его у меня из рук, но я пытался изо всех сил удержать его. Сторона фонаря, имеющая форму колокола, достаточно устойчиво держалась в щели, но раненное плечо сильно болело от нагрузки, так как я одновременно толкал люк и удерживал фонарь.

Нападавший всем своим весом навалился на дверцу, не прекращая попыток выбить фонарь из щели. Мне слышалась снизу суетливая беготня крыс, но передо мной маячила гораздо худшая перспектива, чем общество этих созданий. Мне стало казаться, что по полу и по ступеням ко мне ползет Кэтрин Деметр, и вот-вот ее бледные пальцы схватят меня за ногу, и стащат назад на дно подвала.

Я ее подвел. Мне не удалось защитить ее, спасти от жестокой смерти в том самом подвале, где когда-то приняли мученическую смерть четверо детей. Она вернулась в то место, где погибла ее сестра, замкнув роковой круг. И, может быть, она наяву повторила смерть, которую вероятно, много раз представляла себе мысленно. В последние минуты она поняла, насколько ужасен был конец ее сестры. И теперь она будет рядом и утешит меня, потому что я оказался слабым и беспомощным и не сумел уберечь ее от смерти, а еще она останется подле меня, когда я умру.

Я дышал сквозь стиснутые зубы и смрадный дух, как рука мертвеца, зажимал мне рот и нос. Снова к горлу подкатила тошнота, но я подавил ее, так как несколько не сомневался, что мне придется навсегда остаться в этом подвале, если я хоть на мгновение перестану толкать люк. В какой-то момент давление на дверцу ослабело, и я нажал на нее из последних сил. Эту оплошность мой враг использовал больше некуда. Сильным ударом фонарь был выбит из расширившейся щели, и люк захлопнулся над моей головой, как надгробная плита. Стук дверцы издевательским эхом отразился от стен подвала. Я застонал от отчаяния, и в тщетной попытке вырваться снова надавил на люк. Внезапно прогремел выстрел, и одновременно прижимавшая дверцу тяжесть исчезла. Освободившаяся дверца от моего усилия взлетела вверх и с громким стуком ударилась об пол.

В следующее мгновение я рывком метнулся из подвала и неловко шлепнулся на пол. Одна моя рука доставала пистолет, а другой я потянулся к фонарю, отбрасывавшему на стены, и потолок дико пляшущие тени.

Луч света поймал прислонившегося к стене у двери адвоката Коннелла Хайамза. Лево́й рукой он зажимал рану на плече, и пытался поднять правую руку с зажатым в ней пистолетом. Его костюм промок до нитки, а белая рубашка облепила тело, как вторая кожа. Я держал его в луче, а другой рукой целился в него.

— Не стреляйте, — сказал я, но его пистолет продолжал подниматься, и вдруг я услышал, как он зарычал от боли и страха. Один за другим прогремели два выстрела, но стрелял оба раза не Хайамз. Он дергался при каждом попадании пули, и взгляд его был

устремлен куда-то мне за спину. Не успел он упасть, как я уже повернулся, наводя пистолет по лучу. В пустом оконном проеме мне удалось мельком увидеть скользнувшую во тьму облаченную в костюм худощавую фигуру. Руки и ноги этого человека напоминали вложенные в ножны клинки, а поперек узкого лица змеился тонкий шрам.

* * *

Может быть, мне стоило позвонить Мартину и предоставить разбираться со всем полиции и федералам. Я страшно устал и был совершенно разбит, а чувство потери грозило лишить остатков мужества. Смерть Кэтрин Демер откликнулась во мне физической болью. Некоторое время, обессиленный, я лежал на полу, а напротив у стены темнело обмякшее тело Коннелла Хайамза. До меня донесся шум машины: это уехал Бобби Сциорра.

Этот звук заставил меня подняться. Женщину в медицинском центре убил Бобби Сциорра, возможно, приказу старика, чтобы она не рассказала о причастности Санни к покушению на меня. Но у меня не укладывалось в голове, почему он убил Хайамза и оставил в живых меня. Шатаясь, я доплелся до своей машины и, преодолевая боль в плече, поехал к дому, где жил Хайамз.

По пути я попытался из собранных фактов составить более или менее полную картину произошедшего. Деметр вернулась в Хейвен, пытаюсь связаться с Грейнджером, и тут вмешался Хайамз. Возможно, о ее приезде он узнал совершенно случайно, однако не исключено, что кто-то предупредил его о вероятности ее появления и тем самым заставил позаботиться о том, чтобы она, добравшись до этих мест, уже никогда и ни с кем не смогла переговорить.

Не вызывало особых сомнений, что именно Хайамз — убийца Кэтрин Деметр и Грейнджера. По моим предположениям, он следил, когда вернется шериф, и вошел с ним в дом. Если допустить, что у Хайамза имелся ключ от дома шерифа — это вполне вероятно, поскольку Хайамз считался добропорядочным гражданином и жил по-соседству, — то он мог прослушивать записи на автоответчике, и, таким образом, у него была реальная возможность узнать, где находится Кэтрин Деметр. Женщина погибла еще до возвращения шерифа: его труп не успел так сильно разложиться, как ее.

Возможно также, что Хайамз стер записи, но у него не было уверенности, что Грейнджер не успел прочитать их раньше, воспользовавшись устройством дистанционного доступа. Так или иначе, Хайамзу не хотелось рисковать. Он, скорее всего, оглушил шерифа, затем надел на него наручники, после чего привез в заброшенный дом, где перед этим убил Кэтрин Деметр. Машина шерифа была утоплена, или адвокат перегнал ее в другой город и оставил в таком месте, где она, если бы и привлекла внимание, то, по крайней мере, не сразу.

Выбор места убийства подсказывал решение еще одной загадки: Коннелл Хайамз как раз и был тем соучастником преступлений Аделейд Модин, вместо которого повесили безвинного Уильяма. Но вслед за разгадкой возникал еще один вопрос: «Что могло заставить Хайамза теперь, спустя столько лет, действовать так быстро и решительно?» И чутье подсказывало мне, что я близок к ответу и на этот вопрос, но от догадки в душе у меня все переворачивалось.

* * *

Когда я подъехал к дому Хайамза, ни в одном из окон не горел свет. Хотя поблизости не стояло ни одной машины, я подходил к двери с пистолетом наготове. Когда я отпирал дверь ключами, взятыми из кармана мертвого Хайамза, у меня дрожали руки и мурашки бегали по телу при мысли о том, что в темноте меня, возможно, поджидает Бобби Сциорра и мы можем столкнуться с ним нос к носу.

Дом встретил меня гробовой тишиной. Не спуская палец с курка, я обошел его весь, комнату за комнатой, но нигде не встретил и следа Бобби Сциорры. После осмотра дома я напрямик направился в кабинет Хайамза. Задернув поплотнее шторы, включил настольную лампу. Доступ к материалам в компьютере покойного был заблокирован паролем, но такой предусмотрительный человек, как Хайамз, скорее всего, хранил все документы и в печатном виде. Я не знал, что именно нужно искать, но это что-то должно было иметь какое-то отношение к семейству Феррера. Связь казалась исключительно иллюзорной, и я был близок

к тому, чтобы бросить поиски, вернуться в Хейвен и объяснить все Мартину и агенту Россу. Конечно, семья Феррера не отличалась ангельской кротостью, однако детоубийцами они не были.

Ключ от картотеки находился на той же связке, что и ключи от входной двери. Я быстро просматривал материалы, пропуская те, что относились исключительно к жизни Хейвена, а также все, что казалось несущественным или не связанным с интересующей меня темой. Как ни странно, не удалось обнаружить документы, имеющие отношение к трастовому фонду. Но потом мне вспомнилась городская контора Хайамза, и у меня екнуло сердце. Если материалы по фонду хранились за пределами дома, вполне возможно, что и некоторые другие бумаги находились в конторе, но тогда неудача поисков становилась реальной.

От огорчения я едва не пропустил нужную зацепку. Мне помогли ее заметить хранившиеся в памяти наполовину забытые итальянские фразы. Но потом я уже с пристальным вниманием отнесся к своей находке. Это было соглашение об аренде складского помещения в Куинсе, в квартале Флашинг. Хайамз поставил подпись как доверенное лицо компании «Цирцея». Составленное более пяти лет назад, это соглашение было подписано с фирмой «Манчино». Как подсказывали мне мои познания в итальянском, «mançino» означает «левша». Слово является производным от другого со значением «обманчивый, вероломный». Это была шутка в духе Санни Ферреры: Сынок был левшой, а компания «Манчино» входила в группу липовых фирм, существовавших только на бумаге, созданных Феррерой-младшим в начале девяностых, когда в деловых операциях семьи он занимал достаточно высокое положение.

Я вышел из дома, сел в машину и уехал. У границ города мне на глаза попался стоявший на обочине пикап. Двое на заднем сиденье пили пиво из банок, третий прислонился к машине, держа руки в карманах. В свете фар мне удалось разглядеть в стоявшем мужчине Клита, а в одном из сидевших в машине — Гейба. Лицо третьего, худого бородача, мне раньше видеть не приходилось. Проезжая, я встретился глазами с Клитом и заметил, что Гейб подался к нему и начал что-то говорить, но Клит жестом остановил его. Я оставил их позади и в зеркале заднего обзора видел, что Клит провожает меня взглядом. В свете фар пикапа он казался темным пятном. Мне стало даже жаль этого человека: только что по надеждам города стать «маленьким Токио» был нанесен последний, сокрушительный удар.

* * *

Я позвонил Мартину не раньше, чем добрался до Шарлоттсвилла.

— Это Паркер, — сказал я. — С тобой рядом есть кто-нибудь?

— Я у себя в кабинете, а вот ты в дерьме по уши. Зачем ты сбежал? Приехал Росс. Он рвет и мечет: злой, как черт на всех, про тебя и говорить нечего. Подожди, вернется Эрл Ли, тогда ты узнаешь что почем.

— Послушай меня. Грейнджер мертв. Кэтрин Деметр тоже. Я думаю, их убил Хайамз.

— Кто? Хайамз? — голос Мартина от неожиданности сорвался. — Ты говоришь об адвокате? Да ты просто не в своем уме!

— Хайамз также мертв, — это уже напоминало черный юмор, только мне было не до смеха. — Он пытался убить меня в заброшенном доме. Тела Грейнджера и Кэтрин Деметр были сброшены в подвал. Там я их и нашел, а Хайамз попытался меня запереть. Потом

послышалась пальба, и Хайамз был убит. Здесь действует еще один игрок, тот, кто прикончил женщину в больнице, — имя Сциорры я предпочел не называть до поры до времени.

Мартин некоторое время молчал.

— Тебе следует вернуться, — нарушил он молчание. — Где ты сейчас?

— Дело еще не закончено. Ты должен пока их попридержать.

— Никого придерживать я не собираюсь! После твоего приезда город постепенно превращается в морг. Гора трупов растет на глазах. Кроме того, ты подозреваешься в стольких убийствах, что я уже со счета сбился. Возвращайся. У тебя и без этого неприятностей хоть отбавляй.

— Извини, но я не могу вернуться. Выслушай меня. Хайамз убил Деметр, чтобы не допустить ее встречи с Грейнджером. Я считаю, что соучастником Аделейд Модин в убийстве детей был Хайамз. Но если это предположение верно и ему удалось остаться в тени, велика вероятность того, что и она осталась в живых и скрылась. Он вполне мог инсценировать ее смерть и подтасовать факты. Хайамз имел доступ к картотеке зубного врача в хирургическом кабинете своего отца. Он мог взять карточку другой женщины, возможно, одной из сезонных работниц, или он привез данные из другого города, не знаю, да это и неважно. Но что-то насторожило Кэтрин Деметр. Какая-то причина вынудила ее сюда вернуться. У меня сложилось мнение, что Кэтрин ее встретила и узнала. Я просто уверен, что она узнала Аделейд Модин, иначе зачем ей понадобилось так торопиться сюда и после стольких лет искать встречи с Грейнджером.

На другом конце провода молчали.

— Росс от злости курится как вулкан, — заговорил Мартин. — Он собирается объявить тебя в розыск. Номера твоей машины он списал из регистрационного журнала в мотеле.

— Помоги мне.

— Ты говоришь, здесь замешан Хайамз?

— Да, а что такое?

— Я поручил Бернсу просмотреть подшивки. Ему не пришлось долго копаться, как я полагал. У Эрла есть... была подшивка с материалами по тем убийствам. Он часто к ней обращался. Позавчера заходил Хайамз и интересовался подшивкой.

— Я думаю так. Если ты папку и найдешь, никаких фотографий в ней не окажется. Хайамз заходил даром. Мне кажется, он обшарил и дом шерифа в поисках этих бумаг. Ему было важно уничтожить все возможные следы, которые могли бы привести к Аделейд Модин в ее новом обличье.

Скрыться очень и очень непросто. С самого рождения за нами тянется пышный хвост различных документов. Они определяют положение большинства из нас по отношению к государству, правительству и закону. Но, тем не менее, способы исчезнуть есть. Для начала необходимо обзавестись новым свидетельством о рождении. Можно воспользоваться данными кого-либо из умерших или позаимствовать имя и дату рождения другого человека. Чтобы состарить бумагу до нужной кондиции, достаточно поносить ее с неделю в туфле. Затем надо получить в библиотеке читательский билет на новое имя, потом учетную карточку избирателя. А имея при себе эти документы, можно смело отправляться в транспортную службу за водительскими правами. Получается эффект домино: каждый следующий этап основывается на надежности документов, обретенных на предыдущей ступени.

Самый простой путь: присвоить имя и личность человека, которого некому разыскивать, кого-либо с задворок общества. Я предполагал, что Аделейд Модин, не без помощи Хайамза, перевоплотилась в женщину, сгоревшую в старом доме в Виргинии.

— И вот еще что, — продолжал Мартин. — Имелась также отдельная папка с бумагами, касающимися семейства Модин. Оттуда также исчезли все фотографии.

— Хайамз мог получить доступ к этим материалам?

В трубке послышался огорченный вздох.

— Конечно, — последовал ответ Мартина. — Он же городской адвокат. Ему все доверяли.

— Проверь еще раз мотели. Думаю, в одном из них находятся вещи Кэтрин Деметр. Возможно, среди них отыщется что-нибудь, заслуживающее внимания.

— Послушай, тебе нужно вернуться и прояснить дело. Здесь гора трупов, и твое имя рядом с каждым убийством. Я не смогу сделать больше того, что уже сделал.

— Делай, что можешь. А я не вернусь.

Я повесил трубку и набрал другой номер.

— Да, — откликнулся голос.

— Эйнджел, это Берд.

— Где тебя черти носят? Здесь такие дела! Ты говоришь по мобильному? Перезвони мне с городского телефона.

Через несколько секунд я набрал его номер в автомате у магазина.

— Громилы Старика сцапали Пили Пилара. Они держат его под замком до возвращения Бобби Сциорры, он уехал по какому-то делу. Пили в доме Старика, и к нему никого не пускают. Если кто с ним заговорит, тому конец. К нему имеет доступ только Бобби.

— А Санни они нашли?

— Нет, пока гуляет на свободе, но теперь он один. Скоро ему придется разбираться с тем, из-за чего у них со Стариком весь сыр-бор.

— Эйнджел, я влип в серьезную историю, — и я коротко обрисовал ему ситуацию. — Теперь возвращаюсь, но мне нужна помощь, твоя и Луиса.

— Говори.

Я назвал ему адрес склада.

— Следите за этим местом. Я подъеду туда к вам, как только смогу.

Я не знал, когда меня объявят в розыск, поэтому не стал испытывать судьбу и, добравшись до Ричмонда, оставил свой «мустанг» на одной из долговременных стоянок. Затем позвонил в несколько мест. Перелет в Нью-Йорк на маленьком частном самолете и молчание пилота обошлись мне в полторы тысячи.

— Вы не ошиблись, вам точно нужно сюда? — таксист никак не мог поверить, что я верно назвал адрес.

У таксиста, мужчины необъятных размеров, пот градом катился по лицу и по висящим сосульками волосам. Преодолев барханы жирных складок его шеи, капли терялись за замызганным воротником рубашки. Казалось, он заполнял своей могучей фигурой всю переднюю часть салона. Дверца выглядела чересчур маленькой для такого гиганта. Создавалось впечатление, что он так долго безвылазно просидел в автомобиле, что успел раздаться до непомерной величины, не дающей ему выбраться наружу. Машина стала его домом, крепостью, и чудовищные габариты давали серьезные основания полагать, что она же окажется со временем и его гробницей.

— Да, мне сюда и нужно.

— Это беспокойное местечко.

— Все нормально, не беспокойтесь. У меня крутые друзья.

Винный склад фирмы «Манчино» находился в одном ряду с другими строениями подобного рода, тянувшимися вдоль длинной плохо освещенной улицы к западу от Северного Бульвара. Это было здание из красного кирпича с полустертым названием на стене под самой крышей. Все окна закрывали белые щиты. Никаких ламп на стенах не оказалось, и пространство между воротами и зданием скрывала непроглядная тьма.

Через улицу находился вход на обширный двор, занятый складскими помещениями и железнодорожными контейнерами. То здесь то там валялись поддоны и поблескивали лужи с вонючей застоявшейся водой. В мутном свете грязных прожекторов я заметил невероятно худящего пса, целиком поглощенного какой-то добычей, которой ему посчастливилось разжиться.

Как только я вышел из такси, в переулке рядом со складом коротко мигнули фары. Несколько секунд позже, когда такси уже отъезжало, из черного «шевроле» вышли Эйнджел с Луисом: первый нес увесистую на вид спортивную сумку, а второй был как всегда безупречен и неотразим в черной кожаной куртке, черном костюме и водолазке также черного цвета.

Эйнджел подошел ближе и недовольно скривился. Неудивительно: мой костюм после встречи с Хайамзом был порван и вымазан в грязи. Кроме того, рана открылась и начала кровоточить, поэтому манжет рубашки стал бордовым от крови. Все тело ныло, и я порядочно устал от смертей, которых уже досыта насмотрелся.

— Видок у тебя что надо, — поприветствовал меня Эйнджел. — Где у нас танцуйки?

— А вот там, — я перевел взгляд на здание склада. — Я ничего не пропустил?

— Здесь — ничего. Между прочим, Луис только что от дома Ферреры.

— Около часа назад на вертолете прибыл Бобби Сциорра, — вступил в разговор Луис. — Думается мне, у них с Пили сейчас идет душевная беседа.

Я кивнул и сказал:

— Идемте.

Склад был обнесен высокой кирпичной стеной, увенчанной колючей проволокой и битым стеклом. Стена у входа поворачивала внутрь, и ворота, также с проволокой поверху, слегка вдавались в глубь двора. Сплошные створки соединяла цепь, скрепленная замком.

Луис с независимым видом прохаживался поодаль, а Эйнджел тем временем достал из сумки небольшую дрель, сделанную на заказ. Он вставил бур в скважину замка и нажал на спуск. Тишину ночи прорезал тонкий пронзительный свист, и, как по команде, все собаки в округе откликнулись раздраженным лаем.

— Черт возьми, Эйнджел, — зашипел Луис, — у тебя в этой штуке свисток, что ли?

Эйнджел не удостоил его ответа, и через несколько мгновений замок раскрылся.

Как только мы оказались во дворе, Эйнджел осторожно снял замок и навесил его с внутренней стороны. Он также соединил створки цепью, так что со стороны все выглядело как надо, хотя кое-кому могло показаться странным, что замок с цепью висят со стороны двора.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Винный склад был построен в тридцатые годы, но и тогда, несмотря на действовавший еще сухой закон, он мог использоваться по прямому назначению. Массивные боковые двери справа и слева были наглухо закрыты, так что оставался один вход: через дверь с фасада. Заваренным оказался даже запасный выход. Двор окутывала тьма, поскольку дежурное освещение не работало, а свет уличных фонарей сюда не проникал.

С карманным фонариком во рту Эйнджел, вооруженный набором отмычек, колдовал над замком. Не прошло и минуты, как мы оказались в здании и зажгли большие фонари. Непосредственно у дверей стояла будка охранника или сторожа, сохранившаяся со времен, когда склад действовал. Пустые полки тянулись вдоль стен, а кроме того, через все помещения тянулся еще один стеллаж, так что с каждой стороны имелся проход. Полки состояли из ячеек, в каждой из которых могла поместиться бутылка с вином. Пол был вымощен камнем. Здесь посетители могли ознакомиться с ассортиментом. В подвале хранились ящики. В дальнем конце зала, на возвышении, находилась конторка, к которой вела лесенка в три ступени. Рядом с нею более широкая лестница уходила вниз.

Кабина грузового лифта старого образца стояла незапертой. Эйнджел вошел внутрь и нажал на рычаг. Кабина послушно опустилась на несколько футов. Он вернул платформу лифта на прежний уровень, вышел и посмотрел на меня, удивленно подняв брови.

Мы стали спускаться. Лестница состояла из четырех маршей, что соответствовало двум этажам, но между наземным этажом и подвалами промежуточного уровня не было. У основания лестницы мы уперлись в запертую деревянную дверь. Через окно в ней можно было разглядеть в свете фонарей своды подвала. Я предоставил Эйнджелу заняться замком: для него это было плевое дело. Мы переступили порог, и я заметил, что Эйнджелу не по себе. Спортивная сумка словно вдруг потяжелела в его руках.

— Хочешь, я понесу ее? — предложил Луис.

— Когда я состарюсь, будешь кормить меня через трубочку, — отшутился Эйнджел. В прохладном подвале его прошиб пот, и он торопливо слизнул капли, выступившие над верхней губой.

— Да, я тебя практически уже через трубочку и кормлю, — негромко заметил идущий сзади Луис.

От дверей в глубь подвала шли округлые ниши, напоминающие пещерки. В каждой от пола до потолка вертикально располагались решетки. В центре имелась калитка. В этих нишах некогда хранилось вино. Как видно, ими не пользовались очень давно: мусор и старая упаковка покрывали пол. В одной из ниш, лучи наших фонарей наткнулись на часть пола со снятым покрытием. Справа в ближайшей к нам нише вместо цементных плит виднелась

земля. Дверца в нее была приоткрыта.

Среди каменных стен наши шаги отдавались гулким эхом. Внутри ниши мы увидели чистый, без мусора пол, а там, где отсутствовал цемент, земля лежала ровным слоем. На зеленом металлическом столе в углу имелось по две прорези с каждой стороны, куда были продеты кожаные ремни. В другом углу стояла большая бобина полиэтиленовой пленки.

По стенам в два ряда располагались пустые полки, за исключением одной, у дальней стены, где лежал какой-то сверток, плотно завернутый в пленку. Я подошел поближе и осветил на него фонарем: сквозь пленку стала заметна хлопчатобумажная ткань брюк и рубашка в зеленую клетку. Я прошелся лучом по всему свертку и увидел маленькие башмачки, и копну волос, а еще бесцветное лицо с растрескавшейся и лопнувшей кожей и раскрытые глаза с помутневшей роговицей. Запах разложения несколько приглушенный пленкой, тем не менее, ощущался сильно. По описанию я узнал одежду и понял, что нашел Эвана Бейнса, малыша, пропавшего во время праздника в имении Бартонов.

— Боже милостивый! — ахнул Эйнджел. Луис промолчал.

Я подошел ближе и присмотрелся к пальцам и лицу. Если не считать последствий разложения, тело осталось неповрежденным, одежду мальчика, по всей видимости, также не трогали. Перед смертью Эвана Бейнса не подвергали мучениям, однако на виске кожа сильнее изменила цвет, и в ухе виднелась засохшая кровь.

Пальцы левой руки были развернуты к груди, а правой — сжаты в кулачок.

— Эйнджел, иди сюда с сумкой.

Он встал рядом, и в глазах его отражались гнев и горечь отчаяния.

— Это Эван Бейнс, — объяснил я. — Маски принес?

Он молча наклонился к сумке и достал две пылезащитных маски и флакон лосьона «после бритья». Сбрызнув обе маски, Эйнджел протянул одну мне, а вторую надел сам. Затем он подал мне пару синтетических перчаток. Луис стоял поодаль, но маску не надел. Эйнджел направил свет на тело в пленке.

Я достал перочинный нож и прорезал у правой руки ребенка. Зашипел, вырываясь наружу, скопившийся газ и усилился смрадный дух. От него не могли полностью защитить даже маски.

Я нажал на кулачок мальчика обратной стороной ножа: лопнувшая кожа обнажила ноготь.

— Черт, держи фонарь ровно, — прошипел я сквозь зубы. В кулаке у мальчика что-то голубело.

Я ковырнул на этот раз решительнее. Мне необходим был ответ. Я должен был узнать, что произошло в этом подвале. Наконец, мне удалось высвободить голубой кусочек, и он упал на пол. Я поднял с пола и разглядел, освещая фонариком, свою находку. Это был осколок фарфора голубого цвета.

Пока я рассматривал осколок, Эйнджел осветил по дальним углам и вышел из отсека. Потом сверху послышался звук бура, вскрывающего замок, и вслед за ним голос Эйнджела, зовущего нас к себе. Поднявшись по лестнице, мы вошли в открытую Эйнджелом комнатку. Размером не больше туалетной, она находилась непосредственно над отсеком, где лежал мальчик. На полке один на другом стояли три видеоманитофона. Тонкий кабель змеей полз к отверстию в основании стены и пропадал в полу склада. На одном из магнитофонов продолжался отсчет секунд, пока Эйнджел не выключил его.

— В углу подвала есть очень маленькое отверстие не больше ногтя, но для объектива

видеокамеры как раз подойдет, — начал объяснять Эйнджел. — Если не знать, куда смотреть, то его и не заметишь. Кабель, мне думается, пропущен по вентиляционной системе. Кто-то чрезвычайно любопытный очень интересовался всем, что здесь делается.

Но любопытство проявлял не тот, кто занимался детьми в подвале. Съемка непосредственно в отсеке отличалась бы значительно лучшим качеством. Такая таинственность имела смысл только в том случае, если наблюдатель не желал, чтобы его заметили. В комнатухе отсутствовал монитор, следовательно, автор затеи, он или она, хотел смотреть записи, устроившись поудобнее у себя дома, или существовало другое объяснение: тот, кто забирал кассеты, не мог предварительно просмотреть и отсортировать материал. Я знал немало типов, способных подрядиться на такую работенку, да Эйнджелу была известна такая публика. Но одно имя сразу же пришло на ум: Пили Пилар.

Мы вернулись в подвал, и я принялся разрыхлять землю в злосчастном отсеке принесенной Эйнджелом складной лопаткой. Долго мне трудиться не пришлось. Очень скоро лопата наткнулась на что-то мягкое. Я копнул глубже и стал отгрести землю. Эйнджел помогал мне маленькой совковой лопатой. Сквозь обнажившуюся пленку я с трудом рассмотрел сморщенную побуревшую кожу. Когда мы соскребли с пленки грязь, скрюченное тело ребенка стало видно отчетливее. Оно находилось в позе эмбриона, а голова скрывалась под левой рукой. Разложение не мешало заметить сломанные пальцы. А вот чтобы определить, мальчик это или девочка, тело пришлось бы перевернуть.

Эйнджел медленно обвел взглядом пол подвала, и я без труда понял его мысли, поскольку думал о том же: едва ли дело ограничивалось одним трупом. Выкопанное нами тело находилось очень близко к поверхности, а значит, под ним могли оказаться и другие. Этим подвалом пользовались очень-очень давно.

В отсек беззвучно проскользнул Луис, прижимая палец к губам. Правой рукой он медленно показал вверх. Мы замерли, затаив дыхание, прислушиваясь к едва слышным шагам: кто-то крадучись спускался к нам по лестнице. Эйнджел отступил за стеллажи и погасил фонарь. Луис растворился в темноте еще раньше. Я собирался занять место у двери и полез за пистолетом, но в этот момент пучок света ударил мне в лицо.

— Стой, — раздался тихий голос Бобби Сциорры, и мне ничего не оставалось, как медленно опустить руку.

Он двигался с удивительной быстротой. Бобби приближался из темноты к открытой дверце отсека, не отводя от меня луч фонаря. В правой руке его глянцево поблескивал ствол автомата специального образца, о котором мне рассказывал Коул после убийства Олли Уоттса. Бобби остановился в нескольких шагах от меня и ослепительно улыбнулся.

— Ты — покойник, — сказал он, — как и все дети в нише за твоей спиной. Я хотел тебя прикончить еще в том доме, но Старик велел не трогать тебя, за исключением случая, когда у меня не будет другого выбора. Теперь как раз такой случай представился.

— Продолжаешь подбирать за Феррерой дерьмо? — заметил я. — Но от такой работы следовало бы отказаться даже тебе.

— У всех свои слабости, — повел плечом Сциорра. — Санни любит подглядывать. Да, очень любит наблюдать, а что ему еще остается, если его член ни на что не годится. Он больной, и на всем этом подвинутый, но папочка его любит. А теперь папаше нужно, чтобы все дерьмо было убрано.

Так вот оно что. Значит, Санни Феррера записывал муки этих детей. Это он наблюдал, как Аделейд Модин на пару с Хайамзом медленно отнимала у них жизнь. Бесстрастный

глазок кинокамеры записывал все это на пленку, в то время как крики несчастных эхом отдавались в каменном мешке подвала. А потом кошмарные сцены представляли перед ним на экране в гостинной. Должно быть, он знал имена убийц, снова и снова наблюдал их за чудовищным занятием, но не пожелал положить конец преступлениям, потому что испытывал удовольствие от того, что видел.

— А как Старик обо всем узнал? — спросил я, но мог бы и не спрашивать. Я догадался, что находилось в машине, когда Пили ее разбил. Я полагал, что понял это, но, как оказалось, заблуждался, как уже бывало не раз.

В углу ниши раздался шорох, а за ним последовало легкое движение. Бобби повернулся на звук с кошачьей быстротой. Пучок света стал шире, он отступил и на мгновение перевел оружие с меня в угол.

В свете фонаря показалась наклоненная голова Эйнджела. Он посмотрел на Бобби и усмехнулся. В глазах Сциорры появилось недоумение, но в следующее мгновение он раскрыл рот, сознавая смысл произошедшего. Бобби хотел было повернуться, чтобы успеть перехватить Луиса, но тьма вокруг него вдруг ожила, и глаза Сциорры широко раскрылись. Он понял, но слишком поздно, что смерть добралась и до него.

В луче блеснула кожа Луиса, и белыми показались глаза. Его левая рука накрепко припечаталась к челюсти Сциорры. Бобби весь напрягся и застыл с выражением боли и страха в глазах. Он поднялся на цыпочки, раскинув руки в стороны, несколько раз сильно рванулся, потом сразу обмяк всем телом, словно из него выпустили воздух, но голова осталась в прежнем положении, широко раскрытые глаза остекленели. Луис вытащил длинный нож с тонким лезвием, которым проткнул Сциорру, и оттолкнул от себя тело. Бобби рухнул к моим ногам. Мелкие судороги несколько раз прошли по его телу, и он затих. Мне в нос ударил запах его опорожненного мочевого пузыря.

Эйнджел появился из темноты за моей спиной.

— Я этого гада ползучего всегда ненавижу, — Эйнджел удовлетворенно смотрел на крошечную дырку у основания черепа мертвого головореза.

— Да и мне он таким нравится гораздо больше, — добавил Луис и посмотрел на меня. — Куда его девать?

— Оставь здесь. Дай мне его ключи.

Луис обшарил карманы Сциорры и бросил мне связку ключей.

— Он из посвященных. С этим могут быть проблемы?

— Не знаю. Постараюсь уладить дело. Держитесь поблизости. Через некоторое время я позвоню Коулу. Когда услышите сирены, сразу же уезжайте.

Эйнджел наклонился и осторожно отверткой поднял с пола оружие Сциорры.

— А это мы тоже здесь оставим? — спросил он. — Ты прав, это серьезная штука.

— Да, ствол тоже останется, — откликнулся я. Очевидно, это оружие связывало Олли Уоттса, Коннелла Хайамза и семейство Феррера. Оно было связующим звеном между серией убийств детей, совершавшихся на протяжении тридцати лет, и династией мафиози, существующей в два раза дольше.

Переступив через труп Сциорры, я выбежал со склада. Его черный «шевроле» стоял во дворе багажником к зданию. Ворота были закрыты. Машина очень напоминала ту, из которой пристрелили убийцу толстяка Олли. Я открыл ворота и выехал со двора склада «Манчино», потом оставил позади и Куинс, это скопище складов и кладбищ. Иногда они становились и тем и другим.

Итак, я приближался к определенного рода финалу. Вскоре мне предстояло стать свидетелем завершения череды преступлений, продолжавшихся на протяжении трех десятилетий. И сколько же молодых жизней оборвалось за этот срок! Их с лихвой хватило бы, чтобы заполнить подземелья заброшенного склада. Но независимо от того, во что это выльется, одного объяснения произошедшего недостаточно. Делу будет положен конец, но это не станет решением проблемы.

Я спрашивал себя, сколько раз в год безупречно одетый и с дорогим дорожным саквояжем адвокат Хайамз отправлялся в Нью-Йорк, чтобы загубить еще одну детскую жизнь. Он заказывал билет на поезд либо мило улыбался девушке-регистратору в аэропорту, а может, проезжал в своем роскошном, пахнущем натуральной кожей «кадиллаке» мимо дежурной при въезде на платную дорогу — неужели ничего в его лице не заставило всех этих людей повнимательнее присмотреться к вежливому, степенному мужчине с аккуратно подстриженной седой шевелюрой, одетому в строгий классического покроя костюм?

А еще у меня не шла из головы женщина, погибшая в огне пожара много-много лет назад. Совершенно очевидно, что сгорела тогда не Аделейд Модин.

Мне вспомнилось, как в разговоре со мной Хайамз сказал, что вернулся в Хейвен накануне дня, когда нашли ее тело. Выстроить теперь логическую цепь событий не составляло труда: вслед за паническим звонком Аделейд Модин последовал выбор подходящей жертвы из картотеки доктора Хайамза, затем совершилась подмена карточки с записями зубного врача; далее у тела было оставлено известное всем украшение и портмоне, а потом появились первые языки пламени и запах горящего мяса.

Сама же Аделейд Модин исчезла, чтобы затаиться в укромном уголке, дожидаясь благоприятного момента, и, появившись под новой личиной, продолжать убивать. Как коварная арахна, она караулила свою добычу среди хитросплетений своей паутины, а, когда та забредала в ее сети, Аделейд Модин набрасывалась на нее, и жертва оказывалась в полиэтиленовом коконе. Тридцать долгих лет она творила, что хотела, не зная преград и искусно пользуясь двумя лицами. Одно было знакомо всем окружающим, другое открывалось только беззащитным детям. Она была тем чудовищем, что мерещится во тьме малышам, когда весь мир объят ночным сном.

Теперь черты ее лица проступали отчетливее. И мне подумалось, что я понимаю, почему Санни Ферреру преследовал собственный отец, почему в Хейвен за мной отправился Бобби Сциорра и что вынудило толстяка Олли Уоттса удариться в бег, а в итоге распрощаться с жизнью посреди улицы, купающейся в лучах летнего солнца.

* * *

Уличные фонари мелькали за окном, как вспышки выстрелов. Я чувствовал набившуюся под ногти землю. Меня неудержимо тянуло заехать на автозаправочную станцию и как следует вымыть руки, и не только вымыть, а скоблить их щеткой до крови, пока не сойдут все пропитанные духом смерти слои грязи, которые, как казалось, успели вьестись в мою кожу за последние сутки. Я с усилием проглотил горечь во рту и заставил себя

сосредоточиться на дороге, огоньках подфарников едущей впереди машины, и раз или два взгляд мой скользнул по россыпям звезд на темном бархате неба.

Ворота во владения Ферреры оказались открыты, не было видно и федералов, наблюдавших за домом в начале недели. На машине Сциорры я подъехал к дому и остановил ее в тени деревьев. Зверски болело плечо, и от частых приступов тошноты, которые едва удавалось сдерживать, меня постоянно бросало в пот.

Сквозь приоткрытую дверь мне было видно, как в доме ходят люди. Под окном, обхватив голову руками, сидел мужчина в темном, рядом лежал автомат. Он заметил меня, когда я подошел к нему вплотную.

— Ты не Бобби, — заключил он.

— Бобби мертв, — пояснил я.

Он кивнул, как будто ждал такого поворота дела. Поднявшись, он обыскал меня и взял пистолет. Внутри по углам, переговариваясь вполголоса, стояли вооруженные охранники. В доме царил похоронная атмосфера и ощущалось недавно пережитое потрясение. Я последовал за провожатым в кабинет Старика. Он впустил меня, а сам отступил в сторону, наблюдая за мной.

На полу виднелась кровь и какая-то серая масса, бордовое пятно расплылось по толстому персидскому ковру. Кровь покрывала и коричневые брюки старика. Санни лежал на полу, головой на коленях отца. Старик левой рукой гладил длинные, начавшие редеть волосы сына, а в правой, безвольно повисшей руке он держал пистолет. Раскрытые остекленевшие глаза Санни отражали свет лампы.

Я предположил про себя, что старик застрелил Санни, держа на коленях голову сына, когда тот на коленях умолял о... о чем он мог молить отца? О помощи, времени исправиться или прощении? Разжиревший, погрязший в пороках Санни с толстыми застывшими губами мертвый вызывал не меньше отвращения, чем живой. Старик выглядел суровым и непреклонным, но когда он поднял на меня глаза, они были полны вины и отчаяния. Я видел человека, вместе с сыном убившего и самого себя.

— Убирайся, — тихо, но отчетливо произнес старик, но взгляд его был теперь устремлен не на меня. Через раскрытую дверь в сад порыв легкого ветерка занес опавшие лепестки и листья — верный символ близкого конца. В проеме двери появилась фигура охранника, и я узнал одного из людей Ферреры — немолодого человека, которого видел в прошлый раз, имя его было мне неизвестно. Старик Стефано подрагивающей рукой навел на него пистолет.

— Вон! — гаркнул он, и охранник послушно исчез, инстинктивно прикрыв дверь. Но своенравный ветер снова распахнул ее и принялся хозяйничать в комнате. Феррера несколько мгновений продолжал целиться в дверь сада, затем рука его дрогнула и упала. Он возобновил прерванное появлением охранника занятие: снова стал гладить волосы сына с бессмысленной, успокаивающей размеренностью, с какой животное в неволе обходит свою территорию.

— Он — мой сын, — заговорил старик, не глядя на меня, а обращаясь взглядом одновременно и к прошлому, которое минуло, и к будущему, которого уже не будет. — Он мой сын, но с ним что-то не ладно. Он болен. У него не в порядке с головой и внутри что-то не так.

Мне нечего было сказать, и я молчал.

— Зачем ты пришел? — спросил старик. — Всему конец. Мой сын мертв.

— Мертвых много. Дети... — старик болезненно поморщился —...Олли Уоттс...

Он медленно покачал головой, взгляд его оставался неподвижным.

— Чертов Олли Уоттс. Какого дьявола он сбежал? Мы сразу все узнали, когда он удрал.

Санни узнал.

— Что вы узнали?

Мне подумалось, появившись я в комнате несколькими минутами позднее, и старик отдал бы приказ немедленно меня убрать, а может, пристрелил бы собственноручно. Но сейчас у него возникло желание использовать меня как своего рода жилетку. Он решил открыться мне, облегчить душу, чтобы больше никогда не говорить об этом.

— Мы узнали, что он заглянул в машину. Не следовало этого делать. Ему надо было уйти и все.

— И что же он увидел? Что лежало в машине? Кассеты? Снимки?

Старик крепко зажмурился, но это не помогло ему скрыться. От увиденного в уголках глаз выступили слезы и покатались по щекам. — Нет, нет, нет, хуже, — шептали сухие губы.

— Там были пленки, — наконец, выговорил он. — И ребенок. В багажнике машины лежал ребенок. Мой мальчик, мой Санни, это он убил ребенка.

Он повернулся ко мне. От прежней неподвижности в лице не осталось и следа. Все мускулы пришли в движение: казалось, голова его пыталась освободиться от виденной им чудовищной картины. Этот не знающий жалости человек, сам убивший и замучивший многих и отдававший приказы другим убивать и мучить, — он обнаружил в своем сыне нечто настолько темное, чему даже он не нашел названия. В этом зловещем, беспросветном мраке лежали убитые дети. Это было черное сердце всего, что есть мертвого.

Санни уже не мог удовлетвориться одним наблюдением. Он видел власть этих людей, то удовольствие, которое они испытывали, медленно отбирая жизнь у детей. И ему тоже захотелось все это испытать.

Я велел Бобби привести его ко мне, но он сбежал, как только узнал о происшествии с Пили, — старик посуровел. — Тогда я приказал Бобби убить их всех, всех оставшихся, всех до одного. — Внезапно лицо его побагровело от ярости. Казалось, он снова видит перед собой Бобби Сциорру и отдает ему приказы. — Уничтожь записи. Найди детей, найди, где они, и спрячь так, чтобы никто их не смог отыскать. Хоть на дне морском, но спрячь. Я хочу, чтобы от всего этого не осталось и следа, как будто ничего не было. Ничего и никогда, — в этот момент он снова вернулся к реальности и вспомнил, что совершил, по крайней мере, мне так показалось, потому что рука его снова стала гладить волосы Санни.

— А затем являешься ты со своими вопросами о той девушке. Откуда она могла обо всем узнать? Я нацелил тебя на ее поиски, чтобы ты уехал отсюда, подальше от Санни.

Но у Санни на мой счет имелись свои планы. Он отправил мне вдогонку наемных убийц, а они опростоволосились. Их неудача заставила старика Ферреру перейти к активным действиям. Если бы женщина, покушавшаяся на мою жизнь, выжила и дала показания, Санни могли бы припереть к стене. Такой исход совсем не устраивал старика, и он послал Сциорру уладить дело, и Бобби уладил — своим излюбленным способом.

— Но почему Сциорра убил Хайамза?

— Кого?

— В Виргинии Сциорра убил адвоката, человека, пытавшегося убить меня. Зачем он это сделал?

Взгляд Ферреры стал подозрительным, и ствол пистолета нацелился на меня.

— На тебе есть «жучок»? — я покачал головой и рывком распахнул рубашку на груди. Пистолет снова опустился.

— Бобби видел его на пленке и узнал. Вот так он и вышел на тебя. Бобби проезжал через город, а тот человек направлялся в противоположную сторону. Бобби узнал его по пленкам, что это именно он... — Феррера умолк, тяжело ворочая языком. Казалось, у него пересохло во рту, и Старик пытается его смочить, чтобы продолжить разговор. — Все следы следовало уничтожить, все, до единого.

— Но не меня?

— Возможно, ему нужно было бы при случае убить и тебя, и неважно, как на это посмотрели бы твои друзья-полицейские.

— Да, не стоило ему упускать шанс. Теперь он мертв.

— Это ты его убил? — прищурился Феррера.

— Да.

— Бобби был посвященным. Тебе известно, что это означает?

— А вам известно, что сделал ваш сын?

Он помолчал: чудовищная тяжесть злодеяний сына прошла по нему девятым валом. Но, когда к нему вернулась способность говорить, в его тоне отчетливо чувствовалось едва сдерживаемое бешенство. Мне стало ясно, что наше randevu близится к концу.

— Кто ты есть, чтобы судить моего сына? — заговорил Феррера. — Если ты потерял ребенка, значит тебе дано право выступать в роли святого покровителя мертвых детей? Ни черта подобного! Я похоронил двух сыновей, а вот теперь убил последнего. Ты не судья мне и не судья моему сыну, — дуло пистолета снова смотрело мне в голову.

— Всему конец, — заключил он.

— Нет, — возразил я. — Кто еще был на пленке?

Глаза его сверкнули. Упоминание о видеозаписях подействовали на него как пощечина.

— Там еще была женщина. Я велел Бобби найти ее и убить.

— И что же?

— Он теперь мертв.

— У вас есть пленки?

— Нет, их все сожгли.

Он умолк, снова возвращаясь к действительности, от которой его на короткое время отвлекли мои вопросы. Старика опять окружала реальность совершенного, где на нем лежала ответственность за сына, его преступления и смерть.

— Убирайся, — проговорил он. — Если снова попадешься мне на глаза, ты покойник.

Никто не пытался меня остановить. Пистолет ждал меня на маленьком столике у входной двери, ключи от машины Бобби Сциорры позвякивали в кармане. Отъезжая, я бросил взгляд в зеркало на дом Ферреры. Он выглядел таким тихим и мирным, как будто в нем никогда не происходило ничего особенного.

После смерти Дженнифер и Сьюзен я каждое утро просыпался после сумбурных снов, и на какое-то мгновение мне казалось, что они по-прежнему со мной: жена тихо спит рядом, а дочка в комнате по соседству окруженная игрушками смотрит свои безмятежные сны. Несколько мгновений они продолжали жить, и с каждым пробуждением я заново переживал потерю, так что не мог определить, снится ли мне смерть или после сна я возвращаюсь в трагическую реальность, видится ли мне несчастье во сне или горе ждет меня на пороге пробуждения.

И среди всего этого меня неотступно преследовало сожаление, что по-настоящему я узнал Сьюзен, когда ее не стало, и получалось, что я любил лишь тень.

Тем временем еще одна женщина и ребенок погибли в круговороте насилия и смерти. И, казалось, нет возможности положить этому конец. Я горевал о женщине и мальчике, которых никогда не видел живыми и о ком почти ничего не знал, но боль, рожденная смертью чужих мне людей, сливалась в моем сердце с горечью утраты своих близких.

Ворота усадьбы Бартонов оказались открыты. Я предположил, что кто-то недавно въехал с намерением долго не задерживаться, либо кто-то уже успел уехать. Оставив машину на посыпанной гравием площадке, я направился к дому, отметив по пути, что других машин поблизости не было видно. Окно над дверью светило. Я позвонил дважды, но никто не торопился меня впускать, поэтому я подошел к окну и заглянул внутрь.

Открытая дверь в прихожую позволяла увидеть ноги лежавшей на полу женщины. С одной ноги туфля свалилась, а на другой она держалась на одних пальцах. Высоко вздернутое черное платье только немного прикрывало ягодицы. Остальную часть тела видно не было. Я разбил стекло рукояткой пистолета и прислушался, хотя сигнализацию едва ли оставили включенной. Но, кроме звона посыпавшихся на пол осколков, внутри не раздалось ни звука.

Я осторожно дотянулся до задвижки и влез через окно. В комнату проникал свет из прихожей. Открывая дверь в прихожую, я чувствовал, как кровь стучит в ушах, а приблизившись к телу, ощутил пульсацию даже в кончиках пальцев.

Ноги женщины покрывала голубая сеть вен, бедра выглядели немного дряблыми. Седые волосы прилипли к разбитому чем-то тяжелым лицу. Глаза оставались открытыми, кровью чернел рот. От зубов остались одни пеньки, что меняло ее почти до неузнаваемости. Только считанные детали — золотое ожерелье с изумрудами, яркий лак ногтей, дорогое платье — позволяли предположить, что женщина на полу — Изабелла Бартон. Я коснулся ее шеи: пульса не было. Этого и следовало ожидать, но тело ее не успело остыть.

Я вошел в кабинет, где мы впервые встретились, и сравнил осколок фарфора, найденный в кулачке Эванса Бейнса, с уцелевшей собачкой на каминной полке. Рисунок полностью совпал. Скорее всего, Эванс умер сразу, как только обнаружилось, что статуэтка разбита. Он стал жертвой приступа ярости из-за утраты одной из реликвий семьи Модин.

До моего слуха дошло доносившееся из кухни позвякивание, оттуда же тянуло жженным: так пахнет забытая на раскаленной плите кастрюля. А еще в воздухе появился не заметный до этого запах газа. Пока я медленно приближался к закрытой двери кухни, полоска света под ней не появилась, а гарью и газом пахло все сильнее. Я осторожно открыл дверь, держась немного в стороне. Мой палец оставался на спусковом крючке, однако я

прекрасно понимал, что при утечке газа оружие превращает в бесполезную железку.

В кухне никакого движения заметно не было, но газом здесь уже воняло до одури. Мое внимание переключилось на громкое нестройное позвякивание и низкое гудение. Набрал в легкие побольше воздуха, я как в воду нырнул в кухню, готовый при малейшем постороннем движении, если не выстрелить, то навести пистолет на цель.

Внутри не было ни души. Свет поступал через окна, от лампы в прихожей и трех больших, используемых на крупных предприятиях микроволновых печей, стоявших передо мной. Сквозь стеклянные дверцы я видел в пляске голубого света подпрыгивающую и дребезжащую металлическую кухонную утварь: кастрюли, ножи, вилки, сковороды — и между ними поблескивали крохотные серебристо-голубые молнии. Частота дребезжания стремительно нарастала, и от дурманящего запаха газа у меня начала кружиться голова. Что было духу, я бросился прочь. Когда я распахнул входную дверь, в кухне глухо ухнуло. Второй взрыв, более мощный, последовал за первым. Взрывная волна подхватила меня и отшвырнула на гравий дорожки. Послышался звон бьющегося стекла, и охватившее дом пламя залило ярким светом всю лужайку. Пошатываясь, я двинулся к машине, наблюдая в ее окнах отражение пляшущих языков пламени.

У ворот имения Бартонов мигнули красные огни, и машина выехала на дорогу. Аделейд Модин заметала следы, готовясь снова раствориться в спасительной тени. Дом полыхал: языки пламени с ненасытной жадностью пожирали стены. Я выехал на дорогу и поспешил за быстро удаляющимися красными огоньками.

Она гнала машину по извилистой дороге, и в тишине ночи отчетливо слышался визг тормозов на поворотах. Я догнал ее на подъезде к скоростной дороге, идущей от Стэйтен-Айленда. Слева крутой поросший деревьями склон спускался до проходящей внизу Суссекс-авеню. Поравнявшись, я стал теснить своим тяжелым «шевроле» ее «БМВ» к краю обрыва. Тонированные стекла «БМВ» не позволяли мне разглядеть водителя. Впереди дорога резко сворачивала вправо, и я отвернул в сторону, чтобы вписаться в поворот. В ту же минуту передние колеса «БМВ» отделились от дороги, и машина устремилась вниз.

Она катилась по мусору и гальке, ударилась о два дерева, но на середине усыпанного листвой склона ее движение остановила темнеющая масса молодого бука. При столкновении корни дерева наполовину вышли из земли, а само оно сильно наклонилось, и не упало только потому, что зацепилось ветвями за ствол дерева, росшего ниже.

Я остановил машину у кромки обрыва и, оставив ее с включенными фарами, заспешил вниз по склону. Ноги скользили по влажной траве, и мне пришлось поддерживать равновесие здоровой рукой.

Я уже почти добрался до «БМВ», когда дверца открылась, и Аделейд Модин с трудом выбралась наружу. Я увидел на лбу ее глубокую рану и потеки крови на лице. В слабом свете фар среди темных зарослей вид ее казался еще более диким. Как видно, она ударилась о руль, потому что, сутулясь, держалась за грудь, но при моем приближении через силу выпрямилась.

Злоба горела в глазах Изабеллы Бартон, затмевая боль. Когда она раскрыла рот, из него полилась кровь. Поворочав языком, она выплюнула вместе с кровью выбитый зуб. Даже сейчас она не утратила коварства, будто все еще выискивала возможность скрыться.

В ней продолжали жить исконное зло и жестокость, выходявшие далеко за рамки озлобленности загнанного зверя. Мне думается, для нее не существовали такие понятия, как правосудие, справедливость, возмездие. Она жила в своем собственном царстве насилия и

боли, где истязать, калечить и убивать детей было также естественно, как дышать. Она не мыслила своей жизни без их сдавленных криков и тщетных попыток вырваться, — без всего этого жизнь теряла для нее смысл.

Мне почудилась усмешка на ее лице.

— Дрянь, — зло бросила она.

Я вдруг подумал, догадывалась ли о чем-либо миссис Кристи до того, как ее жизнь оборвалась в той прихожей? К несчастью для нее, этим подозрениям не хватило глубины.

У меня появилось искушение убить Аделейд Модин, чтобы покончить с частью чудовищного зла, отнявшего жизнь у моего ребенка и других детей в мрачных подвалах Виргинии и Нью-Йорка. Это зло породило Странника, Джонни Пятницу и десятки им подобных нелюдей. Я верил в дьявола и страдания. Я верил в муки, насилие и страшную медленную смерть. Я верил в боль, агонию и удовольствие, которое получали те, кто творил все это. И все это объединялись для меня в одно понятие: зло. А в Аделейд Модин искра этого зла вспыхнула кровавым пламенем.

Я взвел курок. Она даже глазом не моргнула. И неожиданно рассмеялась, сразу же сморщившись от боли. Ее снова скрючило почти до земли. В воздухе все заметнее пахло бензином, вытекающим из разбитого бака.

Я попытался представить себе чувство Кэтрин Демерт, когда она увидела эту женщину в универмаге «Деврис». Может быть, она заметила ее отражение в зеркале или стеклянной витрине. Должно быть, внутри у нее все сжалось, и она обернулась, не веря себе. А когда их взгляды встретились и исчезли последние сомнения, что перед ней та, кто лишила жизни ее сестру, — что в этот момент почувствовала Кэтрин: ненависть или гнев, а возможно, ее охватил страх, что эта женщина способна расправиться и с ней, как когда-то с ее сестрой. Как знать, может быть, на какое-то мгновение Кэтрин Демерт снова ощутила себя маленьким испуганным ребенком?

Совсем необязательно, что Аделейд Модин узнала девушку с первого взгляда, но она не могла не отметить вспыхнувшую в ее глазах искру догадки. Может быть, ей показался знакомым неправильный прикус Кэтрин, не исключено, что, взглядевшись в лицо молодой женщины, она перенеслась мысленно в прошлое, в темный подвал, где убивала ее сестру.

А когда Кэтрин скрылась, Аделейд Модин срочно стала искать путь уладить дело. Под удобным предлогом был нанят я, затем она убила пасынка, но не только для того, чтобы тот не смог уличить ее во лжи. Это убийство являлось первым шагом к осуществлению плана, заключительным этапом которого должны были стать смерть миссис Кристи и поджог дома, а тем временем сама Аделейд благополучно скрылась бы, уничтожив все следы своего существования.

В какой-то мере часть вины за случившееся лежала на Стивене Бартоне, поскольку лишь он мог стать связующим звеном между Санни Феррерой, Коннеллом Хайамзом и мачехой: когда Хайамз искал укромное место, куда можно было бы приводить детей, ему требовалось найти помещение, владелец которого не задавал бы лишних вопросов. Сомнительно, что Бартон догадывался о происходящем. И недостаток любопытства в этом случае стоил ему жизни.

Смерть Хайамза оставила Аделейд Модин в одиночестве, и она поняла, что пришло время исчезнуть со сцены, а миссис Кристи предстояло сгореть вместо нее в пылающем доме, как когда-то в Виргинии сгорела вместо нее неизвестная женщина.

Но как мне все это доказать? Пленки сожжены. Санни Феррера мертв, Пилар, скорее

всего, тоже на том свете. Не осталось в живых никого: ни Хайамза, ни Сциорры, ни Грейнджера, ни Кэтрин Деметр. Кто сможет спустя тридцать лет опознать детоубийцу? Уолт Тайлер? Но окажется ли достаточным его свидетельство? Конечно, убийство миссис Кристи также дело ее рук, но и этот факт доказать непросто. Да и станут ли находки в винных погребах убедительным свидетельством ее вины?

В эту секунду скрюченная до этого болью Аделейд Модин встrepенулась, как паук, учувший колебания паутины, и ринулась на меня. Ее правая рука впиалась ногтями мне в лицо, а левой она попыталась завладеть пистолетом. Я ударил ее в лицо основанием ладони и одновременно отшвырнул коленом. Но она вновь метнулась ко мне, и я выстрелил. Пуля попала ей под правую грудь.

Она отступила к машине и, чтобы не упасть, ухватилась за дверцу, зажимая рану в груди.

Усмешка поползла по ее лицу.

— Я тебя знаю, — преодолевая боль, заговорила она. — Я знаю, кто ты такой.

За ее спиной под весом тяжелого «БМВ» сильнее накренился, еще больше обнажились корни удерживающего машину над обрывом бука. Аделейд Модин покачнулась, кровь лилась из раны в ее груди. Что-то сверкнуло в ее глазах, отчего у меня сжалось сердце.

— Кто сказал тебе?

— Я знаю, — вновь усмехнулась она. — Я знаю, кто убил твоих жену и ребенка.

Я двинулся к ней, она заговорила, но слова ее поглотил скрежет металла. Дерево не устояло, и машина сначала съехала на землю, а затем стремительно покатиалась вниз с холма, ударяясь о деревья и камни. Обдираемый металл высек искру, и машина вспыхнула, как факел. А я смотрел на этот костер, и мне вдруг стало ясно, что конец этому должен был быть именно таким.

Вытекший из поврежденного бака бензин воспламенился у ног Аделейд, и ее мир взорвался, обратившись в желтое пламя. Она оказалась в кольце огня. Голова ее запрокинулась, рот раскрылся, и в следующую секунду, превратившись в живой костер, Аделейд Модин опрокинулась в темноту, слабо отмахиваясь от неудержимо пожиравших ее плоть языков пламени.

У подножия холма, слепя глаза, полыхала машина, и от нее столбом поднимался вверх густой черный дым. Я наблюдал за всем с дороги, чувствуя лицом обжигающий жар. А ниже по склону, среди лесного мрака горел еще один, маленький, погребальный костер.

И снова я оказался в успевшей уже надоеть комнате для допросов со знакомым деревянным столом и выщарапанным на нем сердечком. Мне сменили повязку на плече, и впервые за прошедшие двое суток я смог принять душ. Как ни лез из кожи Росс, ему не удалось упрятать меня в камеру. Допрашивали меня самым тщательным образом: сначала Уолтер с другим детективом, затем Уолтер и начальник отдела расследований, а на закуску мне досталась встреча с Россом и одним из его агентов, на которой также присутствовал Уолтер, чтобы эти друзья не пришибли меня от злости из-за полного фиаско.

Мне кажется, пару раз я видел вышагивающего по коридору Филипа Купера. Он невероятно напоминал восставшего из могилы покойника, явившегося посчитаться с гробовщиком. На мой взгляд, репутация трастового фонда находилась перед реальной угрозой нокаута.

Можно сказать, что я почти ничего не утаил от сыщиков. Рассказал им о Сциорре, Хайамзе, об Аделейд Модин и Санни Феррере. Умолчал лишь о том, что влез в это дело по милости Уолтера Коула. И еще кое-какие пропуски я предоставил им заполнить самим. А сказал просто, что следовал за всплесками своего воображения. Когда Росс это услышал, он готов был меня давить.

Теперь мы остались наедине с Уолтером, и перед нами стояло по чашке кофе.

— Ты спускался туда? — наконец нарушил я затянувшееся молчание.

Уолтер кивнул.

— Да, но долго не задержался.

— Сколько их там нашли?

— Пока восемь, но ребята продолжают копать.

И раскопки будут продолжены, но не только там, а в разных местах по всему штату, а возможно, и за его пределами. Аделейд Модин и Коннелл Хайамз безнаказанно занимались своим жутким ремеслом на протяжении тридцати лет. Склад «Манчино» был арендован ими лишь небольшую часть этого срока, и вполне возможно, имелись и другие заброшенные склады, подвалы, старые гаражи или стоянки с останками пропадавших в разное время детей.

— И давно ты это заподозрил? — спросил я.

Мой вопрос застал Уолтера врасплох. По-моему, он подумал, что я спрашиваю о чем-то ином, например об убитом Джонни Пятнице.

— Что заподозрил? — вздрогнув, Коул и повернулся ко мне.

— Что к похищению Бейнса причастен кто-то из дома Бартонов.

Уолтер заметно расслабился, но все же его напряжение полностью не исчезло.

— Тот, кто его увез, должен был хорошо знать дом и парк вокруг.

— Если исходить из того, что его захватили прямо в доме, а не в парке.

— Да, если основываться на этом предположении.

— И ты отправил меня выяснить что к чему.

— Да, верно.

Я теперь винил себя не только в том, что не смог отыскать Кэтрин Деметр живой, — к этому чувству прибавилось ощущение, что я неумышленно навел Аделейд Модин и Хайамза на ее след.

— Возможно, я их к ней и привел, — помолчав, высказал я свое предположение. — Перед отъездом в Виргинию я рассказал миссис Кристи, что отправляюсь туда продолжать поиски. Для них этого оказалось вполне достаточно, чтобы выследить девушку.

Уолтер отрицательно покачал головой:

— Она наняла тебя для подстраховки. Скорее всего, она предупредила Хайамза сразу же после того, как была узнана. Так что Хайамз уже разыскивал Кэтрин. Если бы девушка не объявилась в Хейвене, они рассчитывали, что найдешь ее ты. А после того, как ты бы ее отыскал, вас, как мне думается, убили бы обоих.

Мне представилось приткнувшееся к стене тело Кэтрин Демер в подвале старого дома с кровавым ореолом вокруг головы. А еще у меня перед глазами возник завернутый в целлофан Эван Бейнс и разложившееся тело другого ребенка полускрытое землей. А сколько трупов еще предстояло найти в подвале склада «Манчино» и в других местах...

И во всех этих жертвах мне виделись моя жена и ребенок.

— Ты мог бы послать и кого-либо другого.

— Нет, здесь был нужен только ты. Если убийца Бейнса имел отношение к этому дому, я знал, что ты его разыщешь. Я был уверен, что тебе это удастся, потому что ты сам... убийца.

Роковое слово на мгновение повисло в воздухе, как занесенный меч, а затем обрушилось вниз, клинком рассекая наше общее прошлое. Уолтер отвернулся.

— Она сказала, что знает, кто убил Дженнифер и Сьюзен, — помолчав, продолжил я разговор, как будто не слышал слов Уолтера.

Он даже обрадовался, что я нарушил молчание.

— Не могла она этого знать. Ей просто хотелось тебя помучить. Все это проявления ее воспаленного воображения и злобного нрава.

— Ошибаешься. Она на самом деле об этом знала. И ей стало известно, кто я, но, мне кажется, нанимая меня, она об этом еще не знала, потому что не захотела бы рисковать.

— Ты ошибаешься, — снова возразил он. — Давай оставим это.

Я не стал его переубеждать, но, тем не менее, чувствовал, что царство тьмы Аделейд Модин каким-то образом соприкоснулось с миром мрака Странника.

— Я подумываю об отставке, — продолжал Уолтер. — Я вдоволь насмотрелся на трупы и больше видеть их не хочу. В последнее время меня увлек Томас Браун. Тебе случалось читать что-нибудь Томаса Брауна?

— Нет.

— Христианская мораль: «Не взирайте без меры на лики смерти, дабы не стало зрелище сие привычно глазу вашему, и долго не держите взор свой на картинах унижительных и оскорбительных, дабы не разучиться различать их».

Уолтер сидел ко мне спиной, в окне отражалось его лицо и глаза, устремленные вдаль.

— Я слишком долго смотрел на смерть, и у меня больше нет сил заставлять себя видеть все это, — он пригубил кофе. — Тебе нужно уехать отсюда и найти себе занятие, чтобы все тени и призраки остались в прошлом. Ты не тот, каким был когда-то, но, может быть, ты еще сможешь остановиться и не потеряешь себя окончательно.

Мой нетронутый кофе подернулся пленкой. Я молчал.

— Мне бы не хотелось больше видеться с тобой, — в голосе Уолта сквозила незнакомая печаль. — Я поговорю с кем нужно, чтобы тебя отпустили.

Во мне действительно кое-что изменилось, но я сомневаюсь, что Уолтер уловил

истинную суть этих изменений. Может быть, только я мог по-настоящему понять произошедшее и осознать, как отозвалась во мне смерть Аделейд Модин. Ни с чем в этом мире невозможно сопоставить ужас преступлений, совершенных ею за тридцать лет, и все те муки, которым подвергала она самых слабых и невинных из нас. И все же злодеяниям пришел конец. И я способствовал этому.

Ничто не вечно. Все должно иметь свой конец: и зло и добро. Смерть Аделейд Модин в беспощадном пламени подтверждала правильность моих выводов. И если мне удалось приблизить ее конец, то и до других я смогу добраться. И Странник не станет исключением.

В этот момент где-то среди непроглядного мрака подали голос часы и принялись отсчитывать часы, минуты и секунды до мгновения, когда придет пора известить о том, что время Странника истекло.

* * *

Размышляя над словами Уолтера и его сомнениями на мой счет, я задумался и об отце, о том, что унаследовал от него. Об отце у меня сохранились отрывочные воспоминания. Помню, как перед Рождеством он принес елку: крупный мужчина с красноватым лицом входит в дом, и клубы пара вырываются у него изо рта, как дым из паровозной трубы. Помню, как зашел как-то вечером в кухню и увидел его ласкающим мать. Мое появление смутило обоих, и мать рассмешило это смущение. Помню, как он читал мне на ночь. Его большие пальцы двигались по строчкам в такт произносимым словам, чтобы мне было легче их узнать, когда я снова к ним вернусь... А еще мне врезалась в память его смерть.

Его форма всегда была тщательно отглажена, и оружие он регулярно чистил и смазывал. Служба в полиции ему нравилась, по крайней мере, так казалось. Я не знал тогда, что заставило его поступить именно так. Возможно, Уолтер Коул что-то понял, когда смотрел на тела детей. Может быть, и мне тоже кое-что стало ясно. Наверно, я стал таким, как отец. Можно сказать только, что в нем что-то вдруг умерло, и мир вокруг утратил яркие краски. Слишком долго смотрел он на муки мертвых и стал отражением того, что видел.

То был вполне рядовой вызов: двое подростков поздно ночью носились по пустырю в машине с включенными фарами и не переставая сигналили. Отец выехал на вызов и увидел одного из местных хулиганов, пока мелких, но с задатками уголовника, и в его обществе девицу из семьи среднего достатка, которой захотелось поиграть с огнем и поймать кайф.

Отец не мог вспомнить, что сказал ему парень, чтобы произвести впечатление на подружку. Слово за слово, и я представляю, как наливался угрозой голос отца. Парень шутя полез в карман куртки, довольный своей выдумкой пощекотать нервы полицейскому, а хихиканье девицы только добавляло ему куража.

Но вот отец достал пистолет, и смех стих. Я могу представить себе, как парень поднял руки, испуганно трясая головой и пытаясь объяснить, что у него нет оружия, что это была шутка и он просит извинения. Отец выстрелил ему в лицо. Кровь забрызгала салон машины, стекла, лицо девушки на переднем сиденье. Отец застрелил и ее, думаю, она даже крикнуть не успела. Потом отец ушел.

Сотрудники службы внутренних дел пришли за ним, когда он переодевался в раздевалке. Они представили его на суд коллег-офицеров в назидание остальным. Никто не вмешивался в их действия. К этому времени все знали, что будет, или думали, что знают.

Он ничего не отрицал, но дать объяснение своим действиям не мог. Когда его спрашивали об этом, он только пожимал плечами. У него взяли пистолет и значок, но другой пистолет, тот, что теперь у меня, оставался в его спальне. Затем его отвезли домой, в соответствии с правилом, существующим в Управлении полиции, согласно которому, допрос полицейского по уголовному делу может производиться не ранее, чем через 48 часов. Он словно находился в каком-то оцепенении и отказался разговаривать с матерью. Двое сотрудников Службы внутренних дел сидели в машине и курили. Я смотрел на них из окна своей спальни. Думаю, они знали, что должно произойти. Вскоре прогремел выстрел, но они вышли из машины только после того, как смолкло в прохладной ночи звучное эхо. Я сын своего отца со всеми вытекающими последствиями.

* * *

Дверь следственной комнаты открылась, впуская Рейчел Вулф. Она была одета безо всякой официальности в голубые джинсы, кроссовки и черную кофточку с капюшоном. Распушенные волосы падали на плечи, прикрывая уши. Я разглядел россыпь веснушек на носу и у основания шеи. Она села за стол напротив меня.

— Я слышала о смерти Кэтрин Деметр. Жаль, что это случилось, — она смотрела на меня участливо и с сочувствием.

Я кивнул, и мне подумалось о Кэтрин в подвале. Мысли эти бодрости не добавляли.

— Что вы чувствуете? — в ее голосе помимо заинтересованности слышалось мягкость.

— Трудно сказать.

— Вы сожалеете, что убили Аделейд Модин?

— Она меня вынудила. Мне ничего другого не оставалось.

Ее смерть не вызывала во мне никаких эмоций. Мою душу сковало оцепенение. С таким же безразличием думал я об убийстве адвоката и вспоминал о Бобби Сциорре, когда вошедшее в шею лезвие ножа заставило его приподняться на цыпочки. Меня пугало это бесчувственное спокойствие. Я бы встревожился еще больше, если бы не терзала душу боль при мысли о невинных детях, чьи тела уже были найдены, и тех, кого еще предстояло найти.

— Я не знал, что вы выезжаете к пациентам по вызову, — попробовал пошутить я. — Зачем они пригласили вас?

— Меня никто не приглашал, — ответила она.

Она коснулась моей руки. И в этом робком, нерешительном жесте я почувствовал нечто большее, чем обычный профессиональный интерес, и мне хотелось надеяться, что я не ошибся. Я стиснул ее руку и крепко зажмурился. Мне представляется, что это был своего рода первый шаг, неуверенная попытка заново утвердиться в жизни. После мрачных событий последних двух дней меня тянуло прикоснуться, пусть ненадолго, к чему-то доброму и светлому, чтобы смогло пробудиться хорошее, что было во мне.

— Мне не удалось спасти Кэтрин Деметр, — наконец, сказал я. — Я пытался, и, может быть, попытка сыграла для меня свою роль. Я по-прежнему стремлюсь найти убийцу Сьюзен и Дженнифер.

Она медленно кивнула, не отводя взгляда.

— Я знаю, что вы его найдете.

Вскоре после ухода Рейчел зазвонил мой мобильный телефон.

— Слушаю.

— Мистер Паркер? — раздался в трубке женский голос.

— Да, у телефона Чарли Паркер.

— Меня зовут Флоренс Агуиллард, мистер Паркер. Моя мать — тетушка Мария Агуиллард. Вы к нам заезжали.

— Помню. Чем могу помочь, Флоренс? — я снова чувствовал напряжение внутри, но на сей раз его вызвало предчувствие, ожидание того, что тетушка Мария нашла нечто, позволяющее установить личность девушки, не дававшей покоя ни ей, ни мне.

Из трубки доносились звуки музыки и смех, мужской и женский, низкий и многообещающий.

— Я целый день не могла до вас дозвониться. Мама велела мне вам позвонить. Она говорит, вам нужно к ней приехать, — что-то в ее голосе настораживало: говорила она торопливо и сбивчиво, словно ее подгоняли. Я понял, что так действовал на нее страх, как туманом окутывавший все, что она говорила.

— Мистер Паркер, она говорит, что вам надо к ней ехать прямо сейчас, но никому об этом не говорите. Никому, мистер Паркер.

— Флоренс, что случилось? Я ничего не понимаю.

— Я не знаю, — ответила она со слезами в голосе. — Но она говорит, что вы должны приехать, и должны ехать сейчас. Мистер Паркер, — собравшись с духом, заговорила Флоренс, — она говорит, что Странник идет.

Совпадений не бывает, а есть модели или схемы, которые мы не можем различить. Звонок Флоренс был частью модели, связанной со смертью Аделейд Модин, однако модель эта пока оставалась для меня непонятной. О звонке я не сказал никому, забрал свой пистолет и на такси вернулся домой. Из всех рейсов, отправлявшихся в тот вечер в Луизиану, единственный билет оказался только в первый класс на маршрут до Муазан-Филд. Я зарегистрировался незадолго до отлета, записав в декларацию пистолет.

Самолет заполнили туристы. Как видно, у них не нашлось лучшего занятия, чем испытать на себе августовское пекло в Новом Орлеане. Стюардессы раздавали пассажирам булочки с ветчиной, чипсы и пакетики изюма.

Мы летели над морем тьмы, когда я внезапно почувствовал возникшее в носу давление. Я сразу потянулся за салфеткой, чтобы промокнуть первые капли крови, и тут меня пронзила такая чудовищная боль, что я резко дернулся в кресле. Рядом со мной сидел бизнесмен, которого мое движение поначалу удивило, но, увидев кровь, он был потрясен и принялся давить на кнопку вызова стюардессы. Вдруг голова моя откинулась назад, как от удара, а из носа рекой хлынула кровь, заливая спинку впереди стоящего кресла. Руки неистово дрожали.

И когда голова моя вот-вот была готова лопнуть от боли и давления, мне послышался голос. Со мной говорила старая креолка с Луизианских болот.

— Дитя, — услышал я, — он здесь, дитя.
Голос смолк, и я погрузился в темноту.

*Полости моего тела
из-за их емкости — суций ад.*

«Гаргантюа» Рабле

Насекомое с глухим стуком ударилось о ветровое стекло. Это была большущая стрекоза «комариный ястреб».

— Черт, ну и громадина, — поразился водитель, молодой агент ФБР О'Нилл Брушар. Из-за сильной влажности жара в Луизиане переносилась особенно тяжело. В тех местах, где кондиционер высушил рубашку, она неприятно холодила тело.

«Дворники» усердно пытались освободить стекло от крови и крыльев стрекозы. Кровавые потеки на ветровом стекле соответствовали по цвету пятнам крови на моей рубашке, служившим напоминанием о случившемся в самолете, но такое напоминание было совершенно лишним, потому что голова моя еще немного болела и переносица казалась на ощупь мягкой.

Сидевший рядом с Брушаром Вулрич молчал, сосредоточенно вставляя в пистолет новую обойму. Заместитель начальника отдела оставался верен себе: на нем был примелькавшийся коричневый костюм и мятый галстук.

Возле меня на заднем сиденье лежала небрежно брошенная темная ветровка с литерами службы ФБР.

Я попытался связаться с Вулричем из самолета через спутник, но безрезультатно. Уже в аэропорту я отправил ему номер телефона и сообщение с просьбой немедленно мне перезвонить, когда он получит мое послание. После этого я взял машину и направился в сторону Лафайета. Телефонный звонок застал меня уже за Батон-Руж.

— Берд? — раздался в трубке знакомый голос. — Какого черта ты здесь делаешь? — озабоченно спросил Вулрич. Мне был слышен шум работающего мотора.

— Ты получил мое сообщение?

— Да. Слушай, мы уже в пути. Кто-то видел Флоренс возле ее дома с пистолетом, и на платье у нее кровь. Мы встречаемся с местными полицейскими на разъезде номер 121. Подожди нас там.

— Вулрич, но так можно опоздать.

— Жди и все. Не пори горячку, Берд, и не нужно никаких выкрутасов. Мне это дело тоже не безразлично. Меня заботит Флоренс.

Впереди нас маячили огни двух патрульных машин. Позади на стареньком «бьюике» ехали два детектива из Сент-Мартина. Свет их фар освещал салон нашего «шевроле» федеральной службы и кровь на ветровом стекле. Один из детективов в «бьюике», Джон Чарльз Морфи, был мне знаком. Как-то раз я встретил его с Вулричем в баре «Кузница Лафита» на Бербон-стрит. Помню, как он покачивался в такт мелодии в исполнении мисс Лили Худ.

Морфи был потомком Пола Чарльза Морфи, чемпиона мира по шахматам из Нового Орлеана. Рассказывали, что последний мог играть одновременно три-четыре партии вслепую. А вот накачанная фигура Джона Чарльза как-то не вязалась в моем представлении с наклонностями к шахматам. Участие в соревнованиях шангистов — да, но никак не в шахматных турнирах. По словам Вулрича, это был человек с «прошлым». В бытность свою полицейским в Новом Орлеане он, прикрываясь расследованием убийства на грузовой станции, застрелил чернокожего по имени Лютер Борделон. Спустя два года после этого Морфи перевелся помощником шерифа в Сент-Мартин.

Я оглянулся и поймал устремленный на меня взгляд Морфи. Его бритая голова блестела в свете внутреннего освещения салона. Он крепко держал руль, что было нелишне на изрытой колеями дороге. Рядом с ним сидел его напарник Туисан с «винчестером» двенадцатой модели, стоявшим у него между ног. Приклад покрывали царапины и щербины, не блистал новизной и ствол. Я пришел к выводу, что оружие не казенное, а собственность Туисана. Мне вспомнился запах смазки, доносившийся из окна «бьюика», когда я разговаривал с Морфи на перекрестке.

В свете фар появлялись и исчезали ветви пальм, ниссы и поникшие ветви ивы. С огромных кипарисов свисали бороды испанского мха, а иногда лучи выхватывали торчащие из воды пни древних деревьев. Мы свернули на дорогу-туннель. Ветви кипарисов переплелись и полностью закрывали звездное небо. Но вот под колесами машин загрохотали деревянные мостки, ведущие к дому тетушки Марии Агуиллард.

Две машины канцелярии шерифа развернулись в противоположных направлениях и остановились под углом друг к другу. Одна освещала заросли, тянущиеся до болота. Направленные на дом фары второй машины отбрасывали тени на стволы-опоры, на которых стояло строение; освещенными оказались и стены, и ступени, ведущие к сетчатой двери, которая стояла открытой, так что внутри дом, должно быть, звенел от комариного писка.

— Ты готов? — повернулся ко мне Вулрич.

Я кивнул и вместе с ним вышел в теплую ночь, держа наготове «смит-вессон». Пахло гнилым болотом и слабо тянуло дымком. Справа от меня в кустах раздался шорох, и кто-то их обитателей зарослей плюхнулся в воду, торопясь убраться от греха подальше. За нами шел Морфи с напарником. Я отчетливо слышал, как щелкнул затвор винчестера.

Одна пара из команды шерифа в нерешительности остановилась у машины, а две другие с пистолетами в руках медленно двинулись по ухоженному саду.

— Как действуем дальше? — спросил Морфи.

Он был высокого роста и атлетического сложения, предпочитал брить голову, рот его обрамляли сомкнувшиеся в кольцо усы и борода.

— В дом войдем мы с Паркером и больше пока никто, — распорядился Вулрич. — Пусть вон та парочка обогнет дом, но внутрь не входит. Вторая пара остается у фасада. Вы двое прикрываете нас. Брушар, отойди к машине и наблюдай за мостом.

Мы пошли по лужайке, переступая через разбросанные по траве игрушки. Из дома с темными окнами не доносилось ни звука. У меня застучало в висках, и липким потом покрылись ладони. В нескольких шагах от крыльца нас остановил щелкнувший курок и возглас потрясенного помощника шерифа:

— Милостивый Боже! Господь милосердный, что же это такое...

Недалеко от воды стояло засохшее дерево, почти один ствол. Оставшиеся ветви разной толщины, некоторые тонкие, как прутики, другие толщиной с руку, начинались на высоте пояса и продолжались до уровня немногим выше человеческого роста. У самого ствола стоял младший сын старухи Ти Джин Агуиллард, и его обнаженное тело блестело, освещенное факелом. Переброшенная через толстую ветку свисала левая рука. Изгиб другой ветви придерживал голову. С лица была снята кожа, и на фоне обнажившихся мышц и сухожилий черными впадинами зияли пустые глазницы. Пальцы его правой руки, также перекинутой через ветку, придерживали пласт кожи, висевшей наподобие откинутой вуали, что позволяло видеть внутренности тела, вскрытого от ребер почти до пениса. Желудок и большая часть органов брюшной полости лежали на камне у левой ноги: белые, голубые и красные ткани,

как змеи, переплетали кишки.

Один из помощников шерифа заикался, пытаясь подавить рвоту.

— Не здесь, только не здесь! — крикнул Вулрич и за воротник поволок парня подальше в сторону. Он оставил его на коленях у воды и вернулся к дому.

— Надо найти Флоренс, — лицо Вулрича покрыла болезненная бледность.

Ранее в этот день проезжавший мимо владелец местного магазина приманок видел Флоренс у моста возле ее дома с «кольцом» в руках и в окровавленном платье. Когда он остановился, она выстрелила в окно дверцы, и пуля чудом не задела торговца. Он позвонил с заправки в полицию Сент-Мартина, а они, в свою очередь, связались с Вулричем, следуя его указанию докладывать ему о любом происшествии, имеющем отношение к тетушке Марии.

Вулрич прибавил шаг. Я догнал его у двери и положил руку на плечо. Он резко обернулся и дико посмотрел на меня.

— Спокойно, — проговорил я.

Он медленно кивнул, и глаза обрели осмысленное выражение. Я повернулся и сделал знак Морфи следовать за нами в дом. Он взял «винчестер» у Туи-сана, жестами объяснив тому, что он должен остаться снаружи.

Длинный центральный коридор упирался в кухню. В него выходили двери шести комнат: по три с каждой стороны. Я знал, что тетушка Мария занимает последнюю комнату справа, и меня тянуло сразу направиться туда. Но мы продвигались медленно, осматривая по очереди каждую комнату. Свет наших фонарей прорезал темноту, и в лучах кружились мошка и пылинки.

Первая комната справа, спальня, была пуста. В ней стояли две кровати: одна застеленная, а с другой, детской, одеяло свешивалось до пола. Напротив, в гостиной, также никого не оказалось. Морфи с Вулричем заглянули в следующую пару комнат-спален, но и там никого не нашли.

— А где же дети и взрослые? — спросил я у Вулрича.

— Они все отправились к знакомым за две мили отсюда праздновать восемнадцатилетие, — пояснил он. — В доме оставались только Ти Джин и старая хозяйка. И еще Флоренс.

В распахнутую дверь напротив комнаты тетушки Марии мне было видно нагромождение мебели, ящики с одеждой и горы игрушек. Легкий ночной ветерок колыхал занавески открытого окна.

Мы повернулись к спальне хозяйки. Приоткрытая дверь позволяла видеть лунные дорожки, исполосованные тенями деревьев. Морфи за моей спиной поднял пистолет, и Вулрич также держал свой наготове. Не спуская палец с курка, я резко толкнул ногой дверь, и, пригнувшись, нырнул в комнату.

На стене рядом с дверью выделялся кровавый отпечаток руки. За окном слышались голоса ночных животных. Лунный свет отбрасывал зыбкие тени поперек длинного буфета, массивного шкафа с платьями почти одинаковой расцветки и темный сундук на полу у двери. Но центральное место в комнате занимала кровать у дальней стены и ее хозяйка: тетушка Мария Агуиллард.

Это она, старая креолка с Луизианских болот, соединилась духом с несчастной девушкой, когда нож беспощадного убийцы кромсал ее лицо; это она во время нашей встречи обратилась ко мне голосом жены, неся успокоение в моей печали; и она же, терпя последнюю муку, донесла до меня свой мысленный призыв.

Она сидела на постели обнаженная, и после смерти оставаясь колоссальной фигурой. Голову и верхнюю часть тела подпирала гора подушек, потемневших от крови. Лицо ее превратилось в багровую массу. Отвисшая челюсть позволяла видеть длинные зубы, пожелтевшие от табака. Фонарь осветил бедра и толстые руки, сведенные к центру тела.

— Господи, спаси и помилуй, — ужаснулся Морфи.

Тело тетушки Марии было вспорото от грудины до паха, и отвернутая кожа держалась, поддерживаемая ее собственными руками. Как и у сына, большинство органов у нее было извлечено, и в пустой пещере живота, обрамленной ребрами, проглядывала часть позвоночника. Вулрич заскользил лучом вниз к паху.

— Нет, довольно, — остановил его я.

Дикий крик снаружи разорвал ночную тишину. Как по команде, мы бросились к входной двери.

Покачиваясь, перед телом брата, закусив губу от горя, стояла Флоренс Агуиллард. В правой руке она держала дулом вниз длинноствольный «кольт». Голубые цветы на ее платье стали невидимы, в некоторых местах скрытые кровью. Она стояла молча, но тело ее сотрясали беззвучные рыдания.

Мы с Вулричем медленно спустились по ступенькам. Морфи и один из людей шерифа стояли на веранде. Из-за дома вышла вторая пара и остановилась недалеко от Флоренс. Справа от них держался Туисан. Слева от Флоренс мне было видно висящее на дереве тело Ти Джина, а рядом с ним стояли четвертый из помощников шерифа и Брушар, оба с пистолетами в руках.

— Флоренс, — тихо позвал Вулрич, пряча пистолет в кобуру на плече. — Положи пистолет, Флоренс.

Она дернулась всем телом и обхватила себя за талию левой рукой, а потом слегка наклонилась вперед и медленно покачала головой.

— Флоренс, — повторил Вулрич, — это я.

Она повернула голову в нашу сторону. В глазах ее отразилось страдание и боль, а еще вина и ярость, — каждое из этих чувств, перемешанные в ее охваченном смятением разуме, стремились взять верх.

Она медленно подняла оружие и навела его на нас. Я видел, как люди шерифа вскинули оружие. Туисан замер в позе опытного стрелка, и ружье в его руках не дрожало.

— Нет! — громко крикнул Вулрич, поднимая правую руку. Я видел, как полицейские с сомнением посмотрели сначала на него, затем на Морфи. После его кивка они немного расслабились, но продолжали держать Флоренс под прицелом.

Дуло «кольта» от Вулрича повернулось ко мне, и Флоренс по-прежнему медленно качала головой.

— Нет, нет, нет, — тихо, как в трансе, твердила она произнесенное Вулричем слово.

Дальнейшее произошло очень быстро. Неожиданно резким движением Флоренс развернула пистолет, вложила дуло в рот и спустила курок.

В тишине ночи выстрел прозвучал, как пушечный залп. Захлопали крыльями потревоженные птицы, и мелкая живность зашуршала в зарослях, торопясь забраться подальше в их глубину. Тело Флоренс с изуродованным черепом рухнуло на траву. Вулрич тяжело опустился на колени рядом с ней и приложил руку к шее, проверяя пульс, а левая рука его коснулась ее лица. Затем он приподнял ее и прижал лицом к своей промокшей от пота рубашке. Рот его широко раскрылся: трагическая развязка причинила ему боль.

Вдали замигали красные сигнальные огни. А где-то дальше послышался шум лопастей вертолета, рубящих ночную мглу.

Над Новым Орлеаном занималось серое, набрякшее сыростью утро. В этот час запад Миссисипи чувствовался особенно сильно. Я вышел из гостиницы и обогнул квартал, чтобы хоть немного размяться и развеяться. В итоге ноги привели меня на улицу Лойолы. Избыток транспорта добавлял воздуху духоты. Небо хмурилось, намекая на дождь темными тучами, которые своей тяжестью пока только прижимали к земле жару. Стоя у ратуши, я прочитал купленную в автомате местную газету «Таймс пикейун». Газетные страницы пестрели заметками и статьями о коррупции. Приходилось удивляться, как при обилии материалов такого сорта газета не расплзлась от гнили: два полисмена были арестованы по обвинению в торговле наркотиками; начато федеральное расследование деталей проведения последних выборов в Сенат, и подозрения касаются бывшего губернатора. Да и сам город воплощал собой порчу. Чего стоил один только мрачный торговый район Пойдрас. Трудно сказать, город ли заражал своим духом обитателей или часть горожан отравляла город своим присутствием.

Вернувшись с полей сражений Второй мировой войны, Чеп Моррисон выстроил впечатляющее здание ратуши, дабы свергнуть миллионера мэра Мейстри и втащить, наконец, Новый Орлеан в двадцатое столетие. Кое-кто из старых друзей-приятелей Вулрича вспоминают его с нежной грустью, тем не менее, при нем коррупция в полиции достигла особенно широкого размаха, процветали рэкет, проституция и игорный бизнес. Даже три десятилетия спустя департамент полиции Нового Орлеана никак не мог справиться с наследием тех времен. Количество жалоб на неправомерные действия полиции более тысячи в год.

Департамент полиции Нового Орлеана был основан по «долевому» принципу, как и полицейские силы в других южных штатах. Задача созданного в восемнадцатом веке департамента состояла в наблюдении и контроле за рабами. При поимке сбежавших рабов часть награды доставалась полиции. В девятнадцатом веке полицейские чиновники обвинялись в насилии, убийствах, участии в судах линча и грабежах; за взятки они смотрели сквозь пальцы на азартные игры и проституцию. Из-за ежегодных выборов полиции приходилось продавать свою лояльность двум основным политическим партиям. Полиция манипулировала выборами правительства, запугивала избирателей и даже принимала участие в погроме умеренных в Институте механики в 1866 году.

В начале восьмидесятых первый чернокожий мэр Нового Орлеана Дач Мориал предпринял попытку провести в департаменте чистку рядов. Но, если даже Централизованная комиссия по расследованию преступлений за четверть века не добилась ощутимых результатов, шансы темнокожего мэра и вовсе равнялись нулю. Состоящий в массе своей из белых, профсоюз сотрудников полиции объявил забастовку, был отменен традиционный фестиваль Марди-Гра. Для поддержания порядка пришлось привлечь части национальной гвардии. Не знаю, улучшилось ли сколько-нибудь положение с тех пор. Хотелось бы надеяться, что все-таки да.

Новый Орлеан также выделяется высоким процентом убийств. Ежегодно их совершается в этом городе около четырехсот из которых раскрывается, дай бог, половина, так что по улицам Нового Орлеана остаются свободно разгуливать немало типов, чьи руки запятнаны кровью. Но отцы города предпочитают не просвещать туристов на этот счет, хотя

подобные сведения едва ли отпугнули бы много публики. Впрочем, если на речных судах процветает теневой игорный бизнес, в городе круглосуточно работают бары, а стриптиз, проституция и наркотики почти на каждом углу, то последствия очевидны.

Я двинулся дальше и дошел до розового здания новоорлеанского центра, за которым высилась башня отеля «Хайат». В ожидании Вулрича я примостился на кадку с деревом. В суматохе предыдущей ночи мы договорились с ним вместе позавтракать. Я намеревался остановиться в Лафайете или Батон-Руж, но Вулрич заметил, что местной полиции такое мое пристальное внимание к расследованию может не понравиться, кроме того, и сам он, по его выражению, базируется в Новом Орлеане.

Прошло минут двадцать, но Вулрич не появился, тогда я пошел по Пойдрас-стрит. Эта улица, стиснутая с двух сторон высотными зданиями учреждений, напоминала ущелье. В затопившем ее людском потоке преобладала деловая публика и направлявшиеся к Миссисипи.

На площади Джексона в кафе «Мадлен» уже начался прилив желающих позавтракать. Аромат свежеспеченного хлеба манил посетителей, как изображаемые змейками запахи влекут к себе героев мультфильмов. Я заказал пирожное с кофе и дочитал «Таймс пикейун». Купить «Нью-Йорк таймс» в Новом Орлеане практически нереально. Я где-то читал, что новоорлеанцы покупают меньше номеров этой газеты, чем жители любого другого крупного города США, зато по части покупки вечерних туалетов они далеко впереди. А если не вылезать со званных обедов, то где найти время, чтобы читать солидную «Нью-Йорк таймс»?

На площади среди магнолий и банановых деревьев туристы наблюдали за выступлением чечеточника и мимов. Там же худощавый темнокожий парень с чувством выстукивал пластиковыми бутылками о колени настойчивый заводящий ритм. Легкий ветерок с реки оставил надежду пересилить упорно наступающую жару и довольствовался тем, что легонько трепал волосы художников, чьи картины красовались на окаймляющей площадь чугунной ограде, и норовил сдуть карты гадалок у собора.

Произошедшее в доме тетушки Марии казалось до странного далеким. Я ожидал возвращения воспоминаний о кошмарной картине, представшей передо мной в ту ужасную ночь, когда моих жену и дочь превратили в массу мяса, жил и костей. Теперь я не чувствовал ничего, кроме давящей тяжести, словно мое сознание прикрыло темное влажное одеяло.

Я снова пробежал глазами газеты. Сообщения об убийствах занимали низ первой полосы. Детали нанесенных повреждений прессе не сообщались, но едва ли подробности преступления долго останутся тайной. Слухи, вероятно, начнут расползаться уже на похоронах.

На развороте были помещены снимки тел Ти Джина и Флоренс, сделанные в тот момент, когда их переносили по мосткам к санитарным машинам.

Хорошо, что не публиковались фотографии, как тетушку Марию перевозят к машине на специальной каталке. Даже завернутое в черное, ее огромное тело выглядело насмешкой над смертью.

Я оторвался от газеты и увидел подходившего к столику Вулрича. Ему пришлось отказаться от неизменного коричневого костюма, испачканного кровью Флоренс Агуиллард, и надеть светло-серый льняной. Щеки его заросли щетиной, а под глазами набрякли черные мешки. Я заказал ему кофе с булочками и молча дожидался, пока он расправится с едой.

Глядя на него, я подумал, что за годы нашего знакомства Вулрич сильно изменился внешне. Лицо лишилось прежней полноты, а освещенные под определенным углом скулы

напоминали острые лезвия. Мне пришла в голову мысль о болезни, но я не стал касаться этой темы. Когда захочет, он сам расскажет обо всем.

Мне вспомнилась наша первая встреча у тела Дженни Орбах. Она была недурна собой. В тридцать лет ей удавалось поддерживать себя в форме упражнениями и внимательным отношением к еде. Как выяснилось, не имея видимого источника средств, она, тем не менее, жила в достатке.

Холодной январской ночью я стоял над телом Дженни в ее квартире в Верхнем Вест-Сайде. Два больших эркерных окна выходили на маленький балкончик с видом на 79-ю улицу и реку. В двух кварталах отсюда на Бродвее находился магазин «Забар Дэли». Участок это был не наш, но мы с Коулом расследовали кражу со взломом, в результате которой погибла молодая женщина Дебора Моран, и первоначально поступившая информация давала повод для сопоставления этих преступлений.

Все полицейские были в пальто, а некоторые и с шарфами на шее. Никому не хотелось выходить из тепла на холод, а нам с Коулом особенно, хотя преступление явно носило характер не случайного, а преднамеренного убийства. На первый взгляд, в квартире ничего не тронули. В ящике под телевизором нашли кошелек с тремя кредитными карточками и семьюстами долларами наличными. Кто-то принес кофе из соседней забегаловки, и мы прихлебывали из стаканчиков, согревая о них руки, и наслаждаясь блаженным теплом.

Мед эксперт заканчивал осмотр, и санитары уже ждали, чтобы увезти труп, когда в комнату шаркающей походкой вошла личность странного вида: крупный мужчина в длинном пальто бурого цвета, на одном из башмаков отставала подошва, и в просвете виднелся большой палец в красном носке. Мятым, как будто жеваным, коричневым брюкам была под стать когда-то белая, но давно об этом забывшая рубашка, имевшая теперь бледно-желтый желтушный цвет. Дополняла странный облик посетителя мягкая шляпа. В таких шляпах являлись на осмотр места преступления сыщики в старых фильмах.

Но больше всего привлекали к себе его глаза. Ясные и блестящие, они смотрели весело и с оттенком цинизма, напоминая своим движением медуз. Несмотря на затрапезный вид, неизвестный был гладко выбрит и, когда он надевал перчатки, я обратил внимание на его безукоризненно чистые руки.

Он присел на корточки и спокойным движением приложил палец к шее Дженни Орбах.

— Холодна, как сердце шлюхи, — заключил он и добавил:

— Мертвее не бывает.

Я почувствовал прикосновение, обернулся и увидел за спиной Коула.

— Кто вы такой, черт возьми? — спросил Уолтер.

— Я один из хороших парней, — откликнулась странная личность. — Я из ФБР, что бы вы обо мне не думали. Специальный агент Вулрич, — он взмахнул перед нами своим удостоверением.

Поднявшись, он со вздохом стянул перчатки и глубоко засунул руки вместе с перчатками в карман пальто.

— Что вас в такую ночь выгнало на улицу, агент Вулрич? — спросил я. — Неужели ключи от своей квартиры потеряли?

— Вижу умника из Департамента полиции, — усмехнулся Вулрич. — Счастье, что санитарная машина здесь, — вдруг я от смеха лопну. — Склонив голову набок, он снова оглядел тело. — Вам известно, кто она?

— Мы знаем только имя, — отозвался детектив, который был мне незнаком.

В тот момент я не имел понятия, как ее зовут, знал только, что она была красива, но от красоты теперь ничего не осталось: на лице и голове виднелись следы ударов куском пустотелого кабеля, валявшегося рядом с телом. Кремового цвета ковер побурел вокруг ее головы. Кровь забрызгала стены и дорожкой, вполне возможно, неудобный мебельный гарнитур из белой кожи.

— Это женщина Томми Логана, — сообщил Вулрич.

— Того парня, что мусором занимался, — уточнил я.

— Того самого, — подтвердил Вулрич.

За последние два года компания Томми Логана заключила в городе несколько выгодных контрактов по уборке мусора. Томми также прибрал к рукам и мытье окон. После того как ребята Логана подряжались мыть окна в вашем доме, можно было распрощаться не только с окнами, но и с самим домом: ничего не скажешь, на Томми работали умельцы всех мастей.

— Томми заинтересовался рэкет? — спросил Коул.

— Томми многих интересуется. Причем очень сильно, если мы видим здесь его мертвую подругу.

— Вы полагаете, кто-то делает ему намек? — уточнил я.

— Может быть, — пожал плечами Вулрич. — Может быть, ему следовало намекнуть, что неплохо было бы нанять декоратора, у которого вкус не такой замшелый. Старомодное, надо сказать местечко.

Он попал в точку. Квартира Дженни Орбах на самом деле была далека от современного стиля. Хотя для нее это уже не имело никакого значения.

Убийц ее так и не нашли. Томми настолько потрясло известие о смерти любовницы, что он даже перестал беспокоиться о том, что о ней могла узнать жена. Смерть Дженни Орбах, возможно, заставила Томми проявить большую щедрость к партнерам, но, если он пошел на это, соглашение оказалось кратковременным, поскольку не прошло и года, как Томми Логана нашли с перерезанным горлом под мостом Борден-Бридж в Куинсе.

После этой первой встречи наши пути с Вулричем иногда пересекались; пару раз мы с ним заходили вместе выпить, после чего я возвращался домой, а он отправлялся в свою пустую квартиру; он приходил к нам обедать; Дженнифер он подарил на день рождения огромного игрушечного слона; он наблюдал, не осуждая, но и не вмешиваясь, как я медленно, но верно спиваюсь.

Помню его у нас в гостях по случаю трехлетия Дженни. На нем картонный клоунский колпак, а в руке мороженое. Он выглядел смущенным в окружении трех-четырёхлетних детишек и души в них не чающих родителей. Но, как ни странно, ему доставляло удовольствие помогать им надувать воздушные шарик и удивлять, доставая у них из-за ушей монетки. Он пародировал живущих на ферме животных и учил детишек удерживать ложки на носу. Уходил он с грустью в глазах. Думаю, ему вспоминались другие дни рождения, на которых в центре внимания была его дочь, пока он не потерял ее из виду.

В ночь гибели Дженнифер и Сьюзен Вулрич отправился со мной в полицейский участок и ждал все четыре часа, пока меня там допрашивали. Домой я вернуться не мог, не было сил даже пойти к Коулу: мне было тяжело находиться в семейном кругу. И я пошел к Вулричу в его маленькую аккуратную квартирку с полками, уставленными сборниками стихов. Он уступил мне свою кровать. В день похорон он стоял на дожде за моей спиной, и капли воды, как слезы, падали с полей его шляпы.

— Как дела? — наконец, спросил я.

Он надул щеки и выдохнул полной грудью, покачивая головой на манер игрушечной собачки на заднем сиденье машины. От посеребренных висков седина просачивалась в его шевелюру, а лучи морщин, как трещинки на фарфоре, разбегались от глаз и углов рта.

— Хорошего мало, — пожаловался он. — Я спал всего три часа, если это можно так назвать: просыпался через каждые двадцать минут. У меня из головы не шла Флоренс. Перед глазами стояла картина, когда она сунула в рот дуло.

— Ты часто с ней встречался?

— Нет. Время от времени. Мы виделись пару раз. А несколько дней назад я заезжал к ним убедиться, что все в порядке. Боже, какой кошмар.

Он придвинул к себе газету и погрузился в чтение заметки о совершенных накануне убийствах. Читал он медленно, водя пальцем по строчкам, а когда закончил, посмотрел на испачканный палец, потер его о большой, а затем вытер руку бумажной салфеткой.

— У нас есть отпечаток пальца, частичный оттиск, — казалось, он вспомнил о нем, глядя на рисунок собственной кожи.

Для меня всякое постороннее движение и шум отодвинулись на задний план. Я видел перед собой только темные глаза Вулрича. Он допил кофе и промокнул губы салфеткой.

— Поэтому я задержался, — объяснил он. — Заключение было сделано только час назад. Мы сличили этот оттиск с отпечатками Флоренс: сходство не установлено. На нем обнаружены следы крови старухи.

— И где же вы его отыскиали?

— С нижней стороны кровати. Может быть, ему требовался упор, когда он ее резал, а возможно, он поскользнулся и ухватился за кровать. Но попытки стереть его незаметно. Сейчас идет сличение его с местной картотекой и нашей базой данных. Если он зарегистрирован, мы его найдем.

В картотеке хранились не только отпечатки преступников, но и федеральных служащих, иностранцев, военного персонала, а также всех тех, кто пожелал, чтобы они там находились на случай идентификации. В течение суток найденный на месте преступления отпечаток будет сличен с двумястами миллионами зарегистрированных образцов.

Если отпечаток принадлежит Страннику, эта находка станет первой удачей в розысках убийцы Сьюзен и Дженнифер. Но я не очень обольщался на этот счет. После убийства моей жены этот человек не забыл почистить ей ногти, чтобы уничтожить лишнюю улику. Едва ли он допустил бы такую оплошность, как оставленный отпечаток пальца. По выражению лица Вулрича мне стало ясно, что и ему пришла в голову та же мысль. Он жестом заказал себе еще кофе и посмотрел на многолюдную площадь Джексона, прислушиваясь к всхрапыванию пони, запряженных в прогулочные коляски.

— Флоренс в тот день с утра ездила за покупками в Батон-Руж, а потом вернулась домой, чтобы переодеться и отправиться на день рождения к родственникам. Она звонила тебе из какой-то забегаловки в Бро-Бридж, затем пришла домой, где и оставалась, предположительно, до половины девятого, а в девять она уже была на празднике у родственников. По словам свидетелей, ее что-то сильно смущало и тревожило. В гостях она не задержалась. Ее мать как будто бы настояла, чтобы Флоренс пошла на день рождения, так как Ти Джин вполне мог о ней позаботиться. Она побыла на празднике час, от силы полтора, и направилась домой. Владелец магазина Бреннан видел ее полчаса спустя. Значит, убийство было совершено в течение часа-двух.

— Кто ведет дело?

— Теоретически Морфи и его команда. Но большая часть работы, скорее всего, ляжет на нас, поскольку почерк этого преступления совпадает с характеристикой убийства Сьюзен и Дженнифер, кроме того, этого хочу я. Брие поставит твой телефон на прослушивание, если тот человек снова решит тебе позвонить. Конечно, торчать у тебя в номере не очень этично, но я не знаю, что еще тут можно придумать, — он постарался не встречаться со мной взглядом.

— Ты вытесняешь меня из дела.

— Берд, ты не можешь погружаться в расследование с головой. Тебе самому это ясно. Я говорил об этом раньше и сейчас повторяю. Мы определили долю твоего участия.

— Оно будет ограниченным.

— Да, черт побери, ограниченным! Берд, ты же связующее звено между нами и этим типом. Он позвонил раз и еще позвонит. Подождем — увидим, — он широко развел руками.

— Ее убили из-за той девушки. Вы собираетесь заняться ее поисками?

Вулрич досадливо закатил глаза.

— Берд, подумай, где искать? Облазить всю чертову протоку? У нас есть отпечаток, им мы займемся и посмотрим, куда он нас выведет. А теперь расплачивайся и пойдём. Нас дела ждут.

Я остановился в белом особняке греческого стиля. Мой выбор пал на комнату в перестроенном флигеле за основным зданием. Во-первых, меня устраивало уединение, а, во-вторых, во дворе несли вахту два четвероногих сторожа, и как заверил меня портье, они рычали на всех, кроме постояльцев. Но, по моим наблюдениям, эти здоровенные псины в основном предпочитали спать в тени старого фонтана. В моей большой комнате с балконом и вентилятором под потолком стояли два массивных кожаных кресла и маленький холодильник, который я заполнил бутылками с водой.

Когда мы пришли ко мне, Вулрич включил телевизор, и в ожидании Брие мы молча смотрели утреннее шоу-викторину. Он появился через полчаса. За это время женщина из города Талса успела выиграть туристическую поездку. Небольшого роста, аккуратно одетый, Брие имел привычку то и дело причесывать пятерней свою редеющую шевелюру, словно хотел убедиться, что еще не до конца облысел. Двое мужчин за ним несли на металлических носилках комплект аппаратуры для прослушивания. Они осторожно поднялись по деревянным ступеням, ведущим во флигель, состоящий из четырех номеров.

— За дело, Брие, — сказал Вулрич. — Надеюсь, вы запаслись чтивом.

Один из пришедших мужчин потряс кипой журналов и книжек, которые достал с полки под носилками.

— Если понадобится, где вы будете? — поинтересовался Брие у Вулрича.

— Как обычно, поблизости, — отозвался Вулрич и вышел.

Как-то раз, еще в Нью-Йорке, я оказался, конечно не без содействия Вулрича, в закрытой для общего доступа комнате в отделении ФБР. Это была аппаратная. Здесь велось прослушивание телефонных разговоров в рамках долгосрочных расследований, касающихся организованной преступности или затрагивающих интересы контрразведки. Шесть агентов сидели перед записывающими устройствами, срабатывающими на голосовой сигнал. Как только аппарат включался, сотрудник точно регистрировал время, дату, а также предмет разговора. В комнате стояла тишина, нарушаемая щелчками включающихся устройств, шуршанием ленты и поскрипыванием ручек о бумагу.

Федералам страшно нравится прослушивание. Они в него просто влюблены. В 1928

году, когда эта контора получила название Федеральное бюро расследований, Верховный Суд санкционировал прослушивание почти без ограничений. В 1940 году министр юстиции и генеральный прокурор Эндрю Джексон сделал попытку запретить прослушивание, но не тут-то было: Рузвельт нажал на него и распространил использование прослушивания на случаи, имеющие отношение к «подрывной деятельности». А в понимании Гувера, к разряду «подрывной» относилась любая деятельность — от руководства китайской прачечной до соблазнения чужой жены. По части прослушивания Гувер был царь и бог.

Теперь агентам-федералам больше нет нужды мокнуть под дождем возле кабельного ящика, защищая блокноты от непогоды. Достаточно с одобрения судебных инстанций позвонить в телефонную компанию, и звонок будет переведен на нужную линию. Дело облегчается, если хозяин телефона готов к сотрудничеству. В моем случае Брие со своей командой даже не пришлось потеть в спецмашине.

Пока Брие занимался подключением к системе моего мобильного телефона и аппарата в номере, я сказал, что мне нужно на кухню в основное здание. Когда я пересекал двор, один из псов удостоил меня скучающим взглядом. Пройдя квартал, я позвонил Эйнджелу из телефонной будки у бакалейного магазина, но у него работал автоответчик. Я кратко обрисовал ситуацию и посоветовал пока не звонить мне на мобильный.

Формально, предполагается, что прослушивание должно сводиться к минимуму. Теоретически это означает, что записывающее устройство следует отключать, если разговор частного характера и не относится к интересующей теме. На практике же только круглый дурак мог рассчитывать на сохранение конфиденциальности его частной жизни, если линия прослушивалась. Поэтому было бы, мягко говоря, неразумно беседовать с грабителем и киллером, когда к телефону присоседились ребята из ФБР. Я купил в бакалее четыре кофе и вернулся к себе, где на пороге меня поджидал уже начавший беспокоиться Брие.

— Мы могли бы заказать кофе в номер, мистер Паркер, — он явно не одобрял мой поход.

— У него вкус всегда разный, — ответил я.

— Ничего страшного, — заключил агент, закрывая за мной дверь.

* * *

Первый звонок раздался в четыре часа дня. К этому времени мы успели насмотреться по телевизору всякой ерунды и зачитать едва ли не до дыр «Космополитан». Брие быстро поднялся с кровати и щелкнул пальцами, подавая знак техникам, один из которых уже надевал наушники. Отсчитав на пальцах до трех, он махнул мне, и я снял трубку.

— Чарли Паркер? — осведомился женский голос.

— Да.

— Это Рейчел Вулф.

Я посмотрел на сотрудников ФБР и покачал головой: послышался облегченный вздох.

— А как насчет минимизации? — напомнил я, прикрывая трубку рукой.

Раздался щелчок выключенного магнитофона, и Брие снова растянулся на моих чистых простынях, закинув за голову руки, и закрыв глаза.

Как видно, Рейчел почувствовала заминку.

— Вы можете говорить?

— Я не один. Можно, я перезвоню вам?

Она назвала номер своего телефона и предупредила, что ее не будет до половины восьмого. Я поблагодарил и повесил трубку.

— Ваша знакомая? — не преминул поинтересоваться Брие.

— Это мой психолог, — ответил я. — У меня невысокий порог терпимости. Она надеется, что через несколько лет я вполне смогу мириться с праздным любопытством.

Брие громко фыркнул, не открывая глаз.

Второй звонок прозвучал в шесть часов. Сильная влажность и галдеж туристов вынудили нас закрыть балконную дверь, и в комнате кисло пахло потом. На этот раз не приходилось сомневаться, чей это звонок.

— Добро пожаловать в Новый Орлеан, Берд, — синтезированный голос колебался, как туман, меняя тона.

Я подождал несколько мгновений и кивнул техникам. Брие уже искал Вулрича. На экране компьютера у балкона одна за одной мелькали карты. Мне был слышен голос Странника даже через наушники.

— Совсем ни к чему было беспокоить твоих друзей из ФБР, — он говорил голосом маленькой девочки. — Агент Вулрич с тобой?

Я молчал, ощущая убегающие секунды.

— Черт побери, Берд, не надо со мной хитрить, — тоном раздраженного ребенка продолжал Странник. От ругательства впечатление становилось еще гаже.

— Его здесь нет.

— Через тридцать минут продолжим, — на том конце провода повесили трубку.

— Он в курсе дела, — пожал плечами Брие. — Значит, не станет говорить долго, чтобы не засекали, — он опять улегся на кровать дожидаться Вулрича.

Вид у Вулрича был измотанный. От недосыпа вокруг глаз появились красные круги, и дыхание не отличалось свежестью. Он то и дело двигал ногами, как будто ему жали башмаки. Спустя пять минут после его прихода прозвенел звонок. По знаку Брие я взял трубку.

— Да.

— Слушай и не перебивай, — женский голос говорил тоном любовницы, готовящейся поведать о своих тайных фантазиях. Но голос этот был каким-то искаженным, ненастоящим. — Жаль, что все так вышло с милашкой Вулрича. Но жаль потому, что она ускользнула от меня. Ей полагалось там быть. У меня на ее счет имелись особые планы. Но у нее, как выяснилось, тоже было кое-что на уме.

Вулрич сильно прищурился, но больше ничем не показал, что услышанное его задело.

— Надеюсь, вам понравилось мое исполнение, — продолжал голос. — Может быть, вы даже начинаете что-то понимать. А если нет, то не стоит беспокоиться. У вас будет еще много возможностей все понять. Бедняга Берд. Бедняга Вулрич. Теперь горе объединяет вас. Постараюсь найти вам кого-нибудь для компании.

Голос снова изменился на низкий и угрожающий.

— Это мой последний звонок. Частные разговоры подслушивать невежливо. Мое следующее послание будет кровавым.

Разговор на этом закончился.

— Проклятье, — откликнулся Вулрич. — Вы хоть что-нибудь успели сделать?

— Решительно ничего, — Брие с досадой швырнул на постель свои наушники.

Я оставил федералов грузить свое имущество в белый фургон, а сам направился в «Наполеон Хаус» звонить Рейчел. Пользоваться мобильным как-то не хотелось. У меня появилось чувство, что разговор с убийцей оставил на нем грязный отпечаток. Да и после долгого сидения в душной комнате меня тянуло прогуляться.

Она откликнулась с третьего раза.

— Привет... — она умолкла, пытаясь определиться, как ко мне обращаться.

— Называйте меня Берд, — пришел ей на выручку я.

— Вовремя сказано... Где вы сейчас? Я слышу сильный шум, — заговорила она, нарушая неловкую паузу.

— Да, здесь шумновато. Новый Орлеан как-никак, — согласился я и вкратце обрисовал произошедшие события. Она слушала, не перебивая, и пару раз до меня донеслось ритмичное постукивание ручки по трубке.

— Вам говорят что-либо детали? — в заключение поинтересовался я.

— Что-то маячит знакомое из студенческих времен, но я не уверена, что мне удастся раскопать в памяти то, что нужно. Много воды утекло с тех пор. А что касается вашего предыдущего разговора с тем человеком, у меня есть для вас кое-что. Но информация довольно туманная, — она помолчала. — Где вы остановились?

Я сообщил ей номер телефона гостиницы и ее название. Она записала, повторяя для себя.

— Вы собираетесь мне перезвонить?

— Нет, я сейчас заказываю билет и вылетаю к вам.

Повесив трубку, я обвел взглядом неярко освещенный бар, заполненный до отказа местной публикой и посетителями, слегка напоминающими богему; часть из них, туристы, занимали комнаты над баром. В воздухе густой завесой висел дым, и звучало какое-то классическое произведение, название которого выскочило из головы.

Что-то в звонках Странника раздражало меня и настораживало, но я не мог понять, что именно. Он знал, что я в Новом Орлеане, знал, где я остановился, так как ему было известно о присутствии федералов, а из этого следовало, что он знаком с методами ведения следствия и следил за тем, как идет расследование. Об этом с самого начала предупреждала Рейчел.

Должно быть, он находился на месте преступления в одно время с нами или побывал там вскоре после нас. Его желание не затягивать разговор понятно: линия прослушивалась, но вот второй его звонок... я мысленно прокрутил его в памяти, стараясь отыскать источник беспокойства, но все впустую.

Мне очень хотелось остаться в «Наполеоне» и наслаждаться атмосферой старого бара, проникнутой радостью жизни, но я вернулся в свою гостиницу. Несмотря на жару, я распахнул большие окна и вышел на балкон. Я смотрел на здания с чугунными решетками балконов и вдыхал смешанные с запахом выхлопов ароматы, источаемые кухней ресторана по соседству. Из бара на улице Губернатора Николса неслись звуки джаза, а по Беобон-стрит народ с веселыми криками и смехом направлялся погулять в крутых кабаках; мелодичный местный говор смешивался с голосами приезжих — одним словом, жизнь за окнами была ключом.

Я стоял и думал о Рейчел Вулф. Мне вспомнились ее падающие на плечи волосы и

россыпь веснушек на белой шее.

Ночью мне приснился жуткий сон. Я видел амфитеатр, заполненный стариками. Высоко на стенах, задрапированных узорчатой тканью, горели два факела, освещающая в центре прямоугольный стол со скругленными краями и ножками, напоминающими формой кости. На столе лежала Флоренс Агуиллард. Бородатый мужчина в темных одеждах терзал ее чрево скальпелем с ручкой из слоновой кости. На ее согнутой под неестественным углом шее и за ушами виднелся багровый след от веревки.

Когда хирург сделал разрез, из чрева ее поползли, падая на пол, угри. Глаза мертвой женщины раскрылись, и она попыталась крикнуть, но хирург тряпкой закрыл ей рот. А старики молча наблюдали за происходящим, и во тьме брэнчали костями скелеты. Хирург продолжал кромсать ее плоть, стоя по щиколотку в черных угрях, пока в ее глазах не померк свет.

А на грани света и тьмы стояли и смотрели на все еще чьи-то фигуры. И вот они вышли ко мне из полутьмы, моя жена и дочь, но с ними был кто-то еще, державшийся позади. Я видел только смутные очертания призрачной женской фигуры. Она принесла с собой стойкий запах гниющей растительности, зеленоватых вод и вздувшегося трупа, обезображенного разложением и газами. Она лежала в чем-то маленьком, тесном и неподатливом. Иногда о стенки ударялась рыба. Я проснулся, все еще ощущая ее запах, и голос этой женщины продолжал звучать в моих ушах:

— Помоги мне.

Кровь бросилась мне в глаза.

— Мне холодно здесь, помоги мне.

И тогда я понял, что должен, во что бы то ни стало отыскать ее.

* * *

Разбудил меня звонок гостиничного телефона. Приглушенный шторами, в комнату просачивался свет наступившего дня. Циферблат моих часов показывал 8:35, когда я снял трубку.

— Паркер? Это Морфи. Живее отрывай от постели свою задницу. Жду тебя через час в «Маркизе».

Я принял душ, оделся и направился к площади Джексона вслед за верующими, с утра пораньше решившими посетить собор Святого Людовика. У собора пожиратель огня пытался привлечь к себе внимание добропорядочной паствы. Группа темнокожих монахинь сгрудилась под желто-зеленым зонтиком.

Как-то раз мы со Сьюзен были на службе под сводами этого собора, где был изображен Христос в окружении пастухов, а над небольшим алтарем — крестonosец король Франции Людовик IX, провозглашающий Седьмой крестовый поход. За свою историю здание перестраивалось дважды. Деревянная постройка 1724 года вместе еще с восьмьюстами строениями погибла в огне пожара в Страстную пятницу 1788 года. Отстроенный заново, собор перестраивался еще раз. Свой нынешний облик он сохраняет около ста пятидесяти лет, его окна с витражами — подарок испанского правительства — выходят на усадьбу Жана

Поля Дуэ.

Странно, что после стольких лет в моей памяти так ясно сохранились детали. Но запомнились они не сами по себе, а в их связи со Сьюзен. Когда я узнавал все эти подробности, она находилась рядом. Мы держались за руки, и ее волосы скреплял сзади бант цвета морской волны.

На короткое мгновение мне показалось, что, стоя на том же месте и вспоминая сказанные тогда слова, я могу вернуться в прошлое, и она вновь окажется со мной, ее рука в моей, ее запах на моей шее, вкус ее губ все еще на моих губах. Я представил, как она медленно идет по проходу, касаясь моего плеча, и вдыхает смешанный аромат ладана и цветов. А когда она проходит под окнами, то попеременно оказывается то в тени, то на свету, то снова в тени.

В глубине собора я опустился на колени перед статуей херувима с купелью в руках, попирающего ногами образ зла, и помолился за жену и дочь.

* * *

Морфи уже дожидался меня в «Маркизе», кафе-кондитерской во французском стиле. Он расположился в глубине дворика, сверкая свежесбрившей головой. Морфи был одет в тренировочные брюки, фирменные кроссовки и футболку. Перед ним стояли две чашки кофе и тарелка с круассанами. Он с сосредоточенным видом пристраивал на рогалик виноградное желе. Я подошел и сел напротив.

— Я заказал тебе кофе. Бери круассан.

— Кофе — это то, что надо. Спасибо. У тебя выходной?

— Нет, отвертелся от утреннего патрулирования, — он отправил в рот половину круассана, помогая себе пальцем. — Жена дома ворчит на меня за это, — он улыбнулся и показал пальцем на свои раздувшиеся щеки. — Она говорит, что за столом я напоминаю ей малыша на дне рождения, который старается ничего не пропустить и съесть как можно больше.

Он дожевал часть круассана, принялся за вторую половинку и продолжал уже серьезно:

— Весь Сент-Мартин в ужасе, а некоторые рыщут в окрестностях в поисках окровавленной одежды. Вулрич со своими людьми взял большую часть расследования на себя. Вся махина работы больше нас не касается. Мы занимается только обследованием местности.

Я знал, как намерен действовать Вулрич. Убийство тетушки Марии и Ти Джина подтвердило существование серийного убийцы. Детальная информация поступит во вспомогательное подразделение ФБР, занимающееся выработкой рекомендаций по методам дознания и ведению переговоров при захвате заложников, оно же занимается материалами в рамках программ систематизации преступлений с применением насилия, а также поджогов и случаев установки бомб. Но что особенно важно для данного дела, это то, что в подразделении проводился анализ и составлялась системная характеристика преступления. Из тридцати шести агентов этого подразделения в недрах академии в Куантико над аналитическими схемами трудятся только десять человек.

В то время как федералы фильтровали информацию, стремясь сформировать образ Странника, полиция продолжала вести поиски вещественных свидетельств присутствия

убийцы, обследуя окрестности дома тетушки Марии. Я сразу же представил себе цепь полицейских, прочесывающих заросли. Теплый свет струится на них сквозь кружево листвы. Под ногами у них чавкает болотная грязь, а за форму цепляются колючие стебли шиповника. Другие будут, обливаясь потом, шарить в мутных водах Атчафалайи.

Дом семейства Агуиллард был залит кровью. Странник, должно быть, перепачкался в ней с головы до ног. Вероятнее всего, он запасся халатом, фартуком или комбинезоном. Но такую улику держать при себе было рискованно, поэтому он утопил окровавленную одежду в болоте, либо зарыл ее, либо уничтожил. Я склонялся к последнему варианту, однако поиски следовало продолжать.

— Я так же мало связан с расследованием.

— Слышал, — Морфи расправился с круассаном и допил кофе. — Если ты готов, пойдём, — он оставил деньги на столе, и мы вышли на улицу. Неподалеку от кафе стоял тот же обшарпанный «бьюик», что следовал за нами к дому тетушки Марии. К приборной доске скотчем был прикреплен написанный от руки указатель: «дежурный полицейский». И, тем не менее, под дворником маячила штрафная квитанция за неправильную парковку.

— Черт бы их побрал! — Морфи с досадой швырнул снятую квитанцию в мусорный бычок. — Никакого уважения к закону.

Мы ехали в сторону унылых городских микрорайонов, где темнокожая молодежь болталась у замусоренных стоянок либо кидала в корзину мяч во дворах, обнесенных колючей проволокой. Кварталы двухэтажных, смахивающих на бараки домов тянулись вдоль улиц, которые, как в плохой шутке, носили название Благочестие, Изобилие, Гуманность. Мы остановились неподалеку от винного магазина, забаррикадированного подобно крепости. Молодежь тут же убралась подальше, почуяв полицейских: даже здесь мигом узнавали бритую голову Морфи.

— Ты много знаешь о Новом Орлеане? — спросил через некоторое время Морфи.

— Нет, — признался я и взглянул на него. Ворсистая куртка оттопыривалась, скрывая тяжелый пистолет. Ладони его рук огрубели от гантелей и штанги, даже пальцы стали толстыми и мускулистыми. Когда он поворачивал голову, мышцы и жилы на шее вздувались и двигались под кожей, как змеи.

Морфи отличался от других накачанных атлетов. В нем чувствовалась скрытая опасность. Вид его мышц вызывал ощущение, что они не плод декоративного бодибилдинга. Я знал, что в каком-то баре в Монро он убил негодяя-сутенера, застрелившего одну из своих девиц и ее клиента в номере гостиницы в Лафайете. Массивный сутенер-креол, называвший себя Мор Руж-Красная Смерть, ткнул Морфи в грудь разбитой бутылкой и старался задушить. Морфи колотил креола по лицу и телу, но тот и не думал его отпускать. Тогда Морфи схватил его за горло, и так они застыли, сцепившись; потом в голове у сутенера что-то лопнуло, и он упал на стойку бара. До приезда «скорой помощи» парень не дотянул.

Это была абсолютно честная схватка, но, сидя теперь рядом с Морфи, я подумал об истории с Лютером Борделоном. В том, что это явный подонок, сомневаться не приходилось. Со времен юности тянулся за ним хвост разных проступков, и он подозревался в изнасиловании австралийской туристки. Правда, девушка не узнала Борделона во время опознания, и на ее теле не оказалось вещественных доказательств, изобличающих насильника, поскольку тот пользовался презервативом, кроме того, он заставил ее промыть лобковую область минеральной водой, но в полиции знали, что виновен Борделон. Вот такое иногда складывается положение.

В последний вечер своей жизни Борделон оттягивался в ирландском баре. Позднее посетители бара, с которыми он играл на бильярде, заявляли в полиции, что оружия при нем не было. Однако Морфи со своим напарником Реем Гарзой утверждали, что обратились к нему с положенными вопросами, а Борделон начал стрелять, вынуждая их применить оружие, в результате чего он был убит. Рядом с телом обнаружили «смит-вессон» 60-й модели, и в магазине не доставало двух патронов. Оружие было лет двадцать, не меньше. Серийный номер оказался спиленным, а баллистики дали заключение, что пистолет не значился в картотеке и к совершенным в Новом Орлеане преступлениям отношения не имел.

В Отделе внутренних расследований управления предполагали, что пистолет был подброшен: очень уж дело смахивало на инсценировку. Но Гарза и Морфи твердо стояли на своем. Спустя год Гарза погиб: его зарезали, когда он пытался остановить драку. А Морфи перебрался в Сент-Мартин и обосновался там, купив дом. Вот такая история.

Морфи указал в сторону группы темнокожих подростков с орущим магнитофоном. Джинсы на них провисали до колен, а большие не по размеру кроссовки при ходьбе хлопали по мостовой. Они с вызовом посмотрели в нашу сторону.

— Чушь собачья, а не музыка, — возмутился Морфи и завертел ручкой приемника, но не нашел ничего стоящего и поставил кассету. Полилась спокойная мелодия в исполнении Уилли Джона.

— Я вырос в Мэтери, до того как эти микрорайоны появились в городе, — заговорил Морфи. — Не могу сказать, что моими лучшими друзьями были черные — большинство из них ходили в бесплатные школы, а я нет, — но мы ладили вполне. Но, когда началась застройка, все изменилось. Желание, Ибервилл, Лафит — в этих местах лучше было не показываться, если не вооружен до зубов. А при Рейгане стало совсем погано. Теперь здесь сифилис встречается чаще, чем полвека назад. Большею частью детей не делались прививки от кори. Дом в районе бедноты не стоит ни гроша. Можно бросить его гнить — все равно он никому не нужен, — он с досадой хлопнул ладонями по рулю. При такой бедности человек с фантазией может найти способ качать отсюда деньги. Очень многие стремятся здесь пожить.

— Например?

— Джо Боннано. Его команда последние десять лет тут заправляет. У них контроль поставок кокаина, героина, да и прочей «дури». Они стараются и в другие сферы просочиться. Ходят слухи, что у них в планах открыть центр отдыха между Лафайетом и Батон-Руж, а может, это будет гостиница. Но не исключено, что им нужна видимость дела, а главное — найти способ отмыть деньги... И в этих местах Джо Боунз вырос, — Морфи окинул взглядом унылую панораму вокруг. Он сказал это со вздохом, словно не понимал, как может у человека подняться рука поганить места, где он вырос. Морфи завел машину, и мы двинулись дальше, а по пути он рассказал мне о Джо Боунзе.

У отца Джо, Сальваторе Боннано, имелся бар в ирландском квартале, и он противостоял местным бандам, твердо верившим, что итальянцу нет места в районе, где царит ирландский дух и детей называют в честь почитаемых ирландцами святых. Позицию Сола Боннано определял исключительно практицизм. В послевоенном Новом Орлеане при мэре Чепе Моррисоне деньги можно было грести лопатой, если уметь постоять за себя и знать, кому дать на лапу.

Этот бар стал первым среди баров и клубов, приобретенных им позднее. Чтобы возвращать займы, ему не хватало дохода одного бара. Он поднатужился, скопил денег и

прикупил бар в другом районе. С этого и началась его империя. В некоторых случаях для приобретения желаемой недвижимости оказывалось достаточно простой финансовой сделки, и дело решалось миром. В других ситуациях в ход шли более убедительные аргументы, а если и они не помогали, в болотах Ачтафалайи было достаточно воды, чтобы утопить любые грехи. Постепенно Сальваторе Боннано оброс людьми, так что у него было кому позаботиться, чтобы бизнес процветал, местные власти и полиция были сыты и довольны, а у тех, кто стоял ниже его в пищевой цепочке, не возникало охоты поживиться за счет Сола.

Сол Боннано взял в жены Марию Киффаро из Гретны, что к востоку от Нового Орлеана. Брат ее был одним из ближайших сподвижников Боннано. Она родила ему дочь, которая в семь лет умерла от туберкулеза, а их сын погиб во Вьетнаме. Сама Мария умерла от рака груди в 1958.

Но истинную страсть Сол питал к Рохели Хайнс. Она принадлежала к так называемым «желтоватым». На протяжении многих поколений негритянская кровь в их семьях много раз смешивалась с белой, и в результате кожа этих людей, чьи предки были черными, приобрела почти белый цвет. По выражению Морфи, цвет лица Рохели имел оттенок сливочного масла, несмотря на запись в метрике: «черная, незаконнорожденная». Она была высокого роста, с длинными черными волосами, обрамлявшими лицо, которое привлекало внимание сочетанием миндалевидных глаз и нежных пухлых губ. От ее фигуры захватывало дух. Ходил слухок, что девица в свое время занималась проституцией. Но если права молва, Сол Боннано этой деятельности быстро положил конец.

Боннано купил ей квартиру в престижном Садовом районе и после смерти Марии стал представлять Рохель как свою жену. Нельзя сказать, что он поступал разумно. В конце пятидесятых о расовой дискриминации в Луизиане знали не понаслышке. Даже коренной новоорлеанец Луи Армстронг не мог работать в родном городе с белыми музыкантами, поскольку администрацией штата Луизиана запрещались выступления в этом городе смешанных джазовых оркестров.

Белым разрешалось содержать темнокожих любовниц и пользоваться услугами проституток с черной кожей. Но тот, кто представлял женой такую женщину, пусть даже очень светлокожую, рисковал заработать себе серьезные неприятности. Рохель родила Солу сына, и Боннано записал его на свою фамилию. Он ходил вместе с сыном и его матерью на площадь Джексона послушать джазовые композиции. Довольный папаша толкал по траве белую большущую коляску и агукал вместе с сыном.

Возможно, Сол понадеялся, что деньги его защитят. А может быть, его это не тревожило. Он позаботился о том, чтобы Рохель всегда находилась под охраной и никогда не выходила одна. Но, как выяснилось, вовсе не Рохель была главной мишенью.

Сол Боннано пропал душной июльской ночью 1964 года, его сыну Джо к тому времени уже исполнилось пять лет. Нашли его спустя три дня привязанным к дереву на берегу озера Катаотче. Ему почти полностью отсекли голову. Кто-то счел отношения Боннано с Рохель удобным поводом избавиться от него и прибрать к рукам его дело. Право владения клубами и барами перешло к бизнес-консорциуму с процентными доходами в Рино и Вегасе.

Как только до Рохель Хайнс дошло известие, что найдено тело мужа, она, не теряя времени, исчезла с сыном, прихватив кое-что из драгоценностей и немного денег. Объявилась она только через год в том районе, что после стали называть Желание. В этом месте у нее имелся дом, где молодая женщина сдавала комнаты. Смерть Сола подкосила ее:

она пристрастилась к выпивке и морфию.

Вот среди этих строящихся микрорайонов и вырос Джо Боунз, еще блее кожей, чем мать. Ни черные ни белые не желали считать его своим, и ему приходилось противостоять и тем и другим. Жившую в нем ярость Джо Боунз изливал на окружающий мир. В 1990 году, спустя десять лет после смерти матери — а умерла она в грязной постели в одном из районов бедноты, — во владении Джо Боунза находилось больше баров, чем тридцать лет назад у его отца. Кроме того, ежемесячно его самолеты доставляли из Мексики кокаин. Часть «дури» распределялась в Новом Орлеане, а остальной товар шел на север, восток и запад.

— Теперь Джо Боунз называет себя белым, и спорить с ним себе дороже, — заключил Морфи. — Да и не очень-то поспоришь, если тебе твоими же яйцами рот заткнут. Теперь у Джо нет времени на собратьев, — тихо рассмеялся Морфи. — А если человек не может ладить с родственниками, хорошего в этом мало.

Мы остановились у заправки. Морфи залил бак и вернулся с двумя стаканами содовой. Мы тянули воду через соломинку и глядели на проезжающие машины.

— Есть и вторая команда — семейка Фонтено. Они тоже глаз положили на микрорайоны. Их двое братьев: Дэвид и Лайонел. Семья происходит из Лафайета, но в двадцатые года они переехали в Новый Орлеан. Мне кажется, у них в Лафайете кто-то остался. Фонтено дьявольски честолюбивы, нрава крутого и, возможно, считают, что время главенства Боннано вышло. Противоречия вызревают уже год, и, очень может быть, лафайетцы хотят устроить Джо Боунзу какую-нибудь пакость.

Братьям Фонтено перевалило за сорок. Они постепенно утвердились в Луизиане и теперь руководили своими делами из Делакруа, где жили в усадьбе под охраной собак и боевиков. Костяк охраны составляли кейджаны. Под контролем этой семьи находился игорный бизнес, проституция и частично наркотики. Им принадлежали все бары в Батон-Руж и пара в Лафайете. Если бы им удалось убрать с дороги Джо Боунза, у Фонтено появилась бы реальная возможность серьезно укрепить свои позиции на рынке наркотиков.

— Тебе известно что-либо о кейджанах? — спросил Морфи.

— Я знаком с их музыкой, но не более того.

— В Луизиане и Техасе они преследуемое меньшинство. Во времена нефтяного бума кейджаны не могли найти работу, потому что техасцы предпочитали нанимать негров. Большинство из них поступило, как все мы поступаем в трудные времена: примирились с ситуацией и постарались приспособиться. Правда, произошло несколько столкновений кейджанов с чернокожими, поскольку и те и другие претендовали на ограниченное количество рабочих мест. Но большинство старалось сделать все, что возможно, чтобы выжить, не нарушая при этом закон.

— Когда их дед Роланд Фонтено приехал в Новый Орлеан, следуя за какой-то ничем не примечательной ветвью семьи, он постарался забыть свои корни. Но братья всегда о них помнили. В смутные семидесятые они собрали вокруг себя большую группу недовольных, костяк которой составляли немало молодых кейджанов, однако были и черные. И Фонтено удалось удержать от взрыва эту гремучую смесь, — Морфи задумчиво барабанил пальцами по приборной панели. — Иногда мне кажется, что все мы несем ответственность за Фонтено. Они даны нам в наказание за принижения их этнической группы. Да и Джо Боунз — явление того же порядка.

По словам Морфи, Джо Боунзу была присуща склонность к жестокости. Однажды он

среди бела дня сжег заживо человека, поливая его кислотой. Некоторые считали, что у него недостает части мозгов, причем отсутствует участок, который удерживает большинство людей от безрассудных поступков. Фонтено в этом отношении отличались от младшего Боннано. Они тоже убивали, но действовали как предприниматели, закрывающие убыточные или не удовлетворяющие своей работой предприятия, — без какого-либо удовольствия, но профессионально. По мнению Морфи, и братцы Фонтено, и Джо Боунз стоили друг друга. Просто действовали они по-разному.

Я допил содовую и приготовился услышать главное: не таков человек был Морфи, чтобы рассказывать историю без повода. Он явно к чему-то клонил.

— А в чем суть дела, Морфи? — прямо спросил я.

— Суть в том, что найденный в доме тетушки Марии отпечаток принадлежит Тони Ремарру. Он один из людей Джо Боунза.

Морфи завел машину и влился в общий поток. А я ехал и размышлял, стараясь связать услышанное имя с каким-либо эпизодом в Нью-Йорке, и, конечно, пытаюсь нащупать нить, соединяющую меня с Ремарром. Но так ничего и не надумал.

— Думаешь, это сделал он? — спросил Морфи.

— А ты?

— Нет, едва ли. Но сначала я допускал такую возможность. Эта женщина владела землей, и неплохой. Даже на осушение не придется сильно тратиться, если есть намерение там развернуться.

— Если у человека появится желание построить большой отель или центр отдыха?

— Именно. Либо он хочет убедить всех, что настроен серьезно. Однако, допустим, сейчас он смог бы получить разрешение на строительство, но кто захочет соседствовать с мерзавцами, сотворившими такое?

Как бы то ни было, но старуха не стала бы ничего продавать. Она была практичная и проницательная. Многие поколения ее семейства жили и умерли на этой земле.

Первый владелец этой земли, кто вел родословную от Бурбонов, умер в 1963 году. В своем завещании он сделал специальную оговорку, что земля за умеренную цену должна быть предложена арендаторам, использующим ее на тот момент. Агуилларды составляли основную массу арендаторов, они и купили землю на все деньги, какие имели. Все решала старуха. На этой земле жили их предки: закованные в цепи, они рыли каналы в болотной грязи.

— Следовательно, Боннано старался на нее надавить, а поскольку она не поддавалась, решил ускорить дело, — предположил я.

Морфи согласно кивнул.

— Мне кажется, Ремарра послали не только нажать на нее. Может быть, он собирался припугнуть девушку или детей, возможно, даже, в его планы входило убийство кого-то из них. Но он нашел ее уже мертвой. Похоже, Ремарр был так потрясен, что забыл об осторожности и поторопился уйти, не подумав о том, что могли остаться его отпечатки.

— А Вулрич знает обо всем этом?

— По большей части — да.

— Ты собираешься задержать Боннано?

— Вчера вечером задержал, а через час выпустил. Он удалился в компании важного адвоката Руфуса Тибодо. Джо уперся и стоит на своем. По его словам, Ремарра он не видел уже дня три или четыре. Говорит, что сам его разыскивает, поскольку Ремарр не рассчитался

за сделку в Западном Батон-Руж. Все это самый настоящий треп, но он твердит одно и то же. Думаю, Вулрич собирается прижать Боннано через отдел по борьбе с наркотиками и рэккетом. Интересно, перестанет он тогда упрячиться или нет.

— На это потребуется время.

— У тебя есть предложение лучше? Поделись.

— Может быть, — повел плечами я.

— Не надо шутки шутить с Джо Боунзом, — прищурился Морфи. — Этот парень не то что ваши типчики в Нью-Йорке, которые сидят по своим клубам в «Маленькой Италии», попивают кофе и мечтают о днях, когда их все зауважают. У Джо нет времени на такую ерунду. И на уважение он плевать хотел. Для этого парня главное, чтобы его боялись до смерти.

Мы свернули на эспланаду. Морфи остановил машину в нескольких кварталах от моей гостиницы. Выстукивая пальцем какой-то мотив, он задумчиво смотрел в окно. Я чувствовал, что он еще не все сказал и терпеливо ждал, не торопя его.

— Ты разговаривал с тем типом, который убил твою жену и ребенка?

Я кивнул.

— Это тот же человек? Тот, кто убил Ти Джина и его мать?

— Он звонил мне вчера. Это его работа.

— Что он еще сказал?

— Федералы записывали разговор. Он обещал продолжение.

Морфи крепко потер затылок и сильно зажмурился. Я понял, что ему представилась тетушка Мария.

— Ты собираешься остаться?

— На какое-то время.

— Федералам, думаю, это не понравится.

— Знаю, — улыбнулся я.

Морфи улыбнулся в ответ. Он достал из-под сиденья длинный коричневый конверт и протянул мне.

— Я позвоню, — пообещал он.

Я спрятал конверт под пиджаком и вышел из машины. Он махнул мне рукой и уехал.

* * *

В номере я раскрыл конверт. Там оказались аккуратно скрепленные снимки с места преступления и фотокопии выдержек из полицейских отчетов. Отдельно были сколоты листики с копией отчета мед-эксперта. Один из абзацев был выделен желтым маркером.

В телах Ти Джина и тетушки Марии медэксперт обнаружил следы кетамина в пропорции один миллиграмм на килограмм веса. В отчете указывалось, что кетамин не является обычным наркотическим препаратом, а представляет собой особый вид анестезирующего средства, применяемого при несложных хирургических операциях. Ясного представления о механизме его воздействия на организм не имел никто. Было известно, однако, что он является аналогом пилуль фенциклидина и своим влиянием на участки мозга затрагивает нервную систему.

Еще во времена моей службы в полиции этот наркотик высоко котирировался в клубах

Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Обычно он предлагался в виде капсулы или таблеток. Исходный анестезирующий препарат нагревался, и после выпаривания воды оставались кристаллы кетамина. Те, кто употреблял этот наркотик, описывали свое состояние, как «плавание в озере кетамина», так как ощущение тела терялось и создавалось впечатление плавания в мягкой, но способной поддерживать тело среде. Среди других побочных эффектов отмечались галлюцинации, нарушение восприятия пространства и времени и ощущения освобождения от телесной оболочки.

Медэксперт не указал, что кетамин может применяться в качестве химического фиксатора животных, поскольку оказывает парализующее действие и притупляет боль, причем рефлексы глотки и гортани полностью сохраняются. Именно с этой целью убийца ввел препарат тетушке Марии и Ти Джину Агуиллардам.

В медицинском заключении указывалось, что обе жертвы находились в полном сознании, когда с них снимали кожу и анатомировали их.

Покончив с чтением медицинского заключения, я облачился в тренировочный костюм, надел кроссовки и отправился на пробежку в парк на берегу Миссисипи. Набегал я мили четыре, а в это время выстроилась длинная очередь желающих прокатиться на колесном парходике, чье пыхтение разносилось далеко по реке. Я взмок с головы до ног, и у меня разболелись колени. А ведь еще три года назад такая пробежка была для меня пустяком. Должно быть, старею. Скоро на дождь станут ныть суставы, а там и до инвалидной коляски недалеко.

Рейчел Вулф прислала мне в гостиницу сообщение, что вылетает вечерним рейсом. Номер рейса и время прилета значились в конце послания. Я подумал о Джо Боунзе и решил, что мисс Вулф в пути до Нового Орлеана не помешает компания. И позвонил Эйнджелу и Луису.

* * *

Во второй половине того же дня семья Агуиллард забрала тела тетушки Марии, Ти Джина и Флоренс. Похоронная контора Лафайета поместила гроб с телом тетушки Марии в отдельный катафалк. Во втором рядом стояли гробы Ти Джина и Флоренс.

За катафалками на трех грузовичках-пикапах следовало семейство Агуиллард во главе со старшим сыном Рэймондом и небольшой группой друзей. Темнокожие мужчины и женщины сидели на мешковине среди деталей и инструментов. Я стоял и смотрел, как процессия свернула с шоссе и направилась по проселочной дороге к Рэймонду Агуилларду, минуя дом покойной. Легкий ветерок колыхал вокруг него ленту ограждения.

Высокому, широкому в кости Рэймонду было под пятьдесят или около того. Начиная полнеть фигура все еще сохраняла стать. Он был в темном хлопчатобумажном костюме и белой рубашке с узким черным галстуком. Глаза его покраснели от слез. Я видел Рэймонда мельком в ту ночь, когда были найдены тела. Этот мужественный человек старался поддержать и сплотить семью перед лицом постигшей их чудовищной утраты.

Когда гробы заносили в дом, он заметил меня. Несколько человек с большим трудом несли тетушку Марию. Я стоял поодаль и был в толпе единственным белым. В сопровождении двух женщин постарше мимо прошла, вероятно, одна из дочерей покойной и бросила на меня холодный взгляд. Гробы занесли внутрь дома, обшитого тесом. Рэймонд поцеловал маленький нательный крестик и направился ко мне.

— Я знаю, кто вы такой, — сказал он.

Я подал руку, и он коротко и крепко пожал ее, помедлив всего мгновение.

— Мне очень жаль, — искренне проговорил я. — Очень жаль, что все это случилось.

— Знаю, — кивнул Рэймонд. Он медленно прошел по участку и за оградой остановился на обочине, задумчиво глядя на пустую дорогу. Над нами пролетела пара диких уток. Приближаясь к воде, они медленнее взмахивали крыльями. Рэймонд проводил их с завистью в глазах. Так человек, переживающий тяжелое горе, смотрит на тех, кого не затрагивает его трагедия.

— Кое-кто из моих сестер считает, что вы привели за собой этого человека. Они

думают, что вы не имеете права здесь находиться.

— Вы тоже того же мнения?

Рэймонд не ответил.

— Она чувствовала его приближение, — помолчав, заговорил он. — Может быть, поэтому она и велела Флоренс идти на праздник. Ей хотелось держать ее подальше от него. Потому она и за вами послала. Она его чувствовала. И еще я думаю, она знала, кто он. В глубине души она это знала, — его голос звучал глухо от непролитых слез.

Он бережно гладил крестик большим пальцем. Когда-то крест украшала резьба, и даже теперь по краям виднелись фрагменты завитков, но за долгие годы рука этого человека сделала крест гладким.

— Я не виню вас за то, что случилось с моей матерью, сестрой и братом. Мама всегда поступала так, как считала правильным. Ей хотелось найти ту девушку и остановить того, кто ее убил. А Ти Джин... — Рэймонд печально улыбнулся. — Полицейские сказали, что его ударили сзади три или четыре раза и на руках остались синяки: он пытался бороться с тем человеком.

Сын тетушки Марии закашлялся, а затем некоторое время тяжело дышал открытым ртом, откинув назад голову, как будто ему пришлось долго бежать, преодолевая боль.

— Он отнял у вас жену и ребенка, — это было скорее утверждение, но я все равно на него ответил.

— Да, он отнял у них жизнь. И у той, другой девушки, как считала и тетушка Мария.

Он прижал пальцы правой руки к уголкам глаз и сморгнул выступившие слезы.

— Да, знаю. Я видел ее.

Мир вокруг замкнулся на Рэймонде Агуилларде, и для меня на время перестали существовать щебет и крики птиц, шелест листьев, плеск воды о берег. Я слышал только его голос и ничего больше.

— Вы видели ту девушку?

— Да, я же сказал. Три ночи назад рядом с топью на Хани-Айленд. Это было за ночь до смерти мамы. Видел я ее и не только тогда. Муж моей сестры ставил там капканы. Этот остров — природный заповедник, — он пожал плечами и продолжал. — Мистер Паркер, вы человек суеверный?

— К тому идет, — ответил я. — По-вашему, она там, среди болота на Хани-Айленд?

— Может быть, и там. Мама говорила, что не знает, где она точно, просто чувствует, что она там, где-то в окрестностях. Не знаю, как это у нее выходило, мистер Паркер. Я никогда не понимал этого ее дара. А потом под кипарисами я увидел фигуру, и лицо во тьме, как будто его чья-то рука закрыла. Мне сразу стало понятно, что это она и есть.

Он опустил глаза и носком ботинка принялся выковыривать из земли камешек. Когда тот отлетел в траву, крошечные черные муравьишки засуетились у открывшегося входа в свое жилище.

— Я слышал, что видели ее и другие. Рыбаки и те, кто приходил за самогоном, который они варят в своих сараях на болоте, — Рэймонд наблюдал, как муравьиный поток огибал его ногу, некоторые взбирались на рант туфли. Он медленно приподнял ногу, осторожно стряхнул муравьев и переступил на другое место.

Как объяснил мне Рэймонд, площадь Хани-Айленд составляет семьдесят тысяч акров. Это второе по величине болото в Луизиане. В длину оно тянется на сорок миль, а в ширину — на восемь. Это болото — часть поймы реки Перл и служит границей штатов Луизиана и

Миссисипи. Хани-Айленд сохранилось лучше, чем болотистые равнины Флориды: здесь запрещалось производить углубление дна, не разрешались заготовка древесины, мелиоративные работы и строительство запруд. По некоторым участкам болота невозможно было проплыть на лодке. Часть территории принадлежала штату, а остальное пространство находилось в ведении природоохранной службы. Идеальное место для тех, кто в полном смысле слова хотел бы спрятать концы в воду.

Рэймонд объяснил мне, как добраться до нужного места и набросал схематичный план на обратной стороне пачки от «Мальборо».

— Мистер Паркер, я знаю, что вы хороший человек и вам жаль, что все это произошло, но я буду благодарен вам, если вы больше сюда не придете, — он говорил тихо, но в голосе его чувствовалась сила. — И не ходите, пожалуйста, на похороны. Нашей семье и так надолго хватит переживаний.

Потом он закурил оставшуюся сигарету, кивнул мне на прощание и пошел к дому, оставляя за собой легкий дымок.

Я стоял и смотрел ему вслед. Седая женщина встретила его на веранде и обняла за талию. Он обхватил ее за плечи своей большой рукой и прижал к себе. Так они и вошли в дом. Сетчатая дверь тихо закрылась за ними. А я, поднимая пыль, уезжал все дальше от дома Агуиллардов, думая о Хани-Айленд и секретах, таящихся в его глубинах.

А пока я был в дороге, болото готовилось открыть свои тайны. Не прошло и суток, как там обнаружили труп, но это не было тело женщины.

В аэропорт Муазан-Филд я приехал рано и успел немного побродить по книжному магазину, старательно избегая стопки сочинений Энни Райс.

Просидев в зале ожидания около часа, я, наконец, увидел в дверях Рейчел Вулф в темно-синих джинсах, белых кроссовках и спортивной красно-белой куртке. Рыжеватые волосы свободно падали на плечи, обрамляя лицо с едва заметным макияжем.

Из багажа при ней была только коричневая сумочка через плечо, остальные ее вещи несли Эйнджел и Луис. Чуть смущенные, они вышагивали справа и слева от Рейчел: Луис — в кремовом двубортном костюме и белоснежной рубашке с открытым воротом, а Эйнджел — в джинсах, выдавших виды кроссовках «Рибок» и зеленой рубашке, не знавшей утюга с тех пор, как много лет назад покинула стены фабрики.

— Ну вот, все в сборе, — сказал я, когда они оказались передо мной.

Эйнджел поднял руку с перевязанными бечевкой тремя стопками книг, кончики пальцев от напряжения уже начали багроветь.

— Мы прихватили с собой половину нью-йоркской публичной библиотеки, — со стоном объявил он, — да еще бечевкой перевязанной. Я тысячу лет не видел, чтобы книги перевязывали бечевкой.

Луис нес розовый зонтик и сумочку с косметикой. Он был похож на человека, старающегося делать вид, что не замечает, как собака оседлала его ногу.

— Ни слова, — пригрозил он. — Ни слова.

Двое носильщиков тащили два чемодана, две кожаные дорожные сумки и дорожный саквояж.

— Машина у входа, — сообщил я, направляясь к выходу рядом с Рейчел. — Надеюсь, влезут все пожитки.

— Они повсюду сопровождали меня в аэропорту, — шепнула Рейчел, — и очень мне помогли, — она хихикнула и оглянулась. В этот момент раздался грохот, налетевший на чемодан Эйнджел громко ругнулся.

Мы сгрузили все вещи в моем отеле, хотя Луис предпочел бы «Фермонт». Там обычно останавливаются приезжающие в Новый Орлеан республиканцы, поэтому моего приятеля так туда и тянуло. Он был единственным известным мне черным геем-уголовником, который считал себя сторонником республиканцев.

— В «Фермонте» останавливался Джеральд Форд, — заметил Луис, грустным взглядом окидывая маленький номер, который ему предстояло делить с Эйнджелом.

— И что с того? — возразил я. — Пол Маккартни останавливался в отеле «Ришелье», но я же не настаиваю на том, чтобы там поселиться, — оставив дверь открытой, я отправился к себе принять душ.

— Какой еще Пол? — догнал меня голос Луиса.

* * *

Ужинали мы, вопреки желаниям Луиса, в гриль-баре ресторана «Виндзорский двор» на Гравье-стрит. После простоты и легкости ресторанчиков, где я ел до этого, мраморные полы

и тяжелые австрийские драпировки действовали на меня угнетающе. Рейчел переделалась в черные брюки и надела поверх красной блузки черный пиджак. Наряд был ей к лицу, но сказывалась духота, и, пока мы ждали заказ, она поняла, что одета не по погоде.

За ужином я рассказал им о Джо Боунзе и Фонтено. Ими предстояло заняться Эйнджелу, Луису и мне. Рейчел большую часть нашего разговора слушала молча и только несколько раз захотела прояснить, те или иные высказывания Вулрича и Морфи. Четким, ровным почерком она делала пометки в маленьком блокноте. В какой-то момент разговора ее рука коснулась моей и на несколько мгновений задержалась. Я почувствовал тепло ее кожи.

Эйнджел задумчиво подергивал себя за верхнюю губу, размышляя над моими словами.

— А этот Ремарр, должно быть, дурак порядочный, а что дурнее нашего типа, так это точно, — заключил он.

— Потому что оставил отпечаток? — захотел уточнить я.

Эйнджел кивнул.

— Очень неосторожно, очень, — с досадой и обидой проговорил он с таким видом, словно его оскорбили в лучших чувствах.

— Вас это, кажется, сильно беспокоит, — отметила Рейчел, от которой не укрылось настроение Эйнджела.

Я посмотрел на нее и увидел на ее лице выражение слегка насмешливого любопытства, однако взгляд оставался немного рассеянным. Она размышляла о том, что услышала от меня, одновременно затрагивая тему, на которую Эйнджел обычно распространяться не любил. Я ждал, как ответит Эйнджел.

— К таким вещам у меня профессиональный интерес, — он улыбнулся, освободил место на столе и положил руки.

— Домушники, или, другими словами, взломщики, должны соблюдать определенные меры предосторожности, — пустился в объяснения Эйнджел. — Самое очевидное правило — не оставлять отпечатков. Об этом в первую очередь следует позаботиться ему или ей (в нашей профессии нет дискриминации). И что же, по-вашему, для этого нужно?

— Перчатки, — Рейчел по-настоящему увлеклась и отказалась от других мыслей.

— Точно! Никто не рискнет войти в дом без перчаток, даже последний дурак. Если действовать без них, останутся разные отпечатки: видимые и скрытые, а это все равно, что подпись и признание.

Видимые отпечатки оставляют на поверхности руки грязные или испачканные кровью, а скрытые, или латентные, следы образуются естественными выделениями кожи. Видимые отпечатки фотографируются или снимаются на липкую ленту. А чтобы проявились скрытые отпечатки, их предварительно обрабатывают химическими реактивами, например параами йода или специальным раствором. Эффективны также электростатический и флюоресцентный методы. Кроме того, для выявления скрытых отпечатков на коже человека может применяться рентгеновское облучение.

Значит, если прав Эйнджел, то профессионал Ремарр не стал бы рисковать и не пошел бы на дело без перчаток. Более того, он оставил не скрытый, а видимый отпечаток. Из этого следовало, что перчатки на нем были, однако что-то пошло не так.

— Что, Берд, скрипишь мозгами? — самодовольно ухмыльнулся Эйнджел.

— Давай, Шерлок Холмс, добивай нас своей проницательностью и эрудицией, — отшутился я.

Эйнджел просто расцвел в улыбке.

— Отпечаток можно получить и с внутренней стороны перчатки. Особенно четкие следы остаются на перчатках из резины и синтетики, потому что руки в них сильно потеют. Но не всем известно, что отпечатки оставляет и наружная сторона перчатки. Например, на кожаной перчатке есть морщинки, отверстия в коже, рубцы, разрывы. Проще говоря, нет двух одинаковых перчаток. Теперь вернемся к этому Ремарру. У нас именно отпечаток пальца, а не перчатки. Если предположить, что у него на плечах голова, а не тыква, тогда он был в перчатках, но умудрился оставить отпечаток. Вот вам загадка, — Эйнджел взмахнул руками, как фокусник, поражающий публику исчезновением зайца. — Я считаю, на Ремарре была одна пара перчаток, возможно, латексных. Он понадеялся, что дело будет плевое: или он собирался замочить обоих, или хотел их припугнуть, оставить в доме предупреждение. Но из твоих слов выходит, что сын старухи не позволил бы пугать мамашу, поэтому Ремарр, я думаю, настроился на убийство. Но, когда он прибыл, их уже убили или как раз убивали. Скорее всего, они были уже покойники. Если бы Ремарр нарвался на убийцу, тогда бы и ему не унести ноги.

Итак, Ремарр приезжает, на нем перчатки. Тут ему попадает на глаза убитый парень, и его, возможно, бросает в пот. Он заходит в дом и там находит женщину. Бах! Еще одно потрясение, но он подходит поближе и наклоняется, а чтобы поддержать себя, хватается за кровать, а там кровь. Сначала он собирался протереть это место, но потом решил, что так будет еще заметнее, кроме того, он надеялся на перчатки. Но фокус в том, что одной пары латексных перчаток мало. Если носить их долго, они начинают пропускать отпечатки. При сильном потрясении руки потеют, и отпечатки проявляются быстрее. Ремарр мог перед этим есть, например, фрукты или макароны с острой приправой, а от этого кожа выделяет дополнительную влагу. Так что попал Ремарр в переделку. Он оставил след, сам не зная о том. Теперь полиция, федералы и такие серьезные ребята, как мы, — все хотят с ним поболтать кое о чем. Вот так! — он театрально поклонился.

— Бесподобно! — Рейчел наградила Эйнджела аплодисментами. — Должно быть, вы прочитали много книг, — тон ее был полон иронии.

— В Фонде Бернса могут радоваться, что их украденная собственность послужит благому делу, — заметил Луис.

— Может быть, я интересовался этим в юности, — ответил Эйнджел, пропуская «шпильку» мимо ушей.

— А что еще вы уяснили для себя в юности? — улыбнулась Рейчел.

— Много всего, некоторые уроки дались очень тяжело, — с искренним чувством признался Эйнджел. — А лучше всего я запомнил главное правило: не надо себя ни к чему привязывать. Если у тебя нет того или сего, значит, никому не доказать, что ты это взял. А было искушение. Помню одну статуэтку: рыцарь на коне. Франция, семнадцатый век. Сделана из золота и украшена бриллиантами и рубинами. Вот такой высоты, — Эйнджел приподнял ладонь над столом дюймов на шесть. — Я не видел другой такой красивой штуки, — у него даже теперь глаза горели, как у ребенка.

— Но я переборол себя и оставил ее, — Эйнджел откинулся на спинку стула. — Надо уметь расставаться. Если начинаешь о чем-либо жалеть, значит, ты к этому привязан.

— Неужто, нет ничего, за что стоит держаться? — спросила Рейчел.

— Есть кое-что стоящее, — Эйнджел бросил взгляд на Луиса, — но не из золота.

— Очень романтично, — заметил я. Пивший воду Луис поперхнулся от смеха.

В чашках перед нами стыли остатки кофе.

— У вас есть что добавить? — спросил я у Рейчел, когда Эйнджел завершил свое выступление.

Она просмотрела записи, морща лоб. От бокала с вином на грудь ей лег красный отсвет, будто это была рана.

— Вы говорили о снимках с места преступления. Они у вас?

Я кивнул.

— Тогда я подожду высказываться, пока не увижу их. После вашего звонка у меня появились некоторые соображения, но сначала я хочу увидеть фотографии и еще поразмыслить. Но кое-что могу сказать и сейчас, — Рейчел пролистала второй блокнот до закладки: «...Я ждал ее, но это всегда было слабостью нашего рода, — прочитала она. — Наш грех не гордыня, а вожделение, страсть к роду людскому». — Она обернулась ко мне, но я узнал эти слова.

— Это сказал вам по телефону тот человек, Странник.

Я заметил, как придвинулись ближе Эйнджел и Луис.

— Чтобы установить источник, богослову пришлось воспользоваться библиотекой архиепископа, — она помолчала, затем спросила:

— За что был низвергнут с небес дьявол?

— За гордыню, не задумываясь, ответил Эйнджел. — Я помню, как нам рассказывала об этом сестра Агнесса.

— За гордыню, — в свою очередь подтвердил Луис. — А я помню, что так сказано у Мильтона, — он со значением посмотрел на Эйнджела.

— Как бы то ни было, вы правы лишь частично, — подытожила Рейчел. — Гордыня считается грехом дьявола, начиная с Августина. Но раньше существовала иная точки зрения. До четвертого века Книга Еноха считалась частью Библейского канона, Священного Писания. Ее происхождение является предметом дискуссий. Она могла быть написана на иврите или арамейском, но суть в том, что она послужила основой для ряда понятий, присутствующих в Библии и сейчас. Судный день, возможно, берет основу в «Притчах Еноха». Там же впервые встречается описание огненного ада, где правит сатана. Для нас представляет интерес иной взгляд Еноха на грех дьявола, — она перевернула страницу в блокноте и продолжала читать: «И когда начали люди плодиться, и родились у них дочери, то случилось так, что увидели сыновья Бога тех женщин, и что красивы они, и стали брать себе в жены тех, кого выбирали...»

— Это из Книги Бытия, — Рейчел подняла глаза от блокнота, — и заимствовано из того же источника — Книги Еноха. «Сыновья Бога» здесь — это ангелы, поддавшиеся вожделению, физическому влечению вопреки воле Господа. Дьявол, предводитель падших ангелов, был низвергнут в темный провал среди пустыни. А его сподвижников в наказание бросили в огонь. С ними отправилось и их потомство — «злые духи на земле». Мученик Юстин верил в то, что дети, рожденные от союза ангелов и земных женщин, ответственны за все зло на земле, и за убийство в том числе. Другими словами, грехом дьявола было вожделение. Жажда человеческого, земного, «слабость рода нашего», — Рейчел закрыла блокнот и улыбнулась скромно, но не без торжества.

— Значит, этот тип считает себя дьяволом, — сделал свой вывод Эйнджел.

— Либо потомком ангела, — прибавил Луис. — Все зависит от того, как на это посмотреть.

— Неважно, кем он себя мнит, важно то, что Книгу Еноха не так-то просто достать. Ее просто так не пойдешь и не купишь, — подал голос и я. — Где он мог ее взять? Какие мысли на этот счет?

Рейчел приоткрыла свой блокнот.

— Самая последняя публикация на этот счет, которую мне удалось разыскать, датируется 1983 годом, издание нью-йоркское. Это «Псевдоапокрифы Ветхого Завета: Енох». Подготовлена к печати работа была неким Исааком. Здесь информации вполне достаточно. Имеется и более ранний перевод, из Оксфорда, опубликован он был в 1913 году Р.Х. Чарльзом.

Я отметил для себя названия и имена.

— Думаю, Морфи или Вулрич смогут навести справки в Новорлеанском университете, не интересовался ли кто-либо из местных жителей неясными моментами богословских сочинений. Вулрич мог бы проделать то же и в других университетах. Это уже неплохо для начала.

Мы расплатились и вышли из ресторана. Эйнджел с Луисом решили приобщиться к ночной жизни, а мы с Рейчел отправились в гостиницу. Некоторое время никто из нас не нарушал молчания, но мы оба сознавали, что постепенно стали друг другу ближе, чем коллеги, чем приятели.

— У меня такое ощущение, что мне лучше не спрашивать, чем эта пара зарабатывает на жизнь, — сказала Рейчел, когда мы остановились на перекрестке.

— Пожалуй, что так. Лучше всего считать их вольными стрелками и этим ограничиться.

— Я вижу, их преданность вам, — улыбнулась Рейчел. — Это не вполне обычно, и мне непонятно, в чем здесь соль.

— В прошлом я кое-что сделал для них, но долг, если он и был, давным-давно оплачен, и я теперь обязан им гораздо большим.

— Но они здесь и помогают, когда их просят об этом.

— Думаю, что дело здесь не во мне. Они просто занимаются тем, что им нравится. Их влечет ощущение приключения, опасности. Эти двое по-своему опасны. Мне кажется, именно поэтому они сюда и приехали: они чуют опасность и хотят стать ее частью.

— Возможно, и они видят в вас нечто подобное.

— Не знаю. Но может быть, так и есть.

Мы пересекли двор, задержавшись только, чтобы погладить собак. Ее номер находился через три двери от моего. Между нашими номерами помещались комнаты Луиса, Эйнджела и еще один пустой номер. Она открыла дверь и остановилась на пороге. Я чувствовал прохладу и слышал шум включенного на полную мощность кондиционера.

— Я не совсем уверен, почему здесь вы, — у меня вдруг в горле пересохло, и я сомневался в душе, хочется ли мне услышать ответ.

— Не сказала бы, что и я в этом уверена полностью, — с этими словами она приподнялась на цыпочки и поцеловала меня в губы ласково и нежно. А потом дверь за ней закрылась.

* * *

У себя в комнате я достал из сумки книгу сочинений сэра Уолтера Рэли и прошелся до

бара «Наполеон Хаус», где и уселся под портретом Маленького капрала. Мне никак не хотелось ложиться спать, сознавая, как близко от меня Рейчел Вулф. Меня волновал ее поцелуй, а также мысль о том, что может за этим последовать.

Почти до самого конца наша близость с Сьюзен была необыкновенно полной. Лишь когда склонность к пьянству стала брать верх надо мной, наша интимная жизнь постепенно лишилась глубины. Мы уже не предавались любви целиком. Все происходило как-то поверхностно, мы ласкали друг друга с оглядкой, будто ожидая, что раздоры проявятся и здесь, что они заставят каждого из нас искать убежище в скорлупе своего «я».

Но я любил ее. Любил до самого конца, и теперь еще продолжал любить. Когда Странник отобрал ее у меня, он оборвал физические и эмоциональные связи между нами. Но я продолжал ощущать, как пульсируют их остатки у самых границ моих чувств.

Может быть, это характерно для всех потерявших тех, кого они любили сильно и глубоко. Новая встреча, любовная близость превращаются для них в восстановление, строительство не только новых отношений, но и самого себя. Но я чувствовал, что меня преследуют жена и дочь. Я ощущал их не только как опустошенность или утрату, нет, они присутствовали в моей жизни.

И погружаясь в сон, и на грани пробуждения я ловил их у пределов сознания. Иногда я пытался себя убедить, что их порождает мое чувство вины, что они результат потери психического равновесия.

И все же Сьюзен говорила со мной через тетушку Марию. Однажды я проснулся в темноте и почувствовал на лице ее руку, уловил в пустой постели рядом ее запах. Это было как воспоминание из бреда. Более того, я видел их след в каждой матери с ребенком. В смехе каждой молодой женщины мне слышался смех жены. А в шагах каждой маленькой девочки мне чудился отзвук шагов моей дочери.

Я испытывал к Рейчел Вулф смешанное чувство, соединяющее в себе симпатию, благодарность и желание. Мне хотелось быть с ней, но не раньше, чем моя жена с дочерью обретут покой.

Та ночь стала последней для Дэвида Фонтено. Его машину нашли с раскрытыми дверцами и проколотыми передними шинами на дороге, ведущей к реке Перл, и огибающей попутно Хани-Айленд. Ветровое стекло было разбито, а салон изрешечен пулями калибра девять миллиметров.

Поломанные ветви и примятые кусты привели двух полицейских из Сент-Таммани к ветхой охотничьей хижине. Пышные бороды мха почти полностью скрывали ее жестяную крышу. Хибара выходила на протоку, поросшую ивняком. Желтовато-зеленая ряска густым ковром покрывала воду. Окрестности оглашали крики крякв и древесных уток. Сарай пустовал уже давно. Мало кто теперь расставлял капканы на Хани-Айленд. Большинство охотников переселились дальше в протоку промышлять бобров, иногда аллигаторов.

В открытую дверь было слышно, как внутри что-то возили по полу, с шумом переворачивали, и все это сопровождалось тяжелым сопением и фырканием.

— Кабан, — заключил один из помощников шерифа.

Банковский служащий рядом с ним, который и вызвал полицию, снял винтовку с предохранителя.

— Дело дрянь, кабана этим не очень-то возьмешь, — покраснел от досады второй помощник шерифа, лысоватый коренастый мужчина в рубашке с коротким рукавом и охотничьей куртке, редко бывавшей в ходу. Его ружье с оптическим прицелом годилось для отстрела мелкой дичи, а в некоторых полицейских подразделениях иногда использовалось в качестве снайперской винтовки. У нас в штате Мэн его называли «ружьем для мелочевки». Свалить дикого кабана из такого оружия можно было только очень метким выстрелом.

Кабан учуял людей в нескольких шагах от хижины. Разъяренное животное вылетело из дверей: маленькие глазки светились злобой, с рыла капала кровь. Зверь выбрал своей целью работника банка, и тот бросился в протоку, чтобы спастись от устремившегося к нему кабана. Животное закружило, прижатое к воде вооруженными людьми, затем наклонило голову и снова ринулось в атаку.

Грянул выстрел, затем второй, и кабан рухнул на землю. Пулями ему снесло верх черепа. Он дернулся, взрывая копытами грязь, и затих. Помощник шерифа картинно сдул дым с длинного ствола кольца «Анаконда». Он вытолкнул шомполом гильзы и перезарядил револьвер.

— Боже правый! — ахнул его напарник, стоявший на пороге сарая. — Кабан здорово постарался, но это точно Дэвид Фонтено.

Кабан успел сильно испортить лицо и отгрыз часть руки, но и старания зверя не скрыли тот факт, что Фонтено вынудили покинуть машину, затем загнали в хижину, где ему сначала выстрелили в пах, потом прострелили колени, локти, и закончилась экзекуция выстрелом в голову.

— Ну и ну, — выдохнул истребитель кабанов. — Узнает об этом Лайонел — будет море крови.

Мне позвонил Морфи и торопливо ввел в курс дела. Кое-что я узнал из сообщений местного филиала «Эн-би-си». Позднее Эйнджел, Луис и я зашли позавтракать в одно из заведений на Пойдрас-стрит. У Рейчел хватило сил только чтобы снять трубку. Она решила подождать с завтраком и вздремнуть еще немного.

Как всегда одетый с иголки Луис на этот раз щеголял в льняном костюме цвета слоновой кости и белой рубашке с короткими рукавами. Он вместе со мной остановился на беконе, домашнем печенье и крепком кофе. Эйнджел выбрал ветчину, яйца и кукурузную кашу.

— Эйнджел, кукурузную кашу едят старики, — раскритиковал его выбор Луис. — Старики и душевнобольные.

Эйнджел молча вытер с подбородка кашу и показал Луису палец.

— По утрам он не так уж красноречив, — пояснил Луис. — Но днем наверстывает с лихвой.

Эйнджел снова показал ему палец и аккуратно добрал остатки каши.

— Ты думаешь, Джо Боунз решил нанести Фонтено упреждающий удар? — спросил он, отодвигая тарелку.

— Похоже на то, — ответил я. — Морфи полагает, что он использовал для этой работы Ремарра: вытащил его из норы, а потом снова отправил в укрытие. Он бы никому не доверил такое дело. Но мне совершенно не понятно, что делал Фонтено на Хани-Айленд, да еще без охраны. Не может быть, чтобы он не предполагал, что Джо Боунз не упустит случая его прикончить.

— А не могло так случиться, что тут постарался кто-то из людей Фонтено? Его под каким-то серьезным предлогом заманили на болото, а потом об этом дали знать Джо Боунзу, — предположил Эйнджел.

Такая вероятность определенно существовала. Завлечь Фонтено на Хани-Айленд мой человек, которому Дэвид доверял настолько, чтобы решиться на такую поездку. Более того, этот кто-то предлагал Дэвиду нечто очень важное и нужное последнему, иначе бы тот не рискнул бы отправиться в заповедник среди ночи.

Я ничего не сказал приятелям, но меня сильно тревожило, что в течение суток мое внимание к Хани-Айленд привлек сначала Рэймонд Агуиллард, а затем история с Дэвидом Фонтено. Я решил, что навещу сначала Джо Боунза, а затем, возможно, скорбящего Лайонела Фонтено.

Зазвонил мой мобильный. Портье из гостиницы сообщил о доставке груза на имя некоего мистера Луиса, и курьер ждет нас, чтобы мы расписались в получении. Мы вернулись в гостиницу на такси и увидели у входа черный грузовой фургон.

— Вот и курьер, — удовлетворенно заметил Луис. Однако я не увидел на машине никаких отметок, указывающих на службу доставки.

В холле портье нервно поглядывал на огромного темнокожего мужчину, с трудом уместившегося в кресле. На черной футболке бритоголового гиганта зигзагом шла белая надпись: «Борец с кланом». Черные брюки военного покроя были заправлены в армейские ботинки. У ног могучего курьера стоял запертый на замок длинный металлический контейнер.

— Брат Луис, — проговорил он, поднимаясь.

Луис достал из бумажника три стодолларовые купюры и протянул курьеру. Мужчина сунул деньги в карман брюк, достал оттуда же солнцезащитные очки и, надев их, вышел на улицу, не проронив больше ни слова.

— Джентльмены, — обратился к нам Луис, — не могли бы вы отнести это вверх.

Мы с Эйнджелом взяли за контейнер с обоих концов и последовали за Луисом в номер. Ящик оказался тяжеленным, и в нем, когда мы его тащили, что-то гроыхало.

— Эти курьеры из службы доставки прямо на глазах матереют, — поделился я своим наблюдением с Луисом, дожидаясь, пока тот отопрет дверь.

— Это специализированная служба доставки, — пояснил Луис. — На авиалиниях никогда не встречаешь понимания.

Он запер дверь изнутри и только после этого достал из кармана связку ключей и открыл замок.

Ящик имел три отделения и раскладывался наподобие сумки для инструментов. В первом отсеке лежала в разобранном виде трехзарядная снайперская винтовка SP 66 системы Маузера, все части которой были упакованы в переносной футляр. Рядом помещался пистолет «ЗИГ Р-226» и кобура с креплением на поясе.

Во втором отделении находились два армейских миниавтомата «Calico M-960 A». Каждый из них был оснащен коротким стволом, который выходил за передний конец оружия менее чем на полтора дюйма. При отведенном стволе длина автомата составляла чуть более двух футов, а вес без патронов равнялся приблизительно пяти фунтам. Это оружие отличалось повышенной убойной силой и имело скорострельность семьсот пятьдесят выстрелов в минуту. Третий отдел заполняли боеприпасы, в том числе четыре стозарядных магазина девятимиллиметровых патронов «парабеллум» для автоматов.

— Рождественский подарок? — пошутил я.

— Точно, — подтвердил Луис, вставляя в «ЗИГ» пятнадцатизарядный магазин. — А на день рождения я рассчитываю получить ракетную установку.

Луис вручил Эйнджелу футляр с винтовкой, а сам надел кобуру и вложил в нее «ЗИГ». Он снова запер контейнер и отправился с ним в ванную комнату. Там он отвинтил панель под раковиной, запихнул в проем ящик и вернул панель на место; убедился, что все в порядке, и мы покинули номер.

— А вы думаете, Джо Боунз обрадуется, когда к нему заявятся чужаки? — спросил Эйнджел, когда мы направлялись к моей машине, взятой напрокат.

— А мы совсем не чужаки, — изрек Луис. — Мы друзья, с которыми он пока не познакомился.

* * *

У Джона Боунза в Луизиане имелось три дома, в том числе загородный особняк у Кипреморт-Пойнт, к немалому огорчению более почтенной публики, чьи дорогие виллы располагались по-соседству.

Городская его резиденция находилась через дорогу от парка Одабон, почти напротив остановки, откуда автобусы возили туристов в Новоорлеанский зоопарк. Чтобы взглянуть на дом, я проехался до него на трамвае. Это было изящное строение ослепительной белизны с чугунными балконами и куполом, увенчанным золотым флюгером. Джо Боунз подходил для такой красоты, как таракан для свадебного торта. В тщательно ухоженном саду буйно цвело неизвестное мне растение. От цветов исходил густой дурманящий аромат, а огромные кроваво-красные лепестки наводили своим видом скорее на мысль о разложении, чем о цветении. Казалось, растения лопнули, и ядовитый сок течет по стеблям, отравляя тлю.

На лето Джо Боунз переехал в отреставрированную плантаторскую усадьбу в ста милях к северу от Нового Орлеана в округе Западная Фелициана. Поскольку отношения с

семейством Фонтено продолжали ухудшаться и все сильнее пахло грозой, решение остаться в этом месте было вполне разумным, поскольку давало Джо возможность привлечь для защиты больше сил, чем в городе.

Белоснежный особняк с восемью колоннами располагался на участке приблизительно в сорок акров. По обеим сторонам его ограничивали просторы реки, несущей свои воды на юг к Миссисипи. Четыре больших окна выходили на широкую галерею, и в крыше имелись два слуховых окна. Через парк с цветущими камелиями и азалиями шла обсаженная дубами аллея, упиравшаяся в обширную лужайку, где отдыхала небольшая группа людей: часть собралась у барбекю, остальная публика расположилась в креслах.

Когда мы подъезжали, я заметил футах в десяти от ворот три камеры слежения. Первый раз мы проехали мимо, чтобы присмотреться, затем высадили Эйнджела в полумиле от дома, и я знал, что он уже направляется к группе кипарисов, находившихся напротив ворот. Я решил, что Луис рядом будет мне нужнее, если на встрече с Джо Боунзом возникнут осложнения.

Четвертая камера была нацелена на ворота. Переговорного устройства я не увидел, но ворота оставались закрытыми, хотя мы с Луисом прислонились к машине и помахали в камеру.

Через пару минут из-за дома появилась переоборудованная мототележка, наподобие тех, что возят игроков по полю для гольфа, и с тихим жужжанием покатила по дубовой аллее в нашу сторону. У ворот она остановилась, и из нее вышли трое мужчин в молодежных брюках и спортивных рубашках. Они даже не пытались скрыть свои автоматические пистолеты.

— Привет, — сказал я. — Мы приехали поговорить с Джо Боунзом.

— Нет здесь никакого Джо Боунза, — ответил один из троицы, загорелый коротышка. Прилизанные волосы придавали ему сходство с ящерицей.

— А как насчет мистера Джозефа Боннано? Может быть, здесь такой отыщется?

— Вы из полиции?

— Мы — сознательные граждане. Надеемся, что мистер Джо Боунз внесет свой вклад в фонд похорон Дэвида Фонтено.

— Он его уже внес, — подал голос другой парень, стоявший у мототележки. Он также смахивал на ящерицу, но пожирнее. Его товарищи у ворот закатились от смеха.

Я придвинулся к воротам. Ящероголовый коротышка вскинул пистолет.

— Передай Джо Боунзу, что здесь Чарли Паркер. И еще скажи, что я был в доме Агуиллардов в воскресенье и теперь ищу Ремарра. Думаешь, тот шутник у тебя за спиной в состоянии это запомнить?

Коротышка отступил от ворот и, не сводя с нас глаз, передал мои слова типу у мототележки. Он взял с заднего сиденья рацию и говорил в нее несколько мгновений, потом кивнул ящероголовому.

— Рики, он велит его пропустить.

— Ладно, — Рики достал из кармана пульт. — Отойдите от ворот, руки на машину. Скажите, что у вас с собой. Забудете что, я вам всажу в башку по пуле и скормлю крокодилам.

У нас на двоих были: «смит-вессон» и «ЗИГ», Луис для полноты картины присовокупил нож с лодыжки. Мы оставили машину у ворот и вслед за мототележкой двинулись к дому. Один из охранников сидел на заднем сиденье, держа нас под прицелом, а Рики замыкал

шествие.

Недалеко от лужайки запахло барбекю из креветок и курицы. В контейнере со льдом охлаждалось пиво.

От дома послышался низкий, пропитанный злобой угрожающий рык. На конце цепи, прикрепленной к залитой бетоном скобе, сидел огромный зверь. В густой волчьей шерсти скользили оттенки, характерные для восточноевропейской овчарки. Глаза могучего пса светились умом, отчего этот, без сомнения, свирепый зверь, становился еще опаснее. На вид он весил никак не меньше ста восьмидесяти фунтов. Каждый его рывок грозил выдрать скобу из бетона.

Я заметил, что особый интерес собака проявляла к Луису. Она не отрывала от него глаз и раз даже поднялась на задние лапы — так ей хотелось до него добраться. Луис отвечал ей взглядом исследователя, с интересом наблюдающего за развитием в пробирке бактерий нового вида.

Джо Боунз наколот вилкой кусок курятины и положил на фарфоровую тарелку. Он был ненамного выше Рики, темные длинные волосы зачесаны назад, нос носил следы по меньшей мере одного перелома, небольшой шрам кривил верхнюю губу. Расстегнутая белая рубашка нависала над спортивными трусами из лайкры. Я отметил его подтянутый мускулистый живот и чрезмерно развитые для его относительно небольшого роста грудь и руки. В нем, как и в его псе, чувствовались ум и сила. Видимо, этим и объяснялся факт, что Джо Боунзу удавалось главенствовать в Новом Орлеане целых десять лет.

Рядом с курицей он положил томаты, листья салата и смешанный с перцами холодный рис, а затем подал тарелку сидевшей рядом блондинке. Она была старше Джо. Я дал бы ей лет сорок-сорок пять. Едва заметный макияж лишь подчеркивал персиковую свежесть кожи, а глаза не позволяли разглядеть солнцезащитные очки. Ее одежда состояла из белой кофточки с надетой поверх нее шелковой блузой с коротким рукавом и белых шорт. Как и Джо Боунз, женщина была босая. С одной стороны от них стояли двое охранников, каждый вооруженный автоматическим пистолетом. Еще двоих я заметил на балконе, и один сидел у входа в дом.

— Хотите что-либо перекусить? — в низком голосе Боунза слышался легкий оттенок южного выговора. Он смотрел на меня в ожидании ответа.

— Нет, спасибо, — отказался я и отметил про себя, что предложение относилось только ко мне. Думаю, и Луис это заметил.

Джо Боунз положил себе креветок с салатом и знаком пригласил двух своих охранников добирать остальное. Они по очереди взяли по куриной грудке и занялись едой.

— Это убийство Агуиллардов — настоящий кошмар, — заговорил Джо Боунз. Он сел сам и кивнул мне на единственный свободный стул. Я переглянулся с Луисом, пожал плечами и сел.

— Прошу извинить, что касаюсь личного, но этот человек, как я слышал, возможно, несет ответственность за смерть вашей семьи, — он улыбнулся, почти сочувственно. — Настоящий кошмар... Настоящий кошмар.

— А вы хорошо информированы о моем прошлом, — я смотрел ему прямо в глаза.

— Когда в городе появляется новый человек и начинает находить трупы на деревьях, я стараюсь побольше узнать о нем. Такие люди могут составить неплохую компанию, — он взял с тарелки креветку и осмотрел ее, прежде чем отправить в рот.

— Как я понимаю, вы заинтересованы в покупке земли семейства Агуиллардов.

Джо Боунз обсосал креветку, положил на край тарелки оставшийся хвостик и только потом ответил:

— У меня интересы очень обширные, и земля эта не Агуиллардов. Если какой-то старый маразматик старается замолить грехи и сплавляет землю черномазым, то она все равно не становится землей черномазых, — он с особым презрением выговаривал слово «черномазый». Запаса учтивости у Боунза хватило ненадолго, и теперь он явно провоцировал Луиса. Но даже при таком количестве окружающих его стволов ему не стоило слишком усердствовать.

— Один из ваших людей, Тони Ремарр мог находиться в доме Агуилларда в ночь убийства. Нам бы хотелось с ним побеседовать.

— Тони Ремарр больше не имеет отношения к моим делам, — Джо Боунз перешел от ругательства на официальный тон. — Мы расстались по обоюдному согласию, и я не виделся с ним несколько недель. О том, что он был в доме Агуиллардов, мне рассказала полиция.

Он одарил меня улыбкой, я ответил ему тем же.

— А Ремарр имеет отношение к смерти Дэвида Фонтено?

Я видел, как у него напряглись скулы, но он продолжал любезно улыбаться.

— Понятия не имею. О смерти Дэвида Фонтено я узнал из новостей только сегодня утром.

— Еще одна кошмарная история? — пустил шпильку я.

— Всегда ужасно, когда обрывается молодая жизнь, — ответил Боунз. — Послушайте, мне жаль, что погибли ваши жена и ребенок, я искренне сожалею, но помочь вам ничем не могу. И, говоря откровенно, вы переходите на грубость, а потому, забирайте своего черномазого и убирайтесь отсюда ко всем чертям.

У Луиса на шее заиграли мышцы — единственное свидетельство того, что он слышал слова Джо Боунза. Боннано бросил на Луиса злобный взгляд, а затем швырнул чудовищу на цепи кусок курицы. Пес даже ухом не повел, но стоило хозяину щелкнуть пальцами, и он сожрал кусок в мгновение ока.

— Вы знаете, что это за зверь? — Джо обращался ко мне, но говорилось все для Луиса, и презрения в тоне Боунза было предостаточно. Я промолчал, и он продолжил:

— Это бурбуль. Немец по имени Петер Гертшен вывел эту породу для армии и подразделений по борьбе с повстанцами в Южной Африке. Он скрестил русского волка с восточноевропейской овчаркой. Это сторожевой пес белого человека. Он вынюхивает и находит черномазых, — Боунз перевел взгляд на Луиса и ухмыльнулся ему в лицо.

— Будьте с ним поосторожнее, — посоветовал я. — Вдруг он перепутает и накинется на вас.

Боунз дернулся на стуле, словно его током ударило. Он прищурился и впился глазами в мое лицо, стараясь найти намек на то, что я знаю о двойном смысле своих слов. Я не отвел взгляд.

— Вам лучше уйти, — в тоне Джо Боунза звучала явная угроза. Я пожал плечами и поднялся. Луис придвинулся ко мне поближе. Мы переглянулись.

— Он берет нас на испуг, — сказал Луис.

— Может быть, но, если мы с этим уйдем, он не будет нас уважать.

— Без уважения человеку нельзя, — согласился Луис.

Он взял из стопки тарелок одну и поднял над головой. Она тут же брызнула в разные стороны дождем осколков: патрон снайперской винтовки разнес ее и вонзился в деревянную

стену дома. Женщина молнией метнулась в траву, двое громил загородили собой Джо Боунза, и еще трое выбежали из-за дома на шум выстрела.

Первым рядом с нами оказался ящероголовый Рики. Он поднял пистолет, готовый выстрелить, но Джо толкнул его руку вверх.

— Нет! Дубина стоеросовая, хочешь, чтобы меня здесь уложили? — он обвел взглядом ряд деревьев за пределами своей территории, затем повернулся ко мне. — Вы явились сюда, стреляете в меня, пугаете мою женщину. Что это еще за новости, черт вас побери!

— Ты сказал нехорошее слово, — негромко объяснил Луис.

— Точно, все так и было, — с готовностью подтвердил я.

— Я слышал, у тебя есть друзья в Новом Орлеане, — с угрозой заговорил Джо Боунз. — У меня достаточно забот, и внимание федералов мне ни к чему, но если я увижу поблизости тебя или твоего... — он помолчал, проглатывая ругательство, — ...друга, я своего шанса не упущу, слышишь?

— Слышу, — ответил я. — Я намерен найти Ремарра, Джо. Но если окажется, что ты нас обманул, и это поможет ему скрыться, я вернусь.

— Ты вынудишь нас вернуться, Джо, и нам придется обидеть твоего щеночка, — с деланной грустью пообещал Луис.

— Приходите, сделайте одолжение, — прорычал Джо Боунз, — и я вас ему скормлю.

Мы отступали к дубовой аллее, не упуская из виду Боннано и его людей. Женщина в испачканной зеленым блузе ласково погладила его запястье, желая успокоить, но он грубо толкнул ее в грудь. Джо трясло от бессильного бешенства, и слюна повисла у него на подбородке.

Когда нас скрыли деревья, я услышал за спиной звук открывающихся ворот.

— А я и не знал, что Эйнджел такой меткий стрелок, — уже в машине удивился я. — Ты давал ему уроки?

— Угу, — с потрясенным видом откликнулся Луис.

— А мог он попасть в Джо Боунза?

— Угу. Я удивляюсь, как он в него не попал.

Позади нас открылась дверца, и Эйнджел нырнул внутрь с уложенной в футляр винтовкой.

— Значит, начинаем болтаться вокруг Джо Боунза. Поиграем на бильярде, на девчонок посмотрим.

— И когда же это ты на девчонок заглядывался? — поинтересовался ошеломленный Луис, когда мы отъехали от ворот и направились в сторону Сент-Франсисвилла.

— Это мужское дело, — ответил Эйнджел. — А я умею делать мужские дела.

Мы вернулись в гостиницу далеко за полдень. Нас ждало послание от Морфи. Я позвонил ему в канцелярию шерифа и перевел разговор на мобильный телефон.

— Где тебя носило? — спросил он.

— Ходил в гости к Джо Боунзу.

— Черт возьми, зачем тебе это?

— Скорее всего, чтобы нажить неприятностей.

— Я же тебя предупреждал: не надо заигрывать с Джо Боунзом. Ты один к нему ходил?

— Я захватил с собой друга. Он Джо не понравился.

— И чем же он ему не угодил?

— Родился от черных родителей.

Морфи расхохотался.

— Он очень щепетилен насчет своих корней, но не мешает напоминать ему о них время от времени.

— Он грозился скормить моего друга своему псу.

— Да уж, Джо любит свою собачку, это точно.

— У тебя есть что-нибудь?

— Возможно. Морепродукты любишь?

— Нет.

— Ладно, тогда поедем в Бактаун. Там морепродукты отличные, а креветки — лучше не найти. Я заеду за тобой через два часа.

— А кроме морепродуктов есть, зачем туда ехать?

— Из-за Ремарра. У одной его бывшей подружки там дом. Может быть, стоит туда наведаться.

Я постучал к Рейчел, но мне никто не ответил. Портье объяснил, что она отправилась в университет, а для нее пришел целый ворох факсов. Он с отвращением покосился на закрутившиеся в трубочки листы. Я с трудом переборол искушение заглянуть в них и вернулся в номер. Приняв душ и переодевшись, оставил Рейчел записку, где обещал зайти позднее. Я попросил Эйнджела с Луисом дожидаться ее возвращения. Луис занимался йогой на полу спальни, а Эйнджел смотрел телевизор.

Морфи не опоздал, и мы поехали на север по Ченэл-бульвару, а затем на запад по огибающей озеро Лейкшо-драйв. В свете угасающего дня впереди нас поблескивали воды озера Понтчартрейн. Мне были видны огни машин, направляющихся по огромной насыпи в сторону Мандевилла и Ковингтона. Мы миновали пристань для яхт, и Морфи показал мне Южный яхт-клуб, второй в стране по времени создания. Он был там только раз, когда его вызвали арестовать человека, который поджег яхту своего делового партнера, после того как узнал, что тот спит с его женой. Горящая яхта освещала бар, где поджигатель преспокойно дожидался полицию со стаканом спиртного в руке.

Если примириться с запахом рыбы, Бактаун можно считать даже по-своему привлекательным городком. Я поднял стекло, чтобы хоть немного защитить себя, но Морфи опустил его до самого низа и вдыхал рыбный дух с откровенным наслаждением. В целом Бактаун мало подходил на роль убежища для Ремарра, и поэтому он мог выбрать, чтобы затаиться, именно его.

Горбатый домишко Кэрол Стерн стоял в маленьком садике в нескольких кварталах от главной улицы. С фасада он имел один этаж, а со двора — два. Как рассказывал Морфи, Стерн работала в свое время в баре на Сент-Чарльз, но теперь отбывала заключение по обвинению в хранении наркотиков с целью распространения. Ходили слухи, что Ремарр продолжал вносить арендную плату за дом. Остановились мы за углом и, выходя из машины, не сговариваясь, сняли пистолеты с предохранителя.

— Мне кажется, ты забрел в чужой огород, — заметил я. — Здесь не твоя территория.

— Мы просто заехали сюда перекусить и зашли кое-что проверить на всякий случай, и никому на мозоль я не наступаю, — обиделся Морфи.

Он указал мне на вход с фасада, а сам пошел к черному ходу. Я поднялся на крыльцо и осторожно заглянул внутрь через стекло, густо покрытое слежавшейся грязью, что вполне соответствовало несколько запущенному виду всего дома. Сосчитав до пяти, тронул дверь. Она поддалась с негромким скрипом, и я осторожно вошел в прихожую. В дальнем конце коридора звякнуло разбитое стекло, и рука Морфи просунулась внутрь, нащупывая засов.

Характерный запах, хотя и слабый, почувствовался сразу же. Так пахнет оставленное на солнце и притухшее мясо. Внизу нам никто не встретился. Там располагались кухня, маленькая комната с диваном и старым телевизором и еще одна комнатка с односпальной кроватью и гардеробом, забитым женской одеждой и обувью. На кровати лежал один только затертый матрас.

Морфи первым стал подниматься по лестнице, я не отставал. Мы оба держали оружие наготове. Запах усиливался. Мы миновали ванную. Капавшая из решетки душа вода забрызгала ржавчиной керамическую ванную. На полочке под зеркалом баллон с пеной для бритья соседствовал с лезвиями и флаконом лосьона после бритья.

Три другие двери оставались полуоткрытыми. Справа находилась спальня женщины. Постель покрывали белые простыни, цветы в горшках на окне начинали вянуть, на стенах висели несколько репродукций Моне. Туалетный столик был уставлен косметикой. Вдоль стены во всю ее длину стоял белый платяной шкаф. Окно напротив выходило в маленький запущенный сад. Этот шкаф также заполняла женская одежда и обувь. Видимо у Кэрол Стерн просто мания делать покупки.

Источник запаха находился в следующей комнате. У выходящего на улицу окна на переносной плите стояла огромная кастрюля. На медленном огне в воде с лохмотьями пены варилась какая-то похлебка. Судя по устоявшемуся запаху, мясо варилось довольно долго, возможно, целый день. От варева разило тухлятиной. На новом красном ковре стояли два кресла, на маленьком столике — переносной телевизор.

Третья комната также выходила окном на улицу, дверь в нее была неплотно закрыта. Морфи занял позицию с одной стороны, я — с другой. На счет «три» он резким ударом ноги распахнул дверь и вскочил в комнату, забирая вправо. Я последовал за ним, отскочив к стене слева, не снимая палец со спускового крючка.

Золотистые лучи заходящего солнца освещали комнату и все, что в ней находилось: незастеленная постель, раскрытый чемодан на полу, туалетный столик и рекламный плакат на стене, объявляющий о концерте группы «Невиллские братья» с автографами братьев на портретах.

Плиты с большей части потолка были сняты, открывая балки. Кэрол Стерн замышляла ремонт в доме, но тюремное заключение поломало ее планы. В дальнем конце комнаты несколько переброшенных через балки веревок поддерживали тело Ремарра.

Его останки пламенели в лучах заходящего солнца. Мне были хорошо видны мышцы и вены на его ногах, жилы на шее, желтеющие бугры жировых отложений у талии, мышцы живота, сморщенный пенис. Ремарр частично висел на двух здоровенных гвоздях из закаленной стали, вбитых в дальнюю стену комнаты. Такие гвозди используются для крепления к каменной кладке. Основной же вес тела приходился на веревки.

Я шагнул вправо и увидел третий гвоздь за шеей, удерживавший голову. Она была повернута вправо, и четвертый гвоздь под подбородком закреплял ее в этом положении. Местами сквозь кровь белел череп. Зияли пустотой глазницы, и на фоне десен белели стиснутые зубы.

С Ремарра полностью сняли кожу, затем телу придали задуманную позу и закрепили на стене. Левая рука располагалась под углом к телу, и в ней, как будто приклеенный находился нож с длинным лезвием, напоминающий разделочный нож мясника, но более широкий и массивный.

Но притягивала взгляд правая рука Ремарра, куда смотрели и его пустые глазницы. Согнутая в локте, эта рука удерживалась веревкой, а через нее была перекинута снятая с Тони кожа. Я различал форму рук, ног, видел волосы скальпа, соски груди. Скальп висел почти на уровне его колен, и под ним виднелись окровавленные места, где было вырезано лицо. Кровать, пол, стены — все краснело от крови.

Я посмотрел на стоявшего слева Морфи. Он, крестясь, шептал молитву за упокой души Тони Ремарра.

* * *

Мы сидели, прислонившись к машине Морфи, и пили кофе из пластиковых стаканчиков, наблюдая, как вокруг дома Стерн суетятся федералы и полицейские из Нового Орлеана. За ограждением толкалась толпа зевак, среди них соседи и прохожие, направлявшиеся отведать даров моря в заведениях Бактауна. Но они напрасно рассчитывали удовлетворить свое любопытство и поглазеть на труп. Место преступления отличалось исключительной организацией, и полицейские с федералами собирались тщательно все оформить документально.

К нам подошел Вулрич и предложил пончики в пакете, который он достал из кармана коричневого костюма. После чистки костюм смотрелся как новый. Его красный «шевроле» новейшей модели блестел краской за ограждением поодаль.

— Вот, возьмите — вы, должно быть, проголодались, — сказал Вулрич, протягивая нам пакет. Но мы с Морфи дружно отказались. У меня не шел из головы Ремарр, думаю, что и у Морфи перед глазами стояла та же картина: вид у него был больной и лицо бледное.

— Вы говорили с местными полицейскими? — спросил Вулрич.

Мы кивнули. До этого мы уже дали пространные показания двум детективам из отдела по расследованию убийств из местного отделения полиции, один из сыщиков оказался родственником Морфи.

— Тогда, думаю, вам можно ехать, — заключил Вулрич. — Но потом я хочу с вами поговорить.

Морфи пошел вокруг машины, чтобы сесть за руль. Я взялся за дверцу, собираясь занять место рядом, но Вулрич задержал меня.

— Как ты? — спросил он.

— Как будто, ничего.

— Морфи не обманула интуиция, но ему не стоило тащить с собой тебя. Дюран на меня накинется, когда узнает, что ты снова первый оказался на месте преступления.

Дюран возглавлял отдел ФБР в Новом Орлеане. Встречаться с ним мне не приходилось, но я имел общее представление о спецагентах — начальниках отделов ФБР. Они правили в своих отделах, как царьки: направляли агентов в подразделения, давая «добро» на проведение операции. Конкуренция среди претендентов на место начальника проходила очень жестоко. Дюран, как видно, был крепкий орешек.

— Ты живешь в той же самой гостинице?

— Да.

— Я загляну к тебе. Кое о чем надо посоветоваться.

Вулрич пошел к дому Стерн. По пути он вручил пакет с помятыми пончиками сидевшим в машине патрульным. Они нехотя взяли пакет, но держали так, будто в нем находилась бомба. Но стоило Вулричу скрыться в доме, как один из них вылез из машины и швырнул пакет в мусорный бак.

Морфи довез меня до гостиницы. Я дал ему номер своего мобильного, и он записал его в маленькую черную записную книжку, накрепко стянутую резинкой.

— Если ты завтра свободен, Эйнджи приготовит ужин, приезжай, — пригласил он. — Попробуешь ее стряпню — не пожалеешь, что приехал. Кроме того, нам нужно кое-что обсудить, — уже другим тоном заключил он.

Я поблагодарил и сказал, что предложение заманчивое. Но в глубине души, мне не хотелось больше видеть ни Морфи, ни Вулрича, ни вообще кого-либо из полицейских или федералов. Он уже собирался отъезжать, но я постучал по крыше, и Морфи опустил окно.

— Зачем ты все это делаешь? — спросил я.

Морфи проявил достаточную смелость, привлекая меня, он держал меня в курсе происходящего. Мне необходимо было узнать причину. А еще я хотел знать, можно ли ему доверять.

Он неопределенно повел плечами.

— Убийство Агуиллардов произошло на моем участке. Я хочу добраться до того, кто это сделал. Ты знаешь кое-что о нем. Он причинил зло тебе, отнял семью. Федералы ведут собственное расследование, а нам стараются сообщать как можно меньше. У меня есть лишь ты.

— И только-то? — в его лице мне увиделось что-то знакомое.

— Нет, не совсем. У меня есть жена. Я завожу семью. Ты понимаешь, о чем я?

Я кивнул и не сказал больше ничего. Но что-то в его глазах нашло отклик в моей душе. Я хлопнул по крыше на прощанье, и он уехал. А я провожал его глазами, размышляя, насколько сильно нуждался Морфи в прощении за то, что, возможно, совершил.

Я вернулся в гостиницу с таким острым ощущение тления, заполняющим всего меня, что нечем становилось дышать. Запах притаился под ногтями и вьелся в кожу. Я чувствовал, как он потом струится по моей спине, даже в растениях проросших в трещинах мостовой мне виделось разложение. Казалось, весь город вокруг меня гниет и распадается на части. Я включил горячую воду и стоял под душем до тех пор, пока кожа не покраснела и не стала болеть. Одевшись, позвонил Эйнджелу с Луисом и договорился встретиться через пять минут в комнате Рейчел.

Она открыла дверь: рука в чернилах, за ухом ручка, собранные волосы держат два карандаша, покрасневшие от продолжительного чтения глаза обрамляют черные круги.

Ее комнату трудно было узнать. На единственном столе в окружении листов бумаги, записей и книг лежал раскрытый справочник. На стене висели диаграммы, листки для заметок и ряд зарисовок анатомического содержания. Рядом со стулом виднелась груда факсов, а возле нее на подносе соседствовали недоеденные бутерброды, кофейник и чашка.

В дверь постучали, я открыл и впустил Эйнджела с Луисом. Эйнджел оглядел стену, не веря глазам:

— Парень у конторки внизу думает, что вы сошли с ума, раз вам шлют по факсу такую муть. Если он еще и это увидит, то сразу же в полицию позвонит.

Рейчел уселась поудобнее и вытащила карандаш, освобождая волосы.левой рукой она взбила локоны и осторожно повертела шеей, чтобы размять затекшие мышцы.

— Итак, кто начнет? — спросила Рейчел.

Я рассказал им о Ремарре, и усталость Рейчел как ветром сдуло. Она попросила меня подробнее остановиться на положении тела и принялась шуршать бумагами на столе.

— Вот, — она торжественно вручила мне лист. — Похож?

Я держал лист с черно-белой иллюстрацией, сверху — надпись, выполненная в старом стиле: «Tab. Primera del lib. Segundo». Внизу имелась приписка почерком Рейчел: «Валверде, 1556 г.».

На рисунке был изображен человек с полностью снятой кожей. Его левая нога стояла на камне, в левой руке он держал длинный нож с изогнутой рукояткой, а на правой — собственную кожу. На коже просматривались очертания лица, и глаза оставались нетронутыми. Но, не считая этих отличий, в остальном иллюстрация соответствовала положению, в котором был найден Ремарр. Греческими буквами обозначались разные части человеческого тела.

— Точно, — подтвердил я. — Мы именно это и нашли.

Я передал иллюстрацию Эйнджелу в Луисом. Они смотрели на нее, не говоря ни слова.

«Historia de la composicion del cuerpo humano» — «История строения человеческого тела», — начала объяснять Рейчел. — Эта книга написана в 1556 году испанцем Валверде как учебник по медицине. Рисунок, — она взяла лист у Луиса и подняла, чтобы его могли видеть все, — этот рисунок является иллюстрацией к мифу о Марсии. Последователь богини Кибелы сатир Марсий был проклят, когда подобрал отвергнутую Афиной костяную флейту. Так как флейта сохраняла вдохновение Афины, она играла сама по себе, и музыка ее была так хороша, что крестьяне поставили эту музыку выше, чем искусство Аполлона. Аполлон вызвал Марсия на состязание, которое оценивали Музы. Марсий проиграл, поскольку не

смог играть на флейте и одновременно петь. И Аполлон отомстил сатиру. Он снял с живого Марсия кожу и прибил ее к сосне. Как сказано у Овидия, Марсий выкрикнул, умирая: «Кто есть тот, что вырывает меня из меня самого?» У Тициана есть картина на этот сюжет и у Рафаэля тоже. Мне думается, что в трупe Ремарра обнаружатся следы кетамина. Чтобы следовать мифу, надо было проделать всю процедуру при живой жертве. И вообще, трудно творить произведение искусства, когда модель двигается.

— Но кажется, что человек на этом рисунке сам снял с себя кожу, — перебил Луис. — У него в руках нож и собственная кожа. Почему убийца использовал это изображение?

— Это только догадка, — заметил я, — но в определенном смысле Ремарр действительно снял с себя кожу. Он был в доме Агуиллардов, где ему быть не следовало. И, по-моему, то, что он мог там увидеть, беспокоило Странника. Ремарр оказался там, где не должен был быть, и поэтому на нем лежит ответственность за то, что с ним произошло.

— Мысль интересная, — одобрила Рейчел, — но здесь может быть еще что-то, если учесть случившееся с Ти Джином Агуиллардом, — она подала мне несколько листов. Первый был фотокопией снимка места преступления с телом Ти Джина. Второй содержал еще одну иллюстрацию с надписью: «De dissect partium». Внизу стояла пометка Рейчел: «1545 год».

На иллюстрации был изображен человек, распятый на дереве на фоне стены. Голова его находилась в развилке, а руки растянута по другим ветвям. Снятая ниже груди кожа открывала легкие, почки и сердце. На возвышении рядом с ним лежал какой-то орган, вероятно, желудок. Лицо оставалось нетронутым, но в остальном иллюстрация отражала положение тела Ти Джина.

— Это снова Марсий, — пояснила Рейчел. — Или вариант на основе этого мифа. Иллюстрация взята из еще одной древней книги по медицине: «De dissectione partium Corporis humani» — «Частичное анатомирование», автор ее Эстиен.

— Вы хотите сказать, что этот тип убивает, как описано в греческом мифе? — подал голос Эйнджел.

— Все не так просто, — вздохнула Рейчел. — Предполагаю, что миф нашел в нем отклик, иначе он не обращался бы к нему дважды. Но теория с Марсием не подходит для случая с тетушкой Марией и женой и ребенком Берда. На изображения Марсия я наткнулась, можно сказать, случайно, но соответствия другим смертям мне пока не попадались, и я продолжаю поиски. Очень велика вероятность, что и здесь за основу брались ранние труды по медицине. Тогда я их разыщу.

— В таком случае интересующий нас человек имеет медицинское образование, — предположил я.

— Или знаком с определенного рода текстами, — уточнила Рейчел. — Нам известно, что он читал Книгу Еноха, или какую-то работу, написанную на ее основе. Чтобы нанести такие повреждения, которые мы наблюдали на трупах, особых медицинских познаний не требуется, но нельзя совсем исключить определенные хирургические навыки и знакомство с некоторыми медицинскими процедурами.

— А что означает ослепление и удаление лиц? — задавая этот вопрос, я постарался отодвинуть в глубину сознания промелькнувшие образы Сьюзен и Дженнифер. — Есть какая-нибудь идея на этот счет?

Рейчел покачала головой.

— Я работаю над этим вопросом. Для него лицо, как видно, играет роль некого

памятного знака, сувенира. Лицо Дженнифер было возвращено, потому что она умерла прежде, чем он занялся ею, а еще, возможно, ему хотелось причинить вам боль. Удаление лиц может также означать, что убийца не считает свои жертвы личностями, это знак, что он умаляет их значение как людей. Отнимая у человека лицо, обезличивая его, он лишает индивид основной физической характеристики. Есть мнение, что на сетчатке глаза жертвы остается изображение убийцы. Существовало также много мифических теорий, связанных с телом жертвы. Даже в начале прошлого века ученые всерьез исследовали предположение, что в присутствии убийцы тело его жертвы начинает кровоточить. Мне нужно еще поработать над этим вопросом, и тогда я смогу делать выводы.

Рейчел встала и сладко потянулась.

— Не хочу показаться грубой, но я бы с удовольствием приняла душ, а потом мне бы хотелось куда-либо пойти и как следует поесть, ну а после я мечтаю поспать часиков двенадцать.

Мы уже приготовились уйти, но Рейчел жестом остановила нас.

— Я хочу еще кое-что сказать. Не надо думать, что мы имеем дело с помешанным фанатиком, копирующим разные жестокости с картин. У меня нет достаточных оснований для окончательных выводов, но в основе его действий я чувствую какую-то скрытую философию. Он следует разработанной схеме, и мы не доберемся до него, пока не разберемся в схеме, которой он придерживается.

Я уже взялся за ручку двери, когда в нее постучали. Распахивать дверь во всю ширь я не стал, а медленно приоткрыл, загораживая вход и давая Рейчел время убрать бумаги. Передо мной стоял Вулрич. Свет из комнаты позволял видеть пробивающуюся щетину на его лице.

— Портье сказал, что ты если не у себя, то здесь. Войти можно?

Задержавшись на мгновение, я отступил в сторону. Я заметил, что Рейчел у стены закрывала развешанные рисунки. Но Вулрича заинтересовала не она. Он впился глазами в Луиса.

— Я вас знаю, — сказал Вулрич.

— Не думаю, — Луис дышал холодом.

— Берд, — повернулся ко мне Вулрич, — что же ты привозишь ко мне в город наемных убийц?

Я промолчал.

— Я же сказал: вы ошиблись, — возразил Луис. — Я — бизнесмен.

— Серьезно? И каким же бизнесом изволите заниматься?

— Борьбой с вредителями, — не моргнув глазом, ответил Луис.

Атмосфера накалялась, и грозы, казалось, не миновать, но дело кончилось тем, что Вулрич повернулся и вышел из комнаты.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он мне уже из коридора. — Жду тебя в «Кафе дю Монд».

Когда за ним закрылась дверь, я посмотрел на Луиса.

— Оказывается, моя персона довольно известна, а я и не догадывался, — заключил он.

— Выходит, что так, — подтвердил я и вышел вслед за Вулричем.

Догнал я его только на улице, но он хранил молчание, пока мы не уселись за столик в кафе. Перед ним появилась тарелка с пончиками. Посыпая костюм сахарной пудрой, он оторвал кусочек и отправил в рот, а затем отпил одним глотком полчашки кофе.

— Берд, — наконец заговорил Вулрич, и в тоне его чувствовалась усталость и

разочарование. — Что ты пытаешься сделать здесь? Мне знакомо лицо этого парня. Я знаю, кто он такой, — он разжевал и проглотил еще кусок пончика.

Я не стал отвечать ему, и мы молча смотрели друг другу в глаза. Он стер с пальцев пудру и заказал еще кофе. Я свой едва пригубил.

— Тебе говорит что-либо имя Эдвард Байрон? — сменил тему Вулрич.

— Что-то не припомню такого, а в чем дело?

— Он служил уборщиком в Парк-Райз. Там Сьюзен родила Дженнифер, верно?

— Да, — подтвердил я. Отец Сьюзен настоял, чтобы она рожала в Парк-Райз, частной клинике на Лонг-Айленде. В этой клинике, по его словам, был лучший в мире персонал. Не могу судить насчет профессионализма, но стоили их услуги очень и очень прилично — это уж точно. Врач, принимавший роды, зарабатывал в месяц больше, чем я в год.

— Так в чем же все-таки суть?

— В начале этого года Байрона уволили без лишнего шума после истории с распотрошенным трупом. Кто-то провел вскрытие трупа женщины без получения на то разрешения. Ей вскрыли живот и вырезали яичники и маточную трубу.

— Обвинения не выдвигались?

— Сначала в руководстве клиники рассматривался этот вопрос, но дело решили не возбуждать. В шкафчике Байрона нашли хирургические перчатки со следами крови и тканей той женщины. Он все отрицал и утверждал, что его подставили. Улики не служили прямым подтверждением его причастности: их могли ему и подложить, но, тем не менее, Байрона уволили. В суд заявление не поступало, не проводилось и расследование случившегося. Нам же стало об этом известно в связи с тем, что местная полиция занималась расследованием краж наркотических средств из клиники приблизительно в то время, когда в отчете появилось имя Байрона. Его уволили после того, как начались эти кражи, и в скором времени лекарства пропадать перестали. Но на каждый случай кражи у него имелось алиби.

С тех пор о Байроне ничего не известно. У нас есть его номер в системе социального страхования, однако он с того времени не регистрировался как безработный, не платил налоги, не имел контактов с властями штата и не посещал лечебные учреждения. А кредитными карточками его не пользовались с октября 1996 года.

— А что теперь вдруг о нем вспомнили?

— Эдвард Байрон родом из Батон-Руж. Там и теперь живет Стейси, его жена, — бывшая жена.

— Вы разговаривали с ней?

— Вчера. По ее словам, они не виделись с апреля и он задолжал ей алименты за полгода. Последний раз чек был выписан на банк в Восточном Техасе. Однако жена считает, что он мог обосноваться в Батон-Руж или где-либо поблизости. Она рассказывает, что ему всегда хотелось вернуться в эти края, а Нью-Йорк он терпеть не мог. Мы разослали его фото, взятое из личного дела в Парк-Райз.

Он подал мне увеличенную копию фотографии Байрона. Красивое лицо несколько портил слегка срезанный подбородок. Темные волосы были зачесаны набок. Фотографировался он в тридцать пять, но выглядел на снимке моложе.

— Это лучшая зацепка, что мы имеем, — признался Вулрич. — Я рассказываю тебе об этом, так как считаю, что ты имеешь право знать. Но хочу сказать тебе и еще кое-что: держись подальше от миссис Байрон. Мы посоветовали ей ни с кем не разговаривать, чтобы газетчики об этом не пронюхали. И, во-вторых, не связывайся больше с Джо Боунзом. Мы

перехватили разговор по телефону одного из его парней, Рики. Так вот, он ругал тебя, на чем свет стоит за фокус, который ты сегодня выкинул, и клялся, что в следующий раз ты не выйдешь сухим из воды... А что твоя команда? Удалось вам что-либо раскопать? — он положил на стол деньги.

— Пока ничего. Я подумываю о медицинском факторе, может быть, не исключена патология на сексуальной почве. Если найдем что-либо существенное, я сообщу тебе. Хочу тебя спросить: какие наркотические средства были похищены из Парк-Райз?

— Гидрохлорид кетамина. Это средство близко к фенциклидину, — пояснил Вулрич. Я промолчал, что уже знаю об этом веществе. Если бы федералы узнали, что Морфи снабжает меня подобными подробностями, не сносить бы ему головы, хотя у них, должно быть, появились подозрения на этот счет. Вулрич промолчал и продолжил. — Этот препарат был обнаружен в телах Марии Агуиллард и ее сына. Убийца использовал его как обезболивающее средство, — он крутанул чашку на блюде и подождал, пока она остановится ко мне ручкой.

— Берд, ты боишься этого типа? — тихо спросил он. — Я боюсь его. Помнишь наш разговор о серийных убийцах в тот день, когда я возил тебя на встречу с тетушкой Марией? Тогда мне казалось, что я перевидал их всех. Все эти убийцы — насильники, извращенцы, переступившие определенную черту, были настолько жалки, что в них все еще проглядывала человеческая природа, но этот тип...

Он проводил глазами семейство, проезжавшее мимо в экипаже. Кучер направлял лошадей и одновременно излагал свою версию истории появления площади Джексона. С краю сидел маленький темноволосый мальчик и молча рассматривал нас, положив подбородок на руку.

— Мы всегда боялись того, что может появиться кто-то, кем руководит более серьезный мотив, чем неудовлетворенность от секса или извращенный садизм. Берд, нас окружает культура боли и смерти, а большинство проживают жизнь, не понимая этого. Возможно, требовалось только время, чтобы среди нас появился некто, кому это оказалось понятнее, чем нам. Мир представлялся ему огромным алтарем, чтобы принести на нем в жертву род человеческий. И он уверовал в то, что должен из всех нас сделать пример.

— Ты считаешь, что это он и есть?

— «Я есть воплощенная Смерть, разрушающая миры». Так говорится в «Бхагавадгита», верно, Берд? Именно там так и сказано: «Я есть воплощенная Смерть». Может быть, он как раз и есть смерть в чистом виде?

Он направился к выходу. Я последовал за ним и вспомнил о пометке в блокноте, сделанной накануне вечером.

— Вулрич, у меня есть кое-что, — остановил его я и рассказал о ссылках на Книгу Еноха.

— Что это за книга Еноха? — с раздражением отозвался он на мои слова.

— Она относится к неканоническим книгам, библейским апокрифам. Мне кажется, он в некоторой степени знаком с ней.

— Берд, — Вулрич сложил мой листок и отправил в карман брюк. На лице его я заметил подобие улыбки, — иногда я просторываюсь на части: держать ли тебя в курсе происходящего или ничего тебе не сообщать.

Затем он поморщился, вздохнул, словно показывая, что спорить нет смысла, и посоветовал:

— Не лезь на рожон, Берд, и своим друзьям передай то же самое, — и с этими словами затерялся в толпе прохожих.

Я постучал в дверь Рейчел, но ответа не последовало. Во второй раз мой стук был более настойчивым, и за дверью послышалось какое-то движение. Рейчел, завернутая в полотенце, открыла дверь. Ее волосы скрывал тюрбан из полотенца поменьше, лицо покраснелось после душа, и кожа влажно блестела.

— Извините, я забыл, что вы собирались в душ.

Она улыбнулась и махнула мне рукой, приглашая войти:

— Присядьте пока. Я сейчас оденусь, и вы угостите меня ужином.

Она прихватила с кровати серые брюки с белой блузкой и белье из комода, после чего удалилась в ванную, но дверь не закрыла, чтобы мы могли переговариваться, пока она одевается.

— Можно спросить, что за препирательство происходило у меня в комнате? — поинтересовалась она.

Я подошел к балкону и стал смотреть на улицу вниз.

— То, что сказал Вулрич о Луисе, правда. Все не так просто, как может показаться, но в прошлом он убивал людей. Не уверен, что он занимается этим и теперь. Я ни о чем не спрашиваю, и не мне его судить.

Но я доверяю и Эйнджелу и Луису. Мне известны способности обоих, поэтому я и попросил их приехать.

Рейчел вышла из ванной, застегивая блузку. Мокрые волосы падали ей на плечи. Она высушила их ручным феном и немного подкрасилась. Я тысячу раз наблюдал, как это делала Сьюзен. Но теперь я смотрел на Рейчел, и во мне возникло странное ощущение близости. В моих чувствах к ней наметился маленький, но значимый сдвиг. Она села на постель, и помогая пальцем, сунула босые ноги в черные туфли. Когда она наклонилась, на ее оголившейся пояснице блеснули капельки влаги. Она перехватила мой взгляд и осторожно улыбнулась, боясь ошибиться, правильно ли она его поняла.

— Пошли? — сказала она.

Я придержал для нее дверь, и ее блузка коснулась моей руки, словно вода капнула на раскаленное железо.

Мы сидели в ресторане «Мистер Б» на Ройял-стрит в прохладной полутьме зала, отделанного красным деревом. Передо мной стоял нежный сочный бифштекс. Рейчел выбрала рыбу, и от обилия специй у нее сразу же захватило дух. Мы болтали обо всем понемногу: о спектаклях и фильмах, музыке и книгах. Как выяснилось, в 1991 году и она и я присутствовали на постановке «Волшебной флейты» в «Метрополитен-опера». И она и я в одиночестве. Я смотрел, как она пригубила вино. Отраженный свет играл на ее лице и плясал в зрачках, как лунная дорожка, если смотреть на нее с берега.

— Так вы часто следуете за малознакомыми мужчинами в дальние страны.

— Могу поспорить, что вы долго ждали, чтобы использовать этот ход, — улыбнулась она.

— Может быть, я все время им пользуюсь.

— Вот как. Тогда можно ждать, что это не последний ваш ход.

— Виновен. Каюсь: подумывал об этом.

Я почувствовал, что краснею и поймал в ее глазах нечто игривое, служившее прикрытием неуверенности, некой грусти, боязни обидеть и оказаться обиженной. Что-то во

мне повернулось и выпустило когти, и я почувствовал, как меня царапнуло по сердцу.

— Извините, я почти ничего не знаю о вас, — тихо проговорила она.

Она погладила мою ладонь от запястьев до кончиков пальцев, нежно повторяя их линии и завитки на подушечках. Ее прикосновение было легким, как касание опавшего листа. Ее рука скользнула на стол, но кончики пальцев остались на моей руке, и она заговорила о себе.

Родилась она в Чилсоне, у подножия гор Адирондак. Отец ее был адвокатом, а мать работала в детском саду. За два дня до выпускного бала ее парень заболел свинкой, и с ней пошел брат ее лучшей подруги, который во время танцев попытался добраться до ее груди. А еще у Рейчел был брат старше ее на десять лет. Звали его Куртис. Пять лет он прослужил в полиции и погиб, не дожив двух недель до двадцати девяти лет.

— Его незадолго до этого назначили детективом в канцелярию шерифа. Все случилось даже не в его дежурство, — она говорила размеренным тоном, не быстро и не медленно, как будто рассказывала эту историю в тысячный раз, а до этого проследила и проанализировала все от начала до конца, отсекая маловажные детали, пока не осталось только самое основное, стержень истории гибели брата, самая суть потери.

— Произошло это днем во вторник в четверть третьего. Куртис шел на свидание с одной из своих девушек. У него всегда было по две-три девушки. Он неизменно пользовался успехом. У него в руках был букет розовых лилий, купленный в цветочном магазине неподалеку от банка. Он услышал крики, и вслед за этим из дверей банка выбежали двое вооруженных людей в масках: мужчина и женщина. Сообщник поджидал их в машине.

Куртиса заметили, когда он доставал пистолет. У обоих грабителей были обрезы, и они пустили их в ход, не колеблясь. Мужчина разрядил в него оба ствола, а, когда он лежал на земле, женщина прикончила его. Она выстрелила ему в лицо, а он был такой красивый, такой милый.

Она умолкла, и я понял, что эту историю она проговаривала только мысленно, что этот рассказ следовало хранить и не делиться им ни с кем. Иногда нам нужна наша боль. Это то, что принадлежит только нам и никому больше.

— Их задержали с тремя тысячами долларов. Это все, чем они смогли поживиться в банке, и столько стоил для них мой брат. Женщина-налетчица только за неделю до ограбления освободилась из тюрьмы. Кто-то решил, что она не представляет угрозы для общества.

Она допила вино, и я подозвал официанта. Пока он наполнял бокал, Рейчел молчала.

— Вот такая моя история, — наконец, снова заговорила она. — Теперь я пытаюсь понять проблему и иногда подбираюсь близко. И, если повезет, мне удастся предугадать события и уберечь от несчастья других. Иногда удается.

В этот момент я осознал, что крепко сжимаю ее руку. Я совершенно не помнил, как это произошло. И не выпуская ее руку из своей, я впервые за много лет заговорил о том времени, когда мы с матерью уехали из Нью-Йорка в штат Мэн.

— А мать сейчас жива?

Я покачал головой и начал рассказ:

— Так вышло, что я нажил себе неприятностей. К ним имел отношение местная «шишка» по прозвищу Папаша Хелмс. Дедушка с мамой решили, что мне лучше уехать и где-нибудь поработать летом, пока шум не уляжется. У друга дедушки был магазин в Филадельфии, и я там работал некоторое время: собирал полки, ночью занимался уборкой. Жил я в комнате над магазином.

Тем летом мама начала посещать сеансы физиотерапии для лечения защемленного нерва в плече, но, как выяснилось, ей поставили неверный диагноз.

У нее обнаружился рак. Мне кажется, она знала об этом, но продолжала молчать. Может быть, она рассчитывала, что сможет обмануть организм и протянет подольше, если откажется признавать болезнь. Но ее расчеты не оправдались, и хуже того, когда она выходила из кабинета физиотерапевта, у нее произошел коллапс легкого.

Я вернулся два дня спустя на автобусе фирмы «Грейхаунд», что работают на дальних рейсах. Не виделись мы около двух месяцев, но в палате я не узнал ее — так она изменилась. Мне пришлось сверяться с карточкой на кровати. После этого мама прожила шесть недель. Ближе к концу сознание ее полностью прояснилось. Думаю, такие случаи не редки, и начинает казаться, что больные идут на поправку. Как будто болезнь решила зло пошутить. В ночь перед смертью мать пыталась даже начертить план больницы, чтобы знать, куда идти, когда придет время выписываться.

— Извините, — сказал я, отхлебнув из стакана воды. — Не знаю, что меня вдруг потянуло на воспоминания.

Рейчел тепло улыбнулась и сжала мою руку.

— А что с вашим дедушкой?

— Умер восемь лет назад. Он оставил мне дом в штате Мэн, тот самый, что я все собираюсь и никак не могу привести в порядок. — Я отметил про себя, что она не спросила меня об отце. Думаю, все, что было известно, стало известно и ей.

Потом мы медленно шли по улицам, заполненным гуляющей публикой. Доносившаяся из баров музыка сливалась в единый поток, в котором время от времени удавалось различить знакомые мелодии. У дверей ее комнаты мы обнялись и постояли так немного, потом нежно поцеловались и пожелали друг другу спокойной ночи.

В ту ночь я спал очень спокойно, несмотря на Ремарра, Джо Боунза и трения с Вулричем. И мне казалось, что я все еще держу Рейчел за руку.

Я вышел на пробежку прохладным ясным утром. Меня сопровождал шум городского трамвая. Проехала мимо, направляясь к собору, свадебная машина с трепещущимися на крыше белыми лентами. Я двигался на запад по Норт-Рампарт и добежал до Пердидо, затем вернулся через район Квартер по Шартрез. Постепенно жара усиливалась и вместе с влажностью все сильнее давала о себе знать, так что возникало ощущение, словно бежишь с влажным теплым полотенцем на лице. Легкие старались качать воздух внутрь, а организм сопротивлялся, отказываясь такой воздух принимать. Но я не уступал и продолжал бег.

У меня вошло в привычку тренироваться три-четыре раза в неделю, в зависимости от времени года чередуя пробежки с упражнениями в тренажерном зале. Стоило мне на несколько дней отступить от режима, и на меня словно наваливалась тяжесть, сбросить которую можно было только физическими упражнениями.

В гостинице я принял душ и сменил повязку на плече. Оно немного побаливало, но раны начали затягиваться. Я занес в прачечную узел с бельем, поскольку не рассчитывал на такую задержку в Новом Орлеане и мой запас нижнего белья оказался на исходе.

Номер Стейси Байрон отыскался в телефонной книге. Фамилию после развода она не сменила, по крайней мере, в телефонной компании значилась под ней. Эйнджел с Луисом вызвались съездить в Бартон-Руж и выяснить, что удастся, у нее или о ней.

Детальное описание рисунков, которые она искала, Рейчел направила электронной почтой по двум адресам: двоим своим аспирантам в Колумбийский университет и в Бостон, отцу Эрику Уорду, который теперь вышел на пенсию, а в прошлом читал лекции в Новом Орлеане в университете Лойолы. Специализировался он на культуре эпохи Возрождения. Бесцельно слоняться, дожидаясь ответа, ей не захотелось, и она решила составить мне компанию и отправиться в Мэтери, где этим утром должны были состояться похороны Дэвида Фонтено.

В пути мы молчали. Хотя о растущей близости и о том, к чему это может привести, не было сказано ни слова, но и она и я хорошо сознавали это. Я заметил намек на понимание в ее взгляде, и она, возможно, прочитала то же самое в моих глазах.

— Итак, что еще ты хочешь обо мне узнать? — спросила она.

— Я почти ничего не знаю о твоей личной жизни.

— Кроме того, что я красива и чертовски умна.

— Конечно же, кроме этого, — с готовностью подтвердил я.

— Под личной жизнью ты имеешь в виду секс?

— Да, я не хотел выглядеть нахалом и выразился мягче. Но если тебе легче начать с возраста — пожалуйста. Ты вчера о нем мне ничего не сказала. А в сравнении с этим признанием все остальное уже пойдет как по маслу.

Она ухмыльнулась и показала мне кукиш, который я проигнорировал.

— Мне тридцать три, но при удачном освещении, выгляжу на тридцать, не больше. У меня есть кот и квартира с двумя спальнями в Нью-Йорке, в Верхнем Вест-Сайде, постоянного друга у меня нет. Три раза в неделю я занимаюсь аэробикой, мне нравится китайская кухня и музыка в стиле «соул». Мой последний роман закончился шесть месяцев назад, и, по-моему ко мне возвращается девственность.

Я удивленно повел бровью.

— У тебя немного ошарашенный вид, — рассмеялась она. — Тебе надо больше бывать на людях.

— Да и тебе, кажется, это не помешает. Кто был твой друг?

— Он биржевой маклер. Мы встречались год, а потом решили съехаться и посмотреть, что из этого получится. Так как у него была одна спальня, а у меня две, то он переехал ко мне, а во второй спальне мы устроили общий кабинет.

— Послушать — настоящая идиллия.

— Так все и было. С неделю. Потом выяснилось, что он не выносит кота и не может спать со мной в одной постели, потому что я все время ворочаюсь и мешаю ему уснуть. А моя одежда стала пахнуть его сигаретами. Это и решило дело. Табаком провоняло все: мебель, постель, стены, еда, туалетная бумага; сигаретами пахло даже от кота. А потом он пришел как-то вечером и объявил, что влюбился в секретаршу, и через три месяца они уехали в Сиэтл.

— Я слышал, Сиэтл неплохой город.

— Черт бы его взял, этот Сиэтл. Что в ему провалиться.

— Ну, ты, по крайней мере, не жалеешь, что так вышло.

— Как ни странно, но что-то меня удерживает, не дает расспрашивать тебя. После того, что случилось, — она смотрела в окно и говорила, а меня неудержимо тянуло прикоснуться к ней, и слова ее усиливали это желание.

— Знаю, — я медленно протянул руку дотронулся до ее щеки, и почувствовал какая гладкая и слегка влажная у нее кожа. Она склонила голову, сильнее прижимаясь к моей руке. Но тут мы подъехали к воротам кладбища, и момент был упущен.

Ветви рода Фонтено жили в Новом Орлеане с конца девятнадцатого века, задолго до того, как сюда переселилась семья Лайонела и Дэвида. Поэтому на самом крупном кладбище города, расположенном между Мэтери-роуд и бульваром Понтчартрейн, семейство Фонтено имело большой фамильный склеп. Это кладбище, занимающее площадь сто пятьдесят акров, находилось на месте старого городского ипподрома. Для азартных игроков такое место последнего успокоения подошло бы наилучшим образом, даже если принять во внимание, что шансы выиграть всегда подтасовываются в пользу заведения.

Кладбища Нового Орлеана имеют отличительную особенность. В крупных городах большинство кладбищ тщательно ухожены, там отдается предпочтение скромным, неприметным надгробиям. В противоположность этому поколения усопших новоорлеанцев покоятся в вычурных гробницах и впечатляющих мавзолеях. При виде их напрашивалось сравнение с парижским кладбищем Пер-Лашез и Городом Мертвых в Каире. Сходство подкреплял вид усыпальницы рода Брансвид, имевшей форму пирамиды, вместе с ее стражем — сфинксом.

Конечно, формирование архитектурного стиля кладбища проходило не только под влиянием французских и испанских традиций в этой области, но было продиктовано практическими соображениями. Город располагался ниже уровня моря в пойме Миссисипи, и до развития современной системы осушения вырытые могилы быстро заполнялись водой. В этих условиях естественным решением становилось строительство надземных усыпальниц.

Когда мы подъехали, процессия уже вошла на территорию кладбища. Я поставил машину в стороне от основной массы, и мы с Рейчел прошли в ворота, минуя две полицейские машины. Глаза сидевших в ней людей скрывали темные очки. Вслед за отставшими от основной процессии мы прошли мимо вытянутой в длину гробницы

Мориарти с четырьмя статуями у подножия, олицетворяющими Веру, Надежду, Милосердие и Память. И, наконец, перед нами оказалась усыпальница в греческом стиле с двумя дорическими колоннами и высеченной над входом надписью: «Фонтено».

Сказать точно, сколько членов семейства покоилось в фамильном склепе, не представлялось возможным. Согласно установившейся в Новом Орлеане традиции, тело оставляли в склепе на год и один день, после чего склеп вскрывался, останки переносились вглубь, а гниющий гроб удалялся, освобождая место для следующего. Большинство усыпальниц в Мэтери были переполнены.

Чугунные ворота с изображениями ангельских голов стояли открытыми, и небольшая группа родственников полукругом окружила склеп. Над остальными возвышался представительный мужчина в черном однобортном костюме с широким галстуком. Я предположил, что это и есть Лайонел Фонтено. Обветренное лицо приобрело каленый цвет. Морщины бороздили лоб и лучами разбежались от глаз. Темные волосы на висках тронула седина. Он был значительно выше среднего роста и плотно сложен, так что костюм на нем едва не трещал по швам.

Четверо мужчин с суровыми лицами, одетые в темные куртки и брюки, стояли за рядом родственников, под деревьями, выдерживая интервалы вокруг гробниц. Куртки топорщились от скрытых под ними пистолетов. Пятый охранник в наброшенном на плечи темном плаще повернулся к старому кипарису, и я успел заметить под складками одежды знакомые очертания автомата на основе модели М-16. Двое телохранителей стояли слева и справа от Лайонела Фонтено. Этот солидный дядя, как видно, не хотел испытывать судьбу.

Когда священник начал читать молитву из потрепанного молитвенника с отделанными золотом страницами, собравшиеся притихли. Среди них были и белые и темнокожие: белые — молодые мужчины в щегольских черных костюмах, а темнокожие — старые женщины в черных платьях с кружевами по вороту. Безветрие не позволяло словам священника разлетаться, и они эхом повторялись, отраженные от стен гробниц, отчего создавалось впечатление, что звучат голоса мертвых.

— Отче наш, иже еси на небесех...

Несущие гроб выступили вперед, с трудом продвигая его в склеп сквозь узкий вход. Когда он занял свое место, пара новоорлеанских полицейских появилась между двумя круглыми склепами футах в восьмидесяти к западу от гробницы Фонтено. Двое заходили с востока, и третья пара медленно приближалась с севера.

— Это что, их охрана? — проследила за моим взглядом Рейчел.

— Возможно.

— Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя...

Мне стало не по себе. Конечно, их могли прислать, чтобы защитить процессию и не дать Джо Боунзу нарушить ритуал, но что-то во всем этом было не так. Мне совсем не нравилось, как они подходили. Форма сидела на них как-то неуклюже, и, казалось, им давят воротнички и жмут ботинки.

— И остави нам долги наша...

Люди Фонтено также заметили их, но не встревожились: пистолеты полицейских оставались в кобуре. Их отделяло от нас футов сорок, когда в лицо мне брызнуло что-то теплое. Круглолицая пожилая женщина до этого тихо плакавшая рядом со мной, вдруг резко качнулась в сторону и повалилась на землю. На виске ее темнела дыра от пули, и волосы вокруг быстро намокли. От склепа отлетел осколок мрамора, и место это окрасилось в алый

цвет. Почти одновременно раздался звук выстрела, глухой, как от удара кулака в «грушу».

— Но избави нас от лукаваго...

Участники церемонии не сразу поняли, что происходит, и несколько секунд в оцепенении смотрели, как вокруг головы сраженной пулей женщины собирается лужа крови. Не раздумывая, я толкнул Рейчел в пространство между склепами и прикрыл собой. Кто-то вскрикнул, и люди стали разбегаться под пулями, со свистом ударяющимися в камень и мрамор.

Рейчел закрыла голову руками и сжалась в комок. Бросив взгляд через плечо, я заметил, как заходившие с севера «полицейские» разделились и достали из кустов у аллеи припрятанные там автоматические пистолеты. Это были штайры с глушителями, а пришли с ними люди Джо Боунза. Я видел, как одна из женщин пыталась найти защиту под крыльями каменного ангела, темная накидка хлестала ее по ногам. Ткань два раза всколыхнулась на плечах, и женщина упала ничком, широко раскинув руки. Она попыталась ползти, но накидка вспучилась еще раз, и она больше не шевелилась. Наконец опомнились люди Фонтено: послышались пистолетные выстрелы и треск автоматических очередей. Я достал свой «смит-вессон», как вдруг в просвете между гробницами возникла фигура в форме, двумя руками сжимающая автоматический пистолет. Я сразил его выстрелом в лицо.

— Но это же полицейские! — голос Рейчел терялся в грохоте стрельбы.

— Это люди Джо Боунза, — возразил я и сильнее пригнул ее к земле. — Они пришли прикончить Лайонела Фонтено.

Но этим их задача не ограничивалась. Джо Боунз намеревался посеять хаос, чтобы получить кровавую жатву. Он не только желал разделаться с Лайонелом Фонтено, ему хотелось, чтобы умерли и другие: женщины, дети, родственники Лайонела, его подвижники, а оставшиеся в живых должны были бы бояться Джо Боунза еще сильнее. Он решил нанести сокрушительный удар по семейству Фонтено и именно здесь, рядом с гробницей, где на протяжении поколений они хоронили своих усопших. Так мог поступить только человек, шагнувший за пределы разумного в освещенный огнем темный провал, и там кровь застлала ему глаза.

А за моей спиной послышался шум падающего тела. Я обернулся: рядом с Рейчел свалился на колени человек Фонтено — в плаще с автоматом. Кровь хлынула у него изо рта, и он упал головой к ее ногам. Она вскрикнула. Автомат валялся на траве рядом с ним. Я потянулся за ним, но меня опередила Рейчел: неистребимый инстинкт самосохранения брал свое. С широко раскрытыми глазами и ртом она выстрелила вверх распростертого телохранителя Фонтено.

Я подскочил к углу гробницы, целясь в том же направлении, но человек Джо Боунза уже был готов. Он лежал на спине, левая нога его судорожно вздрагивала, а на груди расплывалось кровавое пятно. Руки Рейчел дрожали, дико смотрели глаза. Автомат повалился у нее из рук, но ремень зацепился за руку, и она яростно старалась от него избавиться. Я видел, как люди, пригибаясь, бегут по проходам между склепами. Две белые женщины тащили за руки по траве чернокожего молодого человека. Белая рубашка на его животе краснела от крови.

Я решил, что первые выстрелы сделала группа, подходившая с юга. Трое из них были мертвы: двоих застрелили мы с Рейчел, а третий лежал у старого кипариса. Человек Фонтено успел прикончить его, прежде чем пуля настигла его самого.

Я помог Рейчел подняться и быстро перебежал с ней к потемневшему, запущенному

склепу с проржавевшими воротами. Замок слетел от одного удара прикладом автомата. Она проскользнула внутрь, я вручил ей свой «смит-вессон» и велел дожидаться моего возвращения и не выходить, а сам я побежал, прячась за другие склепы, в восточном направлении, огибая гробницу Фонтено сзади. Я не знал, сколько зарядов осталось в трофейном автомате. Регулятор был установлен на трехзарядные очереди. В зависимости от емкости магазина, у меня в запасе оставалось от десяти до двадцати выстрелов.

Я почти добрался до памятника, увенчанного изваянием, изображающим спящего ребенка, и тут удар сзади по голове сбил меня с ног. Автомат выскользнул из моих рук. Кто-то нанес мне резкий удар по почкам, и боль прошла тело до плеча. Следующий удар в живот перевернул меня на спину. Я поднял глаза и увидел стоявшего надо мной Рики. Завитки волос, как змеиные кольца и маленький рост плохо сочетались с формой. Он потерял фуражку, и я заметил на его щеке ссадину от осколка камня. Дуло его пистолета смотрело мне в грудь.

Я попытался проглотить слюну, но горло, как будто стиснула чья-то рука. Я чувствовал под руками траву, а боль в боку, напоминала о том, что я пока еще жив. Рики целился мне в голову.

— Привет от Джо Боунза, — палец его напрягся, готовый нажать на курок, и в тот же момент голова Рики дернулась назад, он подался животом вперед, прогибаясь в спине. Пуля из его пистолета прошла траву у самой моей головы, а Рики упал на колени, кренясь набок, и свалился на землю, придавив мне левую ногу. На спине у него краснела дыра с неровными краями.

За упавшим Рики я увидел, как Лайонел Фонтено медленно опускает руку с пистолетом. Левая рука его была в крови и выше локтя на рукаве виднелась дырка от пули. От усыпальницы Фонтено к нам спешили двое телохранителей, стоявших на церемонии рядом с Лайонелом. Они мельком взглянули на меня и устремили взгляды на Фонтено. С запада нарастало завывание полицейских сирен.

— Лайонел, один ушел, остальные — покойники, — сообщил один из подошедших охранников.

— А наши потери?

— Трое убитых. Много раненых.

Рики пошевелился, слабо двигая рукой. Я чувствовал движение его тела, лежавшего на моей ноге. Лайонел Фонтено подошел ближе, постоял мгновение и выстрелил Рики в затылок. Он посмотрел на меня с нескрываемым удивлением и любопытством, затем поднял автомат и бросил его одному из своих людей.

— Теперь надо помочь раненым, идемте, — он повернулся, и, поддерживая раненную руку, пошел назад к фамильному склепу.

* * *

Я высвободил ногу из-под трупа Рики и с трудом поднялся. Сильно болели ребра. Я побрел туда, где оставил Рейчел. Зная, что у нее мой пистолет, приближался я медленно. Но в склепе Рейчел не оказалось.

Я нашел ее в пятидесяти ярдах от него, склонившуюся над молоденькой девушкой, почти ребенком. Услышав мои шаги, Рейчел схватила лежавший рядом пистолет и резко

обернулась.

— Это я, осторожно. Как ты?

Она кивнула и положила пистолет на землю. Я заметил, что она прижимает руку к животу девочки.

— Как она? — спросил я, но ответ мне не понадобился. Все стало ясно, когда я взглянул на девушку через плечо Рейчел. Из раны сочилась темная, почти черная кровь. Ранение в печень. Девушка вся дрожала и скрипела зубами от боли. Шансов выжить у нее не было никаких. Вокруг нас из своих укрытий стали появляться люди. Одни рыдали, других била дрожь от пережитого потрясения. К нам бежали двое людей Фонтено с пистолетами.

— Нам нужно уходить, — я взял Рейчел за руку. — Полицейские не должны нас здесь застать.

— Я остаюсь, я не могу ее оставить.

— Рейчел, — позвал я. Она посмотрела на меня и поняла по моим глазам, что смерть девушки неминуема. — Мы не можем остаться.

Подбежали люди Фонтено. Один, помоложе, опустился на колени рядом с девушкой и взял ее за руку. Она стиснула его руку.

— Клара, — прошептал он. — Держись, Клара, держись.

— Рейчел, прошу, идем, — повторил я.

Она взяла руку молодого человека и приложила к ране на животе. Девушка вскрикнула.

— Держите так руку, пока не приедут врачи, — велела ему Рейчел.

Она подняла пистолет и протянула мне. Я поставил его на предохранитель и вернул в кобуру. Мы поторопились покинуть место бойни и шли, пока крики не приглушило расстояние, тогда я остановился, и она прижалась ко мне. Я обнял ее и поцеловал в макушку, вдыхая запах ее волос. Она сжала меня еще сильнее, и я охнул от боли в ребрах.

— Ты ранен? — сразу же отстранилась она.

— Получил по ребрам, только и всего. Ты сделала для этой девочки все, что могла, — я взял в ладони ее лицо.

Она кивнула, но губы ее дрожали. Для нее спасение девушки имело более глубокий смысл.

— Я убила человека, — сказала она.

— Он бы убил нас обоих. У тебя не оставалось выбора. Если бы ты не выстрелила первой, то была бы сейчас на его месте. И я бы, возможно, тоже был покойник.

Конечно, все мои слова были правдой, но пока ее это не могло утешить. Она плакала, а я крепко прижимал ее к себе, не обращая внимания на боль в ребрах, которая не шла ни в какое сравнение с ее душевными муками.

Много лет я ни с кем не говорил о Папаше Хелмсе до того вечера, когда, рассказывая Рейчел о прошлом, упомянул его. Мне не приходилось встречать человека безобразнее Папаши Хелмса. С конца шестидесятых до начала восьмидесятых в его подчинении находилась большая часть Портленда. Он строил свою неприметную для постороннего глаза империю постепенно, сначала занимаясь грабежом винных складов, а затем постепенно сосредоточив в своих руках торговлю наркотиками в трех штатах.

Папаша Хелмс весил никаких не меньше трехсот фунтов, а болезнь кожи оставила на его туше бугры, особенно заметные на лице и руках. Они имели темно-красный цвет и вместе создавали вид искажающей черты чешуи, так что Папаша Хелмс виделся окружающим словно сквозь красный туман. Он всегда носил костюмы-тройки и постоянно курил сигары на манер Уинстона Черчилля. Так что о приближении Папаши Хелмса становилось известно раньше его появления. И у кого хватало мозгов, тот успевал убраться с его пути подобру-поздорову.

Подлость и низость этого человека дополнялись уродством. Если бы не ум, озлобленность и склонность к насилию, он, может быть, жил бы себе в маленьком домишке где-нибудь в лесу и продавал бы елки на Рождество. Но его безобразие, казалось, было отражением духовной и нравственной порчи, той внутренней гнили, по сравнению с которой уродство кожи не казалось таким уж чудовищным. В нем жила ярость, бешеная злоба, обращенная на окружающий мир.

Мой дед, знавший Папашу Хелмса с юных лет, умел чувствовать переживания других. Будучи помощником шерифа, он заметил, что даже преступники, которых ему приходилось арестовывать, не видели в этом человеке ничего, кроме злой силы.

— Я раньше думал, что он такой из-за своего уродства, — сказал мне как-то дед. — Мне казалось, он ведет себя так, потому что безобразный и старается всем за это отомстить, — он сидел на веранде своего дома, где жила бабушка и мы с мамой после смерти отца. У его ног свернулся бассет-хаунд Док, названный в честь певца Дока Уотсона, потому что дедушке нравилась его песня «Альберта». Собака спала глубоким сном, время, от времени повизгивая, наверное, снились ему какие-то собачьи радости.

Дедушка отхлебнул из синей кружки кофе и поставил ее у ног. Док заворочался, сонно приоткрыл один глаз и, убедившись, что ничего интересного он не пропустил, снова вернулся к своим приятным сновидениям.

— Но оказалось, что дело не в этом, — продолжал дедушка. — С Папашей Хелмсом что-то не так, но я не пойму, что именно. Интересно, кем бы он стал, если бы не был такой жуткой образиной. Он мог бы стать и президентом Соединенных Штатов, если бы захотел и если бы люди смогли выносить его вид. Но Джон Кеннеди из него бы не получился. Он больше походил бы на Сталина, чем на Кеннеди. Тебе следует держаться от него подальше. Вчера ты получил суровый урок, жестокий урок от жестокого человека.

Я приехал из Нью-Йорка и считал себя крутым парнем, а еще очень сообразительным и шустрым и не сомневался, что в таком захолустье смогу справиться со всеми, если до того дойдет дело. Но я ошибся. Папаша Хелмс заставил меня это понять.

И вместе со мной урок получил Кларенс Джонс. Он жил с пьяницей отцом возле нынешней Молл-роуд. Кларенс был хорошим парнем, но умом не блистал. Таких ребят легко

подбить на любые проделки. Мы дружили с ним год. Вместе стреляли из его духового ружья, в тягучие летние дни попивали пиво, позаимствованное из запасов его старика. Мы устали от безделья и всем доказывали это, даже Папаше Хелмсу.

Он купил старый захудалый бар на Конгресс-стрит и медленно переоборудовал его, чтобы превратить в первоклассное заведение. Но это было еще до возрождения портового района, до того, как там появились разные магазины и бары, где приезжающим толпами туристам свободно подают выпивку. Очень может быть, что Папаша чувствовал скорые преобразования и в преддверии грядущих перемен сменил окна в баре, заново перекрыл крышу и привез обстановку из какой-то старой церкви Белфаста.

В один из воскресных дней нам с Кларенсом все особенно наскучило и надоело, и мы, сидя на стене у наполовину отстроенного бара Папаши Хелмса, методично разбили все окна, швыряя камни в новые рамы. А в довершение разгрома мы взяли выброшенный туалетный бачок и втащили его через большое арочное окно в глубине строения, которое должно было, по замыслу Папаши Хелмса, перекрывать бар, как веер.

Я не видел Кларенса и не задумывался о последствиях нашего хулиганства. Но как-то вечером, когда мы с приятелем шли по улице, поливая купленное из-под полы пиво, нас схватили трое подручных Хелмса и поволокли к черному кадиллаку «эльдорадо». На руках щелкнули наручники, нам залепили рты, а глаза завязали грязными тряпками, после чего нас затолкали в багажник, заперли там и куда-то повезли. Мы лежали, прижатые друг к другу, и я чувствовал исходивший от Кларенса кислый запах пота, думаю, что от меня несло не лучше.

Но в багажнике пахло не только бензином, ветошью и потом двух подростков. Там воняло человеческими экскрементами, мочой и рвотой. Это был запах страха неотвратимой смерти, и я догадался, что мы далеко не первые, кого везли в багажнике этой машины.

В темноте казалось, что время остановилось, и я не мог определить, долго ли мы ехали, но наконец машина остановилась. Багажник открыли, и звезды засияли над нами, как обещание рая. Слева доносился шум прибоя, и воздух был соленый на вкус. Нас вытащили наружу и поволокли через кусты и дальше по камням. Я почувствовал под ногами песок, сзади захныкал Кларенс, но, может быть, я слышал не его, а собственные всхлипывания. Нас швырнули лицом в песок. Чьи-то руки рванули на мне рубашку, потом с меня сорвали остальную одежду от пояса и ниже. Я пытался вырваться, но меня сильно ткнули кулаком в поясницу, и я утих. С глаз моих сорвали тряпку, и я увидел, что надо мной стоит Папаша Хелмс. За ним виднелся силуэт массивного здания: это была гостиница «Блэк-Пойнт». Мы оказались за пределами Скарборо, на Западном берегу у залива Проутс Нэк. Если бы я мог повернуться, то увидел бы огни Оулд-Огард-Бич. Но как раз повернуться-то я и не мог.

Папаша Хелмс держал в обезображенной руке сигару и усмехался, глядя на меня. Его усмешка напоминала отблеск света на лезвии клинка. На нем был белый костюм-тройка. По жилету к золотым часам висала змейкой золотая цепочка, у ворота белой рубашки — белый в красный горошек галстук-бабочка. Рядом со мной шаркал по песку, пытаюсь подняться, Кларенс Джонс, но один из людей Папаши Хелмса, свирепый светловолосый громила по прозвищу Тигр Мартин, поставил ногу ему на грудь, и Кларенс снова оказался на песке. Я заметил, что его не раздели, как меня.

— Ты внук Боба Уоррена? — спросил Папаша Хелмс.

Я кивнул. Мне в нос набился песок, и я не мог вдохнуть полной грудью.

— А знаешь, кто я? — продолжал допрос Папаша Хелмс, пристально глядя на меня.

Я снова кивнул.

— Нет, не думаю, что ты знаешь, парень. Если бы ты знал, кто я такой, ты бы не устроил у меня погром. Конечно, если ты не круглый дурак, а это еще хуже, чем незнание.

На короткое время он перевел взгляд на Кларенса. И мне показалось, что я уловил в его глазах искру жалости. Кларенс был глуп, сомневаться в этом не приходилось. На короткое мгновение я посмотрел на Кларенса другими глазами. Мне вдруг показалось, что он один здесь чужой, а мы все пятеро — одна шайка и хотим сделать с ним что-то очень страшное. Но я не был с Папашей Хелмсом, и мысль о том, что должно произойти, вернула меня к действительности. Я кожей чувствовал песок и наблюдал, как Тигр Мартин вышел вперед с тяжелым на вид черным мусорным мешком. Он посмотрел на Папашу Хелмса, тот кивнул, и на меня вытряхнули содержимое мешка.

Там оказалась земля, но в ней кое-что еще: я почувствовал на себе тысячи лапок. Насекомые заползали мне в волосы, бегали по ногам, в паху. Он обследовали каждую складку, каждый изгиб моего тела. Я почувствовал их на веках крепко зажмуренных глаз, и тряхнул головой, стараясь сбросить. А потом они начали меня кусать. Я ощущал булавчатые уколы на руках, веках, ногах, даже пенисе — это перешли в наступление безжалостные муравьи. Они забрались ко мне в нос, и я чувствовал их укусы и там. Я извивался ужом, пытаюсь задавить как можно больше маленьких мучителей, но с таким же успехом можно было стараться по песчинкам убрать с пляжа весь песок. Обливаясь слезами, я лягался, крутился, вертелся, а когда решил, что мне пришел конец, рука в перчатке ухватила меня за ногу и потащила к кромке воды. Мне освободили руки, и я ринулся в волны прибоя. Искусанное свирепыми муравьями тело так сильно чесалось и зудело, что в спешке его почесать я рывком отодрал от губ пластырь, не обращая внимания на боль из-за содранной кожи. Я окунулся с головой в набежавшую волну, но и тогда еще мне казалось, что крошечные существа продолжают суетливо бегать по моему телу, награждая напоследок укусами. Я кричал и плакал от боли и испуга. Мне было стыдно, больно, обидно и страшно, а вдобавок к этому чувствовал злость.

И потом еще, спустя несколько дней, я находил в волосах дохлых муравьев. Некоторые превышали по величине ноготь моего среднего пальца. Это были огненные муравьи, и у них были зазубренные загнутые вперед жвалы, похожие на клешни, чтобы захватывать кожу. Тело мое покрылось волдырями, похожими на бугры, уродовавшие кожу Папаши Хелмса, а ноздри внутри распухли и болели.

Я с трудом выбрался из воды на песчаный берег. Люди Папаши Хелмса ушли к машине, и у воды остались только мы с Кларенсом и Папаша Хелмс. Кларенса никто не тронул. По выражению моего лица Папаша Хелмс понял, что я обо всем догадался. Он усмехнулся, попыхивая сигарой.

— Мы разыскали твоего дружка прошлой ночью, — он положил толстую, воскового цвета руку на плечо Кларенса. Кларенса передернуло, но с места он не двинулся. — Он все сам выложил, нам не пришлось даже на него нажимать.

Мне вдруг стало так горько и больно из-за предательства друга, что на какое-то время я забыл об укусах, зуде и оставшемся ощущении бегающих по телу насекомых. Я посмотрел на Кларенса Джонса уже совсем по-другому, глазами взрослого человека. Он стоял, обхватив себя руками, и мелко дрожал, а в глазах отразилась душевная мука. Мне хотелось его возненавидеть, этого добивался и Папаша Хелмс, но вместо ненависти, я чувствовал пустоту в душе и даже нечто похожее на жалость.

А еще схожее с жалостью чувство испытывал я к самому Папаше Хелмсу, с его уродливой бугристой кожей и обвисшими складками жира. Ему пришлось наказывать мальчишек за разбитые стекла, но наказание было не только телесным, оно разрывало соединявшие их узы дружбы.

— Сегодня, парень, ты получил два урока. Во-первых, ты будешь помнить, что со мной шутить нельзя. А, во-вторых, узнаешь кое-что о дружбе. Настоящий твой друг — ты сам, потому что другие в конце концов предадут тебя. В конечном итоге мы все остаемся одни, — он повернулся и заковылял к машине через дюны и песчаный тростник.

Они уехали, оставив нас одних. Моя изорванная одежда намочила от соленой воды. За всю обратную дорогу мы не сказали друг другу ни слова, даже расставаясь у ворот дедушкиного дома. Кларенс ушел в ночь, и стук подошв его дешевых пластиковых сандалет четко отдавался в темноте. Этот случай разлучил нас навсегда. Я вычеркнул его из своей жизни и перестал думать о нем, а спустя пятнадцать лет он погиб, защищая от грабителей склад компьютеров в Остине, где работал охранником.

Вернувшись домой, я взял из аптечки антисептик и отправился в ванную. Там я разделся и принялся смазывать жидкостью укусы. Тело жгло. Потом я сел в пустую ванну и разрыдался. Там и нашел меня дедушка. Не сказав ни слова, он вышел и вернулся с красной миской, где была масса из соды с водой. Он смазал мои плечи, грудь, ноги и руки, и налил немного мне в горсть, чтобы я потер в паху. Затем дедушка закутал меня в простыню и усадил на стул в кухне. А еще он налил коньяку себе и мне. Помню, что это был первоклассный «Реми Мартэн». Я пил его довольно долго, и все это время мы просидели молча. Когда я поднялся, чтобы идти спать, он легонько пошлепал меня по голове.

— Жестокий человек, — повторил дедушка, допивая кофе. Он поднялся и вслед за ним встал пес. — Хочешь, пойдем вместе прогуляться с собакой?

Я отказался. Он пожал плечами и спустился с крыльца. Пес бежал впереди, твякая и принюхиваясь и время от времени поглядывая назад, чтобы убедиться, что хозяин идет следом.

Папаша Хелмс отправился на тот свет через десять лет после этого случая. Когда он умер от рака желудка, выяснилось, что без его участия, прямого или косвенного, не обошлось более сорока убийств в разных местах, даже в далекой Флориде. В последний путь его провожала горстка людей.

Не знаю, почему мне вспомнился Папаша Хелмс, когда мы возвращались с места побоища в Мэтери. Возможно, я чувствовал часть его ярости в Джо Боунзе — неистребимую ненависть ко всему миру, происходившую из гнилой сердцевины его существа. Я вспомнил Папашу Хелмса, дедушку и уроки, которые они пытались мне преподавать, но до сих пор я их полностью так и не усвоил.

За главными воротами кладбища суетились полицейские, собирая очевидцев и освобождая подход к ожидающим машинам скорой помощи. Телевизионщики уже были тут как тут и старались добиться интервью у выживших. Я держался поближе к тому человеку Лайонела Фонтено, которому он отдал автомат. Мы двигались за ним под углом к воротам до пролома в кладбищенской ограде. Он прошел сквозь него на дорогу, сел в поджидавший «линкольн» и уехал, а мы с Рейчел перелезли через ограду и вернулись к нашей машине. Она стояла в стороне от главного входа, и наш отъезд не привлек внимания.

— Как такое могло случиться? — тихо спросила Рейчел, когда мы направились обратно в город. До этого мы все время молчали. — Там должна была быть полиция. Кто-то же должен был их остановить... — голос ее прервался, и весь остальной путь она не произнесла ни слова. Я ее не тревожил.

Существовало несколько возможных версий случившегося. Во-первых, кто-то совершил роковую оплошность, направив в Мэтери недостаточное количество полицейских, наивно полагая, что Джо Боунз не посмеет напасть на Лайонела Фонтено на похоронах его брата в присутствии свидетелей. Оружие принесли и припрятали накануне поздно ночью либо ранним утром, а кладбище перед церемонией осмотрено не было. Не исключено, что сам Лайонел предупредил полицейских и репортеров, чтобы они держались подальше и не превращали похороны в спектакль. Возможно также, что Джо Боунз подкупил или припугнул часть или всех полицейских в Мэтери, и они отошли в тень, предоставив людям Боунза свободу действий.

В гостинице я отвел Рейчел в мой номер, чтобы не оставлять ее в таком состоянии наедине с иллюстрациями, которыми были увешаны стены ее комнаты. Она сразу ушла в ванную и закрыла за собой дверь, затем зашумела вода. Пробыла она в ванной довольно долго.

Наконец Рейчел появилась, закутанная до пят в большое белое полотенце. Покрасневшими от слез глазами она взглянула на меня, подбородок ее дрогнул, и бедняжка снова расплакалась. Я обнял ее, поцеловал в макушку, потом в лоб, щеки и губы. У Рейчел были мягкие теплые губы, они ответили на поцелуй, и сладкая боль пронзила меня, когда она коснулась языком моего языка. Не в силах справиться с возбуждением, я тесно прижал ее к себе, сдернув укрывавшее ее полотенце. Ее рука расстегнула ремень и молнию и скользнула внутрь... И сразу стало нечем дышать, и волна давно забытого восторга накрыла меня с головой. Кажется, я даже застонал, когда, повинувшись страстному порыву, впивался в нее ненасытными жадными поцелуями, и она возвращала мне их, с силой прижимаясь ко мне, скользя по мне нежной щекой, трепещущей грудью, горячим бедром. В какой-то момент она сорвала с меня рубашку, потом быстрыми поцелуями покрыла шею и прошлась языком по груди и вокруг сосков. Не в силах больше сдерживаться, я упал на кровать, увлекая ее, и оказался на ней.

У нее были небольшие упругие груди и чуть широковатые бедра с маленьким клинышком волос между ними. И еще у нее был сладкий вкус. Он навсегда останется со мной — вкус неистовых поцелуев, которыми я покрывал ее всю. Она, задыхаясь, стонала и бормотала что-то бессвязное, извиваясь и дрожа в предчувствии волны наслаждения, поднимавшейся из глубины ее естества. В момент пика ее спина выгнулась, ноги обхватили

мои бедра, и мы замерли, отдавшись этой волне — она затопила нас и стоном блаженства выплеснулась наружу. Мне показалось, что меня никогда не любили с такой силой и страстью.

Потом она уснула, а я потихоньку встал, оделся и достал из ее сумочки ключи. Босой я прошел по галерее до ее номера, вошел и закрыл дверь. Некоторое время я стоял перед рисунками на стене. Рейчел купила большую папку с бумагой для рисования, чтобы делать зарисовки вариантов. Я взял из папки два листа, соединил и прикрепил к стене, а потом взял фломастер и стал писать, окруженный изображениями анатомированного Марсия и фотокопиями снимков с места убийства тетушки Марии и Ти Джина.

В одном из углов я написал имена Дженнифер и Сьюзен. Выводя имя жены, я почувствовал нечто похожее на сожаление и вину, но постарался об это не думать и продолжал писать. В другом углу я поместил имена тетушки Марии, Ти Джина и немного в стороне от них — Флоренс. Третий угол заняло имя Ремарра, а в четвертом я поставил вопросительный знак и рядом обозначил: «неизвестная девушка». В центре я написал: «Странник» и прочертил из центра несколько лучей, соединяющих преступника и каждую из жертв, потом попытался собрать воедино все, что знал об убийце.

В законченном виде мой перечень фактов выглядел так: программа или блок, синтезирующие голос; Книга Еноха; знание преступником греческой мифологии и ранних трудов по медицине; знакомство с методами полицейского расследования и наблюдение за его ходом — об этом говорила Рейчел в своем анализе после смерти Дженнифер и Сьюзен, доказательством служил и тот факт, что Странник знал о прослушивании федералами моего мобильного телефона, и, кроме того, следствием его осведомленности стало убийство Ремарра. Сначала я предположил, что Ремарр был убит, потому что Странник увидел его в доме Агуиллардов. Но потом мне пришло в голову, что Страннику не хотелось задерживаться на месте преступления, да и вряд ли он видел там Ремарра. Скорее всего, об оставленном Ремарром отпечатке убийце стало известно позднее из своих источников, и уж потом ему каким-то образом удалось разыскать злосчастного мафиози.

Затем я добавил предположения общего порядка: убийца мужчина, белый, возраст его между двадцатью и сорока; он проживал в Луизиане, когда было совершено убийство Агуиллардов и Ремарра; на нем был халат или комбинезон, чтобы не испачкать в крови свою одежду; он знал о свойствах кетамина и мог достать этот препарат.

Я соединил линией Странника с Агуиллардами, так как убийца знал, что тетушка Мария рассказывала о своих видениях, а вторая линия связывала его с Ремарром. Я прибавил пунктирную линию к Дженнифер и Сьюзен и написал: «Эдвард Байрон», и рядом знак вопроса. И вдруг меня что-то подтолкнуло, и я провел третий пунктир и вписал имя Дэвида Фонтено между Агуиллардами и Ремарром. Основывался я на связи с Хани-Айлендом и вероятности того, что Странник мог выманить Фонтено на болота, а затем дал знать Джо Боунзу, что там будет Дэвид Фонтено.

Тогда напрашивался вывод, что убийца входил в число людей, известных семье Фонтено. В заключение я написал на отдельном листе имя Эдварда Байрона и приколот его рядом с основной композицией.

Я присел на край кровати и, вдыхая витающий в воздухе комнаты запах Рейчел, стал рассматривать свои записи, мысленно вертя их так и эдак в надежде найти нужную зацепку. Однако ничего у меня не получалось. Но перед тем, как отправиться к себе дожидаться возвращения Эйнджела с Луисом из Батон-Руж, я сделал одно добавление: соединил тонкой

линией имя Дэвида Фонтено со знаком вопроса, представляющим неизвестную девушку, погибшую на болотах. Я не знал тогда, что этой линией значительно сокращаю расстояние до царства Странника.

* * *

Я вернулся в свою комнату и сел у балкона, наблюдая за Рейчел. Она спала тревожным сном: глаза быстро двигались под закрытыми веками, раз или два она застонала, отталкивая во сне кого-то, ноги под одеялом ерзали по простыни. Но тут в коридоре послышались голоса Эйнджела и Луиса. В тоне первого сквозило сильное раздражение, а второй по обыкновению оставался невозмутимым, но в голосе его слышались иронические нотки.

Я открыл дверь раньше, чем они постучали, и предложил поговорить у них. Они ничего не знали о бойне в Мэтери, поскольку, по словам Эйнджела, радио в машине они не включали. Губы его побелели, а лицо было пунцовым от злости. Таким мне видеть Эйнджела еще не приходилось.

Перепалка продолжилась и в номере. Похоже, в процессе беседы эффектная блондинка Стейси Байрон, сумевшая и в сорок с небольшим сохранить умопомрачительную фигуру, положила глаз на Луиса, и тот в некотором смысле ответил на ее благосклонность.

— Успокойся, я лишь старался выудить из нее побольше сведений, — Луис покосился на Эйнджела, губы его смешливо подрагивали. Кажется, ему даже льстила эта вспышка ревности.

— Да уж, старался ты здорово! — взорвался Эйнджел. — Только интересовали-то тебя номер ее лифчика да размер задницы!

Луис выкатил глаза, изображая недоумение, чем еще больше подлил масла в огонь. Мне даже показалось, что Эйнджел готов его ударить: сжав кулаки, он сделал шаг в сторону приятеля, но вовремя взял себя в руки и сдержался.

Мне стало жаль Эйнджела. Я не верил, что за ухаживанием Луиса за Стейси Байрон стояло что-то большее, чем естественная реакция на знаки внимания и искренняя уверенность, что таким образом ему скорее удастся разговорить бывшую жену Эдварда Байрона, но в то же время я знал, как много значил Луис для Эйнджи. Прошное обоих было темным и тяжелым, но я знал о таких моментах в жизни Эйнджела, о которых Луис, как мне думается, иногда забывал.

Попав в тюрьму на Рикерс-Айленд, Эйнджел привлек к себе внимание одного типа по имени Уильям Вэнс. Во время разбойного нападения этот Вэнс убил лавочника-корейца, за что и заработал срок, но у полиции были подозрения, что он изнасиловал и замучил до смерти пожилую женщину в Ютике, а также, возможно, имел отношение к похожему убийству в Делавэре. Убедительных доказательств полиция представить не могла, но, как только появилась возможность засадить Вэнса в тюрьму за убийство корейца, окружной прокурор, надо отдать ему должное, этот шанс не упустил и упрятал мерзавца за решетку.

Так вот, этот негодяй Вэнс вбил себе в голову, что ему нужна смерть Эйнджела. До меня дошел слух, что Вэнс домогался Эйнджела, и тот за это вышиб ему в душевой зуб. Нс никогда не знаешь, что может взбрести в голову таким типам, как Вэнс, у которых разум замутнен ненавистью и похотью. После стычки Вэнсу уже казалось мало добиться Эйнджела, он жаждал его убить, а перед этим как следует помучить. После недели

пребывания в тюрьме стало ясно, что Эйнджелу не удастся протянуть там и месяца.

У Эйнджела не было товарищей в тюрьме, да и на свободе их было не густо, поэтому он позвонил мне. Я знал, как много ему стоило переломить себя. У него была своя гордость, и в других обстоятельствах он нашел бы способ решить дело, не вмешивая в это полицейского. Но Вэнс, с его вытатуированными на руках окровавленными ножами и паутиной на груди, представлял далеко не декоративную угрозу.

Я сделал все, что смог. Достал дело Вэнса и снял копии с протокола его допроса в связи с убийством в Ютике и другими схожими эпизодами. Я сделал копии собранных против него улик и показания свидетельницы, которая отказалась от своих слов, после того как Вэнс пригрозил насилием и смертью ей и ее детям, если она решится свидетельствовать против него в суде. Затем я отправился в Рикерс.

Наш разговор с Вэнсом происходил через прозрачную перегородку. Под левым глазом у него появилась татуировка тушью еще одной, третьей, слезы — каждая означала отнятую жизнь. Сзади на шее виднелся силуэт паука. Я поговорил с ним тихо-мирно десять минут и предупредил, что, если с Эйнджелом случится хоть что-нибудь, я постараюсь, чтобы в тюрьме все до последнего зека узнали, что Вэнс на волосок от обвинений в извращенных убийствах на сексуальной почве незащищенных пожилых женщин. Ему оставалось по меньшей мере пять лет до того, как он мог рассчитывать на условное освобождение. Если бы в тюрьме узнали, в чем он подозревается, эти пять лет ему пришлось бы провести в одиночке или в специальной камере, иначе его очень скоро отправили бы на тот свет. Но даже в изоляторе Вэнсу пришлось бы каждый раз проверять, не подмешано ли в еду толченое стекло, а еще молиться, чтобы конвоир ни на минуту не ослабил бдительность, выводя его на ежедневную прогулку или по пути к тюремному врачу, на прием к которому он запросится, когда напряжение станет невыносимым.

Вэнс все это прекрасно знал и, тем не менее, спустя два дня после нашего разговора попытался кастрировать Эйнджела ножом. Дело закончилось бы для него совсем плачевно, но Эйнджел очень удачно и вовремя двинул Вэнса каблуком по колену, хотя разъяренный насильник, падая, успел все же резануть его, и Эйнджелу наложили двадцать швов на живот и бедро.

Следующим утром неизвестные навалились на Вэнса в комнате для умывания и влили в него раствор моющего средства, предварительно вставив в рот гаечный ключ, чтобы не закрылся. Отравы выжгла Вэнсу все внутренности, он едва выжил. На всю оставшуюся жизнь он превратился в развалину и по ночам завывал от боли. Все это сделал один мой телефонный звонок, и теперь мне приходится с этим жить.

После освобождения Эйнджел сошелся с Луисом. Не знаю точно, как нашли друг друга эти два одиноких человека, но их союзу уже шесть лет. Эйнджел нуждался в Луисе, и Луису по-своему не меньше был нужен Эйнджел. Но иногда мне казалось, что основной вес в их отношениях лежит на Эйнджеле. В союзе двух мужчин или мужчины и женщины в конечном итоге один из партнеров испытывает более глубокое чувство, и обычно из-за этого ему или ей приходится страдать.

Оказалось, что Эйнджелу с Луисом не удалось выведать у Стейси Байрон ничего существенного. С фасада за домом следили федералы или местные полицейские, но приятели зашли со двора. Блистая улыбкой и осанкой завсегдатая фитнес-клуба, Луис сообщил ей, что они проверяли ее сад. В течение следующего часа разговор шел о ее бывшем муже и о том, как часто Луис тренируется и были ли у него белые женщины. С этого

момента Эйнджел начал злиться по-настоящему.

— Она говорит, что не видела его месяца четыре, — рассказывал Луис. — И в последнюю их встречу они не разговаривали долго. Он спросил, как она, как дети и захватил с чердака кое-что из своих старых вещей. У него был пакет с фирменной эмблемой одного из магазинов в Опеллоусесе, и теперь федералы перенесли поиски туда.

— Она знает, почему разыскивают ее мужа?

— Нет. Как они ей объяснили, он мог бы им помочь сведениями по каким-то нераскрытым преступлениям. Но она не тупая, и я постарался выведать у нее побольше. Как она говорит, его всегда интересовала медицина, и ему одно время хотелось стать врачом, хотя образования для этого он не имел никакого.

— А ты не спросил, смог бы он, по ее мнению, ее убить?

— Мне и спрашивать не пришлось. Когда они спорили из-за условий развода, он грозился ее прикончить.

— А она запомнила, что он тогда сказал?

— Угу, — кивнул Луис. — Он пообещал содрать шкуру с ее паршивой рожи.

* * *

Эйнджел и Луис расстались, не помирившись. Эйнджел удалился в комнату Рейчел, а Луис уселся на балконе, и Новый Орлеан окружил его своими запахами и звуками, но приятными из них были далеко не все.

— Я бы не прочь перекусить, — признался Луис. — А ты как?

Мне казалось, он настроен поговорить, но я еще ни разу не оставался в обществе одного Луиса без Эйнджела.

Надо было проведать, как там Рейчел. В постели ее не было, а в ванной шумела вода. Я негромко постучал.

— Открыто, — ответила она.

Я вошел и увидел ее, прикрывающуюся занавеской.

— Тебе идет, — одобрил я. — В этом сезоне прозрачная пленка — последний писк.

Выглядела она неважно. Сон не освежил ее. Под глазами остались черные круги, и вид у нее был усталый и болезненный. Она улыбнулась вымученной улыбкой.

— Хочешь, пойдём куда-нибудь поедим?

— Мне есть не хочется. Я немного поработаю, а потом проглочу пару таблеток, чтобы поспать хорошенько, без снов.

Я сказал, что мы с Луисом собираемся пойти перекусить, и вернулся к Эйнджелу. Он просматривал набросанные Рейчел заметки.

— Много пустых мест, — кивнул он на листок с моей схемой на стене спальни.

— Некоторые детали надо еще выяснить.

— Ага, например, кто это сделал и почему, — криво усмехнулся Эйнджел.

— Ну, зачем же заикливаться на мелочах, — в тон ему ответил я. — Как ты, ничего?

Он кивнул.

— Что-то все это, — он махнул рукой на рисунки, развешанные по стене, — начинает на меня действовать.

— Мы с Луисом идем перекусить. Ты с нами?

— Нет, я вам только аппетит испорчу. Луис в твоём распоряжении.

— Большое спасибо, приму к сведению. А ты пока присмотри за Рейчел, хорошо? Ей сегодня не сладко. Я буду напротив.

* * *

Мы с Луисом сидели в ресторане «У Феликса» на углу Бербон-стрит и Ибервилл-стрит. Туристы больше жаловали заведение напротив, где в ладьях из французского хлеба подавали красную фасоль и рис с пряностями, либо отправлялись в классический французский ресторан, такой как «Нола». В «Феликсе» кормили попроще, но добротнo и сытно.

Луис заказал устриц и ел их с подливкой, запивая пивом, а я выбрал картофель фри, цыпленка и минеральную воду.

— Официант думает, что ты красотка из балета, — заметил Луис, когда я отхлебнул воды. — Если бы в городе был балет, он бы стал выпрашивать у тебя билеты.

— Кто о чем думает, — ответил я, — а ты не соответствуешь стереотипу и путаешь все карты. Может быть, тебе нужно держаться жеманнее.

Он усмехнулся и поднял руку, чтобы заказать еще пива. Заказ прибыл немедленно. Официант убедился, что у нас есть все, что нужно, и постарался не задерживаться у нашего столика. И другие посетители предпочитали идти к своим местам кружным путем, подальше от нас, а те, кому пришлось с нами соседствовать, старались побыстрее разделаться с едой. А все из-за Луиса: его словно окружало облако потенциальной угрозы, более того, возникало чувство, что угроза может материализоваться, причем произойдет это не в первый раз.

— А как насчет твоего друга Вулрича? — спросил Луис, запивая еду пивом. — Ты ему доверяешь?

— Даже не знаю. У него свои планы.

— Он из ФБР. А у них всегда свой интерес, — Луис смотрел на меня изучающим взглядом. — Знаешь, если бы ты в связке с ним пошел в горы и повис бы над пропастью, мне думается, он бы обрезал веревку.

— Ты — циник.

— Если бы мертвые могли говорить, они бы назвали всех циников реалистами, — снова скривил губы в усмешке Луис.

— Если бы мертвые могли говорить, они бы посоветовали нам заниматься больше сексом, пока мы на это способны, — я ткнул вилокoй в картошку. — У федералов есть на тебя что-нибудь?

— Разве что подозрения, и ничего больше. Но не об этом теперь речь.

Он смотрел на меня не мигая, и во взгляде его не осталось тепла. Если бы Луис почувствовал, что Вулрич подобрался к нему слишком близко, он убил бы его и после не мучался бы угрызениями совести. Такая вот мысль пришла мне в голову в этот момент.

— А почему Вулрич нам помогает? — спросил Луис.

— Я тоже об этом думал, — признался я. — И ничего определенного не придумал. Частично его помощь можно объяснить необходимостью находиться в курсе всего происходящего. Снабжая меня информацией, он имеет возможность контролировать степень моего участия.

Но этим дело не ограничивалось. Луис не ошибся. Вулрич следовал своим планам и

интересам. В нем существовала скрытая глубина, но у меня о ней имелось только отдаленное представление. Вот так колебание цвета воды на поверхности океана дает понять, что внизу скрыты крутые склоны и бездонные пропасти. Он был не из тех, с кем легко и просто. Наши дружеские отношения складывались на его условиях. За время нашего знакомства от него, случалось, месяцами не приходило известий. Он компенсировал такие перерывы странной преданностью, создавая ощущение, что он никогда не забывает тех, кто ему близок, даже исчезая на некоторое время из их жизни.

Но на службе он вел себя жестко. Должности заместителя начальника отдела Вулрич добился, подсиживая других, присоединяя свое имя к ответственным операциям и вставляя палки в колеса тем, кто стоял на его пути. Его честолюбие не знало пределов, и, возможно, он рассчитывал, что поимка Странника откроет ему дорогу дальше вверх: к должности начальника отдела, помощника начальника отдела в управлении и, может быть, он надеялся в будущем стать первым кандидатом на пост начальника отдела в управлении. Он уже позаботился о том, чтобы отстранить от расследования местную полицию, и постарался ограничить до минимума мое участие, в то же время снабжая меня информацией, чтобы я оставался в курсе событий. Давление на него было велико, во, если ему удастся довести дело Странника до победного конца, в Бюро его ожидали радужные перспективы.

Я тоже должен был сыграть в этой истории определенную роль. Вулрич это знал и был настроен максимально использовать наши дружеские отношения, чтобы довести дело до конца.

— Мне кажется, он сделал из меня наживку и ждет с удочкой в руках, — высказал я свои предположения Луису.

— Как, по-твоему, он многое скрывает? — Луис допил пиво и с удовольствием почмокал губами.

— Он похож на айсберг: над поверхностью находится только треть от массы глыбы. Если федералам что-то известно, они не станут делиться информацией с местной полицией, и Вулрич наверняка скроет ее от нас. Здесь разворачиваются еще какие-то события, но об этом известно только Вулричу и небольшому кругу федералов. Ты играешь в шахматы?

— Играю... по-своему, — сухо проговорил Луис. Я попробовал, но не смог представить, как он это делал.

— Вся эта история напоминает шахматную партию, — продолжал я. — Но разница в том, что ход другого игрока мы замечаем, когда оказывается взятой одна из наших фигур. А остальное время игра идет вслепую.

Луис жестом попросил счет. На лице официанта отразилось облегчение.

— А что наш мистер Байрон?

Я пожал плечами. Как ни странно, происходящее словно отдалилось от меня. С одной стороны, сказывалось наше участие в расследовании на второстепенных ролях, а с другой — мне самому требовалась эта отдаленность: необходима была некоторая дистанция, чтобы поразмыслить. Отчасти причина тому моя близость с Рейчел и странное чувство вины перед памятью Сьюзен.

— С Байроном нет пока ясности.

Мы только начинали составлять образ Байрона, как будто он фигура в центре мозаики, к которой могут подойти другие элементы головоломки.

— Постепенно мы разберемся, какова его роль в этом. Но сначала я хочу выяснить, что видел Ремарр ввечер убийства тетушки Марии и Ти Джина. А еще мне хочется понять,

почему Дэвид Фонтено оказался один на Хани-Айленд.

Было ясно, как день, что Лайонел Фонтено выступит против Джо Боунза. Джо отлично это понимал и потому рискнул устроить бойню на кладбище в Мэтери. Как только Лайонел окажется в своих владениях, людям Боннано будет его не достать. Следующий ход был за Лайонелом.

Нам принесли счет. Я расплатился, а Луис оставил двадцать долларов чаевых — больше, чем стоил весь заказ. Официант смотрел на банкноту такими глазами, словно опасался, что изображенный на ней Эндрю Джексон укусит его, если он осмелится взять эти деньги.

— Думаю, у нас на очереди беседа с Лайонелом Фонтено, а потом и с Джо Боунзом, — сказал я, когда мы выходили из ресторана.

Луис усмехнулся:

— Джо не очень-то горит желанием говорить с тобой после того, как его парень старался тебя прикончить.

— Могу себе представить, — согласился я. — Но нам, возможно, поможет Лайонел Фонтено. Как бы то ни было, если Джо не желает снова видеть меня, то можешь не сомневаться, что и от твоего появления он не будет в восторге, это ясно, как дважды два. Тебе могут еще понадобиться твои миниавтоматы.

Мы возвращались в гостиницу пешком. Конечно, вечером улицы Нового Орлеана не лучшее место для прогулок, но я не волновался за нашу безопасность: едва ли кто-то отважился бы потревожить нас с Луисом.

И оказался прав.

На следующее утро я встал поздно. Рейчел ночевала у себя. Я постучал к ней, и она хриплым усталым голосом ответила, что полежит еще немного, а когда почувствует себя бодрее, съездит снова в университет Лойолы. Я оставил ее на попечение Эйнджела с Луисом и уехал.

Я все еще находился под впечатлением произошедшего в Мэтери. Потрясение оказалось слишком сильным, и новая встреча с Джо Боунзом не вызывала энтузиазма. Меня терзало чувство вины за то, что я втянул Рейчел в эту историю и ей выпали такие переживания. Необходимо было, пусть на короткое время, уехать из Нового Орлеана, чтобы развеяться и попытаться взглянуть на ситуацию под иным углом. В закусочной на Сент-Питер я подкрепился гумбо и поспешил поскорее покинуть город.

Морфи жил приблизительно в четырех милях от Сесилии и в нескольких милях к северо-западу от Лафайета. Он купил и теперь отстраивал плантаторский дом у маленькой речушки. Это был уменьшенный вариант классических старых домов Луизианы постройки конца девятнадцатого века. В его очертаниях чувствовалось влияние французского колониального и европейского стилей, а также своеобразие Вест-Индии.

Дом имел несколько необычный вид. Основное жилое пространство находилось выше расположенного над землей подвального помещения, служившего ранее кладовой и защищавшего здание от подтопления. Эта часть дома была выполнена из кирпича. Морфи уже обновил арочные проемы с рамами, украшенными, по всей видимости, ручной резьбой. Стены верхнего, жилого, этажа вместо обычных обшивочных досок или штукатурки покрывали деревянные рейки. Частично перекрытая двускатная крыша простиралась и над галереей.

Я позвонил Морфи и предупредил о своем приезде. Он вернулся со службы незадолго до меня. Я застал его во дворе за домом, где он на свежем воздухе работал со штангой.

— Как тебе дом? — спросил он, прервавшись.

— Что надо, но поработать тебе еще придется.

Он крикнул, завершая тренировку, и я поставил штангу на упоры. Морфи поднялся и потянулся.

— Это здание выстроил один француз в 1888 году, — глядя на дом с нескрываемым восхищением, пояснил он. — Француз тот знал, что делает. Дом расположен по оси восток-запад с фасадом на юг, — он сопровождал объяснения движением рук. — Он спроектировал дом на европейский манер, чтобы зимой его обогревали падающие под малым углом солнечные лучи. А летом солнце бывает в доме только утром и вечером. Большинство домов в Америке строились наобум, как нравилось хозяевам. Дешевое топливо нас избаловало. А потом арабы закрутили гайки, и народ снова стал задумываться, прежде чем что-то строить, — он рассмеялся. — Но здесь солнце жарит все время, так что не знаю, есть ли прок в таком проекте, как этот.

Морфи принял душ, и мы сидели вместе на кухне и разговаривали, пока Эйнджи готовила еду.

Смуглая, худенькая Эйнджи была значительно ниже своего мужа. Каштановые с рыжинкой волосы водопадом падали на свитер. Она преподавала в начальной школе и в свободное время занималась живописью. Ее полотна, выполненные в духе импрессионизма,

украшали стены в доме.

Морфи сидел с бутылкой пива, я пил содовую, а Эйнджи время от времени отрывалась от дела, чтобы пригубить бокал с белым вином. Она разделала куриные грудки и занялась заправкой.

Гумбо, национальное блюдо кейджанов, готовится с загустителем из поджаренной на масле муки. Сначала Эйнджи налила на разогретую чугунную сковороду арахисового масла, добавила равное количество муки и, помешивая, постепенно довела смесь от светло-бежевого до темно-шоколадного цвета, затем она сняла сковороду с огня и оставила остывать, периодически помешивая.

Я помог Эйнджи нарезать лук, зеленый перец и сельдерей. Она немного потопила все это в масле, затем приправила тмином, орегано, паприкой с кайенским перцем и солью с луком и чесноком; за приправами последовала нарезанная толстыми кусками чоризо — испанская сырокопченая колбаса. Потом она положила в готовящееся кушанье курятину, еще специй, и кухня наполнилась их ароматом. Через полчаса Эйнджи разложила по тарелкам белый рассыпчатый рис и полила его сверху густым душистым гумбо. Мы ели молча, наслаждаясь изумительным вкусом и очарованием тихого летнего вечера.

После ужина, когда посуда была убрана и Эйнджи отправилась спать, я рассказал Морфи о Рэймонде Агуилларде и девушке, привидевшейся ему на Хани-Айленд, а еще о снах тетушки Марии и высказал предположение, что гибель Дэвида Фонтено на Хани-Айленд возможно, связана каким-то образом с той девушкой.

Морфи долго сидел молча. Он не стал иронизировать по поводу призраков и веры старой женщины в реальность слышавшихся ей голосов, лишь спросил:

— Ты точно знаешь, где искать?

Я кивнул.

— Тогда попробуем ее найти. Завтра у меня выходной, так что ночуй здесь. У нас есть свободная спальня.

Я позвонил Рейчел в гостиницу и сообщил о наших планах, а также указал место, где мы собирались вести поиски. Она пообещала передать мои слова Эйнджелу с Луисом и сказала, что сон ее немного освежил. Но я знал, что она еще долго будет переживать, что пришлось убить человека Джо Боунза.

Еще не было семи, а мы уже полностью собрались. Морфи облачился в старые джинсы, безрукавку поверх майки с длинными рукавами и тяжелые рабочие башмаки на толстой рифленой подошве с обитыми металлом носками. На безрукавке виднелись следы краски, а на джинсах кое-где чернели пятна гудрона. От его свежесбритой головы пахло пеной для бритья.

Мы пили на галерее кофе с гренками. Появилась Эйнджи в белом халате. Она погладила мужа по бритой голове, чмокнула в макушку и села рядом с ним. Морфи сделал недовольный вид, но, похоже, млел от счастья. Когда мы встали из-за стола, Морфи запустил руку в волосы жены и крепко поцеловал ее. Она инстинктивно подалась к нему всем телом, но он отстранился, весело смеясь, и она порозовела от смущения. Только тогда я заметил, что она приблизительно на пятом месяце беременности. Эйнджи стояла на галерее, когда мы шли по траве через лужайку. Легкий ветерок шевелил полы ее халата. Она стояла и смотрела на собравшегося в путь мужа.

— Вы давно женаты? — спросил я по дороге к просвету в кипарисах, закрывавших вид на дом.

— В январе уже два года. Жизнью я доволен, хотя не думал, что такое возможно, но эта женщина изменила мою жизнь, — он говорил об этом без тени смущения со счастливой улыбкой.

— А когда ждете прибавления?

— В конце декабря, — снова заулыбался он. — Парни, когда узнали, устроили праздник в мою честь, потому что мои старания не пропали даром.

На поляне среди деревьев стоял ремонтный грузовик с прицепом, на котором находилась прикрытая брезентом широкая алюминиевая лодка-плоскодонка, мотор для сохранности был наклонен вперед.

— Вчера поздно вечером ее пригнал брат Туисана. Он подрабатывает буксировкой.

— А сам Туисан где?

— В постели с отравлением: съел несвежих креветок, по крайней мере, он так сказал. Но мне кажется, ему просто лень выбираться так рано из постели.

В грузовике под брезентом лежали топор с цепной пилой, две свернутые в бухты цепи, моток нейлонового шнура и ящик со льдом. Из снаряжения имелся гидрокостюм, маска, пара водонепроницаемых фонарей и два баллона для акваланга. Морфи уложил провизию — термос с кофе, воду, два батона и четыре куриных грудки в специях, завернутые в пленку, — сел в машину и завел мотор. Грузовик немного дымил и дребезжал, но двигатель работал четко. И сквозь шум мотора из старенькой автомагнитолы звучала запись Клифтона Шенье.

В заповедник мы въехали у Слайдела, расположенного на северном берегу озера Пойнтчартрейн. Над водой все еще стелился утренний туман, когда мы сгружали лодку возле рейнджерского поста на реке Перл рядом с плавучими рыбацкими хижинами самого неказистого вида. В лодку мы сложили цепи, веревку, цепную пилу, снаряжение для работы под водой и провизию. Лучи утреннего солнца осветили на дереве рядом с нами мощную паучью сеть. В центре паутины притаился ее хозяин — золотистый паук-кругопряд. Затем звук ожившего мотора влился в общий хор насекомых и птиц, и мы двинулись, рассекая воды Перла.

Берега реки поросли ниссой, ивами, а вокруг стволов высоких кипарисов виднелись трубчатые лианы, украшенные распустившимися красными цветами. На некоторых деревьях виднелись пластиковые бутылки, служившие указателями, что в этих местах расставлены снасти на сомов. Мы миновали прибрежный поселок, большинство домишек, в котором имели жалкий, запущенный вид. Рядом с ними покачивались на воде челноки-плоскодонки. С ветки кипариса на нас с равнодушным спокойствием взирала голубая цапля, а под ней на бревне нежилась на солнышке желтобрюхая черепаха.

Я захватил с собой чертеж Рэймонда Агуилларда, но только со второй попытки нам удалось отыскать указанную им протоку. На входе в нее тесно росла нисса, а ясень клонился над водой почти полностью перегораживая проход. Дальше по каналу ветви деревьев гнул своей тяжестью к воде бородастый мох. Свежий запах живых растений мешался со стойким духом гниения. Искривленные древесные стволы в окружении ряски казались памятниками на зеленом пьедестале. Я заметил с восточной стороны серый купол хатки бобров, а неподалеку от нас грациозно скользнула в воду змея.

— Это змея с ромбами на спине, — пояснил Морфи.

С кипарисов и ниссы вокруг нас капала вода, а в кронах эхом отдавалось птичье пение.

— А аллигаторы здесь есть? — поинтересовался я.

— Может быть, — пожал плечами Морфи. — Но людей они не беспокоят, если только

люди им не пакостят. В болотах есть чем поживиться, а вот собак, говорят, они, случается, таскают, тех, что близко к воде подходят. Если заметишь крокодила, дай мне знать выстрелом.

Протока сузилась настолько, что лодка с трудом проходила между берегами. Один раз мы зацепили днищем скрывавшееся под водой бревно. Морфи выключил мотор, и дальше мы шли на веслах.

Когда перед нами выросла зеленая стена канадского риса с высокими стеблями, торчавшими из воды, как клинки, нам показалось, что мы неверно выбрали направление. В зеленом щите виднелся лишь совсем узенький проход. Морфи пожал плечами, завел мотор и направил лодку в просвет. Я веслом раздвигал в стороны рисовые стебли. Неподалеку раздался всплеск, и темная масса размером с большую крысу торпедой прошла под водой.

— Нутрия, — определил Морфи.

Животное остановилось у ствола дерева, и я смог разглядеть усатую мордочку грызуна. Зверек с любопытством принюхивался к новым запахам.

— На вкус они хуже крокодилов, — продолжил объяснение Морфи. — Я слышал, мы пытаемся всучить их китайцам, потому что нет других желающих их есть.

Среди леса рисовых копий появилась трава с острыми, как лезвиями бритвы, стеблями, и на моих руках, работавших веслом, появился не один порез, прежде чем заросли закончились и мы оказались в своеобразной лагуне, образованной постепенно накапливавшимся илом. Росшая по берегам нисса и ивы пальцами ветвей тянулись к воде. У восточного края возле зарослей маранты грунт был достаточно плотным, и на нем в изобилии отпечатались следы диких кабанов, как видно, частенько заживавших в эти места лакомиться корнями. В глубине лагуны догнивал буксирный катер. Возможно, с помощью этого судна в свое время был проделан этот проход. Мощный мотор отсутствовал, и в корпусе зияли дыры.

Мы привязали лодку к одиноко стоящему красному клену, полускрытому папоротником, дожидавшемуся дождей, чтобы возродиться к жизни. Морфи разделся, оставшись в трусах, и велосипедках, и, смазавшись жиром, влез в гидрокостюм. Потом он надел ласты, пристегнул акваланг и проверил его.

— В основном глубина в этих болотах футов десять-пятнадцать, но здесь — другое дело, — попутно рассказывал Морфи. — Даже по цвету можно заметить, что здесь глубже: футов двадцать или того больше.

В воде плавали листья, ветки и бревна, а над поверхностью воды без устали носились насекомые. Зелень воды быстро темнела с глубиной.

Морфи ополоснул маску и обернулся ко мне.

— Вот уж никогда не думал, что в выходной буду искать призраков на болотах.

— Как говорил Рэймонд Агуиллард, он видел девушку здесь, — ответил я. — И Дэвида Фонтено убили неподалеку, немного выше по реке. Здесь точно что-то есть. Ты помнишь, что нужно искать?

Морфи кивнул.

— Это какая-то емкость, тяжелая и запечатанная.

Морфи включил фонарь, затем надел маску и стал подсасывать кислород. Я прикрепил один конец веревки к его поясу, а другим обвязал ствол клена, потом подергал, проверяя крепость узла, и похлопал Морфи по плечу. Он показал большой палец в знак одобрения и вошел в воду. На расстоянии двух-трех ярдов Морфи начал спуск, и я постепенно стал

травить веревку.

Большим опытом подводного плавания я похвастаться не мог. Когда-то мы со Сьюзен ездили во Флориду, и на островах Флорида-Кис я получил несколько основных уроков обращения с аквалангом. Я совсем не завидовал Морфи, который в это время плавал в зеленой глубине. Подростком я ходил со сверстниками купаться на реку Страдуотер. Сейчас по ней проходит граница Портленда. В водах этой реки водились длинные тощие щуки, в злобном облике которых чудилось нечто первобытное. Когда их холодные скользкие тела, случалось, касались наших голых ног, в памяти невольно всплывали разные байки о том, как щуки кусали маленьких детей и утаскивали на дно плывущих собак.

Воды болота Хани-Айленд в сравнении с речкой моего детства казались другим миром. Обитающие здесь змеи, влажно поблескивающие на солнце, и кусающиеся черепахи придавали этим местам первозданную дикость, которой не знали тихие заводи в Мэне. Но воды Хани-Айленда служили домом и панцирной щуке, и окуню, и рыбе амии. А еще аллигаторам.

Такие воспоминания и мысли теснились в моей голове, когда Морфи ушел в глубину. А еще я думал о девушке, которая, возможно, покоилась в этих водах, и обитатели глубин, чьих названий она не знала, толкались в стенки ее подводной могилы, а иные пытались отыскать проеденные ржавчиной ходы, чтобы проникнуть внутрь и добраться до гниющей плоти.

Минут пять спустя над водой показался Морфи. Он указал на северо-восток, отрицательно покачивая головой. Затем он снова нырнул, и веревка потянулась за ним в южном направлении. Еще через пять минут веревка быстро задвигалась, и Морфи вынырнул, но дальше места, где веревка ушла под воду. Он приплыл на берег и снял маску с загубником.

— Там, — часто дыша, он махнул рукой в сторону южного конца протоки, — там пара металлических ящиков, фута четыре длиной, ширина их два фута, а глубина около восемнадцати дюймов. Один ящик пустой, а другой закрыт и заперт. В двух сотнях ярдов от них куча масляных бочек, помеченных красным трилистником. Они принадлежат химической компании Бревиса. Она действовала в Западной части Батон-Руж до 1989 года. А потом случился пожар, и компания развалилась. Вот такие дела. А больше там внизу ничего нет.

Я посмотрел в конец протоки, где сквозь воду проглядывали толстые корни.

— А если привязать к ящику веревку, мы сможем его вытащить?

— Вытащить-то, мы его вытащим, но от тяжелый и если раскроется, может пострадать то, что внутри. Надо привезти лодку к тому месту и попытаться ящик поднять.

Жара становилась все ощутимее, хотя деревья на берегу давали некоторую защиту от солнца. Морфи достал из ящика со льдом две бутылки минеральной воды. Мы выпили их, сидя на берегу, а потом перегнали лодку к оставленной Морфи отметке.

Пока я тянул ящик наверх, он дважды цеплялся за что-то, и я ждал сигнала напарника, чтобы продолжить подъем. Наконец над водой показался серый металлический корпус. Морфи подталкивал его снизу. Но, перед тем как поднимать, он нырнул и привязал сигнальную веревку к одной из бочек, чтобы не искать их по всему дну.

Я привел лодку к месту стоянки и выволок ящик на берег. Цепь и замок были слишком старые и ржавые, чтобы в ящике оказалось что-то, представляющее для нас интерес. Я ударил топором по ржавому замку, соединявшему цепь. В это время на берег вышел Морфи. Сдвинув маску на лоб и не снимая баллонов, он опустился на колени рядом со мной. Я

дернул крышку, но она не спешила поддаваться. Тогда я несколько раз ударил обухом топора по крышке снизу, и она, наконец, открылась.

Внутри находилась партия ружей «спрингфилд» и еще кости какого-то животного, судя по всему, маленькой собачки. Приклады почти полностью сгнили, но на металлических табличках все еще можно было разобрать клеймо «LNG».

— Краденые ружья, — Морфи достал одно и стал разглядывать. — Выпуск 1870 или 1880 года. Наверное, власти объявили о пропаже, и воры утопили их здесь, чтобы потом за ними вернуться.

Морфи ткнул пальцем в собачий череп.

— Кости тоже могли бы кое о чем рассказать. Жаль, никому не мерещилась на болотах собака Баскервилей. Тогда бы разгадка оказалась у нас в кармане, — он взглянул на ружья, потом посмотрел в сторону, где на дне лежали масляные баки, и со вздохом поплыл к метке.

Тащить бочки оказалось делом непростым и утомительным. Пока мы пытались вытащить первую, цепь соскакивала трижды. Морфи достал другую цепь и обвязал ею бочку крест-накрест. Моя попытка открыть ее едва не закончилась кораблекрушением, поэтому нам пришлось перевезти бочку на твердую почву. Наконец мы ее туда доставили и открыли, но не обнаружили ничего, кроме испорченного отработанного масла. В емкостях имелись специальные отверстия для загрузки, но при необходимости поднималась и вся крышка. Во второй бочке не было и этого. В ней лежали только камни, игравшие роль балласта.

Морфи к тому времени совершенно выдохся. Мы сделали перерыв и немного перекусили курятиной с хлебом и выпили кофе. Уже перевалило за полдень, и сырая духота давала о себе знать. После короткого отдыха я предложил понырять вместо Морфи. Он не возражал, так что я вручил ему свою кобуру, а сам облачился в гидрокостюм.

Вода оказалась неожиданно прохладной. Когда я погрузился по грудь, у меня даже дух перехватило. Я двигался вперед, держась за веревку-указатель. Тяжелые цепи оттягивали плечо. Добравшись до отмеченного места, я включил фонарь и нырнул.

Я не предполагал, что в этом месте так глубоко и темно. Ряска местами полностью загораживала солнечный свет. Пять оставшихся бочек были собраны в кучу вокруг подтопленного ствола старого дерева, глубоко уходившего корнями в дно болота. Любая лодка, следующая к берегу болота, непременно обогнула бы это место, так что бочки могли лежать на дне в целости и сохранности много лет. У основания дерева вода имела более темный цвет, что в сочетании со слабым освещением делало цистерны практически неразличимыми.

Я обвязал верхнюю бочку цепями и дернул, проверяя на вес. От рывка она покатила на дно, попутно выдернув из моих рук веревку. Мутя воду, со дна взметнулись тучи грязи и тины. Я почти ничего не видел. Мало того, бочка дала течь, и видимость пропала совсем. Вдруг сверху донесся приглушенный звук выстрела. В первый момент я решил, что у Морфи неприятности, но потом вспомнил, что по нашей договоренности должен означать этот сигнал, и мне стало ясно, что дела плохи не у Морфи, а у меня.

Я рванулся к поверхности сквозь черную муть и тут увидел аллигатора. Он был не такой уж большой — чуть больше человеческого роста, — но светлое брюхо и пасть, утыканная частоколом разнокалиберных зубов, попавшие в пучок света фонаря, не понравились мне совершенно. Ему, как и мне, мешали ориентироваться разлившееся масло и муть со дна, но он, как видно, держал курс, на луч моего фонаря. Я выключил свет, но сразу же потерял из виду аллигатора и в последнем рывке достиг поверхности.

Веревка-ориентир находилась в пятнадцати футах от меня, а рядом с ней и Морфи.

— Давай быстрее сюда! — крикнул он. — Там больше нигде не выйдешь.

Я торопливо поплыл к нему, ни на секунду не забывая о зубастом соседе. Вот он — у поверхности футах в двадцати слева ребристая спина, голодные глаза и пасть с могучими челюстями, нацеленная в мою сторону. Я перевернулся и поплыл на спине, чтобы не упускать аллигатора из виду. Время от времени я хватался за веревку и немного подтягивался.

Меня отделяли от лодки считанные футы, когда аллигатор прибавил скорость, смекнув, что обед может ускользнуть.

— Стреляй, черт возьми! — заорал я, выплюнув загубник.

Один за другим прогремело два выстрела, вспенивая воду перед настырным обитателем болота. Животное замерло на месте, и в следующий момент справа о меня в воду посыпался бело-розовый дождь, сразу привлечший внимание крокодила. Он как раз поравнялся с угощением, когда дальше справа по воде зашлепала еще одна порция белых и розовых лепешек. В этот момент моя спина коснулась лодки, и Морфи помог мне забраться в нее. Мы поплыли к берегу, а Морфи швырнул аллигатору в качестве утешения еще одну горсть зефира. Ухмыляясь, он сунул в рот последнюю зефирину. Аллигатор в протоке подбирал остатки сладостей.

— Сильно испугался? — улыбнулся Морфи, наблюдая, как я отцепил баллон и растянулся на дне лодки. Я кивнул и сбросил с ног ласты:

— Как бы тебе не пришлось отдавать костюмчик в чистку.

* * *

Сидя на бревне на берегу, мы наблюдали за маневрами аллигатора. Он некоторое время кружил неподалеку от берега, выскивая зефир, затем, погрузившись до половины, занял выжидательную позицию у веревки-ориентира. Мы доели курятину и запили ее кофе.

— Тебе надо было в него стрелять, — сказал я.

— Это же заповедник, и аллигаторы охраняются законом, — назидательным тоном ответил Морфи. — Какой же это будет заповедник, если все, кому не лень, станут приезжать сюда и отстреливать, когда вздумается, птиц и зверье?

Мы еще продолжали пить кофе, когда из зарослей травы донесся шум мотора приближающейся лодки.

— Черт, — послышался знакомый голос с характерным бруклинским выговором, и в просвете показался нос лодки, — да тут, настоящий пикник.

Сначала перед нами предстал Эйнджел, а за ним и сидевший на руле Луис. Они уверенно подвели лодку к нам и тоже привязали ее к клену. Эйнджел сразу с шумом спрыгнул в воду, но потом проследил за нашими взглядами и, заметив притаившуюся рептилию, припустил к берегу, неловко вскидывая колени и часто работая руками.

— Слушай, тут что, парк Юрского периода? — он повернулся к Луису, который перепрыгнул в нашу лодку, а из нее — на берег. — Правду говорят: в незнакомый пруд не суйся.

Эйнджел приехал в своих неизменных джинсах, выдавших виды кроссовках и блузе поверх футболки с изображением Дюка Эллингтона. Остался верен себе и всегда элегантный

Луис. Он щеголял в туфлях из крокодиловой кожи, черных джинсах «Levi's» и белой рубашке на стойке от Лиз Клейборн.

Я познакомил друзей с Морфи.

— Мы заехали посмотреть, как вы тут, — объявил Эйнджел, с опаской поглядывая на аллигатора; в руках он держал пакет с пончиками.

— Луис, нашему зубастому приятелю может не понравиться, что на тебе башмаки из его сородича, — заметил я.

Луис хмыкнул, и подошел к кромке воды.

— Возникли проблемы? — спросил он.

— Мы ныряли, никого не трогали, а тут является любопытный Тотоша, и теперь мы сидим на берегу, — объяснил я.

Луис еще раз хмыкнул, потом достал свой пистолет и точным выстрелом отстрелил аллигатору кончик хвоста. Животное заметалось от боли, и вода вокруг него быстро покраснела. Развернувшись, крокодил поплыл в протоку, оставляя за собой красный шлейф.

— Тебе надо было его пристрелить, и дело с концом, — заключил Луис.

— Не будем об этом, — проговорил я. — Закатывайте рукава, джентльмены, и помогайте нам.

Так как гидрокостюм оставался на мне, я вызвался нырять и дальше.

— Хочешь доказать мне, что у тебя кишка не тонка? — улыбнулся Морфи, когда мы отвязывали лодку.

— Ничего подобного. Я хочу доказать это себе, — ответил я.

Мы подплыли к веревке-ориентир, и я нырнул. Прихватив с собой цепи и крюк. Эйнджел остался наверху с Морфи, который был настороже и готов стрелять, если аллигатор задумает вернуться. Во второй лодке за нами последовал Луис. Пленка затянула поверхность, и в глубине плавали масляные сгустки. От падения верхней цистерны раскатились по дну остальные. Я осветил фонариком в прохуdivшуюся бочку, но увидел в ней только остатки масла.

Цеплять бочки и вытаскивать их наверх — тяжелое занятие, но, располагая двумя лодками, мы имели возможность тащить сразу две бочки. Может быть, существовал и более простой способ подъема, но нам ничего другого на ум не пришло.

Отыскали мы ее ближе к вечеру, когда лагуна купалась в золоте закатных лучей.

Как только я прикоснулся к этой бочке, чтобы закрепить цепью, меня словно пронзила молния, и от потрясения все сжалось внутри. Перед моими глазами мелькнуло лезвие, и вода окрасилась от хлынувшей фонтаном крови, а может быть, все это мне только почудилось, и на мою маску упал красный отсвет заката. Я закрыл глаза и сразу же ощутил вокруг себя движение. Но это не было простое колебание воды, и не рыба ходила в сумраке глубин. Я чувствовал рядом другого пловца, обвивающегося вокруг моих ног и тела. Ее волосы прошлись по моей щеке, но когда я попытался за них ухватиться, в руке у меня оказались только космы болотных водорослей.

Эта бочка весила больше остальных. Как потом оказалось, в нее для тяжести положили кирпичи, аккуратно разделенные на половинки. Эйнджел с Морфи с трудом смогли ее вытянуть.

— Это она, — сказал я Морфи. — Мы все-таки нашли ее.

Потом я нырнул и, пока бочку вытаскивали, направлял ее, и следил, чтобы она не зацепилась за камни или корни. С этой бочкой мы обходились аккуратнее, чем с другими, словно девушка внутри спала и нам не хотелось нарушить ее сон, словно она попала туда только что, а не провела столько долгих дней в своей тесной могиле, что от нее почти ничего не осталось. Уже на берегу Эйнджел взял ломик и попытался приподнять крышку, но она даже не шевельнулась.

— Она запаяна, — после более тщательного осмотра заключил он и поскреб ломом по корпусу цистерны. — Бочку чем-то еще и обработали, — добавил Эйнджел, присмотревшись к оставшейся царапине. — Поэтому-то она и сохранилась лучше других.

И в самом деле ржавчина едва тронула бочку, а трилистник клейма хорошо сохранился, словно краску нанесли несколько дней назад. Я задумался. Конечно, мы могли бы использовать пилу, но, если мое предположение верно и девушка действительно внутри цистерны, мне не хотелось бы повредить ее останки. Можно также обратиться за помощью к полиции или федералам. Хотя такой вариант мне самому не нравился, я предложил его для порядка, однако против высказался даже Морфи. Сначала мне подумалось, что его смущает вероятность конфуза, если в бочке не окажется ничего существенного, но по глазам его я понял, что дело совсем в другом. Он хотел, чтобы мы двинулись в своем расследовании как можно дальше.

В итоге мы тщательно простучали корпус бочки и по звуку определили место, где можно пилить с наименьшим риском повредить содержимое. Морфи осторожно сделал пометку у запаянного конца и мы, работая поочередно пилой и ломиком, сначала пропилили полукруг, а потом отогнули эту часть ломиком и посветили внутрь.

От тела остались кости и обрывки ткани, а плоть полностью уничтожило тление. Тело запихнули в цистерну головой вперед, и, чтобы оно там уместилось, были сломаны ноги. Я посветил в глубину бочки и заметил зубы и пряди волос. Мы молча стояли над ней, а рядом негромко плескалась вода, и разнообразие звуков вокруг говорило о том, что болото продолжает жить своей привычной жизнью.

В тот вечер я вернулся в гостиницу поздно. Мы с Морфи остались дожидаться полицию и рейнджеров, а Эйнджел с Луисом, с его согласия, уехали. Я остался, чтобы дать показания и поддержать версию Морфи обо всем, что произошло. По совету Морфи полицейские связались с отделением ФБР. Их я ждать не стал, так как рассудил, что Вулрич, если захочет со мной побеседовать, знает, где меня найти.

В комнате Рейчел горел свет, и я постучал. Она открыла мне в короткой розовой ночной сорочке.

— Эйнджел мне обо всем рассказал, — говорила она, раскрывая пошире дверь. — Бедняжка, — она прижалась ко мне, потом включила в ванной воду, Я долго стоял под душем, упираясь руками в кафельную стену, а вода все бежала и бежала по моей голове и спине.

Наконец, я вытерся и вошел в комнату с полотенцем вокруг талии. Рейчел сидела на постели, листая свои бумаги.

— Какая скромность, — улыбнулась она, приподнимая бровь.

Я сел на кровать, и она обняла меня сзади. Я спиной чувствовал прикосновение ее щеки и тепло дыхания.

— Как ты? — спросил я.

— Думаю, все нормально.

Она теснее прижалась ко мне, потом развернула меня к себе лицом и некоторое время сидела передо мной, подвернув под себя ноги, и, закусив губу, смотрела на меня нежно и испытующе. Затем прошла рукой по моим волосам немного неуверенно, словно стесняясь своей ласки.

— А я думал психология помогает тебе во всем разобраться, — заметил я.

— Как и другие, я, случается, испытываю растерянность, но, в отличие от многих, могу дать научные названия своим переживаниям, — она вздохнула. — Послушай... то, что произошло между нами вчера... я не хочу на тебя давить. Я знаю, как тебе все это сложно и трудно... из-за Сьюзен и...

Я тронул ее щеку и осторожно погладил пальцем губы. Потом поцеловал ее, и она ответила мне. Я почувствовал, что хочу обнимать и любить ее, хочу забыть о смерти, которая ходит где-то поблизости, хочу быть счастлив рядом с ней, в ее объятиях.

— Спасибо, — прошептал я, покрывая ее поцелуями, — но я знаю, что делаю.

— Хорошо, что хоть один из нас это знает, — кажется, я уже не слышал этих слов, когда, увлекаемая мной, она медленно опустилась на постель...

На следующее утро останки девушки лежали на металлическом столе в той же позе зародыша, в какой пролежали в ограниченном пространстве бочки, словно так бедняжка хотела защититься от всех и вся. По указанию ФБР ее доставили в Новый Орлеан, где останки были взвешены, измерены, сфотографированы в рентгеновских лучах, дактилоскопированы. Тщательно осмотрели и мешок, в котором перевозились останки, на случай, если какие-либо фрагменты отделились при транспортировке.

Белый кафель, жесткий металлический блеск столов и инструментов и яркий режущий свет вызывали протест своей немилосердной резкостью. После мук, которые пришлось перенести несчастной, ее пребывание в этой стерильной комнате, где ее внимательно разглядывали мужчины, выглядело как последняя, оскорбительная жесткость. Мне хотелось укрыть ее от людских взоров, спрятать во тьме могилы, где под сенью деревьев она обрела бы покой, который больше никто не нарушит.

Но в то же время разумом я понимал, что необходимо выяснить, кто она. И, может быть, это поможет найти путь к тому, кто сотворил с ней такое. Вот почему мы стояли и безмолвно наблюдали, как медэксперт вместе с ассистентами занимаются своим делом.

Судя по характерным особенностям таза и черепа, перед нами действительно находились останки женщины. На основании ряда данных медэксперт заключил, что ее возраст двадцать один-двадцать два года. На лобной кости, у основания челюсти и левой скуловой кости остались следы от ножа убийцы, срезавшего ее лицо. Что это было за лицо? Кем была несчастная? — на эти вопросы могла ответить только генетическая экспертиза.

По окончании предварительного обследования, завернутые в пленку останки увезли из зала, а Вулрич, Морфи и я, обменявшись несколькими словами, разошлись по своим делам. Но, откровенно говоря, я плохо помню, что делал потом: у меня перед глазами стояла эта девушка. Я не мог думать ни о чем другом и мне постоянно слышался плеск воды.

Вулрич решил, что, если анализ на ДНК и сличение описания зубов не дадут положительного результата, возможно, поможет лицевая реконструкция с использованием лазера для воспроизведения контуров черепа, и тогда полученную копию можно будет сравнивать с известными черепами, имеющими аналогичные размеры. Он собирался предварительно договориться насчет этой процедуры в центре ФБР в Куантико.

Но лицевая реконструкция не понадобилась. Менее чем через два часа личность молодой женщины, убитой на болотах, была установлена. Хотя она пролежала в темных глубинах почти полгода, заявление о ее исчезновении поступило только три месяца назад. Это была Лютис Фонтено — сводная сестра Лайонела.

Владения Фонтено находились в пяти милях к востоку от Делакура. Недавно выстроенная частная дорога петляла среди топей и гниющих деревьев и оканчивалась возле участка, лишенного всякой растительности и черневшего голой землей. В центре пространства в два-три акра, обнесенного высоким забором, утыканным острой проволокой, располагалось низкое бетонное строение в один этаж, имевшее форму подковы. На площадке между изогнутыми крыльями здания стояли в ряд четыре автомобиля: один кабриолет и три черных «эксплорера». В глубине виднелся одноэтажный дом стандартного типа старой постройки с верандой и, похоже, анфиладой комнат. Когда я подъехал к воротам и остановил взятый напрокат «таурус», никого поблизости не было. Рядом со мной сидел Луис. Рейчел в этот день поехала на заключительную встречу в университет Лойолы.

— Может быть, нам стоило сначала позвонить? — спросил я, глядя на пустынный двор за забором.

Луис закинул руки за голову и подбородком указал вперед. Перед нами стояли двое в джинсах и выцветших рубашках и держали нас под прицелом своих пистолетов. В зеркало заднего вида я увидел еще двоих, а пятый с топориком за поясом стоял у машины со стороны Луиса. Вид у всех пятерых был — только держись; чувствовалось, что народ это бывалый. У тех, кто носил бороды, в них проглядывала седина. На их башмаках налипла грязь, а по рукам, крепкими пальцами сжимавшим оружие, змеились шрамы.

Я видел, как от основного здания к воротам направляется мужчина среднего роста в голубой рубашке, джинсах и тяжелых рабочих башмаках. Он подошел, но ворота не открыл, а внимательно осмотрел нас через ограду. Правая половина его головы была изуродована ожогом. Кожу в этом месте покрывали рубцы, правый глаз не видел, и на голове не росли волосы. Над невидящим глазом нависала складка кожи, а когда он говорил, двигалась только левая половина рта.

— Что надо? — акцент выдавал в нем кейджана.

— Мое имя Паркер, — отрекомендовался я, оставаясь в машине. — Я приехал поговорить с Лайонелом Фонтено.

— А это кто? — он ткнул пальцем в сторону Луиса.

— Руководитель оркестра Граф Бэйси, — пошутил я, — остальные оркестранты прибыть не смогли.

— Лайонел никого не хочет видеть, — сурово ответил «красавчик». Моя попытка пошутить не вызвала на его лице и тени улыбки. — Проваливайте-ка вы лучше отсюда, пока целы, — он развернулся и двинулся к дому.

— Эй, — крикнул я ему вдогонку, — а в Мэтери всех громил Джо Боунза уложили вы?

Он остановился и обернулся.

— Что ты сказал? — у него был такой вид, как будто я обругал его последними словами.

— Я сказал, что в Мэтери двоих убрали не вы. Если за это положена награда, я бы не стал отказываться.

— Да ты шутник, я смотрю, — после минутного раздумья сказал он. — Точно, шутник, но что-то мне не смешно.

— Значит, не смешно?

Он заметил резкость в моем тоне, глаз его зло вспыхнул, и дуло пистолета почти

уткнулось мне в лицо. По характерному запаху я понял, что оружие недавно было в ходу.

— А как тебе такая шутка: я тот, кто достал Лютис Фонтено из глубины болот Хани-Айленд. Поди, расскажи эту шутку Лайонелу, увидишь, станет ли он смеяться.

Вместо ответа он послал с пульта инфракрасный луч, и ворота бесшумно раскрылись.

— Выходите из машины, — приказал он.

Пока мы выходили, двое охранников следили за нами, держа оружие наготове. Потом вторая пара нас обыскала. Наши с Луисом пистолеты и его нож были переданы человеку со шрамом. Потом они осмотрели багажник и заглянули под капот и под машину, чтобы убедиться, что там не припрятано никаких сюрпризов.

— Ну, ты везде желанный гость, — шепнул мне Луис.

— Спасибо, оценил, — в тон ему откликнулся я. — Это у меня дар такой особый.

Когда они удостоверились, что в машине чисто, нам разрешили в нее вернуться, и мы медленно поехали к дому. На заднем сидении устроился охранник с топориком, а двое других шли по бокам. Мы припарковались у кабриолета и под конвоем двинулись к старому дому, где на веранде нашего прибытия дождался с чашкой кофе в руках Лайонел Фонтено.

Обожженный подошел к нему и начал что-то шептать на ухо, но Лайонел жестом остановил его и уставился на нас без намека на приветливость во взгляде. Мне на голову упало несколько капель начинающегося дождя, а через минуту нас накрыло ливнем, но Лайонел не спешил пригласить нас под крышу. Я был в синем льняном костюме и белой рубашке с синим шелковым галстуком и все думал, полиняет он от такого потопа или нет. Дождь лил как из ведра, и от его струй земля возле дома быстро превращалась в грязь. Наконец Лайонел отпустил своих людей, сел и кивком пригласил нас войти на веранду. Мы заняли деревянные стулья, а хозяин уселся в шезлонг. За нами стоял охранник с изуродованным лицом. Луис и я слегка раздвинули стулья, чтобы держать его в поле зрения.

Из дома вышла пожилая чернокожая служанка с кофейным сервизом на серебряном подносе с орнаментом. (Я вспомнил, что видел ее на похоронах.) На подносе стояли три чашки с блюдцами. На чашках по кругу были изображены догоняющие друг друга пестрые птицы. Под ручкой каждой чашки на блюдечке лежала тяжелая серебряная ложка с парусником на черенке. Служанка поставила поднос на маленький плетеный столик и оставила нас.

Лайонел Фонтено был одет в черные брюки и белую рубашку, расстегнутую у ворота. Черный пиджак — пара к брюкам — висел на спинке его шезлонга. Свежевычищенные башмаки сияли глянцем. Лайонел молча разлил по чашкам кофе, положил в одну сахар и подал обоженному.

— Сливки и сахар? — спросил он, по очереди глядя на нас с Луисом.

— Черный — то, что надо, — ответил я.

— И мне тоже черный, — добавил Луис.

Лайонел передал нам чашки. Он держался очень любезно. Над нами неистово колотил по крыше веранды дождь.

— Вы пришли рассказать, почему занялись поисками моей сестры? — у Лайонела было такое выражение лица, будто он обнаружил, что какой-то незнакомец моет лобовое стекло его машины, и он не может решить, дать тому на чай или огреть чем-либо тяжелым. Лайонел держал чашку, слегка оттопырив мизинец. Я заметил, что и охранник делал то же.

Пришлось рассказать Лайонелу часть того, что было известно на тот момент, — о видениях тетушки Марии и ее смерти, о том, что в заводи среди топей на Хани-Айленд

видели призрак девушки.

— Думаю, что убийца вашей сестры убил также тетюшку Марию с сыном. А еще он убил моих жену и дочь. Вот причина, почему я занялся поисками вашей сестры, — заключил я.

Я не стал говорить ему о своем сочувствии. Он и без того это знал, а если нет, то и говорить не стоило.

— Это вы прикончили двоих в Мэтери?

— Одного, — уточнил я. — Второго убил кто-то другой.

— Вы? — повернулся он к Луису.

Луис промолчал.

— Кто-то другой, — повторил я.

— Но зачем вы пришли? — поставив чашку, развел руками Лайонел. — Ждете от меня благодарности? Я собираюсь в Новый Орлеан за телом сестры. Но благодарить мне вас не хочется, — он отвернулся. В его глазах отразилась боль, но слез не было: Лайонел не производил впечатление человека, у которого глаза на мокром месте.

— Дело не в том, зачем я пришел, — негромко заговорил я. — Мне нужно знать, почему об исчезновении Лютис заявили только три месяца спустя. Еще я хочу знать, что делал ваш брат на Хани-Айленд в ночь, когда был убит.

— Мой брат, — в голосе Лайонела горечь, разочарование и ощущение вины сменяли друг друга, как райские птицы на изящной кофейной чашке, сервиза, которую он вращал, глядя в одну точку. Потом Фонтено овладел собой, и мне подумалось, что он близок к тому, чтобы послать меня ко всем чертям, прежде предупредив меня, чтобы я не совал нос в дела его семьи. Но я выдержал его взгляд, и он промолчал.

— У меня нет причин вам доверять, — наконец, проговорил он.

— Я могу найти того, кто это сделал, — тихо, но решительно пообещал я.

Лайонел кивнул, но, скорее всего, он этим поддерживал себя, принимая решение.

— Моя сестра уехала в конце января — начале февраля, — начал он. — Ей не нравилось все это, — он обвел рукой участок. — У нас была стычка с Джо Боунзом. Несколько человек пострадали.

Он помолчал, потом заговорил снова, осторожно подбирая слова:

Она закрыла счет в банке, собрала вещи и уехала, оставив только записку. С нами она не говорила. Да Дэвид и не отпустил бы ее... Мы старались ее отыскать. Расспросили друзей в городе, даже связывались с Сиэтлом и Флоридой, где у нее живут знакомые. Но мы не нашли ничего, ни малейшего следа. Дэвид очень сильно переживал. Она наша сводная сестра. После смерти матери отец снова женился, и от этого брака родилась Лютис. В 1983 году мой отец и ее мать погибли в автокатастрофе, и мы стали заботиться о девочке. Особенно Дэвид. Они были очень дружны.

Несколько месяцев назад она стала Дэvidу сниться. Сначала он молчал об этом, но быстро худел, бледнел, и у него совсем расшатались нервы. Когда он рассказал мне о своих снах, я подумал, что он сходит с ума, и так ему и сказал, но сны не прекращались. Ему снилось, что она под водой, и слышалось, как она стучит по металлу. Дэвид был уверен, что с ней что-то случилось. Но что мы могли поделать? Мы обшарили полштата. Я даже переговорил кое с кем из людей Джо Боунза, думал, может быть, здесь концы отыщутся, но все напрасно. Она пропала. Потом Дэвид заявил о ее пропаже. Полиция приехала и облазила весь участок. Я готов был его убить, но он настаивал, чтобы сообщить в полицию. Дэвид твердил, что с ней что-то случилось. Он просто голову потерял. Мне пришлось самому вести

дела, а тут еще Джо Боунз над головой повис, как дамоклов меч.

Он бросил взгляд на обожженного.

— Когда Дэвиду позвонили, с ним был Леон. Дэвид ничего не сказал: ни куда он едет, ни зачем. Просто сел в свою чертову желтую машину и умчался. Леон попытался его удержать, так Дэвид его чуть не застрелил.

Я посмотрел на Леона. Если он и чувствовал какую-то вину за то, что произошло с Дэвидом Фонтено, то скрывал это очень искусно.

— И кто бы это мог звонить? Подозрения есть? — спросил я.

Лайонел покачал головой.

Я поставил чашку на поднос. Кофе остыл и потерял всякий вкус.

— Когда вы собираетесь разделаться с Джо Боунзом? — спросил я напрямик. Лайонел моргнул, как будто получил пощечину, а я краем глаза заметил, что Леон шагнул вперед.

— Что это еще за разговоры? — взорвался он.

— Скоро вам предстоит новые похороны, когда в полиции разрешат забрать тело сестры. И либо процессия окажется малочисленной, или на похоронах яблоку негде будет упасть от полицейских и репортеров всех мастей. Но в любом случае, думаю мне, вы уберете Джо Боунза еще до этого, возможно, в его владениях в Западной Фелициане. Вы должны поквитаться с ним. Джо все равно не успокоится, пока не разделается с вами. Один из вас обязательно попытается поставить точку.

— При них ничего? — перевел взгляд на Леона Лайонел.

Леон покачал головой.

— А ты какого хрена в это лезешь? — в тоне Лайонела слышалась открытая угроза.

Отступить я не собирался. Мне нужен был Лайонел Фонтено, хотя выражение его лица было очень грозным и ничего хорошего не предвещало.

— Ты слышал о смерти Тони Ремарра?

Лайонел кивнул.

— Ремарр поплатился за то, что был в доме Агуил-лардов после убийства тетушки Марии и ее сына, — объяснил я. — Там нашли отпечатки его пальцев, испачканных в крови тетушки Марии. Джо Боунз об этом узнал и велел Ремарру залечь. Но убийца, не знаю как, его разыскал. Думаю, он использовал твоего брата как приманку, чтобы выманить Ремарра и спровоцировать его на убийство. Мне надо знать, что именно рассказал Ремарр Джо Боунзу.

— Но без нас тебе до Джо не добраться, — после паузы подытожил Лайонел.

У сидящего рядом со мной Луиса дернулись губы, и Лайонел это заметил.

— Ну, это не совсем так, — уточнил я. — Но, если вы решили его навестить, мы тоже не прочь присоединиться.

— Да, я собираюсь в гости к Джо Боунзу, — зловеще спокойным тоном заговорил Лайонел. — И когда я уйду из его поганого дома, в нем будет тихо... как в гробу, — пообещал он.

— Поступайте, как знаете, но мне Джо Боунз ненадолго нужен живым, — в свою очередь высказался я.

Лайонел поднялся, застегивая ворот. Из кармана пиджака он достал галстук, и, завязывая узел, смотрелся в окно, как в зеркало.

— Где ты остановился? — спросил он. Я ответил и передал Леону номер своего мобильного. — Мы с тобой свяжемся, может быть, — неопределенно пообещал Лайонел. — Сюда приезжать не нужно.

На этом разговор закончился, и мы уже почти дошли до машины, когда Лайонел снова заговорил.

— Вот еще что, — он уже надел пиджак и теперь поправлял ворот и лацканы. — Я знаю, что Морфи из Сент-Мартина тоже был там, когда нашли Лютис. У тебя есть друзья в полиции?

— Да, и среди федералов у меня друзья тоже. А что, это может помешать?

— Нет, — он отвернулся, — если ты сам себе этим не помешаешь. Но если из-за этого будут неприятности, пеняй на себя. Пойдешь со своим приятелем крабов кормить.

* * *

Луис некоторое время вертел ручку радио, но так и не нашел ничего интересного. В конце концов он выключил приемник и принялся постукивать пальцами по панели.

— Знаешь, если не хочешь, не надо со мной ходить, — сказал я ему. — Неизвестно, как там все сложится. Да и Вулрич с федералами может добавить тебе неприятностей. — Как дипломатично выразился Эйнджел, Луис теперь был занят только «наполовину». Деньги, очевидно, принципиальной роли не играли. Но такая «половинчатость» предполагала какое-то другое занятие, хотя я не был уверен, в чем оно состояло.

— Знаешь, почему я здесь? — Луис говорил. Глядя не на меня, а в окно.

— Не вполне. Я попросил приехать, но был уверен, что ты согласишься.

— Мы приехали, потому что в долгу у тебя, потому что ты бы нам помог, если бы нам было нужно, а еще потому, что за тобой должен был кто-то присмотреть после того, что случилось с твоей женой и малышкой. Кроме того, Эйнджел считает тебя хорошим человеком, и я, может быть, думаю так же. А еще я думаю, что ты правильно прикончил эту сучку Модин, и вот теперь здесь стараешься разобраться. Такие дела, как эти, нельзя оставлять, им обязательно надо положить конец. Ты понимаешь меня?

— Думаю, что понимаю, — тихо ответил я. Как-то непривычно было слышать такие слова от Луиса. И тем более весомыми они становились. — Спасибо тебе, — искренне поблагодарил я.

— Ты собираешься выяснить здесь все до конца? — спросил Луис.

— Собираюсь, но что-то мы упускаем. Недостает какой-то мелочи, детали.

Эта деталь постоянно ускользала от меня. Она мелькала передо мной и тут же исчезала, словно крыса, пробегающая в свете уличных фонарей. Мне было необходимо узнать больше об Эдварде Байроне, кроме того, нужно было поговорить с Вулричем.

* * *

Рейчел встретила нас в холле гостиницы. Я понял, что она выглядывала нас в окно. Эйнджел сидел рядом и жевал внушительного вида бутерброд, сдобренный луком, чили и горчицей.

— Здесь были люди из ФБР, — объявила Рейчел, — вместе с твоим другом Вулричем. Они предъявили ордер и унесли все: мои заметки, иллюстрации, — все, что нашли, — рассказывала она по пути в свой номер. Со стен в ее комнате исчезли все заметки и рисунки.

Исчезла даже составленная мной диаграмма.

— Они обыскали наш номер, — обрадовал Эйнджел Луиса. — И у Берда тоже порылись.

У меня даже голова дернулась при мысли о ящике с оружием. Эйнджел заметил мое волнение и поспешил успокоить.

— Мы все припрятали сразу после того, как твой приятель из ФБР положил глаз на Луиса. Все хранится в багажном отделении. У нас у каждого ключи.

Еще по дороге к номеру Рейчел я отметил, что она больше сердится, чем огорчается.

— Думаю, я что-то упустил, — признался я.

Рейчел улыбнулась.

— Да, я сказала, что они взяли все, что нашли. Уточняю: все, что смогли найти. Эйнджел их заметил, и я кое-что успела спрятать за пояс и под блузку. А Эйнджел позаботился об остальном.

Она достала из-под кровати небольшую стопку листов и не без торжества потрясла ими. Один листок, сложенный вдвое, она держала отдельно.

— Думаю, тебе надо взглянуть на это, — она развернула лист, и сердце мое сжалось от боли.

На иллюстрации я увидел сидящую на стуле обнаженную женщину. От шеи до паха по ее телу шел разрез. Кожа была отвернута на руки и свисала плащом. У нее на коленях лежал мужчина, кожа его была снята таким же образом, за исключением пространства, где были удалены некоторые внутренности. Если исключить анатомирование и то, что вторая жертва была другого пола, иллюстрация в подробностях совпадала с тем, что проделали со Сьюзен и Дженнифер.

— Это Пиета, или Плач Богородицы, автор Эстиен, — пояснила Рейчел. Картина малю известна, поэтому ее так долго не удавалось отыскать. Даже в те стародавние времена ее считали слишком откровенной в своей выразительности и даже усматривали в ней богохульство. Церковным авторитетам не могло понравиться такое сходство с Богородицею, оплакивающей Христа. Эстиена даже хотели сжечь за эту картину.

Рейчел взяла у меня лист и посмотрела на него с печалью в глазах.

— Я поняла, что он делает, — сказала она и положила лист на постель рядом с другими бумагами. — Он создает *memento mori*: напоминание о смерти, лики смерти. — Она села на край постели и подперла подбородок молитвенно сложенными руками. — Он преподает нам уроки смерти.

Кристин, он намерен познакомиться с тем, какой ты есть изнутри.

«Анатом»

В Мадриде при медицинской школе университета Комплутенс существует анатомический музей. Основателем его является король Карлос III, и большая часть музейной коллекции создана усилиями доктора Юлиана де Веласко в период с начала до середины девятнадцатого столетия. Доктор Веласко относился к своей работе весьма серьезно. Имеются сведения, что он мумифицировал тело собственной дочери.

Длинный прямоугольный зал уставлен рядами стеклянных футляров с экспонатами. Среди них два огромных скелета, восковой муляж головы зародыша и две фигуры под названием «despellejados». Это «люди без кожи». Фигуры стоят в выразительных позах и демонстрируют движение мышц и сухожилий, обычно скрытое от всеобщего обозрения под кожным покровом. Везалий, Валверде, Эстиен, их предшественники, сподвижники — современники и последователи, — все они в своих работах опирались на эту традицию. Титаны Возрождения Микеланджело и Леонардо да Винчи создавали свои *esoches*, — так они называли рисунки фигур, лишенных кожного покрова, — используя опыт участия в анатомировании.

Фигуры эти в определенном смысле служили напоминанием слабости человеческой природы, ее восприимчивости к боли и смерти. Они словно демонстрировали бессмысленность плотских устремлений, предупреждали о реальности болезней, боли и смерти в этой жизни и предполагали, что жизнь следующая будет лучше.

Практика анатомического моделирования достигла своей вершины в восемнадцатом веке во Флоренции, где под покровительством аббата Феличе Фонтана художники и анатомы трудились совместно над созданием из воска скульптурных копий человеческого тела. Анатомы работали с трупами, готовя внешнюю оболочку, скульпторы заливали ее гипсовым раствором, и таким образом создавались формы моделей. В них слой за слоем заливался воск, и, где необходимо, свиной жир, что позволяло в процессе наслаивания воспроизводить прозрачность тканей.

После этого с помощью ниток, кистей и тонких гравировальных резцов воспроизводились контуры и рисунок кожи человеческого тела. Добавлялись брови и одна за одной ресницы. В восковых статуях болонского художника Лелли в качестве основы использовались натуральные скелеты. Коллекция музея произвела на императора Австрии Иосифа II настолько сильное впечатление, что он сделал заказ на 1192 копии, чтобы они использовались для развития медицинской науки в его государстве. В свою очередь Фредерик, профессор анатомии из Амстердама, пользовался для сохранения образцов химическими фиксаторами и красителями. В его доме имелась экспозиция скелетов младенцев и детей постарше в разных позах — как напоминание о быстротечности жизни.

Но ничто не шло в сравнение с реальностью человеческого тела, выставленного для обозрения. Огромные толпы привлекали публичные демонстрации вскрытия и препарирования. Некоторые приходили на такие демонстрации, изменив внешность. Эти люди собирались якобы для того, чтобы приобрести знания. Но в сущности вскрытие очень походило на продолжение публичной казни. Принятый в Англии в 1752 году Закон о наказании за убийства связал непосредственно оба эти действия, так как, согласно ему, тела казненных преступников могли предоставляться для анатомирования, которое превращалось в посмертное наказание, лишавшее преступника традиционного погребения. Законом 1832

года об Анатомических исследованиях бесправность английских нищих перешагивала границу жизни и смерти: отныне их тела разрешалось конфисковывать для проведения анатомирования.

Таким образом, по мере развития науки смерть и анатомирование шли рука об руку. Что уж говорить об отвращении к функциям женского организма, которые связывались с похотью, развратом, родовыми муками, вызывая затем патологический интерес к ее утробе? Анатомирование и удаление кожи были не так уж далеки от реальностей страдания, секса и смерти.

Открытая взору, внутренность тела доказывает смертность человека. Но многим ли приходилось в буквальном смысле заглянуть в себя и увидеть свое нутро? Свою возможную смерть мы наблюдаем через призму чужих смертей, да и то в исключительных обстоятельствах: в условиях войны или при несчастном случае либо убийстве, когда приходится быть непосредственным свидетелем происшествия, повлекшего за собой смерть, или наблюдать результат происшествия со смертельным исходом, — только тогда кровавая реальность смерти предстает перед нами ясно и четко во всей своей полноте.

По мнению Рейчел, Странник старался разрушить эти барьеры своим методом, жестоким и полным боли. Умерщвляя свои жертвы подобным образом, он стремился показать им их собственную смерть и дать почувствовать значение истинной боли; но эти опыты служили напоминанием другим, что смертны и они, что и для них наступит день последней, чудовищной муки.

Странник стер границы между пыткой и казнью, любознательностью научного поиска и садизмом. Он являлся частью тайной истории человечества, нашедшей отражение в труде «Анатолия», написанном в тринадцатом веке магистром Николаем Физичи, где он указывал, что древние производили анатомирование не только мертвых, но и на живых. Осужденного преступника, связанного по рукам и ногам начинали препарировать с ног и рук, постепенно продвигаясь к внутренним органам. Сходные случаи упоминаются Цельсием и Августином, хотя эти факты упорно отвергаются историографами медицины.

И вот теперь Странник взялся писать историю на свой манер, предлагая свой собственный сплав науки и искусства, чтобы придать смерти свой особый почерк и создать в человеческом сердце ад.

Мы сидели в номере Рейчел, и она поведала нам обо всем этом. Между тем за окнами стемнело, с улицы доносились звуки музыки.

— Как мне кажется, — говорила Рейчел, — ослепление жертв можно считать символом их неспособности понять реальность боли и смерти. Но это указывает, как далеко отстает сам убийца от общей людской массы. Мы все страдаем, все переживаем смерть тем или иным образом, прежде чем сами встретимся с ней. А он считает себя единственным, кто может нас этому научить...

— Ему кажется, что мы забыли о смерти и нам следует об этом напомнить. И он видит свою роль в том, чтобы показать нам нашу ничтожность, — развил я мысль Рейчел, и она кивнула утвердительно.

— Если все так, как вы говорите, зачем ему было прятать в бочку и топить в болоте тело Лютис Фонтено? — подал голос сидевший у балкона Эйнджел.

— Это его ученическая работа, — ответила Рейчел — и Луис при этих словах удивленно выгнул брови. — Странник считает, что создает произведения искусства. Он оставляет тела на месте преступления, придает им заданные позы, следует в своих действиях мифам и

иллюстрациям из старинных медицинских трудов, — все указывает на такой настрой. Но и художникам необходимо с чего-то начать. Поэты, живописцы и скульпторы, — все они проходят определенный этап ученичества. Иногда произведения, созданные в этот период, продолжают оказывать влияние на их дальнейшее творчество. Но такие работы, как правило, не выставляются на суд публики. Это время поиска своего пути без опасения критики за ошибки, возможность испытать свои силы и способности. Может быть, Лютис Фонтено являлась для него именно такой «ученической работой», своего рода пробным камнем.

— Но она погибла после Сьюзен и Дженни, — тихо заметил я.

— Он не забрал их, потому что ему так захотелось, но результат его не удовлетворил. Думаю, он решил еще раз попрактиковаться на Лютис перед выходом на публику, — объяснила Рейчел, отводя взгляд. — Убийство тетушки Марии и ее сына стало следствием слияния двух факторов: желания и необходимости. На этот раз он располагал достаточным временем, чтобы достичь нужного эффекта. Потом он убил Ремарра. Либо тот на самом деле оказался ненужным свидетелем, либо с ним расправились из-за одного предположения, что он мог что-то увидеть. Но убийца снова сделал, теперь уже из Ремарра, *mentem mori*. Он по-своему практичный: не боится извлечь пользу из необходимости.

— Ну, а как быть с тем, как действует смерть на большинство людей? — заговорил Эйнджел под впечатлением слов Рейчел. — От ее угрозы нам сильнее хочется жить и даже трахаться.

Рейчел покосилась на меня и уткнулась в свои запасы.

— Я хочу знать, — продолжал Эйнджел, — что от нас добивается этим тот тип? Думает, мы есть и любить перестанем, если он на смерти заикнулся и считает, что загробный мир будет лучше подлунного?

Я снова взял иллюстрацию Пиеты и внимательно рассмотрел ее, задерживаясь взглядом на подробностях изображения тел, тщательно перечисленных внутренностях, и отметил спокойствие на лицах мужчины и женщины. У жертв Странника лица были перекошены болью смертных мук.

— Ему плевать на загробную жизнь, — ответил я Эйнджелу. — Его заботит одно: как бы сильнее напакостить в этой жизни.

Я подошел к окну, где стоял Эйнджел, и тоже посмотрел вниз: по двору, пофыркивая, носились собаки, пахло готовящейся едой и пивом, и мне казалось, что за всем этим я ощущал дух всей проходящей мимо нас людской массы.

— А почему он не тронул нас или тебя? — спросил Эйнджел, обращаясь ко мне, но ответила ему Рейчел.

— Он хочет, чтобы мы его поняли. Все его действия — это попытка привести нас к чему-то. Это его способ общения, а мы аудитория, перед которой он выступает.

— У него нет намерений убить нас.

— Пока, — глубокомысленно изрек Луис.

Рейчел кивнула, глядя мне в глаза, и тихо повторила: «Пока».

* * *

Я договорился встретиться позднее с Рейчел и остальными в ресторане «Вон». Вернувшись к себе, я позвонил Вулричу и оставил для него сообщение. Он перезвонил через

пять минут и сказал, что придет через час в бар гостиницы «Наполеон».

Вулрич не заставил себя ждать. На нем были брюки грязновато-белого оттенка, а пиджак того же цвета он нес на руке, но надел его, как только вошел в бар.

— Здесь правда прохладно, или так кажется? — вид у него был сонный, и от него несло так, как будто он давно забыл, что такое душ. Мне вспомнилось, как когда-то при первой нашей встрече на убийстве Дженни Орбах он властно и решительно отобрал инициативу у группы слабо сопротивляющихся полицейских. Теперь от того уверенного решительного Вулрича осталось одно воспоминание. Он постарел и потерял былую уверенность. Меня поразило то, как он изъясился у Рейчел. Раньше Вулрич действовал бы иначе. Прежний Вулрич взял бы их все равно, но предварительно попросил бы разрешения. Он заказал пиво себе и минеральную воду мне.

— Хочешь рассказать, почему ты конфисковал материалы в гостинице?

— Берд, не надо так об этом думать, считай, что я их одолжил, — он отхлебнул пиво и взглянул в зеркало. Собственный вид ему, как видно, не понравился.

— Ты мог бы сначала и попросить, — упрекнул я.

— И ты бы мне все отдал?

— Нет, но я бы объяснил, почему их не отдаю.

— Не думаю, что на Дюрана это произвело бы впечатление. Да и на меня тоже, откровенно говоря.

— Так это приказ Дюрана? Странно. У вас есть собственные аналитики. Почему ты был так уверен, что нам удастся что-то прибавить к их выводам?

Он круто повернулся на стуле и придвинулся ко мне, так что я мог чувствовать его дыхание.

— Берд, я знаю, что ты хочешь добраться до того типа. Тебе нужно его найти из-за того, что он сделал со Сьюзен и Дженнифер, старухой и ее сыном, с Флоренс, Лютис Фонтено и даже с этой мразью — Ремарром. Я пытался тебя держать в курсе дела, а ты лез везде, где можно и нельзя. Рядом с тобой в номере живет наемный убийца, а чем промышляет его приятель, одному Богу известно, и вдобавок твоя знакомая собирает картинки на медицинские темы, как будто это простые этикетки. Ты со мной ничем не поделился: вот я и вынужден был так поступить. Ты считаешь, я что-то скрываю от тебя? Радуйся, что я не отправил тебя отсюда за все фокусы, что ты тут выкидываешь.

— Мне нужно знать, то, что известно тебе, — упрямо заявил я. — Что ты скрываешь насчет этого типа?

Мы сидели, почти соприкасаясь головами, но Вулрич, в конце концов, отодвинулся.

— Я скрываю? Ну, Берд, ты неподражаем! Вот, могу подкинуть кое-что насчет жены Байрона. Интересуешься? Хочешь знать, какой у нее был основной предмет в колледже? Искусство. А дипломную работу она посвятила исследованию искусства эпохи Возрождения и изображению человеческого тела в этот период. Как, по-твоему, могли среди этих изображений оказаться иллюстрации из области медицины? Может быть, ее бывший муженек как раз там и почерпнул кое-какие свои идеи. Как тебе такое предположение?

Он глубоко вздохнул и сделал большой глоток.

— Берд, ты — приманка, подсадная утка. Об этом знаешь ты, и знаю я. И еще мне кое-что известно, — теперь он говорил холодно и жестко. — Мне известно, что и в Мэтери ты отметился. В морге лежит парень с дырой в голове, и полицейские извлекли из памятника позади него. Того места, где обнаружили тело, остатки пули от пистолета «смит-вессон».

Может быть, ты расскажешь мне об этой заварухе? И потом, ты был там один, когда началась пальба?

Я промолчал.

— Берд, ты спишь с ней?

Я взглянул на него, но не заметил в его глазах веселого огонька. Они смотрели враждебно и с недоверием. И мне стало ясно, что все, что меня интересовало относительно Эдварда Байрона и его бывшей жены, мне придется выяснять самому. Если бы я его тогда ударил, мы бы сильно помяли друг друга. Я не удостоил Вулрича ответом, а просто поднялся и ушел. И не помню, чтобы я оглянулся.

Такси довезло меня до входа в бар «Вон», что на углу Дофин-стрит и Лессепс. Я заплатил пять долларов за вход и оказался внутри. Там звучала музыка, и столы пестрели тарелками с красной фасолью. Рейчел с Эйнджелом танцевали, а Луис наблюдал за ними со страдальческим видом. Когда я подошел, темп музыки немного замедлился, и Рейчел переключилась на меня. Мы некоторое время потанцевали. Она гладила мое лицо, а я закрыл глаза и не сопротивился. Потом я сидел, потягивая содовую, и думал о своем. Ко мне подсел Луис.

— Ты сегодня больше помалкивал в номере у Рейчел, — заметил я.

Он кивнул.

— Это все чушь собачья, и религия эта и рисунки, — только способ пыль в глаза пустить. Дело тут не в том, что человек смертен, а в красоте цвета плоти, — он пригубил пиво. — И этому типу очень нравится красный цвет...

* * *

Лежа рядом с Рейчел, я прислушивался к ее дыханию в темноте.

— Я все думаю об этом убийце, — вдруг сказала она.

— Ну и?

— Мне кажется, убийца необязательно мужчина.

Я поднялся на локте и вопросительно посмотрел на нее. Мне были ясно видны белки ее широко раскрытых глаз.

— Почему ты так решила?

— Я не вполне уверена. Но у того, кто совершает эти преступления, повышенная... чувствительность к взаимосвязи вещей, их потенциальной символике. Не знаю, в чем тут дело. Может быть, это только мои домыслы, однако мужчине в современной жизни не свойственна такая чувствительность... Хотя, возможно, женщина — это неверное предположение. Совокупность признаков — жестокость, способность подчинить себе — указывает на убийцу-мужчину. Но сейчас я не могу точнее сформулировать свое мнение. Дальше продвинуться пока не получается.

Рейчел помолчала.

— Мы становимся парой? — наконец, нарушила молчание она.

— Не знаю. А что, похоже на это?

— Ты уходишь от ответа.

— Нет, не совсем. Вопрос не из привычных, кроме того, я не думал, что мне когда-либо снова придется на него отвечать. Если ты спрашиваешь, хочу ли я, чтобы мы были вместе,

мой ответ — да. Меня это немного беспокоит, да и тяжести на душе у меня побольше, чем багажа на тележке носильщика в аэропорту, но мне хочется быть рядом с тобой.

Она ласково поцеловала меня.

— Почему ты перестал пить? — спросила она и поторопилась добавить:

— Если уж у нас пошел такой откровенный разговор, позволь спросить об этом.

Я даже вздрогнул от такого вопроса.

— Если сейчас я выпью хоть немного, то приду в себя не раньше, чем через неделю где-нибудь у черта на рогах и с большущей бородицей.

— Это не ответ.

— Когда я пил, я ненавидел себя, и это заставляло меня ненавидеть других, даже близких. Я пил и в ту ночь, когда убили Сьюзен и Дженни. Я пил много и часто. Не только в тот вечер, но и раньше. Для этого находилось много причин: напряжение на службе, то, что мне не удалось стать хорошим мужем и отцом, ну и еще по множеству разных причин, тянувшихся из прошлого. Если бы я не был пьян тогда, Сьюзен и Дженни, может быть, остались бы живы. Вот я и поставил на этом крест. Пусть слишком поздно, но я это сделал.

Она не стала мне ничего говорить. Не сказала: «Это не твоя вина» или «Ты не можешь себя винить». Она все хорошо понимала.

У меня было желание попытаться объяснить ей, что значит отказаться от спиртного. Я хотел рассказать, как боялся, что без спиртного ждать следующий день покажется бессмысленным. Каждый следующий день был лишь еще одним пустым днем, днем без выпивки. Иногда, когда мне становилось особенно худо, я начинал думать, что поиски Странника, возможно, служили способом заполнить унылую пустоту дней и не дать себе пойти под откос.

Потом она уснула, а я лежал и думал о Лютис Фонтено и человеческих телах, превращенных в художественные произведения. Так и размышлял, пока сон не сморил меня.

В ту ночь я спал плохо. Накануне меня взвинтил разговор с Вулричем, и раздражение давало о себе знать. А еще мне настойчиво снилась темная вода. Утром я завтракал в одиночестве, а перед этим мне стоило большого труда отыскать номер «Нью-Йорк таймс». Судя по продолжительности моих поисков, это был едва ли не единственный экземпляр в округе. Потом мы встретились с Рейчел в «Кафе дю Монд» и пошли через Французский рынок. Мы побродили между палатками с футболками, компакт-дисками и дешевой кожгалантереей и оказались среди пестрого изобилия фермерского рынка. Орехи-пеканы напоминали темные глаза. Морщились бледные головки чеснока, а темная мякоть арбузов притягивала взгляд, как открытая рана. Белоглазые рыбины лежали во льду рядом с хвостами лангустов; креветки без голов соседствовали с «аллигаторами на стойках» и тушками детеныши крокодилов, похожих на почерневшие бананы. Прилавки ломились от баклажанов, сладкого лука, итальянских томатов и спелых авокадо.

А сто лет назад на эту территорию приходилось два квартала, тянувшихся вдоль берега реки. Местечко отличалось дурной славой: скопище борделей и кабаков-притонов, где крутого нрава мужчины проводили время с женщинами себе под стать. Всякий, кто забредал в эти края без пистолета в кармане, совершал роковую ошибку.

Давно исчезло с карты это злачное место. Теперь здесь полно туристов, рыбаки-кейджаны из Лафайета привозят сюда на продажу свой улов, а воздух пропитан густым пьянящим запахом Миссисипи. Так складывался и развивался город: возникали улицы, открывались, а потом, столетия спустя, исчезали бары; дома сносили, или их уничтожал пожар, а на их месте поднимались другие строения. Изменения происходили, но прежним оставался дух города. В это душное сырое утро, он, казалось, копился под облаками, чтобы дождем пролиться на них.

Вернувшись в гостиницу, я нашел дверь в свой номер полуоткрытой. Я дал знать Рейчел прижаться к стене и достал «смит-вессон». Чтобы не скрипнули ступени, поднимался я по ним у самого края. Мне вспомнился свист пуль у самого уха и слова Рики: «Привет от Джо Боунза». Я подумал, что, если это Джо Боунз снова собирается передать мне привет, я пошлю его с этим приветом прямиком в ад.

Я прислушался, но изнутри не доносилось ни звука. Если бы там работала горничная, слышен был бы хоть какой-нибудь шум: она бы напевала или слушала переносное радио, так что горничная, если она и находилась в моем номере, в этот момент спала или беззвучно парила над полом.

Я с силой толкнул дверь плечом и вскочил в комнату с пистолетом наготове. Мой взгляд облетел комнату и уткнулся в Леона, преспокойно сидевшего в кресле у балкона. Он лениво листал мужской журнал «GQ», оставленный у меня Луисом. Глядя на Леона, не верилось, что он привык делать покупки по рекомендациям такого журнала. Леон посмотрел на меня даже с большим равнодушием, чем на журнал. Его поблескивающий из-под складки кожи глаз напоминал краба, выглядывающего из панциря.

— Так и пулю схватить недолго, — вместо приветствия заметил я.

— Да пусть хоть камни падают — мне наплевать, — невозмутимо откликнулся Леон.

Он отшвырнул на пол журнал и уставился мимо меня на Рейчел: она вошла в комнату следом за мной. Появление девушки не вызвало у Леона даже искры интереса. Я уже стал

подумывать, что этот Леон давно покойник, только ни у кого не хватает духу ему об этом сказать.

— Она со мной, — объяснил я на всякий случай.

И тут Леон как будто проснулся.

— Сегодня вечером в десять. Жди со своим другом на перекрестке у Стархилл. Приведешь еще кого-нибудь — пеняй на себя: Лайонел продырявит вас обоих.

Он поднялся и направился к двери. Отступая в сторону, чтобы его пропустить, я сложил пальцы пистолетом и «выстрелил». В то же мгновение в руках Леона мелькнули две молнии, и у моих глаз оказалось два острых, как иглы, ножа. В рукавах обожженного виднелись вершины пружинных устройств. Теперь мне стало ясно, почему Леон казался таким спокойным без пистолета.

— Впечатляет, — сказал я, — но это смешно, пока оба глаза на месте.

Мне показалось, что мертвый взгляд искалеченного глаза Леона проник мне в душу, чтобы сгноить ее и обратить в прах. А когда он ушел, я не слышал его шагов на галерее.

— Это один из твоих друзей? — поинтересовалась Рейчел.

Я вышел из комнаты и оглядел уже пустой двор.

— Да уж, только его мне в друзья и не доставало.

Луис с Эйнджелом завтракали поздно. Когда они вернулись, я постучал к ним в номер.

— Кто там? — откликнулся Эйнджел несколько мгновений спустя.

— Это Берд. Вы оба в приличном виде?

— Черт, надеюсь. Входи.

Луис в постели читал «Таймс пикейун». Голый Эйнджел, прикрывшись полотенцем, сидел рядом.

— Полотенце ради меня?

— Боюсь, вдруг твоя ориентация пострадает.

— Ну да, только я, скорее, не спутаю ее, а потеряю ее остатки.

— Очень остроумно для парня, который спит с психологом. Почему бы тебе не платить просто по восемьдесят баксов за час, как поступают все?

Луис оторвался от газеты и окинул нас скучающим взглядом. Может быть, они с Леоном были в дальнем родстве?

— Меня только что навестил парень Фонтено, — объявил я.

— Наверно, красавчик?

— Он самый.

— Мы в деле?

— Сегодня в десять. Тебе стоит забрать свое имущество и вооружиться поосновательнее.

— Я пошлю своего парня, — Луис под простынями лягнул Эйнджела.

— Я что, мальчик на побегушках?

— Он самый, — подначил Луис.

— Отвечать не буду, это ниже моего достоинства, — продолжал разыгрывать обиженного Эйнджел.

— Для парня с полотенцем на причиндалах у тебя достоинства через край, — заметил Луис, возвращаясь к газете.

— Но полотенце-то большое, — фыркнул Эйнджел.

— Да уж, сколько места даром пропадает.

Я оставил их препираться и вернулся к себе. Рейчел стояла у стены, скрестив руки, и хмурилась.

— Ну, что дальше? — она начинала сердиться.

— Мы снова едем к Джо Боунзу.

— И Лайонел Фонтено его убьет, — выпалила она. — Он ничуть не лучше Джо Боунза Ты с ним, потому что это выгодно тебе. А что произойдет, когда Фонтено его убьет? Что-нибудь изменится к лучшему?

Я не ответил, но прекрасно понимал, как дело пойдет дальше. На рынке наркотиков произойдет некоторое замешательство, после того как Фонтено пересмотрит или расторгнет сделки. Взлетят цены, и появятся трупы, когда те, кто посчитает себя достаточно сильными, бросят вызов Лайонелу, и он в живых их не оставит, в этом я не сомневался.

Рейчел была права. Я встал на сторону Фонтено из корыстных соображений. Джо Боунз знал что-то о том, что случилось в ночь убийства тетушки Марии, и это «что-то» могло, пусть на шаг, приблизить меня к убийце моей жены и дочери. И ради того, чтобы это узнать, я был готов присоединиться к Фонтено этой ночью.

— И рядом с тобой будет Луис, — тихо проговорила Рейчел. — Господи, до чего же ты дошел!

* * *

Позднее я отправился в Батон-Руж и убедил Рейчел поехать со мной. Между нами словно кошка пробежала. Рейчел, подперев щеку, уставилась в окно и ехала так почти всю дорогу. Молчали мы до разъезда 166, направляясь в сторону университета штата Луизиана, неподалеку от которого находился дом Стейси Байрон. И тогда я заговорил, чтобы прояснить ситуацию и разрядить атмосферу.

— Рейчел, чтобы найти убийцу Сьюзен и Дженнифер, я сделаю то, что должен. Мне это необходимо, иначе у меня внутри все умрет.

Она ответила не сразу, мне даже стало казаться, что она совсем не заговорит.

— Ты уже умираешь внутри, — она по-прежнему смотрела в окно, и мне были видны в стекле отражения ее глаз, следивших за меняющимися пейзажами. — Твоя готовность во всем этом участвовать тому свидетельство.

— Берд, я тебе не судья, — за всю дорогу она впервые посмотрела на меня, — и не голос совести. Но ты мне не безразличен, и я не могу сейчас разобраться в своих чувствах. Одну половину меня тянет уйти и не оборачиваться, но другая желает остаться с тобой, и ей это необходимо. Я хочу, чтобы все закончилось, хочу все прекратить для общего блага, — она снова отвернулась, оставляя меня размышлять над ее словами.

Стейси Байрон жила в небольшом белом доме, обшитом вагонкой с выкрашенной в красный цвет дверью. Краска на доме местами облупилась. Недалеко находились торговый центр с большим супермаркетом, фотоателье и круглосуточная пиццерия. В этом районе, прилегающем к территории университета, основную часть населения составляли студенты. В некоторых домах первые этажи занимали магазины, где продавались подержанные компакт-диски и книги или длинные балахоны в стиле хиппи и огромные соломенные шляпы. Мы миновали дом Стейси Байрон и остановились у фотоателье. Почти у самого ее дома стоял синий автомобиль, в котором спереди сидели двое мужчин и, как видно,

изнывали от скуки. Парень на водительском месте, посасывая карандаш, задумался над кроссвордом: сложенная вчетверо газета лежала на руле. Его напарник, уставившись на дверь дома Стейси, выстукивал какую-то мелодию на приборной доске.

— Кто это? ФБР? — спросила Рейчел.

— Может быть. Но, скорее всего, местные полицейские. Работа нудная и неблагодарная.

Мы некоторое время наблюдали за ними, потом Рейчел включила радио, и мы слушали, как сменяют друг друга «Раш», «Стикс», Ричард Маркс.

— Ты пойдешь в дом? — поинтересовалась Рейчел.

— Может быть, обойдется без этого, — я кивнул в сторону дома. Оттуда вышла Стейси Байрон в белом обтягивающем платье с плетеной корзинкой на руке и направилась в нашу сторону. Ее белокурые волосы были собраны сзади в хвост. Она кивнула парням в машине. Они бросили монету и тот, кто сидел рядом с водителем, вылез из машины. Он был среднего роста, и наметившееся брюшко уже проступало сквозь пиджак. Он потянулся, разминая ноги, и двинулся к торговому центру вслед за Стейси.

Выглядела она очень неплохо, хотя короткое платье слишком плотно обтягивало бедра, врезаясь в тело под ягодицами. Сильные тонкие руки покрывал ровный загар, а походку отличала грация зрелой женщины. У дверей супермаркета пожилой мужчина едва не сбил ее с ног, но она гибким движением избежала столкновения.

Я почувствовал тепло на щеке и повернулся к Рейчел: это она легонько дула на меня.

— Эй, — на ее губах появилась легкая улыбка, первый раз после того, как мы покинули Новый Орлеан, — как не стыдно сидеть рядом с одной женщиной и пускать слюни, глядя на другую.

— Никаких слюней, это наблюдение, — уточнил я, когда мы выходили из машины.

Я не очень отчетливо представлял себе, зачем приехал, но мне захотелось самому поговорить со Стейси, после того как Вулрич упомянул во время нашей встречи ее интерес к искусству. Мне хотелось также, чтобы и Рейчел ее увидела. Я не знал, как нам завязать разговор с этой женщиной, но надеялся, что ситуация сама подскажет решение, что чаще всего и происходит в подобных случаях.

Стейси без видимой цели не спеша бродила по проходам между стеллажами. Она брала то один товар, то другой, читала этикетки и возвращала взятое на место. Полицейский сначала держал дистанцию в десять футов, потом она возросла до пятнадцати, и тут его внимание привлекли какие-то журналы. Он подошел к кассе, откуда мог просматривать проходы и ограничил свою опеку Стейси Байрон тем, что время от времени бросал взгляды в ее сторону.

Мое внимание привлек темнокожий молодой человек в белой куртке и белом колпаке с зеленой каймой, раскладывавший упаковки с мясом. Когда поднос опустел, он вычеркнул название продукта из списка на дощечке с зажимом и удалился из торгового зала через дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Я оставил Рейчел наблюдать за Байрон, а сам отправился вслед за парнем. Входя, я едва не сшиб его дверью, рядом с которой он присел на корточки, собираясь взять очередной поднос. Он посмотрел на меня с недоумением.

— Эй, сюда нельзя, — сказал он.

— Ты сколько получаешь в час?

— Пять долларов двадцать пять центов. А тебе зачем?

— Я дам тебе пятьдесят баксов, если ты на десять минут уступишь мне свою куртку и

ЭТОТ СПИСОК.

— Шестьдесят, — после недолгого раздумья решил он. — И, если спросят, я скажу, что ты все это украл.

— По рукам, — не стал торговаться я, и, пока он разоблачался, я отсчитал ему три двадцатки. Куртка немного жала в плечах, но я не стал ее застегивать, чтобы было не так заметно.

— Эй, — остановил меня он, когда я уже собирался выйти в зал. — Гони еще двадцатник, и можешь взять колпак тоже.

— За двадцать баксов я тебе их сам куплю кучу, — ответил я. — Иди пока, спрячься в туалете.

Стейси Байрон я нашел у полок с туалетными принадлежностями, и недалеко от нее Рейчел.

— Извините, мадам, — можно задать вам пару вопросов?

Вблизи она выглядела значительно старше: под скулами проступала сеточка лопнувших сосудов, тонкие лучики морщинок разбегались от глаз, и глубокие борозды морщин залегли у рта. Осунувшееся лицо выглядело усталым, но к усталости прибавлялся еще и страх. Она явно была напугана, причем очень сильно.

— Нет, не думаю, — она изобразила улыбку и попыталась меня обойти.

— Это касается вашего бывшего мужа.

Она остановилась и оглянулась, ища глазами свой эскорт.

— Кто вы?

— Я — следователь. Что вам известно об искусстве эпохи Возрождения, миссис Байрон?

— Не понимаю, к чему этот вопрос?

— Вы же учились в колледже, разве не так? Вам знакомо имя Валверде? Ваш муж когда-нибудь его упоминал? Так называл он его вам или нет?

— Не знаю, о чем вы. Прошу вас. Оставьте меня.

Она попятилась, зацепила несколько баллонов с дезодорантом, и они с громким стуком посыпались на пол.

— Миссис Байрон, вы слышали что-нибудь о Страннике?

В глазах ее заметался страх, и в этот момент за моей спиной послышался свисток. Я обернулся и увидел спешившего к нам по проходу толстяка-полицейского. На Рейчел он не обратил внимания, и она заторопилась к выходу, где мы оставили машину. Я тоже не терял времени и нырнул в подсобку. Там я быстро сбросил куртку и через черный ход вышел на стоянку, запруженную грузовиками с товарами. Обогнув торговый центр, я вышел к машине. Рейчел уже успела завести мотор. Мы не поехали мимо дома Стейси Байрон, а свернули направо. Я пригнулся, когда мы отъезжали, но заметил в боковое зеркало, как толстяк-полицейский вертит головой по сторонам и говорит по телефону. Рядом с ним стояла Байрон.

— Ну, и что тебе это дало? — спросила Рейчел.

— А ты видела ее глаза, когда я заговорил о Страннике? Ей точно знакомо это имя.

— Да, что-то она знает, — согласилась Рейчел. — Но она могла услышать о нем и от полицейских. У нее такой испуганный вид.

— Возможно, она боится, но что ее так напугало — вот в чем вопрос.

Вечером того же дня Эйнджел снял на «Таурасе» дверцы, и в открывшемся пространстве мы укрепили автоматы «calico» и магазины к ним. Затем дверцы вернулись на место. У себя в номере я почистил и зарядил свой «смит-вессон», а Рейчел сидела и молча наблюдала за мной.

Отправив пистолет в наплечную кобуру, я надел поверх черной футболки с черными джинсами черную же кожаную «летнюю» куртку. В сочетании с черными башмаками я выглядел в этом наряде вылитым вышибалой из ночного кабака.

— Песенка Джо Боунза спета. Я не смог бы спасти его, даже если бы сильно захотел. Когда в Мэтери у него дело не выгорело, он мог сразу записать себя в покойники.

— Я приняла решение, — заговорила Рейчел. — Через день-два меня здесь не будет. Я больше не могу участвовать во всем этом. В том, что делаешь ты. Мне хватит того, что сделала я.

Она даже не взглянула на меня, а я не нашел, что ей сказать. Она была права, но ее слова не звучали как нравоучение. В Рейчел жила своя боль, и я чувствовал это каждый раз, когда мы любили друг друга.

У машины меня поджидал Луис, тоже с головы до ног одетый в черное. Эйнджел напоследок проверил, легко ли снимаются панели.

— Если до трех ночи от нас не будет известий, сразу же уезжай и увози Рейчел, — наставлял я Эйнджела. — Забронируйте номер в отеле «Понтчарт-рейн» и первым утренним рейсом улетайте отсюда. Если дело обернется для нас плохо, я не хочу, чтобы Джо Боунз на вас отыгрался. Что сказать полиции, решите сами.

Эйнджел переглянулся с приятелем и вернулся в гостиницу. А Луис вставил в магнитофон кассету с записью Айзека Хейса, и мы покатали из Нового Орлеана под мелодию «Вперед и только вперед».

— Впечатляет, — одобрил я.

— Вот такие мы, мужики, — кивнул в ответ Луис.

Подъезжая к перекрестку Стархилл, мы увидели Леона. Он стоял, прислонившись к покрытому наростами бугристому стволу дуба. Луис опустил руку, почти касаясь рукоятки торчавшего из-под сиденья пистолета. Я тоже переложил свой «смит-вессон» в отделение для карты на дверце. Мне совсем не нравилось видеть в условленном месте одного Леона.

Я сбавил скорость и свернул на неширокое ответвление дороги, проходившее мимо дуба. Обожженный не подал вида, что заметил нас. Я выключил мотор, и мы остались ждать, пока Леон проявит себя. Он положил руку на рукоятку пистолета.

Мы переглянулись с Луисом. Я пожал плечами, вышел из машины и прислонился к открытой дверце с припрятанным в ней «смит-вессоном». Луис также вышел из машины и слегка потянулся, показывая Леону, что в руках у него ничего нет. Затем он тоже прислонился к машине. Я заметил, что его пистолет переместился на сиденье.

Леон наконец отлепился от дуба и двинулся к нам. Из-за деревьев вокруг выступили

другие фигуры. Пятеро мужчин с автоматами через плечо и ножами за поясом обступили машину.

— Руки на машину, — приказал Леон.

Я не шевельнулся. Со всех сторон защелкали предохранители.

— Не повернетесь — вы покойники, — предупредил Леон.

Я выдержал его взгляд, затем спокойно повернулся и положил руки на крышу. Луис последовал моему примеру. Со своего места Леону был виден пистолет на сиденье пассажира, но его это, похоже, не интересовало. Он ощупал с ног до головы меня, затем Луиса, проверяя, нет ли на нас «жучков», и отошел в сторону.

— Машину оставьте здесь, — продолжал распоряжаться Леон. Вслед за его словами чуть поодаль мигнули фары, послышался шум моторов, и из-за шеренги деревьев выехали коричневого цвета «додж-седан» и зеленый «ниссан-патрол», а за ними показался пикап, груженный тремя челноками. Если за домом Фонтено велось наблюдение, наблюдателю срочно требовалось зайти к окулисту: только слепой мог не заметить таких масштабных приготовлений.

— Мы хотели бы кое-что захватить из машины, — объявил я Леону. Он кивнул и стал наблюдать, как я достаю из-за панелей миниавтоматы. Луис взял два магазина и один протянул мне. Я передернул затвор и проверил предохранитель. Луис засунул второй магазин в карман куртки и бросил мне запасной.

Мы сели в «додж» на заднее сиденье. Двое отогнали нашу машину за деревья, а затем прыгнули в «ниссан». Леон уселся рядом с водителем, дал сигнал отправляться. Мужчине за рулем на вид перевалило за пятьдесят, на спине его лежал длинный хвост седых волос. Две другие машины держались на расстоянии от нас, чтобы не возбудить подозрения на случай встречи с полицией.

Мы проехали вдоль границы Восточной и Западной Фелицианы, оставляя справа ручей Томпсон Крик, и остановились у съезда, ведущего к берегу. На самом берегу стояли еще две машины: старого образца «плимут» и еще более древний «фольксваген-жук». Рядом на траве лежали еще два челнока. Рядом с «плимутом» я увидел Лайонела Фонтено в синих джинсах и синей рабочей рубашке. Он бросил взгляд на наши автоматы, но ничего не сказал.

Всего нас было четырнадцать человек. Основная масса имела на вооружении пистолеты «хеклер», у двоих были винтовки М16. Мы разместились по четверо в каждом челноке, а в лодке поменьше возглавляли нашу флотилию Лайонел и водитель «доджа». Нас с Луисом раздели и вручили нам весла. В таком порядке мы направились вверх по реке.

Плыли мы минут двадцать, и все это время держались вблизи западного берега. И вот наконец на фоне ночного неба возникла темная масса дома. Я увидел мерцающий в окнах свет и заметил маленькую пристань с пришвартованным у нее моторным катером. Вокруг дома Джо Боунза царила темнота.

Впереди раздался тихий свист, и старшие в лодках подняли руки, приказывая остановиться. Мы ждали под прикрытием деревьев, склонившихся до самой воды. На пристани вспыхнул огонек и осветил лицо прикуривавшего охранника. Впереди я услышал негромкий всплеск, и выше на берегу заухала сова. На фоне залитой лунным светом воды я видел, как охранник идет по причалу, шаркая башмаками по доскам. Вдруг за его спиной выросла темная фигура, и узор из лунных бликов на воде был нарушен. Сверкнуло лезвие ножа, сигналом бедствия мелькнул в темноте красный огонек падающей сигареты, в то время как охранник рухнул на землю. Затем его тело без малейшего всплеска опустили в

воду.

Седой со стянутыми в хвост волосами подждал на причале, пока мы бесшумно шли на веслах вдоль поросшего травой берега. Наконец мы причалили и вытащили лодки на сухое место. Берег шел на подъем, и за ним начиналась лужайка, зеленое однообразие которой не нарушали ни цветы, ни деревья. Ковер зелени подходил к дому с задней стороны, дальше ступени вели во внутренний дворик, куда выходили стеклянная двустворчатая дверь и галерея второго этажа, в точности повторявшая такую же со стороны фасада. Я уловил движение на галерее и услышал голоса во дворике. Впереди находились не менее трех охранников.

Лайонел поднял два пальца и дал сигнал двум своим людям слева от меня. Пригибаясь, они осторожно направились к дому. Когда нас уже разделяло ярдов двадцать, дом и лужайку залило море слепящего, света. Двое людей Фонтено оказались в перекрестии прожекторов, и с галереи по ним открыли автоматный огонь. Один из них завертелся на месте и упал: кровь раскрасила его рубашку алыми цветами. Его товарищ метнулся под прикрытие металлического стола — части гарнитура садовой мебели, который наполовину загорался выступающий берег.

Дверь во дворик распахнулась, и из нее темным потоком устремились люди. На галерее к охраннику присоединились еще двое, и они принялись поливать огнем лужайку перед нами. По углам дома также замелькали вспышки: это охранники торопились обойти нас с флангов.

Лайонел рядом со мной зло выругался от досады. Нас частично защищала крутизна берега, однако стрелки на галерее выбирали позицию, чтобы нас достать. Кое-кто из людей Фонтено пробовал открыть ответный огонь, но только выдавал себя стрелкам на галерее. Пуля попала в плечо мужчине лет сорока с резкими чертами лица и ртом, напоминавшим щель. Он глухо застонал, но продолжал стрелять, хотя рубашка его быстро краснела от крови.

— Отсюда до дома ярдов пятьдесят, — сказал я Лайонелу. — Нас пытаются обойти с флангов. Если мы сейчас не выступим, нам конец.

Фонтанчик земли взметнулся рядом с левой рукой Фонтено. Одному из людей Джо Боунза удалось подобраться со стороны фасада почти к самому берегу. Из-за металлического стола на лужайке грянули два винтовочных выстрела, и шустрый охранник скатился в реку.

— Дай знак своим приготовиться, — прошипел я. — Мы вас прикроем.

Приказ передали по цепи.

— Луис! — крикнул я. — Ты готов попрактиковаться?

Мне махнула фигура через два человека от меня, и вслед за этим заговорил автомат. На галерее дернулся и завертелся под девятимиллиметровыми пулями один из охранников. Я подвинул переключатель на спусковой скобе до упора вперед и ударил очередью поперек дворика. Стекло двери брызнуло осколками, и по ступенькам на траву скатился охранник и остался неподвижным. Люди Фонтено выскочили из укрытия и ринулись вперед через лужайку, стреляя на ходу. Я переключил регулятор на одиночную стрельбу и сосредоточил внимание на восточной стороне дома, вынуждая стрелков искать укрытия. От удара пуль из деревянных стен дождем сыпались щепки.

Люди Фонтено уже достигли дворика, как вдруг двоих сразили выстрелы из разбитых стеклянных дверей. Луис дал очередь по комнате за ними, и в следующую минуту нападающие пересекли дворик и ворвались в дом. Стрельба доносилась уже изнутри. Мы с

Луисом поднялись с земли и бросились через лужайку к дому.

Слева от меня покинул свое укрытие, собираясь присоединиться к нам, парень, скрывавшийся за металлическим столом. Но стоило ему появиться, как откуда-то со стороны вылетело что-то темное и огромное и с низким свирепым ревом взметнулось в прыжке, словно отпущенная пружина. Ударом в грудь бурбуль сбил парня с ног и придавил могучим телом к земле. Тот успел только раз крикнуть с отчаянием обреченного, колотя пса по голове, но мощные челюсти сомкнулись, и зверь остервенело дернул головой, перерывая ему глотку.

Пес поднял голову, заметил моего напарника, и глаза его блеснули злобой. Ствол автомата Луиса метнулся в его сторону, но в ту же секунду бурбуль молнией взвился в воздух, заслонив на миг своей тушей звезды. Луис успел достать его в полете, в самой верхней точке прыжка. Чудовищный зверь дернулся всем телом и, хрустнув костями, рухнул на траву всего в нескольких шагах от нас. Из пасти его текла кровь, но он яростно щелкал зубами и рвал когтями землю. Луис продолжал стрелять, пока тело пса не замерло окончательно.

Я уловил движение у западного угла дома, в это время мы почти добежали до ступенек. Сверкнула вспышка, и Луис вскрикнул от боли. Выронив автомат, он прыгнул к ступенькам, придерживая раненную руку. Я выстрелил трижды, и охранник упал. За мной бежал один из людей Фонтено, посылая одиночные выстрелы из винтовки М16. Он достиг угла дома и опустил ружье. Я видел, как он притаился, и лунный свет блеснул на лезвие его ножа. Из-за угла сначала высунулся короткий ствол автомата «шгайр», а за ним показалось лицо одного из людей Джо Боунза. Я вспомнил, что он подъезжал на мототележке к воротам во время нашего предыдущего визита к Боннано. Воспоминание промелькнуло также быстро, как вонзившийся в его шею нож. Из перерезанных артерий ударил темно-красный фонтан, и он свалился на землю. Человек Фонтено выстрелил на всякий случай в сторону фасада.

Я присоединился к Луису. Он рассматривал правую руку. Пуля попала в кисть с тыльной стороны ладони и оставила глубокую рану, был также поврежден сустав указательного пальца. Во дворике распластавшись, лежал убитый охранник. Я оторвал лоскут от его рубашки и перевязал Луису руку, потом подал ему автомат. Он перекинул ремень через голову и пристроил к курку средний палец, а в левую руку взял пистолет.

— Самое время найти Джо Боунза, — кивнул он мне, вставая.

Вход с дворика вел в столовую. За обеденным столом могло легко уместиться человек восемнадцать. Теперь он, как оспинами, был изрыт следами от пуль. На стене висел портрет, изображавший всадника, по виду южанина времен Гражданской войны. Картина была прострелена в том месте, где находилось брюхо лошади. Разбитую стеклянную витрину заполняли осколки хранившейся в ней коллекции старинных декоративных тарелочек из фарфора. Здесь лежало двое убитых, один из них — седой водитель «доджа».

За столовой находился просторный коридор, устланный ковром, и белая гостиная с люстрами. Оттуда витая лестница вела на второй этаж. Другие выходящие в коридор двери стояли открытые, но из-за них не доносилось ни звука, а сверху слышалась непрерывная стрельба. Мы направились к лестнице. У ее основания с ужасной раной в голове лежал в одних пижамных брюках человек Джо Боунза.

Наверху двери шли в ряд: и справа и слева. Как видно, люди Фонтено успели очистить большинство комнат, но теперь их продвижению мешал огонь из двух комнат на западной стороне дома. Одна из них выходила окнами на реку, и дверь ее уже изрешетили пули, а

вторая, угловая, — в сад.

На наших глазах из укрытия в нише к двери угловой комнаты бросился человек в синем комбинезоне. В одной руке он держал топорик, а в другой — трофейный автомат. Сквозь дверь по нему открыли стрельбу, и он повалился на пол, держась за ногу.

Я скользнул в нишу, где на полу среди черепков лежали в луже воды розы на длинных стеблях. Оттуда я дал очередь по двери угловой комнаты. В тот же момент двое людей Фонтено, низко пригибаясь, устремились вперед. Луис напротив меня выстрелил в полуоткрытую дверь комнаты с окнами на реку. Я перестал стрелять, когда люди Фонтено достигли двери и ринулись внутрь. Из комнаты раздалось два выстрела. Затем, вытирая о брюки нож, на пороге появился один из штурмовавших комнату. Это был Лайонел Фонтено. За ним тенью следовал Леон. Они заняли позиции по обеим сторонам двери последней комнаты. К ним присоединились еще шестеро.

— Все кончено, Джо, — крикнул Лайонел. — Пора завершить дело.

Два выстрела прошили дверь. Леон поднял автомат и приготовился ответить, но Лайонел отвел его руку и посмотрел на меня. Я вышел вперед и ждал, стоя за Леоном. Лайонел пнул дверь и прижался к стене, уклоняясь от очередных выстрелов. Потом послышался характерный пустой щелчок, такой же окончательный и бесповоротный, как стук закрывающейся крышки гроба.

Первым внутрь вошел Леон. Автомат в его руках сменили ножи. Стены комнаты Джо Боунза были усеяны выбоинами от пуль. Сквозь разбитое окно веял ветер, и белые занавески метались, подобно разгневанным призракам. У дальней стены лежала мертвая блондинка, которую я видел с Джо Боунзом в начале недели. На белой рубашке у левой груди алело кровавое пятно.

Джо Боунз стоял у окна в красном шелковом халате с бесполезным «кольцом» в опущенной руке, но глаза его сверкали, и шрам над губой побелел от гнева.

— Давай же, убей меня, ты, ублюдок, — прошипел он Лайонелу, швыряя на пол револьвер. — Убей, если осмелился на это.

Лайонел прикрыл за нами дверь в тот момент, когда Джо Боунз повернулся, чтобы посмотреть на женщину.

— Спрашивай, — сказал, обращаясь ко мне, Лайонел.

Джо Боунз, казалось, ничего не слышал. Неподдельное горе отразилось в его глазах, когда он прослеживал взглядом каждую черточку в лице убитой женщины.

— Восемь лет, восемь лет она была рядом, — тихо, как бы про себя сказал он.

— Спрашивай, — повторил Лайонел Фонтено.

Я выступил вперед. Джо Боунз обернулся, и в глазах его не осталось и следа от печали.

— Ну что, безутешный вдовец, явился? А своего дрессированного черномазого прихватить не забыл? — с издевательской ухмылкой спросил он.

Я с силой ударил его в лицо, и он отступил назад.

— Джо, я не могу спасти тебя. Но, если ты мне поможешь, может быть, все кончится для тебя скорее. Скажи, что видел Ремарр в ночь гибели Агуиллардов.

Он провел рукой по разбитой губе, пачкая кровью щеку.

— Ты понятия не имеешь с чем связался. Ни черта ты не знаешь! Тебе не добраться до самого дна: глаза от глубины лопнут.

— Джо, он убивает женщин и детей. Он снова собирается убивать.

Подобие усмешки появилось на его лице, а шрам кривился на полных губах, как

трещина на зеркале.

— Ты убил мою женщину, а теперь собираешься и меня прикончить, все равно, что я тебе скажу. Какой тут может быть торг? — проговорил он.

Я бросил взгляд на Лайонела Фонтено. Он едва заметно отрицательно покачал головой.

— Вот, сам видишь, — уловил этот жест Боунз. — Торговаться нам не о чем. Ты можешь предложить мне всего лишь немного меньше боли. Но к боли мне не привыкать.

— Он убил одного из твоих людей, Тони Ремарра.

— Тони наследил в доме черномазой. Он вел себя неаккуратно и получил по заслугам. А твой парень сослужил мне хорошую службу: мне не пришлось самому возиться со старой сукой и ее сучонком. При встрече пожму ему руку.

Джо Боунз вдруг широко улыбнулся. И улыбка его напоминала проблеск солнца сквозь темную едкую мглу. Его так долго преследовали мысли о смеси кровей текущих в его жилах, что он перешел границы обычных представлений о гуманности и сострадании, любви и горе. В своем красном шелковом халате он выглядел как рана на ткани времени и пространства.

— Вы встретитесь в аду, — пообещал я.

— А еще я встречу там с твоей сучкой и позабавлюсь с ней вместо тебя.

Он смотрел на меня пустыми глазами, и дух смерти витал над ним, как сигаретный дым. Стоявший за моей спиной Лайонел открыл дверь, и в комнату тихо вошли остальные его люди. И, когда я увидел их всех вместе в искореженной спальне, мне стало ясно, насколько велико сходство между ними. Лайонел придержал дверь для меня.

— Это дело семейное, — объяснил он мне, когда я выходил. Дверь за мной захлопнулась с сухим клацаньем, напоминающим стук костей.

После того как Джо Боунз встретил свою смерть, мы снесли на лужайку перед домом всех убитых из числа людей Фонтено. На траве лежали рядом пять изломанных смертью тел. Ворота открыли, и к дому быстро подъехали «додж», «фольксваген» и грузовик-пикап. Бережно, но быстро трупы были погружены в багажники машин. Раненым помогли занять места сзади. Челноки облили бензином, подожгли и пустили по реке.

Мы выехали со двора и не останавливались до перекрестка у Стархилл, где осталась наша машина. Три черных «эксплорера» ждали нас с притушенными фарами, и двигатели их работали на холостом ходу. Я вспомнил, что видел их на площади у дома Фонтено в его владениях в Делакура. Леон плеснул бензин в старые легковые автомобили, на которых мы приехали, и грузовик-пикап. Тела убитых достали из багажников, завернули в брезент и уложили на задние сиденья двух джипов. Мы с Луисом молча наблюдали.

Когда зарокотали моторы джипов, готовых отправиться в путь, Леон швырнул зажженную ветошь на обреченные машины. К нам с Луисом подошел Лайонел Фонтено и, стоя рядом, смотрел, как они полыхают. Затем он достал из кармана маленькую записную книжку в зеленом переплете и записал номер телефона.

— Этот человек обрабатывает руку вашего друга. Ему можно доверять, — проговорил Лайонел, подавая мне вырванный листок.

— Лайонел, он знал, кто убил Лютис, — сказал я.

Лайонел согласно кивнул.

— Он так и не сказал, кто это был, даже в самом конце, — он потер указательным пальцем свежий порез на правой ладони, выковыривая из раны грязь. Я слышал, федералы рыщут вокруг Батон-Руж. Им нужен тип, что работал одно время в Нью-йоркской больнице.

Я опешил от неожиданности, и Лайонел улыбнулся, видя мое изумление.

— Если знать места, в протоках можно прятаться очень долго. Федералы могут и не найти его, но мы найдем, — он сделал широкий жест с видом короля, представляющего обеспокоенным подданным свои отборные войска. — Мы уже ищем. И найдем. И там все закончится.

Он сел за руль головного джипа, Леон занял место рядом, и они растворились в ночи. Только красные габаритные огни светились в темноте, как брошенные недокурные сигареты или горящие лодки, плывущие по черной воде.

На обратном пути в Новый Орлеан я позвонил Эйнджелу, затем мы заехали в круглосуточно работающую аптеку, и я купил там антисептик и набор для оказания первой помощи. Лицо Луиса блестело от пота, и повязка на руке из белой стала бордовой. В гостинице Эйнджел промыл рану и попытался зашить хирургической нитью. Искалеченный сустав имел устрашающий вид. Луис стиснул зубы, чтобы не стонать. Не обращая внимания на его протесты, я позвонил по указанному телефону. Сонный голос ответил после четвертого гудка, но стоило мне назвать имя Лайонела, как из голоса на другом конце провода сон улетучился мгновенно.

Эйнджел повез Луиса к врачу, а я подошел к двери Рейчел и остановился в нерешительности. Я знал, что она не спит: после моего звонка Эйнджел разговаривал с ней, и я чувствовал, что она не уснула. Так и не решившись, я повернул было к своему номеру, но тут ее дверь открылась. Она стояла на пороге в рубашке, почти доходившей ей до колен. Словно боясь запачкаться, она отступила в сторону, пропуская меня.

— Вижу, ты все еще цел и невредим, — вместо приветствия проговорила она без особой радости в голосе.

Я чертовски устал и насмотрелся крови до тошноты. Мне очень хотелось окунуть лицо в ледяную воду. А еще меня жутко тянуло выпить, даже язык распухло от этого. И вернуть ему первоначальный вид могла и порция пива с инеем по ободку и порция хорошего виски. Когда я заговорил, мой голос напоминал хрипы умирающего.

— Да, я цел и невредим, а другим повезло меньше. Луису пулей разворотило кисть. Много людей убито в том доме. Джо Боунз, большая часть его людей, его женщина.

Рейчел отвернулась и отошла к балконному окну. В комнате горела только ночная лампа, отбрасывая тени на рисунки, утаенные от Вулрича и вернувшиеся теперь на свои места. Из полутьмы выступили лишенные кожи руки и лица мужчины и женщины.

— И что тебе удалось узнать ценой этого побоища?

Это был хороший вопрос. И, как обычно, на хороший вопрос не нашлось такого же хорошего ответа.

— Ничего, за исключением того, что Джо Боунз предпочел умереть мучительной смертью, но не рассказал то, что знал.

— И что же ты собираешься делать дальше?

Вопросы уже начинали меня порядком утомлять, особенно такие сложные. Я знал, что Рейчел права, и был сам себе противен. Казалось, общение со мной замарало ее. Может быть, мне следовало тогда рассказать ей обо всем, но я смертельно устал, меня крутило и мутило, и, кроме того, она сама уже большей частью все знала.

— Я сейчас отправляюсь спать, — ответил я. — А там видно будет, как и что, — с этими словами я ушел от нее.

На следующее утро у меня разболелись руки. Я оттянул их накануне автоматом, а в довершение всего давало знать ранение, полученное не так давно в Хейвене. Порохом пропахло все: руки, волосы, снятая одежда — комната запахом напоминала поле брани. Не в силах дольше терпеть этот дух, я открыл окно, и в комнату ввалился, как неуклюжий нищий, влажный знойный воздух Нового Орлеана. Надо было проведать Луиса с Эйнджелом.

Рука Луиса была профессионально обработана и перевязана. Врач извлек из раны осколки костной ткани и наложил повязку. Я не стал входить, лишь перекинулся несколькими словами с Эйнджелом у двери. Луиса едва хватило, чтобы открыть и закрыть глаза. Я чувствовал себя виноватым, что дело так обернулось, хотя знал, что они меня ни в чем не винят.

А еще я уловил желание Эйнджела вернуться в Нью-Йорк. Джо Боунз был на том свете а федералы, вопреки сомнениям Лайонела Фонтено, возможно, уже подбирались к Эдварду Байрону. Да и Вулричу много времени не понадобится, чтобы догадаться о нашей причастности к тому, что случилось с Джо Боунзом, особенно если учесть, что у Луиса огнестрельное ранение. Все это я изложил Эйнджелу, и он согласился с тем, что они уедут сразу после моего возвращения, чтобы не оставлять Рейчел одну. Я чувствовал, что для меня все дело как бы затормозилось. Федералы и Фонтено сотоварищи шли по следу Эдварда Байрона, а для меня он оставался таким же далеким, как китайский император.

Я оставил для Морфи сообщение. Мне хотелось знать, что есть у полиции на Байрона. Возможно тогда, его образ приобретет для меня более зримые очертания. Пока же он продолжал оставаться безликим, как и его жертвы, если Байрон вообще был тем самым загадочным убийцей. При поддержке местной полиции федералы могли вести поиск с большей надеждой на успех, чем группа заезжих визитеров из Нью-Йорка, явно переоценивающих свои силы. Я рассчитывал выйти на Странника с другой стороны, но со смертью Джо Боунза нить надежды оборвалась.

Прихватив телефон и томик Рэли, я отправился в кафе «Умамы» на Пойдрас-стрит, где напился кофе сверх всякой нормы и вяло тыкал вилкой бекон и румяный гренок. Когда жизнь загоняет в тупик, Рэли может составить неплохую компанию: «Страдай душа... коль суждено, а миру ложь яви». Что ж, этот человек достаточно испытал, чтобы стоически относиться к превратностям судьбы. Однако этого опыта оказалось, как видно, недостаточно, чтобы сохранить голову на плечах^[7].

Мой сосед по столику поглощал яичницу с ветчиной с сосредоточенным видом никудышного любовника. От потекшего желтка его подбородок приобрел нежную желтизну лютика. Кто-то стал насвистывать «Прекрасную маркизу», но почти сразу отказался от этого занятия, запутавшись в сложностях мелодического рисунка. Негромкое жужжание разговоров смешивалось с тихо лившейся из приемника песенкой и отдаленным сердитым ворчанием медленно движущегося транспортного потока. Снаружи царила обычная для Нового Орлеана влажная духота. Такой день располагает любовников к ссорам, а на детей нагоняет мрачное уныние.

Так прошел час. Я позвонил в следственный отдел Сент-Мартина и выяснил, что Морфи взял выходной, чтобы заняться домом. Делать все равно было нечего, поэтому я расплатился, добавил в бак бензина и снова отправился в сторону Батон-Руж.

Я поймал радиостанцию Лафайета. Ведущий пообещал час, как он выразился, классической креольской музыки. Я остался на этой волне и слушал сменяющие друг друга мелодии, гармонизировавшие с пейзажем за окном.

Наконец я остановился у дома Морфи. С реки задувал ветерок и сухо хлопал листом пластика. Морфи менял облицовку внешней стены с западной стороны дома. Пели на ветру рейки, поддерживающие пластиковые панели: настырный ветер норовил выдернуть их из креплений. Забавлялся ветер и с одним из окон, недостаточно надежно закрепленным, а сетчатая дверь от его порывов стучала о раму, как усталый путник.

Мой оклик остался без ответа. Я обогнул дом, отметив, что дверь черного хода поддерживала открытой половинка кирпича. Я снова крикнул, и голос мой гулким эхом прокатился по центральному коридору. Помещения первого этажа были нежилые, но и наверху стояла тишина. Я достал пистолет и поднялся наверх, по свежеструганым ступеням, приготовленным к покраске. В спальнях никого не оказалось. Дверь ванной стояла открытой, и там было пусто. Возле раковины аккуратно разместились туалетные принадлежности. Я прошелся по галерее и спустился вниз. Но, когда я повернулся и хотел выйти во двор, в шею мне уткнулся холодный металл.

— Брось оружие, — приказал голос.

Я послушно разжал пальцы.

— Теперь поворачивайся, но медленно.

Оружие от шеи моей убрали, я медленно повернулся и увидел перед собой Морфи, а в руках его в нескольких дюймах от моего лица «пистолет» для вкручивания шурупов. Увидев меня, он вздохнул с облегчением и опустил «оружие».

— Черт, как ты меня напугал, — признался он.

— Спасибо тебе пребольшое, — я тяжело опустился на нижнюю ступеньку. Сердце готово было выскочить у меня из груди. — После пяти чашек кофе такой встряски мне только и не хватало.

— Вид у тебя неважный. Поздно лег вчера?

Я посмотрел на него; чтобы проверить, нет ли в его словах подвоха, но он отвернулся.

— Да, что-то наподобие того.

— Новость слышал? Прошлой ночью Джо Боунза порешили вместе с его командой. Самого Боннано здорово искромсали, прежде чем прикончить. Полицейские убедились, что это он, только когда сличили отпечатки, — Морфи сходил на кухню и вернулся с пивом я колой для меня. Я обратил внимание, что кола была без кофеина. Подмышкой у него торчала «Таймс пикейун».

— Ты это видел?

Я взял у него сложенную вчетверо газету. На первой странице внизу бросался в глаза заголовок: «Полиция идет по следу убийцы, совершившего серию ритуальных убийств». В статье сообщались такие подробности смерти тетушки Марии и Ти Джина, которые были известны только лицам, занимающимся следствием. В газете давалось описание положения тел, обстоятельства их обнаружения, характер некоторых ран. Далее выдвигалось предположение, что убийство в Бактауне человека, известного своими связями с главным криминальным авторитетом, имеет отношение к обнаружению тела Лютис Фонтено. Не самое скверное в этой писанине было то, что там говорилось о расследовании полицией Нью-Йорка двух сходных случаев, произошедших там в конце прошлого года. Имена Сьюзен и Дженнифер не назывались, однако анонимный автор статьи, подписавшийся как

«корреспондент «Таймс пикейун»», знал, несомненно, вполне достаточно об этих убийствах, чтобы при желании указать имена жертв.

— Это твои люди разговорились? — я опустил газету. На сердце навалилась тяжесть.

— Не исключено, хотя и сомнительно. Федералы винят в утечке нас. Они наседают на нас с обвинениями в саботаже расследования. — Он отхлебнул пиво и высказался яснее. — Кое-кто подумывает, что все выболтать газетчикам мог ты. — Я видел, что ему неловко говорить это, но взгляд он не отвел.

— Не делал я этого. Если всплывут имена Дженнифер и Сьюзен, меня сразу свяжут со всем, что происходит. А мне совсем ни к чему, чтобы вокруг роились репортеры.

Морфи на минуту задумался и кивнул.

— Мне кажется, ты мыслишь верно.

— С редактором говорили?

— Когда вышел первый выпуск, ему позвонили домой. У нас свобода прессы, и источники информации, что льют на нас дерьмо, защищены законом. Мы не можем заставить его говорить, но... — Морфи крепко потер затылок —...необычно все как-то, странно. Газета высказывается очень осторожно и явно старается не навредить следствию. По-моему, это идет от кого-то, кто очень близко связан со следствием.

Я ненадолго задумался.

— Если они так спокойно публикуют этот материал, значит, уверены в его правдивости и источник у них абсолютно надежный, — заметил я. — Не исключено, что федералы ведут свою игру, — это подтверждало наше предположение, что Вулрич и его компания утаивают кое-что не только от меня, но, возможно, и от следственной группы полиции.

— Нового в этом ничего нет, — заявил Морфи. — Федералам проще удавиться, чем поделиться информацией. По-твоему, они могли сами эту историю подсунуть?

— Но кто-то же это сделал.

Морфи допил пиво и сплюснул банку башмаком. На вешалке висел пояс с инструментами. Он надел его.

— Тебе помочь? — предложил я.

— Сможешь подносить доски и не свалиться?

— Постараюсь.

— Вот и хорошо. В кухне вторая пара рукавиц.

Оставшуюся часть дня я трудился не покладая рук: поднимал, носил, прибивал и пилил. Мы успели заменить большую часть деревянной основы с западной стороны дома. Легкий ветерок весело подхватывал и кружил опилки и стружки. Потом из Батон-Руж вернулась с покупками Эйнджи. Пока мы с Морфи занимались уборкой, она поджарила мясо со сладким картофелем, морковью и рисом, а потом мы ужинали на кухне. Вечер постепенно вступал в свои права, и ветер заключал дом в свои объятия.

Морфи проводил меня до машины. Я уже готов был повернуть ключ зажигания, когда он наклонился к окну и тихо спросил:

— Вчера кто-то приставал к Стейси Байрон. Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Возможно.

— Ты там был. Ты был там, когда убили Джо Боунза?

— Ты не очень-то хочешь знать ответ. Да и у меня нет желания что-либо узнавать о Лютере Борделоне, — ответил я.

Отъезжая, я видел Морфи, стоявшего перед своим недостроенным домом. Затем он

повернулся и возвратился к жене.

* * *

Когда я приехал в гостиницу, Эйнджел с Луисом уже уложили вещи и ждали меня. Они пожелали мне удачи и сообщили, что Рейчел отправилась спать рано. У нее был заказан билет на утренний рейс. Я решил ее не тревожить и отправился в свой номер. Право, я даже не помню, как уснул.

На циферблате моих наручных часов высвечивалось время 8:30, когда кто-то громко и настойчиво стал колотить в дверь моего номера. Я спал крепко и просыпался с таким же трудом, с каким ныряльщик поднимается на поверхность с большой глубины. Я не успел встать с постели, как вдруг выбитая дверь с грохотом влетела внутрь и в лицо мне ударил свет фонарей. Меня грубо подняли на ноги и толкнули к стене. У моего виска оказался пистолет, и тут зажегся верхний свет. Я увидел людей в форме департамента полиции Нового Орлеана, несколько человек в штатском и справа рядом с собой — напарника Морфи Туисана.

А вокруг уже всюду шел обыск. И в этот момент я осознал, что произошло нечто непредвиденное и ужасное.

Мне позволили надеть тренировочный костюм и кроссовки, а потом сковали наручниками. Когда меня вели по гостинице к ожидавшей машине, из своих номеров выглядывали встревоженные постояльцы. Во втором автомобиле сидела бледная, наспех причесанная Рейчел. Я поймал ее вопросительный взгляд и беспомощно пожал плечами, потом меня посадили в машину, и нас под конвоем увезли в полицию.

Допрашивали меня три часа, после чего напоили кофе и снова донимали вопросами. В тесной комнатухе для допросов ярко горел свет и сильно пахло потом и табачным дымом. В одном из углов, где истерлась штукатурка, пятно на стене смахивало на кровавое. Допрос большей частью вели два детектива: Дейл и Клейн. Дейл играл роль сурового напористого следователя, грозился утопить меня в болоте с пулей в голове за убийство полицейского, а Клейну досталась партия чуткого, рассудительного парня, который старается защитить меня от грубости напарника и добиться правдивого признания. Оказывается, и при допросе полицейских оставалась в ходу заезженная модель: «добрый следователь — злой следователь».

Раз за разом я твердил им одно и то же. Я рассказал, как приехал к Морфи, как мы вместе работали, потом ужинали, и поэтому дом был усеян моими отпечатками. Я отрицал, что Морфи передал мне найденные в моем номере полицейские протоколы. И кто дал мне их, я сказать не мог. Только дежурный портье видел, как я вернулся накануне вечером. Ни с кем больше я не разговаривал. Ночью из номера я не выходил, Подтвердить это некому, и так далее в том же духе: нет, нет и нет.

Потом явился Вулрич, и карусель завертелась снова. Опять посыпались вопросы, теперь уже в присутствии агентов ФБР. По-прежнему мне так никто и не объяснил, почему я оказался в полиции и что произошло с Морфи и его женой.

Вернулся Клейн и объявил, что я свободен.

За перегородкой, отделяющей дежурное помещение от основного коридора, с чашкой чая в руках сидела Рейчел. Сыщики вокруг усердно старались ее не замечать. В нескольких

шагах от нее сидевший в зарешеченном боксе костлявый тип с тагуировками на руках нашептывал ей разные гадости.

Появился Туисан. Ему уже перевалило за пятьдесят. Он был полноват и начал лысеть. Сквозь светлые колечки волос проглядывала макушка, как вершина холма среди туманной дымки. Выглядел он паршиво до крайности, и глаза у него были красные-красные. Так же, как и я, он совершенно не вписывался в эту обстановку.

— Мы отвезем вас обратно в гостиницу, мэм, — подал знак Рейчел один из патрульных полицейских.

Она встала. Гнусный тип в клетке за ее спиной похотливо зачмокал, держась за брюки в паху.

— Как ты? — спросил я, когда она проходила мимо.

Она молча кивнула, потом спросила:

— Ты со мной?

— Он приедет позже, — ответил за меня стоявший рядом Туисан.

Рейчел пошла за патрульным, оглядываясь. Я постарался изобразить бодрую улыбку, но получилось это как-то неважнецки, и у меня защемило сердце.

— Пойдем, я отвезу тебя обратно и по дороге напою кофе, — пообещал Туисан, когда мы выходили из участка.

Мы заехали в кафе «У мамы». Еще и суток не прошло, как я ждал в нем звонка Морфи, и здесь же Туисан рассказал мне, какой смертью умерли Морфи и его жена.

В то утро Морфи должен был заступить на раннее дежурство, и Туисан заехал за ним. Они по очереди подвозили друг друга. В тот день была очередь Туисана.

Первая дверь, решетчатая, была закрыта, но вот входная за ней оставалась открытой. Туисан позвал Морфи, как и я накануне днем. Он повторил мой путь: прошел по коридору, заглянул в кухню и комнаты справа и слева. Ему пришло в голову, что Морфи, возможно, проспал, хотя раньше ничего подобного с ним не случалось. Он подошел к лестнице и крикнул погромче, но снова не получил ответа. Туисан признался, что уже заподозрил недоброе, когда поднимался по ступеням и безответно звал Морфи и Эйнджи. Дверь их спальни была полуоткрыта, но выступ заслонял постель.

Он постучал, затем медленно открыл дверь. На какую-то долю секунды ему показалось, что он застал любовную сцену, но потом увидел кровь и понял, что перед ним жуткое подобие все того, что воплощает любовь. И он зарыдал, накрытый горем с головой.

Даже теперь я могу только отрывочно восстановить его рассказ, но мысленно все ясно себе представляю. Они лежали обнаженные, лицом друг к другу, их тела, соединенные у бедер, переплелись ногами. От пояса они отклонялись назад на расстояние вытянутой руки. Их тела были рассечены от шеи до живота, ребра отвернуты, и руки их находились друг у друга в груди. Когда Туисан приблизился, он заметил, что Морфи и жена держат на ладони сердца друг друга. Сильно запрокинутые головы касались спин. У них не было глаз и лиц, а рты раскрыты в смертельной муке. Мгновение их смерти выглядело как экстаз. На этом примере всем любящим хотели показать бессмысленность и ничтожность самой любви.

Я слушал Туисана, и меня захлестнуло чувство вины. Это я навлек на него беду. Помогая мне, Морфи обрек на кошмарную смерть себя и жену. И Агуиллардов общение со мной отметило печатью смерти. От меня разлило смертью.

И вдруг на ум пришли строки одного стихотворения. Я не мог понять, почему они всплыли тогда в моей памяти и кто мне их раньше читал. Я чувствовал, что этот источник

очень важен, но не мог сообразить, в чем эта важность состоит. Пока было ясно лишь то, что эти строки перекликались с картиной, описанной Туисаном. Я напрягал память, силясь припомнить голос, цитировавший эти строки, но, как я ни старался, он неизменно ускользал от меня. Это написал кто-то из поэтов-метафизиков. Возможно, Донн. Да, скорее всего, Донн:

*Если тела моего расчленение
Учить должно,
Убей меня и вскрой, Любовь;
Ты пыткой этой сохранишь себя,
Из тел истерзанных пример плохой.*

Это, кажется, носит название *remedia amoris*. пытка и смерть влюбленных служит средством любви.

— Он помогал мне, — сказал я. — Я втянул его в это дело.

— Он сам этого хотел, — возразил Туисан. — Он хотел поставить точку. Хотел покончить с этим типом раз и навсегда.

— Из-за Лютера Борделона? — я смотрел ему прямо в глаза.

— Какое это теперь имеет значение, — отвел взгляд Туисан.

Но я не мог объяснить, что в Морфи я видел часть себя, что сочувствовал и понимал его душевную боль, мне хотелось верить, что он лучше меня. Я обязательно должен был узнать правду.

— Это все Гарза, — после продолжительной паузы проговорил Туисан. — Гарза застрелил его, а Морфи подбросил пистолет. Так он рассказал. Морфи был совсем мальчишкой тогда. Гарза не должен был его в это втягивать, однако втянул, и Морфи до сих пор за это расплачивается, — Туисан поймал себя на том, что говорит о Морфи, как о живом, и сразу умолк.

А для всех остальных это был обычный день, еще один в их жизни, и они продолжали работать, путешествовать, флиртовать, — и все это несмотря на все, что уже произошло и продолжало происходить. Почему-то казалось, что все должно остановиться: что следует остановить часы, занавесить зеркала, убавить громкость звонков и говорить тише. Может быть. Если бы им довелось увидеть фотографии трупов Сьюзен и Дженни, тетушки Марии и Ти Джина, либо Морфи и Эйнджи, они все отложили бы свои занятия и задумались. Именно этого и хотел Странник: смертью других напомнить, что мы сами смертны и перед лицом ожидающей нас вечной пустоты любовь и верность, отцовство и материнство, дружба и секс, надежда и радость — все это ничего не стоит и лишено всякого смысла.

Я поднялся и уже хотел уйти, но вдруг вспомнил то, что совсем выпустил из виду, и мысль отозвалась во мне такой жесточайшей болью, что я прислонился к стене, цепляясь за нее в поисках опоры.

— Господи, она же была беременна!

Я посмотрел на Туисана: он на мгновение зажмурился.

— Он знал об этом, да?

Туисан промолчал, но в глазах его застыло отчаяние. Я не стал спрашивать его, что сделал Странник с неродившимся младенцем, но в этот миг мне с потрясающей ясностью стала видна ужасная тенденция, наметившаяся в моей жизни в последние месяцы. От смерти моего ребенка, моей Дженни, я двигался к смертям многих детей, жертв Аделейд Модин и ее сообщника Хайамза, а теперь подошел к Смерти Ребенка вообще. Действия Странника,

заклучали в себе дополнительный, скрытый смысл: в смерти нерожденного ребенка Морфи я увидел надежду на будущее, обращенную в клочья растерзанной плоти.

— Мне поручили отвезти тебя назад в гостиницу, — заговорил Туисан. — В департаменте полиции проследят, чтобы ты вечерним рейсом улетел в Нью-Йорк.

Но я его почти не слышал. Единственное, о чем я мог думать в тот момент, так это о том, что Странник, не переставая, следил за нами, и его игра продолжается. Мы все были ее участниками, хотелось нам того или нет.

Вдруг вспомнились слова, сказанные мне как-то давно в Портленде. Слова эти казались важными, но я не мог вспомнить почему: «Нельзя обмануть того, кто не обращает внимания».

Туисан высадил меня у гостиницы. Дверь в номер Рейчел была полуоткрыта. Я негромко постучал и вошел. В комнате по всему полу валялась разбросанная одежда, а в углу высилась груда снятого с постели белья. Бумаг видно не было. На пустом матрасе лежала раскрытая косметичка, испачканная пудрой и кремом. Я предположил, что полицейские при обыске разбили часть ее содержимого.

На Рейчел были темно-синие джинсы и спортивная куртка навыпуск. Она успела принять душ, и влажные волосы липли к лицу. Глядя на ее босые ноги, я впервые заметил, какие маленькие у нее ступни.

— Мне жаль, что так вышло, — сказал я.

— Знаю, — Рейчел даже не посмотрела на меня и принялась собирать вещи с пола и укладывать их в чемодан. Я наклонился, чтобы поднять лежавшие у моих ног свернутые в клубочек носки.

— Оставь, — остановила меня она. — Я сама справлюсь.

В дверь постучали, и на пороге появился патрульный. Вежливо, но решительно он сообщил, что нам следует оставаться в гостинице и ждать, пока за нами заедут и отвезут в аэропорт.

Я ушел к себе в номер и принял душ. Зашла горничная и навела в комнате порядок. Я сидел на постели, прислушиваясь к звукам улицы. Как много я напортил, сколько совершил ошибок и сколько людей из-за этого погибли. Я чувствовал себя ангелом смерти. От прикосновения моих ног даже трава пожухла бы.

Должно быть, я задремал, потому что свет в комнате, когда я проснулся, стал иным. Казалось, наступили сумерки, хотя этого быть не могло. В комнате появился новый запах: в ней теперь пахло гниющей растительностью, заросшей тиной водой, где плавала дохлая рыба. Я попытался вздохнуть, и рот мой наполнился теплым влажным воздухом. Я почувствовал вокруг движение. В углах комнаты колебались какие-то призрачные тени. Мне слышался шепот, шуршание шелка, коснувшегося дерева, и затем донеслись едва различимые звуки шагов бегущего по листве ребенка. Шелестели листвой деревья, где-то наверху неровно забила крыльями птица в испуге или от боли.

В комнате стало еще темнее, и стена напротив меня оказалась совсем черной. Льющийся из окна свет приобрел оттенки голубого и зеленого и начал заметно колебаться. Так видится свет через знойное марево. Или сквозь толщу воды.

Они появились из темной стены: черные фигуры среди зеленого света. Они принесли с собой сладковато-приторный запах крови, настолько сильный, что привкус его появился у меня во рту. Я открыл рот, чтобы крикнуть, хотя до сих пор не знаю, что я собирался кричать и до кого хотел докричаться. Но от омерзительно сырого воздуха язык мой разбух как пропитавшаяся зловонной водой губка. Мне казалось, что на груди у меня груз: он не давал мне подняться и мешал дышать. Руки мои то сжимались, то разжимались, потом перестали двигаться и они, и я понял, какое ощущение вызывает кетамин, когда он, проходя по венам, обездвиживает тело, готовя его к встрече с ножом препарата.

Призрачные фигуры остановились у границы тьмы и тусклого света, идущего из окна. Они не имели четких контуров и колебались, как будто я видел их через затянутое морозом стекло.

Затем раздались голоса:

— *Бердман*, — позвали тихо и настойчиво.

— *Бердман*, — голос сошел на нет, затем снова обрел силу.

— *Бердман*, — звучали голоса, не слышанные ранее и те, что звали меня в гнев.

— *Берд*, — здесь слились гнев, страх и любовь.

— *Папа...*

Она была из всех самой маленькой и стояла рука об руку с другой фигурой. Вокруг них плавно колыхались тени. Я насчитал их восемь, а за ними, менее четкие, виднелись очертания женщин, мужчин, молодых девушек. Грудь сдавливало все сильнее, я боролся за каждый вздох, и тут мне подумалось, что образ, преследовавший тетушку Марию Агуиллард, тот призрак, что привиделся Рэймонду на Хани-Айленд, та девушка, чей голос, мне казалось, взывал ко мне сквозь темень вод, — она могла и не быть Лютис Фонтено.

— *Дитя...*

Каждый вздох казался последним: я давился воздухом, застревавшим в горле.

— *Дитя!..*

Голос был старый и казался черным, как сделанные из черного дерева клавиши старинного рояля, звуки которого доносятся из дальней комнаты.

— *Очнись, дитя, его мир начинает раскрываться.*

Последний вздох отдался у меня в ушах, и вслед за этим воцарились тишина и покой.

* * *

Я пришел в себя от стука в дверь. За окном день клонился к вечеру. Я открыл дверь и увидел Туисана. За ним стояла Рейчел.

— Пойдем, пора, — сказал он.

— Я думал, о нас позаботятся полицейские из Нового Орлеана.

— Я вызвался этим заняться, — пояснил он.

Он прошел за мной в комнату. Я бросил в дорожный саквояж бритвенный прибор, закрыл и защелкнул замки. Это был подарок Сьюзен.

Туисан кивнул патрульному из департамента полиции.

— Вы уверены, что все будет нормально? — патрульный был в явном замешательстве.

— Послушай, у полиции Нового Орлеана есть дела поважнее, чем сидеть в няньках, — ответил Туисан. — Я доставлю этих людей к самолету, а ты отправишься ловить разных поганцев. Идет?

Мы молча ехали в сторону Мойсентфилд. Я сидел впереди, Рейчел — сзади. Вопреки моим ожиданиям, Туисан к аэропорту не свернул, а поехал дальше.

— Ты проехал поворот, — удивился я.

— Нет, — ответил Туисан. — Я еду правильно.

* * *

Когда клубок событий начинает раскручиваться, все происходит очень быстро. В тот же день нас ждала удача. Каждому когда-нибудь да должно повезти.

На одном из участков в верховьях Гранд-Ривер, рядом с дорогой на Лафайет, велись работы по очистке дна от ила и мусора, и части механизма землечерпалки запутались в ржавеющем на дне клубке колючей проволоки. Проволоку отцепили и попытались вытащить, но в ней застряло еще немало всякой всячины: кандалы рабов полуторавековой давности, рама от старой железной кровати, и масляная бочка с трилистником, удерживавшая проволоку на дне.

Бригада, обслуживающая землечерпалку, сначала отнеслась к находке почти шутливо, вспоминая сообщение о найденной в бочке девушки. В день, когда ее обнаружили, «Таймс пикейун» посвятила этому событию девяносто строк, и во всех сводках новостей только об этом и говорили.

Может быть, члены команды подшучивали друг над другом, когда поднимали бочку, чтобы вытащить проволоку. Возможно, у них поубавилось веселости и они, притихшие, сдерживая нервные смешки, следили, как один из них открывал крышку. Бочка в некоторых местах поржавела, а крышка была не заварена, и, когда ее подняли, поток хлынувшей наружу грязной воды вынес с собой дохлую рыбу и тину. И тогда...

...показались ноги девушки. Испорченные разложением, они были окружены странной восковой пленкой. Тело наполовину оставалось в бочке. Речные обитатели сильно потрудились над телом, но, когда один из рабочих посветил в глубь бочки, он увидел клочья кожи на ее лбу, а зубы девушки, казалось, блеснули ему из тьмы улыбкой.

Когда мы прибыли на место, на берегу было только две машины. Тело достали из воды за три часа до этого. Двое полицейских в форме стояли рядом с потрясенными рабочими, еще трое в штатском — возле тела. Я узнал одного из них, седого с аккуратной короткой стрижкой, одетого в более дорогой костюм, чем остальные. Это был шериф округа Сент-Мартин, начальник Туисана, Джеймс Дюпре. Я видел его в департаменте полиции после смерти Морфи.

Мы вышли из машины, и Дюпре сделал нам знак подойти. Рейчел немного замешкалась, но тоже направилась к телу. Более спокойного места преступления мне видеть не доводилось. Даже последующее появление медэксперта не разрушило впечатления.

Дюпре достал из кармана синтетические перчатки, и, надевая их, старался не коснуться наружной стороны. Я отметил про себя, что ногти у него очень короткие и очень чистые, хотя и без специального ухода.

— Хотите посмотреть поближе? — спросил он.

— Нет, — отказался я. — Я уже насмотрелся.

Гнилостный дух от ила и тины, поднятых со дна землечерпалкой, перебивал смрад от трупа девушки. Кружившие над извлеченным мусором птицы выискивали дохлую и полуживую рыбу. Один из рабочих сунул сигарету в рот, поднял камень и запустил им в здоровенную серую крысу, копошившуюся в грязи. Он промахнулся, и камень врезался в грязь с сочным чмоканием, с каким кусок мяса падает на колоду мясника. Крыса бросилась

наутек. Работа землечерпалки согнала грызунов с гнезд, и растревоженные зверьки метались, налетая друг на друга и кусаясь. Другие рабочие также стали кидать камни в суеотящуюся живность. Большинство оказалось более меткими, чем их товарищ.

Дюпре щелкнул золотой зажигалкой. Курил он дорогие «Житан». Никогда раньше я не видел у полицейских такую роскошь. Ветер бросил крепкий и едкий дым мне в лицо. Дюпре извинился и встал так, чтобы меня не обкуривать. Такая исключительная чуткость меня озадачила, и мне еще сильнее захотелось узнать, почему вместо аэропорта я оказался здесь в этом месте.

— Я слышал, что вы выследили в Нью-Йорке убийцу детей, некую Модин, — наконец заговорил Дюпре. — Спустя тридцать лет сделать это — дело нешуточное.

— Она допустила промах, — объяснил я. — Они все в конце концов совершают ошибки. Надо просто оказаться в нужном месте в нужное время и воспользоваться ситуацией — вот и все.

Он склонил голову набок, словно не был вполне согласен с таким объяснением и в то же время хотел немного поразмыслить на этот счет, чтобы составить более точное представление обо мне, затем еще раз глубоко затянулся. Сигареты принадлежали к дорогому элитному сорту, но своей манерой курить Дюпре напомнил мне, как курили рабочие нью-йоркских доков. Они зажимали сигарету между большим и указательным пальцами, прикрывая огонек ладонью. Привычка держать сигарету подобным образом приобретает в детстве, когда курение еще запретное удовольствие и за такое занятие от отца можно получить увесистую затрещину.

— Мне думается, нам всем иногда улыбается удача, — Дюпре пристально смотрел на меня. — И это, возможно, как раз такой случай.

Я ждал продолжения и размышлял, была ли эта находка счастливой случайностью или вещим оказался мой странный сон, когда призрачные фигуры, вышедшие из стены комнаты, поведали мне, что в узоре, который ткал Странник, одна нить неожиданно оборвалась.

— Когда мне сообщили о смерти Морфи и его жены, моим первым желанием было увезти тебя подальше и избить до полусмерти, — признался Дюпре. — Он был порядочным человеком и хорошим детективом, несмотря ни на что. И он был моим другом. Но он тебе доверял, и Туисан, как видно, тоже тебе доверяет. Он считает, что ты, возможно, и есть связующее звено в цепи всех этих событий. А если так, твоя отправка в Нью-Йорк ничего не дает. Твой знакомый из ФБР Вулрич, похоже, такого же мнения. Но голоса за то, чтобы тебя услатить отсюда, оказались громче.

Он сделал еще одну затяжку.

— Ты мне напоминаешь попавшую в волосы жвачку: чем настойчивее от тебя стараются избавиться, тем крепче ты увязает в деле, — продолжал Дюпре. — Возможно, нам удастся на этом сыграть. Оставляя тебя здесь, я рискую заработать кучу неприятностей на свою голову, но Морфи рассказал мне о твоих представлениях об этом типе, о том, что он, по-твоему, держит нас под наблюдением и играет нами. А теперь решай: или ты рассказываешь мне что думаешь обо всем этом, или едешь коротать ночь в аэропорту.

Я перевел взгляд на босые ноги девушки в железной цистерне. Окруженные странным желтоватым налетом, они походили на куколки насекомых, лежащие в луже зловонной грязи и воды на этой кишашей крысами полоске берега одной из рек Луизианы. Прибыл медэксперт со своей командой. Они привезли мешок, чтобы упаковать тело, и носилки. Расстелив пленку, они осторожно переместили на нее бочку. Один из санитаров

придерживал ноги девушки. Затем они начали осторожно высвобождать тело из цистерны. Медэксперт помогал его продвижению, погрузив руки внутрь бочки.

— Все наши действия до сих пор задуманы этим человеком, — начал я. — Агуилларды что-то узнали и были убиты. Что-то увидел Ремарр, и он отправился на тот свет. Морфи постарался мне помочь — теперь лишили жизни и его. Убийца исключает варианты, вынуждая нас следовать составленной им схеме. Сейчас кто-то раскрыл газетчикам некоторые детали расследования. Очень возможно, что этот человек, вольно или невольно, стал источником информации и для убийцы.

Дюпре переглянулся с Туисаном.

— Мы рассматривали такую возможность, — признался Дюпре. — Слишком много разного сброда крутится вокруг да около. Где уж тут долго сохранять что-то в тайне.

— И плюс ко всему, — продолжал я, — федералы о чем-то недоговаривают. Вы считаете, Вулрич рассказал вам все, что знает?

— Я знаю об этом Байроне столько же, сколько о его однофамильце поэте, — едва удержался от смеха Дюпре, — и то благодаря добрым людям.

Изнутри бочки донесся скрежещущий звук: кость задела металл. Руки в перчатках, заботливо поддерживая, извлекли из заточения нагое, утратившее цвет тело девушки.

— Сколько времени мы можем молчать о находке? — поинтересовался я у Дюпре.

— Не так уж долго. Придется сообщить федералам, пресса быстро об этом пронюхает... — он беспомощно развел руками. — Но если ты предлагаешь мне не связываться пока с федералами... — по его лицу я видел, что сам он давно склонился к этому варианту. Чем еще, как не стремлением сузить круг посвященных, можно было объяснить тот факт, что медэксперт обследовал тело практически сразу после обнаружения и что к месту находки было вызвано так мало полицейских?

Я решил подтолкнуть его пойти еще дальше.

— Я предлагаю вам не сообщать о находке вообще никому. Иначе убийца всполошится и снова перекроет нам путь. Если обстоятельства вынудят вас говорить, постарайтесь немного изменить картину. Не упоминайте о бочке, укажите другие координаты места, где найдено тело, подчеркните, что не верите в связь этой находки с каким-либо иным расследованием. Старайтесь молчать, пока девушка не будет опознана.

— Если нам вообще удастся установить, кто она, — печально вставил Туисан.

— Что-то ты раньше времени плачешься, — резко бросил Дюпре.

— Извините, — откликнулся Туисан.

— А он прав, — заметил я. — Действительно, мы можем и не узнать, кто она такая. Нам придется положиться на удачу.

— Если в нашей картотеке ничего не отыщется, мы должны будем использовать фонды федералов.

— Когда подойдем к этому мосту, сожжем и его, — откликнулся я. — Ну как, на что можно рассчитывать?

Дюпре растер ботинком окурок, потом сунул его в пепельницу своей машины.

— Сутки — максимум, — заключил он. — После этого нам грозит обвинение в некомпетентности или умышленной задержке следствия. Не знаю, что мы сможем за этот срок сделать, хотя... — он посмотрел на Туисана, затем на меня, — может быть, до этого не дойдет.

— Вы мне сами расскажете, что вам известно, или мне нужно угадать? — спросил я.

Ответил мне Туисан:

— Федералы считают, что нашли Байрона. Завтра утром они собираются его взять.

— В таком случае наша находка — это резерв, — объяснил Дюпре. — Она джокер, запасной козырь в нашей колоде.

Но я уже не слушал его, думая о своем. Они подбираются к Байрону, и без меня. Если я попытаюсь присоединиться, меня либо выставят отсюда, задействовав полштата полиции, либо, того хуже, посадят под замок.

* * *

Самым слабым звеном в нашем плане была бригада рабочих. Их отвели в сторону, напоили кофе, и мы с Дюпре, насколько могли откровенно, объяснили им ситуацию. Мы сказали, что, если они не смогут одни сутки подержать язык за зубами, убийца, возможно, сможет скрыться и снова начнет убивать. Сказанное нами было правдой, по крайней мере, частично. Нас не брали на охоту за Байроном, но мы продолжали расследование, насколько это было в наших силах.

Команда состояла из местных жителей, честных тружеников, многие имели семьи и детей. Все согласилось молчать, пока не получат от нас известий, что могут обо всем рассказать. Они были настроены держать слово, но я знал, что некоторые не удержатся и поделятся секретом с женами или подругами, а те понесут новость дальше. Как говаривал мой первый сержант: «Если парень говорит, что все рассказывает своей жене, он либо дурак, либо врун», но, к сожалению, сержант тот был разведен.

Когда Дюпре сообщили, что найдено тело, он захватил с собой помощников и детективов, которым доверял целиком и полностью. Если прибавить к ним Туисана, Рейчел и меня, медэксперта с его бригадой и рабочих землечерпалки, то получалось, что о находке знали человек двадцать. Многовато, чтобы тайна долго оставалась тайной, но тут уж ничего нельзя было поделать.

После предварительного осмотра и снимков было решено перевезти тело в частную клинику на окраине Лафайета, где иногда консультировался медэксперт, и он почти без колебания согласился провести вскрытие. Дюпре составил заявление, где указал, что обнаружен труп женщины не установленного возраста, причина смерти которой неизвестна. Место обнаружения было перенесено на пять миль. Он проставил число, время и оставил листок на своем столе под бумагами.

К тому времени как мы вдвоем с Дюпре пришли в помещение, где проводилось вскрытие, были уже сделаны рентгеновские снимки останков и произведены необходимые замеры. Каталку, на которой привезли тело, отодвинули в угол, подальше от стола с цилиндрической емкостью под ним, откуда подавалась на стол вода и куда через отверстия в нем стекала жидкость. На металлической раме висели весы для взвешивания органов, а рядом находился отдельный стол для препарирования небольших фрагментов.

На вскрытии помимо медэксперта и его ассистента присутствовали еще трое: Дюпре, Туисан и я. Антисептик только отчасти приглушал запах. Пряди темных волос свисали с черепа, на теле местами сохранились клочья сморщенной кожи. Останки почти сплошь покрывал желтовато-белый налет.

— Доктор, а что это за штука на ней? — спросил Дюпре.

Высокого, крепкого с красноватым лицом патологоанатома звали Эмиль Хакстеттер. На вид я дал ему лет пятьдесят с небольшим.

— Это образование называется жировоск, или трупный воск, — коснувшись налета рукой в перчатке, пояснил он. — Явление очень редкое. Мне доводилось наблюдать его максимум в двух-трех случаях. Но сочетание ила и воды в этой протоке привело, как видите, к его образованию.

Он прищурился и склонился над телом.

— В воде произошло расщепление жиров ее организма, они затвердели, и получился этот налет. Она продолжительное время находилась в воде. На корпусе налет формируется месяцев шесть, на лице — быстрее. Предварительно могу сказать, что она провела в воде менее семи месяцев.

Процесс вскрытия Хакстеттер наговаривал в маленький микрофон. Он сказал, что девушку не связывали. На шее имелся признак разреза лезвием, указывающий на глубокое рассечение сонной артерии, что, возможно, стало причиной смерти. В местах, где было срезано лицо, на черепе остались отметины; аналогичные следы присутствовали и в глазницах.

В конце обследования Дюпре вызвали, и через несколько минут он вернулся с Рейчел. Она отвезла в мотель свои и мои вещи и вернулась. При виде останков Рейчел в первый момент отшатнулась, но потом встала рядом со мной и, не говоря ни слова, взяла меня за руку.

Медэксперт завершил работу, снял перчатки и стал мыть руки. Дюпре достал из конверта рентгеновские снимки и начал их просматривать один за другим.

— А здесь, что такое? — спросил он через некоторое время.

Хакстеттер взял у него снимок и посмотрел на свет.

— Открытый перелом большеберцовой кости, — указывая пальцем, объяснил он. — Приблизительно двухгодичной давности. Это есть в отчете или будет, когда я его составлю.

Я почувствовал, что вот-вот могу упасть. Внутри вспыхнула и пожаром разгоралась боль. Звякнули весы, когда моя рука задела их в поисках опоры. И затем мои пальцы коснулись останков девушки. Я тут же отдернул руку.

— Паркер? — Дюпре вовремя поддержал меня.

— Господи, кажется, я знаю, кто она, — ужаснулся я. Мне казалось, что я все еще касаюсь ее останков.

* * *

Утро только начиналось, когда группа агентов ФБР вместе с командой шерифа округа Сент-Лондри окружили дом у верховий протоки Байю-Куртаблю милях в двадцати от Лафайета. Протока огибала дом сзади, а с фасада его прикрывали кустистые заросли и деревья. Часть агентов были в ветровках с желтыми буквами ФБР на спине, другие — в шлемах и бронежилетах. К дому приближались медленно, без шума, с оружием наготове. Разговаривали тихо, считанными словами и только при необходимости. Переговоры по радио были сведены до минимума. Они знали свое дело. Рядом с ними прислушивались к собственному дыханию и стуку сердец помощники шерифа, готовые взять приступом жилище Эдварда Байрона, на чьей совести, как они считали, была смерть их товарища

Джона Чарльза Морфи, его жены и ребенка и еще, по меньшей мере, пяти человек.

Дом пребывал в сильном запустении. В некоторых местах крыша прохудилась и начали гнить балки. Два окна с фасада прикрывали листы картона, приклеенные скотчем. Деревянные рейки галереи покоробились, а местами отсутствовали вовсе. Справа от двери на крюке висела недавно освежеванная кабанья туша. Кровь капала с пяточка на землю.

Как только пробило шесть, агенты в бронежилетах по сигналу Вулрича приблизились к дому с фасада и со стороны протоки. Они проверили окна возле двери с фасада и с противоположной стороны, а потом дружно вломились в дом, полосую светом фонарей окружающую тьму. Две штурмующие группы почти соединились, как вдруг из глубины дома прогремел выстрел. Пуля попала агенту Томасу Сельцу в незащищенное бронежилетом место — в подмышку. Он рванулся вперед и последним усилием, уже падая, инстинктивно нажал на спусковой крючок автоматического пистолета. Пули ударили в стены, потолок, пол, поднимая пыль и откалывая щепки от стен. Под них попали два агента: одного ранило в ногу, другого — в рот.

Эхо случайной пальбы заглушило второй выстрел. Он вспорол дерево внутренней двери. Агенты залегли и стали стрелять в заднюю дверь, которую теперь никто не заслонял. Третий выстрел сразил агента, огибавшего дом. Разлетелась в разные стороны груда приготовленных на дрова поленьев и старой мебели, и скрывавшийся под ней стрелок кинулся бежать. Агенты бросились в погоню. Кто-то из них склонился к раненым, и в это время в направлении протоки послышалась стрельба.

Человек в потрепанных синих джинсах и рубаше в красно-белую клетку скрылся в протоке. Последовавшие за ним агенты продвигались медленно, проваливаясь по колено в вязкую болотную жижу. Упавшие стволы деревьев вынуждали их отклоняться от прямого маршрута, но, наконец, они почувствовали под ногами твердую почву и, прячась за деревья, медленно двинулись вперед с оружием наготове.

Над их головами грохнул выстрел дробовика. Взлетели с деревьев потревоженные птицы, а с огромного кипариса посыпались отколотые пулей на уровне человеческого роста щепки. Острые кусочки дерева вонзились в щеку одному из агентов. Он вскрикнул и качнулся в сторону, оказавшись на виду, и в тот же момент следующим выстрелом его ранило в бедро. Корчась от боли, он рухнул на перемешанную с грязью листву.

Под плотной стеной огня качались деревья, падали срезанные ветки, осыпалась листва. Агенты и полицейские снова двинулись вперед короткими перебежками. Кто-то крикнул, что нашли кровь. Она была на земле возле ивы, чьи сломанные ветки белели, как кости.

Сзади раздался лай собак: их держали в трех милях отсюда в резерве. Пришло время и им включиться в погоню. Собакам сначала дали понюхать взятую в доме одежду Байрона и место, где он прятался под поленницей. Потом, когда вместе с бородатым худым проводником, одетым в джинсы, заправленные в заляпанные грязью сапоги, они догнали основную группу, им показали пятно крови; собаки взяли след и рванулись вперед, натягивая поводки, а за ними осторожно последовали люди.

Но больше Эдвард Байрон не стрелял, потому что не одни служители закона охотились за ним на болоте.

Пока продолжалась охота на Байрона, Туисан, два молодых помощника шерифа и я сидели в канцелярии шерифа в Сент-Мартине и обзванивали дантистов в Майами. В нескольких случаях пришлось воспользоваться номерами телефонов срочного доступа.

От этого занятия нас ненадолго отвлекла Рейчел: она принесла нам кофе и горячие слойки. Ее рука легла мне на шею. Я сжал ее руку, приложил к губам и нежно поцеловал в ладонь.

— Я не ожидал, что ты останешься, — признался я. Мне не было видно ее лицо.

— Дело уже близится к концу, правда? — тихо спросила она.

— Думаю, да: конец скоро, я чувствую.

— Тогда я хочу дождаться, когда все закончится. Я хочу присутствовать при этом.

Она посидела с нами еще немного, пока напряжение не переросло в усталость, грозившую свалить ее с ног, и Рейчел отправилась в мотель спать.

Тридцать восемь звонков успеха не принесли, но тридцать девятый оказался удачным. В приемной доктора Эрвина Холдмана на Брикель-авеню его помощница нашла в своих регистрационных журналах имя Лизы Скотт, но она отказалась даже подтвердить, посещала ли эта девушка врача в последние полгода. Нам объяснили, что Холдман в это время играет в гольф и ему не нравится, когда его в такое время беспокоят. Туисан не выдержал и заявил, что полиции штата Луизиана на это плевать, и Холдман может идти ко всем чертям со своими увлечениями, после чего мы сразу получили номер его мобильного телефона.

Она была права. Наш звонок на самом деле сильно раздосадовал Холдмана, тем более, что его побеспокоили в тот момент, когда он вышел на удобную для удара позицию. Последовала непродолжительная перепалка, и Туисан попросил данные из карточки Лизы Скотт. Дантист стал отнекиваться и заявил, что для этого ему нужно получить разрешение матери и отчима девушки. Туисан передал трубку Дюпре, и тот объяснил врачу, что неразумно тревожить родителей, а сведения необходимы, чтобы исключить девушку из проводимого расследования. Холдман продолжал упираться, тогда Дюпре пригрозил добиться, чтобы за отказ сотрудничать с полицией на картотеку был наложен арест, и пообещал напустить на него налоговую полицию.

Надо ли удивляться, что у Холдмана сразу возникло жгучее желание нам помочь. Да, вся информация, включая рентгеновские снимки, действительно хранится у него в компьютере, и он перешлет нам все данные, как только вернется к себе в офис: поскольку его помощница работает недавно, пароля она не знает, а без него переслать материалы по электронной почте невозможно. Но, после того как закончится раунд...

Последовал еще один короткий обмен мнениями на повышенных тонах, и дантист решил отложить свой гольф. Он сказал, что на дорогу у него уйдет час, если не задержит в пути пробка. Мы приготовились ждать.

Байрон углубился в болото на милю. Полицейские наступали на пятки, и кровь обильно текла из раненой руки. Пуля раздробила ему левый локоть, и теперь мучительная боль быстро отнимала силы. Он остановился на небольшой прогалине, чтобы перезарядить дробовик. Ему пришлось поставить ружье на землю и загонять патроны одной рукой. Все слышнее становился лай собак. Байрон решил их пристрелить, и тогда ему удалось бы затеряться в болоте.

Он поднялся и тут же заметил впереди движение. Байрон рассудил, что полицейские не могли обойти его: с запада от дороги подобраться к нему без лодок по глубокой воде они бы не смогли. А если бы и так, он бы слышал их приближение. Байрон насторожился,

напряженно вслушиваясь в звуки болота. Видимо, галлюцинации.

Он неловко прижал здоровой рукой дробовик и, озираясь, двинулся вперед. Все ближе стена деревьев, но движение там прекратилось. Возможно, тогда он тряхнул головой, боясь возвращения видений, но они не появились, а вместо них навстречу Эдварду Байрону вышла смерть. Лес вокруг внезапно ожил, и темные фигуры окружили его. Он выстрелил, и в ту же минуту дробовик вырвали у него из рук, и лезвие ножа полоснуло по телу от плеча до пояса.

Он оказался в окружении мужчин с суровыми жесткими лицами. У одного на плече висела винтовка М16, другим оружием служили ножи и топорики. Возглавлял их рослый человек с каленым цветом лица и темными с проседью волосами. Под градом ударов Байрон упал на колени. Теряя сознание, обессиленный болью и усталостью, он поднял глаза и успел еще заметить опускающийся на него топорик в руке великана.

Потом Эдварда Байрона объяла темнота.

* * *

Мы воспользовались кабинетом Дюпре, где настроенный компьютер был готов принять от Холдмана материалы регистрационной карты. Закинув ноги на подоконник, я сидел в красном виниловом кресле, вдоль и поперек заклеенном липкой лентой, так что при каждом движении раздавался хруст, как будто трескался лед. Напротив стояла кушетка, на которой я перед этим проворочался три часа в беспокойном сне.

Туисан уже полчаса как ушел за кофе и пока не появлялся. Я уже начинал волноваться, но тут из соседней комнаты послышался шум голосов. Я вышел из кабинета Дюпре в общее помещение следственного отдела с рядами металлических столов, вертящимися стульями и вешалками, доской объявлений и кофейными чашками, недоеденными пышками и пончиками.

Появился Туисан о чем-то взволнованно говоривший с темнокожим детективом, одетым в синий костюм и рубашку с открытым воротом. За ними Дюпре разговаривал с полицейским в форме. Заметив меня, Туисан хлопнул собеседника по плечу и направился ко мне.

— Байрону конец, — объявил он. — Свалка получилась приличная. Федералы потеряли двоих, еще пара ранены. Байрон пытался скрыться на болоте. Они нашли его с раскроенным черепом и ножевой раной во всю грудь. Возле него было полно следов, и рядом валялся топор. Федералы полагают, что это Лайонел Фонтено захотел поставить точку в этом деле по-своему.

Дюпре вместе с нами вернулся в кабинет, оставив дверь открытой.

— Это он, тот самый, — Дюпре легким жестом коснулся моей руки. — Они нашли колбу, как та, в которой было лицо... — он с трудом подбирал слова — ...как та колба, что получили вы. Еще был обнаружен портативный компьютер, части какого-то переговорного устройства кустарного изготовления и скальпели с остатками тканей. Большая часть найденного находилась в сарае в дальнем конце участка.

Я перекинулся несколькими словами с Вулричем. Он упомянул старые книги по медицине и просил передать, что вы были правы. Сейчас продолжаются поиски лиц жертв, но это может занять много времени. Сегодня начнутся раскопки вокруг дома.

Я не мог точно определить свои чувства. С одной стороны, я испытывал облегчение,

потому что все закончилось и на мне больше не лежит тяжкое бремя. Но в то же время я был разочарован, ведь финальная часть этой истории прошла без моего участия: самом конце Странник все же ускользнул от меня.

Дюпре ушел, а я тяжело опустился на стул и уставился в окно, закрытое шторами, сквозь которые сочился солнечный свет. Туисан присел на край стола Дюпре и наблюдал за мной. Мне вспомнилось, как мы со Сьюзен и Дженни гуляли все вместе в парке. А еще я вспомнил голос тетушки Марии Агуиллард — она наконец обрела покой.

Тишину нарушил писк компьютера Дюпре, оповещавшего, что пришло электронное письмо. Туисан нажал несколько клавиш.

— Это данные от Холдмана, — объявил он, глядя на экран.

Я присоединился к Туисану, и вместе мы следили, как на мониторе сначала появились записи из карточки Лизы Скотт, а затем двухмерная карта ее ротовой полости с отметками о пломбах и удалениях, в заключение пришел панорамный рентгеновский снимок всех зубов.

Туисан вывел на экран из другого файла рентгеновский снимок, сделанный медэкспертом, и поставил два изображения рядом.

— На вид похожи, — заключил он.

Я кивнул, но мне не хотелось думать о том, что это значит.

Туисан по телефону сообщил Хакстеттеру о полученных материалах и попросил зайти. Медэксперт тщательно просмотрел файл, присланный Холдманом, и сравнил данные из него с рентгеновскими снимками, которые сделал с тела погибшей девушки. Наконец он поднял очки на лоб и придавил пальцами уголки уставших глаз.

— Это она, — решительно проговорил он.

Туисан откликнулся тяжелым прерывистым вздохом и печально покачал головой. Казалось, это была последняя злая насмешка Странника. Найденная девушка оказалась Лизой Скотт, урожденной Лизой Вулрич. Болезненный развод родителей тяжело отразился на ней. Она, можно сказать, стала эмоциональной жертвой этого развода. Мать стремилась начать новую жизнь, и ей не хотелось обременять себя рассерженной, обиженной, с мятущейся душой дочерью-подростком, а отец не мог дать ей поддержку и спокойную уверенность, в чем она так нуждалась.

Это была дочь Вулрича.

Голос отяжелел от усталости и напряжения. Я разговаривал и вел машину: ее перегнал из Нового Орлеана в Сент-Мартин один из помощников шерифа.

— Вулрич, это Берд.

— Привет, — безо всяких эмоций откликнулся он. — Что тебе уже известно?

— Что Байрон мертв и погребено несколько твоих людей. Сочувствую.

— Да, там была форменная заваруха. Они позвонили тебе в Нью-Йорк?

— Нет, — я колебался, говорить ему правду или нет, и решил, что не стоит. — Я опоздал на самолет и сейчас еду в Лафайет.

— Лафайет? Какого черта?! Что ты собираешься там делать?

— Так, поболтаюсь немного. — Мы договорились с Туисаном и Дюпре, что я расскажу ему, что была найдена его дочь. — Мы можем встретиться?

— Черт побери, Берд. Я еле на ногах держусь, — пожаловался он, но затем покорно согласился. — Хорошо, я с тобой встречусь. Мы поговорим о том, что сегодня произошло. Мне нужен час. Я подъеду в «Джаззи», это немного в стороне от шоссе. Тебе всякий укажет дорогу, — он закашлялся. — Твоя знакомая отправилась домой?

— Нет, она еще здесь.

— Это хорошо, — одобрил он. — Хорошо, когда в такие времена есть кто-то рядом. — И с этими словами он повесил трубку.

* * *

«Джаззи» оказался маленьким полутемным баром при мотеле со столами для игры в пул и музыкальным автоматом с записями в стиле кантри. За стойкой бара женщина заполняла витрину пивом, а из динамиков звучала мелодия в исполнении Уилли Нельсона.

Вулрич появился вскоре после того, как я приступил ко второй чашке кофе. В руках он нес канареечно-желтый пиджак, на рубашке подмышками темнели пятна пота, а на спине и рукавах виднелись грязные полосы. На одном рукаве рубашка была разорвана у локтя. Низ коричневых брюк и высокие ботинки густо облепила грязь, уже успевшая подсохнуть. Он заказал порцию бурбона и кофе, после чего уселся за столик рядом со мной. Некоторое время мы сидели молча. Вулрич выпил полпорции виски, начал отхлебывать кофе и только тогда заговорил:

— Послушай, Берд, — начал он, — извини за разлад между нами в последнюю неделю. Мы оба старались по-своему покончить со всем этим. Теперь, когда все закончилось, ну... — он пожал плечами, чуть наклонил стакан в мою сторону, словно чокаясь, и выпил виски, а затем знаком заказал еще. Под глазами у него залегли тени, сухие губы потрескались, и я заметил у основания шеи формирующийся фурункул. Виски обожгло ему рот, и Вулрич поморщился.

— Стomatит, — пояснил он, поймав мой взгляд. — Поганая штука, — он сделал еще глоток кофе. — Думаю, тебе интересно послушать, как все происходило.

Я хотел отодвинуть трагический момент, но не так.

— Что собираешься делать теперь? — спросил я.

— Для начала выплюсь, ответил он. — Потом, возможно, возьму ненадолго отпуск, отправляюсь в Мексику, и, может быть, мне удастся отвлечь Лизу от этих религиозных фанатиков.

У меня вдруг защемило сердце, и я внезапно встал. Мне нестерпимо захотелось выпить. Кажется, никогда в жизни мне ничего не хотелось так сильно. Вулрич как будто не заметил мое замешательство и никак не отреагировал на то, что я вдруг так неожиданно заторопился в туалет. Мой лоб покрылся потом, а тело трясло, как в лихорадке.

— Лиза спрашивала о тебе, Бердман, — сказал мне вдогонку Вулрич, и я встал как вкопанный.

— Что ты сказал? — не поворачиваясь, спросил я.

— Она спрашивала о тебе, — как ни в чем не бывало повторил он.

— Когда ты с ней разговаривал в последний раз? — теперь я повернулся к нему.

— Несколько месяцев назад, — неопределенно качнул стаканом Вулрич. — Месяца два-три, так кажется.

— Ты уверен?

Он молча уставился на меня.

Я висел на нити над темной бездной и следил, как нечто маленькое и сверкающее отделилось от целого и бесследно исчезло во мраке, чтобы уже никогда не вернуться. Бар и все, что нас окружало, вдруг исчезло, и остались только мы вдвоем: Вулрич и я, и ничто не могло отвлечь одного от слов другого. Я не чувствовал под собой опоры, не ощущал воздуха над собой. В голове у меня загудело от роя нахлынувших образов и воспоминаний.

Вот Вулрич стоит на крыльце, касаясь щеки Флоренс Агуиллард, скромной, доверчивой девушки с лицом в шрамах. В последние минуты жизни, думаю, она поняла, что он сделал и до чего довел ее.

— Я называю его своим метафизическим галстуком, это галстук в духе Джорджа Герберта.

Мне вспомнились строки из стихотворения Рэли «Скитания страстного странника». Вулричу так нравилось цитировать выдержки из него:

— *Моим телам единственным бальзамом стать кровь должна. Не будет утешения иного.*

Во время второго телефонного звонка в гостиницу, когда в комнате присутствовал Вулрич, Странник запретил задавать вопросы.

— *У них нет воображения, — говорил он мне когда то. — Они не могут мыслить шире. В их действиях нет четкой цели.*

Вулрич и его люди отобрали у Рейчел заметки.

— *Я разрываюсь на части: мне надо держать тебя в курсе происходящего и одновременно ничего тебе не сообщать.*

Мне вспомнилось, как полицейский швырнул в мусорный бак пакет с пончиками, к которому прикасался Вулрич.

— *Ты спишь с ней, Берд?*

Нельзя обмануть того, кто не обращает внимания.

А еще мне представилось, как знакомая фигура в нью-йоркском баре вертит в руках томик метафизических стихов и цитирует Донна:

— *Из тел истерзанных пример плохой.*

Чувствительность метафизика — вот, что отличало Странника. Как раз эту особенность

пыталась в последние дни уловить Рейчел. Именно метафизическая чувствительность объединяла поэтов, чьими произведениями были уставлены полки в ист-виллиджской квартире Вулрича. Я видел, когда он привел меня к себе ночевать, после того как в эту же ночь убил моих жену и ребенка.

— Берд, что с тобой? — зрачки его глаз превратились в крошечные черные точки, жадно поглощающие свет из зала.

Я отвернулся.

— Слабость вдруг какая-то напала. Вот и все. Я сейчас вернусь.

— Ты куда, Берд? — в его тоне звучали недоверие и жесткие нотки угрозы. И мне подумалось, что моя жена тоже услышала их и попыталась бежать, но он настиг ее и ударил о стену лицом.

— Мне нужно в туалет, — объяснил я.

К горлу неотвратимо подступала тошнота, и меня могло вот-вот вывернуть наизнанку прямо в зале. Нестерпимая боль обожгла все внутри и беспощадно запустила когти прямо в сердце. Казалось, наступили последние мгновения моей жизни, и передо мной раздвинулся занавес, а за ним на меня взирала мертвящим взглядом черная ледяная пустота. Мне захотелось отвернуться, уйти от всего этого, чтобы все снова стало нормальным. У меня были бы опять жена и дочь, похожая на мать. У меня был бы маленький тихий домик с газончиком, и рядом находился бы человек, который остался бы со мной до самого конца.

В полутемном туалете воняло застоявшейся мочой. Но кран в умывальнике работал. Я умылся и полез в карман за телефоном и не нашел его: он остался на столике рядом с Вулричем. Я рывком раскрыл дверь и обогнул стойку, доставая пистолет, однако Вулрича за столиком уже не было.

Дозвониться ни до кого не удалось: Туисан уже ушел, Дюпре отправился домой еще раньше. Я убедил дежурного на коммутаторе связаться с Дюпре и передать, чтобы он мне срочно перезвонил, что он и сделал пять минут спустя. Голос его звучал сонно и устало.

— Только не надо плохих новостей.

— Убийца не Байрон, — с места в карьер начал я.

— Как?! — от вялости Дюпре не осталось и следа.

— Он их не убивал, — повторил я. С пистолетом в руке я вышел из бара, оглядываясь по сторонам, но Вулрича уже и след простыл. По улице шли мимо две чернокожие женщины с ребенком. Я обратился к ним и хотел расспросить, но они увидели у меня пистолет и заспешили прочь. — Странник — это не Байрон, а Вулрич. Он сбежал от меня. Я поймал его на лжи. Он сказал, что разговаривал с дочерью два или три месяца назад. Но мы с вами знаем, что этого быть не могло.

— Вы могли ошибиться.

— Послушайте меня, Дюпре. Вулрич подставил Байрона, выдал за себя. Он убил Морфи с женой, тетушку Марию, Ти Джина, Лютис Фонтено, Тони Ремарра, а еще он лишил жизни собственную дочь. Он убегает, убегает, вы меня слышите?

— Слышу, — по его тону я понял, как горько ему сознавать нашу ошибку.

* * *

Час спустя полиция вломилась в квартиру Вулрича. Он жил в Алжире, пригороде

Нового Орлеана, на южном берегу Миссисипи. Квартира находилась над старой бакалейной лавкой в отреставрированном доме на Опелоусас-авеню. На галерею вела железная лестница, окруженная кустами жасмина. Квартира Вулрича в здании была единственной. Она имела два арочных окна и массивную дубовую дверь. Вместе с полицией Нового Орлеана в штурме участвовало шесть агентов ФБР. Полицейские приготовились, федералы заняли позиции по сторонам двери. Сквозь окна в квартире не было заметно никакого движения. Но никто и не рассчитывал застать хозяина дома.

Двое полицейских качнули таран, на передней части которого белела ехидная надпись: «Всем привет». Дверь вылетела после первого же удара. Федералы вошли внутрь, а полицейские охраняли подходы с улицы и окружающих дворов. Агенты заглянули в кухню, в спальне увидели неубранную постель, в гостиной стоял новый телевизор и валялись пустые коробки от пиццы и пивные банки, в ящике лежали сборники стихов, а на вершине составленных пирамидой столиков стояла фотография улыбающегося Вулрича и его дочери.

В спальне имелся стенной шкаф. Дверца его была открыта. Кроме мятой одежды и двух пар коричневых туфель там нашли металлический шкафчик, запертый на большой замок.

— Ломайте, — скомандовал заместитель начальника отдела Кэмерон Тейт. О'Нилл Брушар ударил по замку рукояткой автоматического пистолета. Казалось, с того времени, как он вел нас к дому тетушки Марии, прошла целая вечность. Замок поддался с третьей попытки, и он распахнул дверцы...

Взрывом О'Нилла Брушара выбросило в окно. В маленькой спальне град стеклянных осколков оказался особенно опасным. Кровь текла из многочисленных ран на лице и шее Тейта, осколки вонзились даже в его бронежилет. Серьезные ранения лица и рук получили еще двое агентов ФБР, когда от взрыва превратились в мешанину обломков и разлетелись по комнате хранившиеся в запертом шкафчике пустые стеклянные колбы, портативный компьютер, модифицированный синтезатор голоса НЗОО и маска телесного цвета, которой Вулрич прикрывал нос и рот. И среди огня, пламени и осколков стекла черными мотыльками летали и падали на пол, превращаясь в пепел, горящие страницы апокрифических книг.

* * *

В тот момент, когда О'Нилл был смертельно ранен, я сидел в комнате следственного отдела в Сент-Мартине и наблюдал, как отзывают из отпусков сотрудников и отменяют выходные дни, чтобы подключить к поискам больше людей. Вулрич предусмотрительно отключил свой мобильный телефон, однако телефонная компания была предупреждена, и, если бы он решил воспользоваться телефоном, звонок попытались бы засечь.

Кто-то подал мне чашку кофе. Я пил и продолжал настойчиво набирать номер телефона Рейчел в мотеле. После десятого гудка к линии подсоединился портень.

— Вы... Бердман? — неуверенно спросил молодой голос.

— Да, черт возьми!

— Извините, сэр, вы звонили до этого?

Я ответил, что это моя третья попытка, а сам чувствовал, как в голосе моем растет напряжение.

— Я ходил за обедом. У меня для вас сообщение от агента ФБР.

Он выговорил эти три буквы с некоторым трепетом в голосе, а меня начинала душить дурнота.

— Послание от агента Вулрича, мистер Бердман. Он просил передать, что он вместе с мисс Вулф отправился в поездку, но вы знаете, где их можно найти. Еще он сказал, чтобы вы никому больше не зазывали этого места, потому что ему не хочется, чтобы посторонние помешали вам троим и испортили впечатление. Он особенно просил подчеркнуть этот момент, сэр.

Я закрыл глаза, и голос портье стал далеким-далеким.

— Вот такое послание для вас, сэр. Я все сделал правильно?

* * *

Туисан, Дюпре и я расстелили карту на столе Дюпре. Красным фломастером он очертил круг вокруг района Кроули-Рама. В центре круга находился Лафайет и два города по диаметру.

— Думаю, у него где-то в этом районе есть убежище, — предположил Дюпре. — Если вы правы и ему было необходимо находится неподалеку от Байрона, да и Агуиллардов тоже, тогда зона поисков простирается от Кроу-Спрингс на севере до Байю-Соррель на юге. Если он захватил вашу знакомую, это немного его задержало: у него ушло время, чтобы обзвонить мотели, если допустить, что ему не сразу удалось ее отыскать. Потом потребовалось время, чтобы ее забрать. Он не захочет долго оставаться на шоссе, поэтому ему надо где-то затаиться в укромном месте, например в мотеле, а если недалеко его убежище, то он отправится туда.

— Мы подняли на ноги местную полицию и полицию штата, — Дюпре постучал ручкой по карте. — Теперь остается ждать и думать.

Я напряженно размышлял над словами из послания Вулрича, о том, что буду знать, где их найти. Пока мне ничего не приходило в голову. Но Вулрич был уверен, что я догадаюсь.

— Никак не могу вычислить нужное место, — признался я. — Самые очевидные из них — дом Агуиллардов и его квартира в Алжире. Но там уже искали, и едва ли он туда направится.

Я обхватил голову руками. Страх за Рейчел не давал сосредоточиться. Мне необходимо было взять себя в руки и собраться с мыслями. Я захватил пиджак и двинулся к выходу. В дверях меня едва не сбил с ног помощник шерифа. Он протянул мне два листа бумаги.

Это пришел факс из Нью-Йорка от агента Росса: копия данных наблюдений, касающихся Стивена Бартона, и некоторая информация о его мачехе. Большинство имен повторялось на протяжении недель. Одно, обведенное красным фломастером, встречалось дважды: Вулрич. В конце страницы Росс дописал два слова: «Извини меня».

Они способны чувствовать друг друга.

— Мне нужно побыть одному и подумать, — сказал я. — Я позвоню.

Дюпре хотел возразить, но промолчал. Моя машина стояла на площадке для транспорта полиции. Я сел в нее, опустил окна и развернул карту штата Луизиана. Мой палец медленно двигался от одного названия к другому: Арнодвилл, Гран-Коту, Каренкро, Бруссар, Мильтон, Катахоула, Коту-Холмс, Сент-Мартин. Я завел мотор и поехал из города.

Последнее название, казалось, было мне знакомо раньше, но я не мог вспомнить, в

связи с чем. К этому моменту я уже находился в таком состоянии, что в каждом названии мне мерещилось скрытое значение, но в итоге получалась полная бессмыслица. То же самое происходит, если долго твердить свое имя: оно как бы постепенно отдалается, становится чужим, и возникают сомнения, а на самом ли деле меня так зовут.

Но, так или иначе, Сент-Мартин упрямо всплывал в памяти. Помнилось что-то с больницы. Потом меня осенило: медицинская сестра. Да, сестра: Джуди Ньюболт. Чокнутая Джуди. Я вспомнил наш разговор с Вулричем после моего приезда в Новый Орлеан впервые после смерти Сьюзен и Дженни. Чокнутая Джуди.

Что он сказал тогда? «Она заявила, что я убил ее в прошлой жизни». Было ли так все на самом деле, или Вулрич уже тогда затеял со мной игру?

Чем больше я размышлял, тем прочнее становилась моя уверенность, что я на правильном пути. Он рассказывал мне, что после их разрыва Джуди Ньюболт подписала годичный контракт и отправилась в Ла-Джоллу. Однако теперь у меня возникли серьезные сомнения, добралась ли она до Ла-Джоллы. Да и был ли этот контакт?

В телефонном справочнике текущего года Джуди Ньюболт не оказалось. Я отыскал ее в старом справочнике, имевшемся на заправочной станции. С тех пор ее телефон был отключен. Я подумал, что смогу найти следы медсестры в Сент-Мартине. После этого я позвонил Хакстеттеру, сообщил ему адрес Джуди и попросил позвонить через час Дюпре, если от меня не будет известий. Он согласился, но без особой охоты.

Я ехал и думал о Дэвиде Фонтено и звонке Вулрича, выманившем его на Хани-Айленд. Он не мог не поехать: ему обещали сообщить о сестре. Откуда ему было знать в минуту смерти, что он находится так близко от места, где она покоилась. А может быть, он знал, чувствовал...

Я подумал о том, что навлек смерть на Морфи и Эйнджи; в голове моей эхом прозвучал голос тетюшки Марии, когда он пришел за ней, и вспомнился Ремарк: как горело его освежаванное тело в лучах заходящего солнца. И еще я понял, почему в газете появились подробности убийств. Таким образом Вулрич представлял дело рук своих широкой аудитории. Это был своего рода современный вариант публичного анатомирования.

И опять вспомнилась Лиза: невысокого роста, плотной комплекции темноглазая девушка. Тяжело переживая разрыв родителей, она попыталась найти утешение среди какой-то необычной христианской секты в Мексике, но все же в итоге вернулась к отцу. Что такого могла она увидеть, чтобы вынудить Вулрича убить ее? Может быть, заметила, как отец моет в ванной испачканные в крови руки? Или увидела в стеклянной колбе останки Лютис Фонтено или другой несчастной?

Либо он убил ее потом, потому что удовольствие, которое он получил, избавляясь от нее, терзая плоть от плоти своей, позволяло ему максимально приблизиться к ощущению собственного анатомирования. Он как бы обратил нож против себя и нашел, наконец, в себе бездну красной тьмы.

Я возвращался по асфальтированному шоссе в Сент-Мартин. За окном машины ухоженные газоны чередовались с густыми посадками кипарисов. Остался позади плакат движения против абортов: «Господь за жизнь» и смахивающее на сарай здание ночного клуба. Я остановился на чистенькой городской площади у кафе «Тибоду» и спросил, как проехать по нужному мне адресу. Как выяснилось, горожане знали медсестру и то, что она уехала на год или больше в Ла-Джоллу, а за домом присматривает ее друг.

Перкинс-стрит начиналась почти напротив входа в парк «Эвангелина». Улица заканчивалась Т-образным перекрестком, и дорога уходила вправо, теряясь среди сельского пейзажа с редкой россыпью домов. На этом отрезке улицы и находился дом Джуди Ньюболт. Несмотря на свои два этажа, дом выглядел до странного низким и маленьким. По сторонам решетчатой входной двери было по окну и еще три маленьких — на втором этаже. С восточной стороны крыша резко шла под уклон, отнимая у дома один этаж. Деревянная облицовка сияла снежной белизной, а на крыше выделялись новые листы шифера. За домом чувствовался уход, а вот двор пребывал в запустении: повсюду буйно росла трава, и древесная поросль все настойчивее вторгалась в пределы участка.

Я остановил машину на некотором расстоянии от дома, зашел со стороны лесного массива и остановился у его кромки. Солнце миновало зенит и клонилось к закату, окрашивая красным цветом крышу и стены. Дверь черного хода оказалась запертой, оставляя единственную возможность проникнуть внутрь через дверь с фасада.

Я двинулся вперед, ощущая невиданное ранее напряжение, обострившее до предела все чувства, а натянутые нервы, казалось, звенят, как струны. Звуки, запахи и цвета настораживали и раздражали своей яркостью и резкостью. Было ощущение, что я способен воспринимать все оттенки звуков, доносившиеся до меня от деревьев вокруг. Отзываясь слишком поспешно на сигналы мозга, пистолет рывками двигался в моей руке. Я ощущал спусковой крючок подушечкой пальца и каждым изгибом сжимавшей оружие ладони. Кровь стучала в висках с такой силой, как будто великан колотил по дубовой двери своей могучей рукой. Сухие листья и сучья трещали под ногами, как в огне огромного костра.

Окна внизу, наверху, а также внутреннюю дверь закрывали плотные шторы. Сквозь просвет в дверной занавеси просвечивала черная ткань, исключая возможность заглянуть внутрь через трещины. Прячась за стеной дома, я толкнул дверь ногой, и ржавые петли отозвались резким скрипом. В верхней части дверного проема я заметил паучью сеть. Она колыхалась от дуновения ветерка, и в ней дрожали высохшие и побуревшие остовы насекомых, ставших жертвами паука.

Я повернул ручку основной двери — она легко открылась. Я распахнул ее во всю ширь, и передо мной предстало слабо освещенная внутренность дома. Мне был виден край дивана, половина окна, выходящего на противоположную сторону, а справа начинался коридор. Мой глубокий вздох отозвался в голове судорожным дыханием раненого животного. Я быстро переместился вправо, решетчатая дверь за моей спиной закрылась.

Теперь я мог видеть все центральное помещение целиком. Дом снаружи производил обманчивое впечатление. Не знаю, кто занимался проектированием интерьера, сама ли Джуди Ньюболт или кто другой, но в результате перекрытия между этажами были полностью сняты, и пространство комнаты простиралось до самой крыши, где два

полуослепших от грязи окна загораживали спускавшиеся вниз черные занавески, и только хилые лучики света достигали голого пола. Основными источниками света служили две тускло горевшие напольные лампы у противоположных стен.

По обе стороны от длинного, обращенного к двери дивана с обивкой в красно-золотистых молниях стояло по креслу такой же расцветки, а между ними — низенький столик. Пространство под одним из окон занимал шкафчик с телевизором. За диваном виднелся обеденный стол с шестью стульями, а еще дальше — камин. Стены украшали образцы индийского искусства и две картины с мистическими мотивами. На них были изображены женщины в развевающихся белых одеждах, стоящие на горной вершине или на морском берегу. Слабый свет не позволял точнее рассмотреть детали.

С восточной стороны помещения находилась галерея, куда вела лестница в один пролет, слева от меня. Галерея выполняла роль спальни: там стояла кровать из сосны и шкаф из того же материала.

Нагая Рейчел, подвешенная за лодыжки, висела на веревке, привязанной к перилам галереи. Волосы не доставали до пола двух футов, а оставленные свободными руки свисали еще ниже. Глаза и рот Рейчел были широко раскрыты, но ничто не указывало на то, что она видела меня. Маленький кусочек бактерицидного лейкопластыря на ее левой руке удерживал иглу, соединенную пластиковой трубкой с капельницей, висевшей на металлической раме, откуда кетамин медленно поступал в организм Рейчел. На полу под ней лежал большой кусок целлофановой пленки.

Пространство под галереей служило кухней. В полутьме виднелись сосновые шкафчики, высокий холодильник и рядом с мойкой — микроволновая печь. У стола в углу стояли три табурета. На стене напротив галереи висел гобелен с тем же рисунком, что и обивка дивана и кресел. На всем лежал тонкий налет пыли.

Я осмотрел коридор у себя за спиной. Он вел во вторую спальню, пустую, если не считать ничем не застеленного матраца и спального мешка цвета хаки на нем. Рядом с постелью в раскрытом вещевом мешке того же цвета я увидел джинсы, кремовые брюки и несколько мужских рубашек. Эта комната под покатой крышей занимала по ширине половину дома, из чего следовало, что за стеной находилось помещение равной величины.

Не упуская из виду Рейчел, я двинулся обратно в основную комнату. Пока Вулрич не показывался, но он мог стоять, скрытый темнотой, в дальнем конце коридора. Рейчел не могла мне помочь, подсказать, где Вулрич. Я медленно продвигался вдоль стены с гобеленом, направляясь к дальней стене дома. На полпути я заметил движение позади Рейчел и тут же вскинул пистолет, готовый выстрелить в любой момент.

— Опустит пистолет, Берд, или она умрет немедленно, — он ждал в темноте, скрытый ее телом. Теперь он приблизился, но все же тело Рейчел почти полностью загораживало его от меня. Мне были видны края его коричневых брюк, рукав белой рубашки и частично голова. Попробуй я стрелять — неминуемо попал бы в Рейчел.

— Берд, мой пистолет у ее поясицы. Мне не хотелось бы портить пулей такое прекрасное тело, так что лучше опусти ствол.

Я наклонился и без стука положил оружие на пол.

— А теперь, отшвырни его ногой.

Я толкнул пистолет и проследил за тем, как он заскользил, вертясь по полу, и остановился у ближайшего кресла.

После этого Вулрич вышел из тени. Но передо мной стоял не тот человек, которого я

знал. Казалось, с разоблачением его истинной природы произошла метаморфоза: черты его лица еще больше заострились, и глаза от темных теней под ними казались пустыми глазницами черепа. Но сами глаза сверкали из глубины, как две черные жемчужины. Привыкнув к полутьме, я смог разглядеть, что радужная оболочка почти полностью исчезла из его глаз, а темные, предельно расширенные зрачки, казалось, с жадностью высасывали из комнаты и без того скудный свет.

— Но почему им оказался ты? — скорее себе, чем ему, сказал я. — Ты же был моим другом.

Он усмехнулся: мрачная улыбка холодной тенью прошла по его лицу.

— Как же ты нашел ее, Берд? — с тихим недоумением спросил он. — Как ты отыскал Лизу? Я отдал тебе Лютис Фонтено, но Лизу-то как тебе удалось найти?

— А может, она нашла меня, — ответил я.

— Но это теперь не имеет значения, — тихо проговорил он. — У меня нет времени с этим разбираться. Меня ждет новая песня.

Теперь он весь вышел на свет. В одной руке у него был пистолет, похожий на модифицированную модель пневматического пистолета, но с широким стволом, а в другой — скальпель. Из-за ремня выглядывал «ЗИГ». Я отметил про себя, что на отворотах брюк так и осталась засохшая грязь.

— Почему ты убил ее?

Вулрич повертел скальпель в руке.

— Убил, потому что захотел и смог.

В комнате стало темнее, так как облако закрыло солнце и сочившийся сквозь слуховые окна свет почти угас. Я едва заметно двигался, перемещая вес и косясь на пистолет у ножки стула. Видимо, думая о Рейчел и кетамине, я поторопился, потому что Вулрич заметил мой маневр.

— Не делай этого, Берд, — он плавным движением поднял свой пистолет. — Тебе недолго осталось ждать. Не торопи события.

Комната снова осветилась, но очень незначительно: солнце стремительно садилось, и тьма уже была не за горами.

— Конец должен был быть именно таким, Берд: ты и я в комнате, как эта. Я с самого начала запланировал все это. Ты должен был умереть таким образом. Возможно, здесь или позднее в каком-либо другом месте, — он снова усмехнулся. — Меня собирались повесить в должности. Снова пришлось бы переезжать. Но в конечном итоге все пришло бы к такому концу.

Он придвинулся на шаг, не опуская пистолет.

— Ты маленький, ничтожный человек, Берд. Ты представить себе не можешь, скольких ничтожных людишек я убил. Шваль со стоянок трейлеров в заштатных городишках отсюда до самого Детройта, смазливых сучек, которым бы только смотреть на Опру^[8] да трахаться, как собакам. А еще были наркоманы, пьяницы. Берд, разве не испытывал ты ненависти и отвращение к таким людям, ничего не стоящим, ни на что не годным, от которых никогда не дождаться никакой пользы? А тебе не приходило в голову, что и ты можешь относиться к их числу? Я показал им, Берд, их ничтожество. Дал увидеть, как мало они значат. Я показал и твоим жене и дочери, как ничтожно мала их значимость.

— А, что Байрон? — спросил я. — Он тоже относился к ничтожным людям, или ты его сделал таким? — я старался его разговорить и немного отвлечь, чтобы попытаться

дотянуться до пистолета: как только он умолкнет, он убьет нас с Рейчел. Но, кроме того, мне хотелось знать ответ, как будто всему этому можно было найти объяснение.

— А-а, Байрон, — скривил губы в усмешке Вулрич. — Мне требовалось выиграть время. После того как я вскрыл труп женщины в больнице, все готовы были думать о нем самое худшее, и он сбежал, сбежал в Батон-Руж. На нем я испытывал кетамин. А потом стал давать его ему постоянно. Однажды он попробовал сбежать, но я его разыскал... В конце концов я отыскал их всех.

— Ты предупредил его о приходе федералов, верно? Ты пожертвовал своими людьми, чтобы устроить погоню и добиться того, чтобы он погиб и не смог выдать тебя. А Аделейд Модин предупредил тоже ты, когда разнюхал, кто она такая? Ты сказал ей, что я иду по ее следу? Ты заставил ее бежать?

Вместо ответа Вулрич провел обратной стороной скальпеля по руке Рейчел.

— Ты никогда не задумывался, как много крови способна удерживать кожа. А она такая тонкая, — он перевернул скальпель и провел острием по телу Рейчел поперек лопаток от правого плеча до пространства между грудями. Она не пошевелилась. Глаза остались широко раскрытыми, но в них что-то блеснуло: из уголка левого глаза выкатилась слезинка и затерялась в массе волос. Полилась кровь. Стекая по шее, она скапливалась на подбородке и затем красными полосками расчерчивала лицо.

— Послушай, Берд, — сказал он. — Думаю, кровь уходит ей в голову... А потом я заманил тебя. Получается замкнутый круг, и тебе следует оценить это, Берд. После твоей смерти все узнают обо мне. Затем я исчезну, и меня никто не сможет найти, Берд. Я знаю все ходы и выходы, а потом я все начну сначала.

Он криво усмехнулся:

— Что-то не заметно в тебе признательности, Берд. В конечном итоге я принес тебе дар, убив твою семью. Если бы они остались живы, они бы бросили тебя, и ты бы спился. В определенном смысле я сохранил единство семьи. Я выбрал их ради тебя. Ты помог мне в Нью-Йорке, отнесся ко мне по-дружески, ты хвастался ими передо мной, и я их забрал.

— Марсий, — выдохнул я.

— Она умная дама, Берд, — Вулрич бросил взгляд на Рейчел. — Как раз по твоему вкусу, как и Сьюзен. Но скоро она станет еще одной твоей погибшей возлюбленной, только на этот раз тебе не придется долго горевать.

Он водил лезвием скальпеля по руке Рейчел, оставляя тонкие порезы. Думаю, он делал это не вполне осознанно. Его отвлекало предвкушение дальнейших действий.

— Я не верю в другой мир, в другую жизнь, Берд. Все это пустой обман. Это ад, Берд, и мы все в этом аду. Вся боль, все обиды, все горе и страдания, какие только можно вообразить, существуют здесь. Это культура смерти, единственная религия, достойная почитания. Мир — мой алтарь, Берд. Но думаю, что тебе это не дано понять. В конечном счете, человек осознает по-настоящему реальность смерти и смертной муки в момент смерти собственной. В этом недостаток моей работы, но это прибавляет ей человеческого. Считай это моим своеобразием, — он повернул скальпель, и на лезвии кровь Рейчел смешалась с кровавым светом умирающего дня. — Она была во всем права, Берд. Теперь твой черед учиться. Скоро ты получишь урок, и сам станешь уроком смерти.

Я собираюсь снова воссоздать сюжет Пиеты. Но на этот раз я использую тебя и твою подругу. Представь себе только: самый известный образ горя и смерти в мировой истории, потенциальный символ самопожертвования во имя великого блага человечества, символ

надежды и воскресения, — и ты станешь частью всего этого. С той лишь разницей, что мы воссоздадим антивоскрешение: обличим плотью тьму.

Он двинулся вперед, глаза его горели жутким огнем:

— Ты не восстанешь из мертвых, Берд. И грехи, за которые ты умираешь, это грехи твои собственные.

Выстрел прозвучал, когда я двигался вправо к пистолету. Я почувствовал резкую жгущую боль в левом боку, когда в него вонзился шприц в алюминиевой капсуле, и тут же гулко застучали по деревянному полу приближающиеся шаги Вулрича. Я ухватился левой рукой за капсулу и с трудом выдернул из тела иглу. Доза оказалась чудовищной, и ее действие не замедлило сказаться. Я почувствовал это по тому, какого усилия стоило мне взять пистолет, но я стиснул рукоятку и попытался взять на прицел Вулрича. Он выключил свет.

Вулрич находился в этот момент в центре комнаты и не мог прикрываться Рейчел. Он переместился вправо: я заметил темную фигуру на фоне окна и выстрелил дважды. Последовал стон и вслед за ним звон разбитого стекла. В комнату проникла тонкая ниточка света.

Пятясь, я оказался во втором коридоре. Я пытался разглядеть Вулрича, но он словно растворился во тьме. Второй шприц воткнулся в стену рядом со мной, и мне пришлось отклониться влево. Руки и ноги налились свинцом и отказывались слушаться. Тяжесть наваливалась на грудь, и я чувствовал, что не смогу удержаться на ногах, если попытаюсь встать.

Я продолжал пятиться, хотя каждое движение давалось с невероятным трудом, но я с предельной ясностью сознавал, что не смогу двинуться, если остановлюсь. Со стороны основной комнаты послышался скрип половиц и тяжелое дыхание Вулрича.

Он коротко хохотнул, но я различил в его смехе боль.

— Черт бы тебя побрал, Берд, — прошипел он. — Проклятье, как болит, — он снова рассмеялся. — Ничего, ты заплатишься за это, Берд. Ты и твоя женщина. Я вырву из вас ваши треклятые душонки.

Голос его доходил до меня, как сквозь вату или плотный туман, и это мешало определить направление и расстояние. Стены коридора треснули и распались, а из щелей потекла черная кровь. Тонкая женская рука с золотым ободком на безымянном пальце протянулась ко мне. Я видел, что тоже поднимаю руку навстречу, хотя чувствовал, что руки мои лежат на полу. Появилась вторая женская рука и легко замахала в воздухе.

— *Берд...*

Я отшатнулся, затряс головой, силясь прогнать наваждение. Затем две маленькие ручки появились из темноты, тонкие, детские. Я крепко зажмурился, закрыл глаза и скрипнул зубами.

— *Папа...*

— Нет, силло выдавил я и с силой вонзил ногти в пол и давил, пока не услышал треск сломанного ногтя, и боль в указательном пальце. Боль была мне очень нужна. Нужна, чтобы перебороть действие кетамина. Я нажал сильнее на поврежденный палец, и от боли перехватило дыхание.

Вдоль стен продолжали бродить тени, но фигуры жены и дочери пропали.

В этот момент я начал сознавать, что коридор заливают красноватый свет. Моя спина натолкнулась на какую-то холодную и массивную преграду, которая медленно подалась,

когда я надавил на нее. Холодная плита оказалась полуоткрытой дверью, обитой железом. Слева располагались три засова. Центральный, самый мощный, имел в диаметре не меньше дюйма, и на нем висел ему под стать здоровенный раскрытый замок. Сквозь приоткрытую дверь в коридор и просачивался тусклый красноватый свет.

— Берд, все уже почти кончено, — голос Вулрича звучал теперь совсем близко, но я по-прежнему не видел его. Мне представилось, что он дожидается за углом. Пока оцепенение окончательно не остановит меня. — Скоро препарат возьмет верх. Брось пистолет, Берд, и мы сможем приступить к делу. Чем раньше начнем, тем скорее закончим.

Я сильнее прижался к двери, и она раскрылась во всю ширь. Я отчаянно отталкивался от пола пятками: раз, второй, третий и остановился у стеллажей, что занимали стены от пола до потолка. Комнату освещала красная лампочка без абажура, свисавшая с середины потолка. Окна были заложены кирпичом, и кирпичная кладка осталась неоштукатуренной. Солнечный свет не имел доступа в этот каземат, чтобы осветить то, что здесь находилось.

Напротив меня, слева от двери, находился ряд металлических полок, державшихся на перфорированных рейках. На каждой полке размещались стеклянные колбы, а в них покоились, освещенные красным светом, остатки человеческих лиц.

Я поднял голову. Ряды колб тянулись до самого потолка, и каждая содержала обесцвеченные останки людей. Рядом у самой моей головы к передней стороне колбы прислонилось чье-то лицо, и, казалось, пустые глазницы стремятся заглянуть в вечность.

Я знал, что где-то среди этой массы хранится лицо Сьюзен.

— Как тебе моя коллекция, Берд? — Вулрич темной массой надвигался из глубины коридора. В одной его руке я разглядел пистолет, а в другой он держал скальпель, поглаживая поперек чистого лезвия большим пальцем, словно проверяя заточку.

— Стараешься угадать, где твоя жена? Она на средней полке, третья колба справа. Черт, Берд, ты сидишь почти рядом с ней.

Я не пошевелился и не мигнул. Мое тело неуклюже приткнулось к полкам, и его окружали лики мертвых. Мне подумалось, что скоро и мое лицо присоединится к ним, и мы навсегда останемся рядом: мое лицо, лица Рейчел и Сьюзен.

А Вулрич все шел и шел, и вот он уже стоял в дверях, поднимая пневматический пистолет.

— Берд, так долго не удавалось продержаться никому. Даже Ти Джину, а он был малый крепкий, — глаза его светились красным огнем. — Хочу тебя предупредить: в конце будет больно.

Палец его напрягся, и я услышал, как с сухим щелчком из ствола вылетел шприц. Острая боль пронзила грудь в тот момент, как я поднимал пистолет.

Моя рука выгнулась, и тени затуманили взгляд. Я давил на спусковой крючок, усилием воли заставляя палец двигаться. Вулрич понял опасность и двинулся вперед с поднятым скальпелем, готовясь полоснуть им меня по руке.

Спусковой крючок полз назад медленно, бесконечно медленно, и все движение вокруг замедлилось вместе с ним. Вулрич словно повис в воздухе, и лезвие в его руке описывало дугу, как будто двигалось сквозь воду. Он раскрыл рот, и оттуда вырвался звук, напоминающий завывание ветра в туннеле. Курок отодвинулся еще чуть-чуть, и палец застыл в тот момент, когда грянул выстрел, оглушительно громкий в замкнутом пространстве комнаты. Вулрича отделял от меня один шаг. Первая пуля попала ему в грудь, и он словно споткнулся. Мой палец заклинило на спусковом крючке, и все восемь последующих

автоматических выстрелов слились, казалось, воедино. Пули одна за другой, пронизывая одежду, рвали его плоть, пока не опустела обойма. Разлетались стекла колб, разбитых прошедшими навывлет пулями; пол покрыл разлившийся формальдегид. Вулрич упал навзничь, и тело его судорожно дергалось. Он смог еще приподняться, оторвать от пола голову и плечи, но свет уже мерк в его глазах. Потом он откинулся назад и больше не пошевелился.

Под тяжестью пистолета моя рука бессильно упала. Я слышал, как капает жидкость, ощущал себя в окружении мертвых. Издалека донеслись звуки полицейских сирен: чтобы ни случилось со мной дальше, Рейчел, по крайней мере, будет в безопасности. Я почувствовал на щеке легкое прикосновение, как будто невесомая нить осенней паутинки или последняя ласка любимой перед сном. И мне стало вдруг по-особенному спокойно. Последним усилием воли я закрыл глаза и приготовился ждать, когда придет полный покой и неподвижность.

У перекрестка на Скарборо я сворачиваю налево и еду вниз по крутому холму мимо большого католического храма со старым кладбищем, пожарное депо остается справа. Вечереет, и солнце бледными лучами освещает болотистую местность к востоку и западу от дороги. Скоро совсем стемнеет, и в домах местных жителей вспыхнут огни, но останутся темными летние домики вдоль дороги на залив Проутс Нэк.

Море заходит в залив плавными волнами, не спеша омывая камни и песок. Летний сезон закончился, и гостиница «Блэк Пойнт» темной громадой высится за моей спиной. Пустеет ресторан — в нем царит тишина, как и в баре; заперты сетчатые двери общежития для персонала. Летом сюда снова съедется немолодая состоятельная публика из Портленда и Нью-Йорка. Они будут завтракать у бассейна и ужинать, облаченные в вечерние туалеты. Вокруг стола золотистыми зайчиками заплещет свет люстр, играющий в их массивных драгоценностях.

На другом берегу залива мне видны огни Олд-Очард-Бич. С моря задувает холодный ветер, бросая и кружа последних чаек. Я плотнее запахиваю пальто и стою, наблюдая, как вертятся у моих ног песчаные вихри, тихо и монотонно шурша, словно это мать поет ребенку колыбельную. Увлекаемые ветром, вихри поднимаются над дюнами, как призраки из прошлого, а потом снова отправляются на покой.

Я стою недалеко от того места, откуда много лет назад Кларенс Джонс смотрел, как подручный Папаши Хелмса вываливает на меня мешок муравьев. То был суровый урок, и тем тяжелее получать его дважды. Помню выражение лица Кларенса, когда, весь дрожа, он стоял передо мной, сознавая, что совершил и что потерял.

Мне хочется положить руку на плечо забытому другу и сказать, что я все понимаю и не держу на него зла. Мне хочется услышать, как стучат по мостовой пластиковые подошвы его дешевых сандалий. Хочу видеть, как скачет по воде брошенный им камешек и знать, что мы по-прежнему друзья. Я хочу возвращаться рядом с ним долгой дорогой домой, слушая, как он упорно высвистывает три такта мелодии, засевшей у него в голове, от которой он всю дорогу не может избавиться.

Но ничего этого не будет. А я сяду снова в свою машину и вернусь в Портленд с последними лучами уходящего дня. У меня комната в гостинице на Сент-Джон с двумя эркерами, чистыми простынями и отдельной душевой через две двери по коридору. Вернувшись, я буду лежать на постели, а под моими окнами будут снова машины, подъезжать и отъезжать автобусы дальнего следования, и бездомные с тележками, груженными бутылками и банками, двинутся к складу на Конгресс-стрит.

И уже в сгущающихся сумерках я наберу номер телефона Рейчел в Манхэттене. Прозвучит один гудок, другой и включится автоответчик: «Здравствуйте, в настоящее время никто не может подойти к телефону, но...» Я слышу одно и то же с того самого времени, как она вышла из больницы. Ее секретарь говорит, что не может сказать мне, где Рейчел. Она больше не читает лекций в университете. И я из своего номера буду разговаривать с автоответчиком.

При желании я мог бы ее разыскать. Других я находил, но они к тому моменту были уже мертвы. Мне не хочется преследовать ее.

Все должно было закончиться не так. Она должна была остаться со мной, с кожей

гладкой и белой, а не изуродованной шрамами от ножа Странника. И глаза ее должны светиться ярко и призывно, а не смотреть настороженно и затравленно из-за мучительных ночных кошмаров. Она должна была бы протягивать руки мне навстречу, а не отдергивать их испуганно, словно даже прикосновение ко мне могло причинить ей боль. Со временем мы примиримся с прошлым, со всем, что произошло, но пока нам надо идти этим путем поодиночке.

Утром Эдгар включит радио, на столе в холле появятся апельсиновый сок, кофе и завернутые в целлофан горячие булочки. Потом я отправлюсь в дом бабушки и примусь за работу. Один местный житель обещал помочь мне починить крышу и привести в порядок стены, чтобы в доме можно было зимовать.

И я буду сидеть у себя на веранде и слушать песню ветра, старательно и с фантазией прессующего в новые формы ветви вечнозеленых деревьев. И мне будет слышаться, как лает собака, царапая когтями стертые доски и лениво помахивая хвостом; и как мерно постукивает по перилам бабушкина трубка, когда он выколачивает ее, перед тем как набить заново. Я знаю, рядом с ним стоит стаканчик виски, теплого и мягкого, как ласковый поцелуй. И мне будет слышаться, как шуршит о стол мамино платье, когда она расставляет к ужину тарелки, голубые с белым, которым больше лет, чем ей: они ровесники этого дома.

А еще мне, может быть, послышится стук пластиковых подошв, постепенно затихающий вдаль, исчезая во тьме. И мир объемлет покой, который в конце концов обретают все мертвые, все, что мертво.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

REM — американская рок-группа, основана в 1980 г.

Кейт Руперт Мердок (род. 1931) — крупнейший медиамагнат, американец австралийского происхождения. Владелец ряда крупнейших корпораций средств массовой информации, в том числе транснациональной «Ньюс корпорейшн». — Прим. ред.

Эндорфины — так называемые гормоны удовольствия, нейропептиды, образующиеся главным образом в головном мозге и оказывающие успокаивающее, умиротворяющее действие. Многие физиологи связывают их выработку с физической активностью и занятиями спортом. — Прим. ред.

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) с 1924 года и до самой смерти возглавлял ФБР. Создал Национальную академию ФБР, готовившую шпионов и детективов, а также обширный дактилоскопический банк. Годы собирал компромат на влиятельных лиц США и не гнушался шантажом в личных целях. — Прим. ред.

Дословно — Птица (от англ. Bird) — прозвище знаменитого американского альт-саксофониста Чарли Паркера (1920–1955), создателя стиля бибоп и полного тезки главного героя. — Прим.

Пусть иным, но я воскресну.

Уолтер Рэли (ок. 1552–1618) — английский политический и военный деятель, поэт и историк, он прожил яркую, богатую событиями жизнь, был одним из фаворитов Елизаветы I. Заключенный в Тауэр, написал свою «Историю мира...». После провала организованной им экспедиции в Гвиану Рэли был казнен Яковом I Стюартом на основании так и не отмененного приговора 1603 года. — Прим. ред.

Опра Уинфри — ведущая ежедневного ток-шоу, необыкновенно популярного в США. —
Прим. перев.